

"Кофе в постель (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Аннотация

Что бы ни случилось с ней и ее друзьями, Наташа верит в чудеса, в людей, и просто в то, что жизнь дана для счастья. Святослав не верит ни во что из этого. Более того, раз за разом, всю свою жизнь он сталкивался только с худшим, что может преподнести судьба. Сумеет ли Наташа пробиться сквозь цинизм, который стал его кредо? Или же признает поражение, потеряв вместе с сердцем веру и в чудо, и в любовь...

Пролог

3 марта, дом Святослава

Автоматические ворота гаража медленно опускались, нарушая тишину просторного помещения негромким урчащим звуком.

Здесь всегда было очень тихо. Только соседские собаки иногда лаяли, когда им казалось, что кто-то посягает на собственность хозяев.

У него не было животных. Наверное, стоило бы завести, но Святослав не был уверен, что он справится с собакой, слишком уж прыткими созданиями те были. Да и, хорошо было бы питомцу с таким хозяином? Такой уверенности у него не имелось.

Потому, единственным препятствием для воров в его доме являлся высокий забор. И самая современная электронная система сигнализации, разумеется. После срабатывания сигнала которой, вооруженный наряд охраны прибывал на место в течение пяти с половиной минут. Святослав был не настолько глупым, чтобы верить в доброту и чистоту помыслов людей.

Дождавшись, когда дверь плотно встанет на место и гараж погрузится во тьму, он распахнул дверцу машины и медленно, одну за другой, опустил ноги на бетонный пол, позволяя восстановиться кровообращению в затекших мышцах. Сразу же вспыхнул свет, подведенный к датчикам на движение.

Слава не обратил на это внимания. Он не испытывал бы дискомфорта и в темноте. Каждый сантиметр этого гаража, как и дома в целом, был досконально известен ему. Он спокойно мог бы обойти все свое жилище с закрытыми глазами и ни разу не наткнуться ни на что.

Немного наклонившись, он потер мышцы голени, пытаясь унять раздражающее покалывание, указывающее на то, что его старания не пропали даром.

Слишком много времени Слава провел сегодня за рулем, и это сразу же сказалось на ногах. Хорошо еще, что теперь все его машины были с автоматической коробкой, механика добила бы его при таком ритме поездок.

«Надо хоть полчаса позаниматься на тренажерах, чтобы снять напряжение мышц», машинально отметил Святослав и тут же забыл об этом.

Все действия он выполнял машинально. Привычка руководила каждым движением, от момента въезда в гараж своего дома, до той секунды, как он одним резким, мощным рывком поднял свое тело с сиденья автомобиля, перенес весь вес на руки, крепко ухватившись за железный каркас двери.

Он взял портфель с бумагами. Неосознанным жестом оперевшись на черный блестящий бок стоящего на соседнем парковочном месте внедорожника, медленно пошел к двери, ведущей в

дом. С каждым шагом Святослав старался максимально распрямить спину, чтобы уменьшить ноющую боль, появившуюся еще часа два назад, во время последней встречи.

Наверное, стоило послушать Андрея и выпить аналгетик. Но тогда, когда друг совал ему под нос те дурацкие таблетки, больно действительно не было. А пить лекарство просто так, Слава не хотел. Да и разозлился он на друга. Причем настолько, что не сдержался, вспылил.

И даже не извинился потом, так, пробурчал что-то невнятно. Такое поведение было ему несвойственно.

Но, черт побери! Андрей доводил его своими постоянными рассказами и вопросами о том, как стоит очаровать Наташу. В такие моменты у Славы внутри разгоралось нечто настолько злое и темное, на что он никогда не считал себя способным. Тем более, по отношению к лучшему другу.

Ревность, смешанная с завистью — отравляющий коктейль, убийственный.

Святослав захлопнул дверь гаража и бросил кожаный дипломат на столик в коридоре. Потом он займется документами. Разберет их, еще раз перечитает каждый, перепроверит — все равно, большую часть ночи ему заняться нечем.

Повесив кашемировое пальто на вешалку, стоящую рядом с дверью, Святослав включил освещение на первом этаже и, с облегчением скинув туфли, ступил на теплую плитку пола.

Это позволило немного расслабить мышцы стоп, унимая тянущую боль после тяжелого дня.

Слава прошел на кухню, даже не взглянув в стороны широкой лестницы на второй этаж. И настолько устав, он понимал, что не сможет сейчас уснуть. Сполоснув руки в умывальнике, Святослав плеснул холодной воды в лицо, чтобы немного взбодриться.

Не вытираясь, достал с подставки бокал и налил на дно немного виски. Повернулся к огромному окну, глядя на газон за домом, который сейчас, в падающем с кухни свете, выглядел удручающим месивом талого снега и грязи. И над этой мешаниной массивно возвышался один единственный мощный клен. Осенью Слава проклинал этого старожилу участка. Куча желтых осыпающихся листьев с этого гиганта достигала невероятных размеров, заставляя Святослава прилагать чертовски много усилий, чтобы от них избавиться. Но во все остальные времена года — вид этого старого, раскидистого дерева — радовал. Даже сейчас, когда на ветках еще кое-где оставалась наледь из-за периодических заморозков.

Слава перевел глаза на остальное, совершенно пустое пространство участка. Скоро, едва потеплеет, там пробьется сочная зеленая трава, по которой ему нравилось ходить босиком. Но и с этим зеленым ковром — будет чего-то не хватать.

Краем глаза он заметил металлический блеск хромированной кофеварки, стоящей наискось от него на столешнице, и скривился, оставив не пригубленное виски в сторону.

Качели. Они, в самом деле, пришлись бы там к месту.

Только, на кой черт они ему?

Не удержавшись, Святослав повернулся и в упор посмотрел на аппарат для приготовления кофе, который настолько раздражал его своим присутствием на этой кухне, что появлялось непреодолимое желание от него избавиться. И в то же время, он знал, что ни за что в жизни не

сделает этого. Подойдя ближе, Слава задумчиво прошелся пальцами по холодной и сверкающей металлической поверхности. Ни одного пятнышка или царапинки. За все время, что эта кофеварка тут стояла, ею и пользовались-то всего пару раз.

Не он.

Когда-то Святослав купил ее в наборе линии бытовой техники, но так и не нашел времени разобраться с непростой схемой приготовления кофе этим суперсовременным аппаратом. Так и стояла она на столешнице, деталью интерьера, пока однажды, Святослава не разбудил аромат кофе, стоящего в двух чашках на тумбочке у его постели...

Сжав пальцы, он так резко отдернул руку от серебристого металла, словно бы тот обжег его.

Только жалило не холодное прикосновение гладкой поверхности, а собственная, чересчур хорошая память.

Забыв о виски, Святослав отвернулся и пошел вон из кухни. Остановился у подножия лестницы и с тяжелым вздохом посмотрел вверх. Пусть спать не хотелось, но переодеться-то надо. Сцепив зубы, Слава крепко ухватился за поручень и заставил свои ноги преодолевать ступеньку за ступенькой.

Он любил свой дом, серьезно. Хоть и купил его из чувства сопротивления, в попытке доказать, что вопреки всем насмешкам — сможет жить в частном доме. И пусть все родные и друзья пытались отговорить Святослава, убеждая, что тому не под силу следить за таким домом, и проще жить в квартире, он послал всех подальше. Правда, лестницу пришлось заменить. Винтовая, которая изначально соединяла этажи — была для него просто каторгой. Потому он немного изменил проектировку и установил именно эту, широкую, надежную лестницу с невысокими ступенями и крепкими деревянными перилами, обшитыми мореным дубом.

Преодолев, наконец, два пролета, Слава свернул во вторую дверь справа и, не включая свет, прошел по спальне к шкафу. Сняв опостылевший пиджак, он резко дернул узел галстука, ослабляя его. И с удовольствием одел футболку и простые спортивные брюки, вместо дорогого костюма известного портного.

Не имея иного занятия, и не желая думать, Святослав решил все-таки спуститься в тренажерный зал. Выставив на велотренажере максимальную нагрузку, он с маниакальным упорством заставлял себя крутить педали. Тишина дома нарушилась мерным гулом вращающегося маховика механизма, и тонким попискиванием, с которым дисплей отсчитывал «пройденные» километры и удары его пульса. Мышцы стоп простреливало спастической болью, но он игнорировал это. Через несколько минут станет легче, и уйдут последствия целого дня, проведенного за рулем. Неплохо было бы сходить в бассейн, да только он знал, что не сделает ничего подобного. Вот уже две недели, как он стал пропускать регулярные тренировки по плаванию. И, более того, подумывал о том, чтобы установить себе бассейн в подвале.

Наверное, он совсем помешанный, если из-за простого нежелания пересечься с Наташей, готов был пойти на такие материальные затраты. Но Святослав таким и становился в последние дни — сумасшедшим маньяком.

Делал все возможное, чтобы исключить всякую вероятность встречи с ней, а потом, искал любую лазейку, малейшую возможность, едва ли не сам подталкивал Андрея в Кофейню, лишь бы увидеть ее хоть через тонированное стекло.

Сам заводил разговор об успехах друга с хозяйкой Кофейни, и тихо ненавидел того, видя, как просто и легко он заходит в ее двери, как смеется вместе с ней, о чем-то болтая. В такие мгновения ему приходилось заставлять себя разжимать пальцы на руле, иначе безопасный пластик мог вполне бы согнуться или сломаться от силы его захвата.

Но самым невыносимыми, и в то же время, до боли, до судороги в легких, желанными, были те мгновения, когда он смотрел на нее через стекло, понимая, что и она ищет его взглядом.

Ну а полным доказательством его помешательства было то, что едва Святослав брал в руки стакан с кофе, который готовила для него Наташа — ему становилось легче. Даже боль в ногах, казалось, отступала.

«Вот она — великая сила самоубеждения», посмеивался Слава над собой, — «или же, Ната действительно была ведьмой, как ее в шутку называл родной брат».

Только, разве облегчала бы она ему боль в таком случае после всего, что Слава сделал? Скорее прокляла б.

Картинки их последней встречи десять дней назад ярко встали перед глазами, и Святослав сжал челюсти, заставив себя крутить педали еще сильнее.

Определенно, он просто становился ненормальным.

Даже Андрей уже подозрительно на него поглядывал. Впрочем, не было никаких сомнений, что друг и приблизительно не догадывается о происходящем.

Иначе, не делился бы так охотно сведеньями.

Остановившись, Слава уперся локтями в ручки тренажера и положил голову на кулаки. Кожа была мокрой, а дыхание тяжелым после подобной нагрузки. Но он даже не замечал этого.

Андрей сказал, что Ната носит браслет. Его браслет. При одной мысли об этом, что-то сжималось внутри. Он и не надеялся, что она его наденет. Не после того...

А, чтоб его!

Спрыгнув с велосипеда, не обращая внимания на боль, он резко сдернул с перекладины турника полотенце и вытер лицо и шею от пота.

Она носит его браслет.

Слава все равно не мог поверить, даже после рассказа Андрея. Больше всего ему хотелось самому увидеть это. Крепко взять ее руку в свою ладонь и долго смотреть, так ли переливается белое золото и платина на ее коже, как он представлял это себе бессонными ночами, споря и ругаясь со швейцарским ювелиром по Scure. Такой ли он теплый на ее руке, как Слава воображал, лежа в темноте в пустой постели. И звенят ли те колокольчики при каждом ее движении так, как он требовал этого при заказе...

Однако Слава знал, что не сделает ничего подобного.

Святослав сам установил границы и рамки, и не собирался отступать от принятого решения. Тем более что то — являлось единственно верным.

Но, черт возьми! Как же это оказалось сложно.

Отбросив полотенце, он с удивлением осознал, что уже минут пятнадцать просто стоит посреди тренажерного зала, глядя в никуда.

Глупое, пустое занятие. Уж лучше бы занялся документами.

Выйдя в коридор, он погасил свет в комнате и пошел за портфелем, который бросил у двери. Но, уже взяв его в руки, Святослав поддался внезапному и ничем не обоснованному порыву. Отбросив дипломат, он схватил с вешалки спортивную куртку и, не задумываясь над тем, что делает, взял ключи от внедорожника с тумбочки.

Тяжело переступив порог, ощущая, как подламываются переутомленные ноги, он со всей возможной скоростью, дошел до водительского места, не позволяя разум убедить себя в абсурдности подобного поступка. И, заведя мощный двигатель, нажал на кнопку открытия дверей гаража, которые лишь час назад опустились за ним.

На дисплее часов, вмонтированных в приборную доску, было без двадцати пяти минут двенадцать.

Когда он завернул во двор, едва-едва наступила полночь. Святослав посмотрел на ее окна — там было темно. Вполне вероятно, что Ната еще не вернулась из Кофейни, наблюдая за закрытием. Иногда, она оставалась для этого там.

Но он тут же отбросил эту мысль, увидев машину Наташи, припаркованную неподалеку от ее подъезда.

Она была дома. Спала, наверное, уже.

Пальцы сжались в кулаки при одной единственной идее, мелькнувшей по краю сознания, что есть и другое объяснение темноты в ее комнатах. Не подразумевающее отдыха.

Его опять захлестнуло уже знакомой, тягучей и острой ревностью.

Но он заставил себя отрешиться от этой эмоции.

Ничего странного, окажись она не одна. Ната заслуживала того, чтобы ее любили.

Она была удивительной женщиной.

Действительно необыкновенной. При мысли о ней, Святославу всегда приходила на ум строчка из одной песни — для нее и седьмое небо оказалось бы слишком низким.

Не потому, что Ната требовала большего. Нет. Потому что она заслуживала этого. Всего самого лучшего.

Заглушив мотор, он откинул спинку сиденья так, чтобы видеть ее окно, и вытянул ноги, давая мышцам отдых.

3 марта, квартира Наташи

Перевернувшись, Наташа сонно подняла веки, недоуменно уставившись в окно, подсвеченное уличным фонарем. Оперлась на подушку, вслушиваясь в перезвон маленьких колокольчиков, потеряла лицо, пытаясь понять, что ее разбудило.

Может машина какая-то подъехала, или кто-то крикнул что-то на улице?

Но, вроде бы, ничего такого не было.

Часы показывали начало первого ночи, и во дворе не было слышно ничего, кроме тихого шума ветра в мокрых ветках голых деревьев.

Странно, что-то же вырвало ее из сна?

Растрепав пальцами короткие волосы, которые и без этой манипуляции торчали в разные стороны, она опустила ноги на плетеный коврик ручной работы и осмотрела комнату. Все было, как и всегда.

Она встала, одернув хлопковый топик и, не замечая, начала теревить завязку пояса пижамных штанов. Колокольчики на браслете снова звякнули.

Может быть, это их звон разбудил ее? Но Наташа, казалось, уже настолько привыкла к нему, снимая браслет только в ванной, что такое объяснение не уняло непонятной тревоги, щекочущим узлом свернувшейся в животе.

Мимовольно, пальцы правой руки скользнули по коже левого запястья, ощупывая внутреннюю поверхность украшения. Эта процедура уже стала ее навязчивой привычкой. А повтор подушечкой пальца изящной вязи рисунка нескольких слов, выгравированных на обороте золота — обязательным ритуалом.

Глупо, конечно.

Наташа подошла к окну, невидящим взглядом обводя тихий и пустой двор, и прислонилась щекой к холодному стеклу.

Внезапно ее глаза остановились на большом внедорожнике, которого Ната никогда не видела здесь раньше.

Он стоял почти напротив ее окна, и не было никаких признаков, что в машине кто-то находился.

«Наверное, к кому-то из соседей приехали гости», — убеждала Наташа себя, ощущая, как сжимается что-то в животе и заканчивается кислород в легких.

Маленькие колокольчики, изящно вырезанные из платины, снова звякнули, словно посмеиваясь над ее попытками мыслить здраво.

— Это не может быть Слава, просто не может, — хрипло прошептала она в тишину комнаты, не заметив, что разговаривает сама с собой.

И зная, что говорит правду, все равно, могла бы с кем угодно поспорить, что в этом внедорожнике сидел именно он

Глава 1

10 января, суббота, квартира Наташи

В полпятого утра Наташа сдалась.

Отбросив одеяло, она села в постели, смирившись с тем, что больше уснуть не удастся и, зевнув, пошла на кухню, варить себе кофе.

Пока ее кофеварка шипела и урчала, заваривая свежесмолотые зерна, Ната пыталась понять, что же именно мешало ей нормально отдохнуть этой ночью.

Все те, несчастные три часа, что она проспала, ей снились зерна кофе, кофейная гуща и... клиент ее брата, с которым она вчера познакомилась. Нельзя сказать, что после такого «отдыха» Ната чувствовала себя бодрой.

Взяв с подставки чашку горячего напитка с ароматной пенкой, она опять зевнула, устало потерла глаза и села на подушку дивана кухонного уголка, подобрав под себя одну ногу. Тонкие пальцы Наты задумчиво вертели чашку, но перед глазами стояло не переплетение пузырьков коричнево-белой пенки, а узор из гущи, который она увидела на доньшке своего сосуда вчера вечером на кухне у Лены.

Наверное, не стоило обращать внимания на то, что ей предвещались испытания и проблемы. В конце концов, Наташа даже вопрос не загадывала, так, хотела развеселить и взбодрить подругу. Да и вообще, думала в тот момент о Святославе, если честно. Потому, сложно было толковать увиденное верно.

Однако на память тут же приходил утренний визит Деньки и его волнение.

Он сказал, что в последнее время видит нехорошие сны. После ее сегодняшней ночи, Ната так же могла бы сказать, нечто подобное. Не то, чтобы из них можно было сделать какой-то вывод, однако и отмахиваться не стоило.

Глядя в пространство перед собой, Наташа взяла чашку и медленно сделала первый глоток. Она любила этот момент: первый глоток кофе — самый вкусный.

Ветки деревьев во дворе тихо поскрипывали странным, непривычным звуком. Это привлекло ее внимание.

Отставив чашку, Ната подошла к окну и посмотрела на термометр — минус двадцать два. Да уж, ничего удивительного, что деревья обледенели. Вчера было лишь минус три, а днем и того больше.

Покачав головой, она зябко повела плечами, радуясь теплу в квартире.

Может это из-за погоды ей не спалось и всякая..., как там Деня говорил — «муть»? Да, всякая муть снилась.

Возможно.

Впрочем, Наташа слукавила бы, сказав, что некоторая часть ее снов была мутью. Те куски сна, когда она видела в дреме Святослава — несколько скрашивали общее впечатление от ночи.

Тихо рассмеявшись над самой собой, она покачала головой и вернулась на прежнее место, снова отпив кофе.

Видно, слишком на долго открестилась Ната от личной жизни, раз такая кратковременная и, в принципе, случайная встреча — оставила настолько глубокий след в сознании. Но что тут скрывать, он и правда, ей понравился.

Запустив пальцы в волосы, она помассировала кожу головы, пытаясь немного взбодриться. Господи, такое ощущение, что она устала больше, чем вечером! Надо было что-то с этим делать. Иначе вся суббота сведется к неравной борьбе с наваливающимся сном и неясными тревожащими ощущениями, которые уже ей надоели.

Наташа заставила себя встать и пройтись взад-вперед по кухне. Покачала головой, разминая мышцы, и вдруг, остановилась, понимая, что начинает улыбаться.

Кажется, она придумала, чем сегодня займется!

Конечно, в такой мороз лучше бы из дома не высовываться. Но мать всегда учила ее: если сознание что-то тревожит, а обнаружить проблему не выходит — надо развеяться и заняться чем-то совершенно непредвиденным и понимание придет само собой.

Отпив еще глоток кофе, она пошла в ванную и, включив воду, стала ждать, пока струя из крана хоть немного потеплеет, придирчиво изучая при этом себя в зеркале. Голову мыть не имело никакого смысла. Во-первых — волосы были не грязными, и даже укладка, каким-то чудом, сохранилась во время ее ночных метаний по кровати. Ну а во-вторых, все равно в бассейне, куда Наташа решила поехать, чтобы и поплавать, и поразмышлять — от прически ничего не останется.

Наташа никогда еще не посещала бассейн так рано. Обычно они с Надей или Леной, а то и с обеими вместе, приезжали туда часам к трем-четырем пополудни. Но Ната точно знала, что тот работает даже в шесть утра в субботу.

Дело в том, что они посещали лучший бассейн в городе, который работал при заводе и был открыт администрацией для своих рабочих. Потому тот работал круглосуточно в любой день, чтобы люди могли позаниматься при желании, до или после своей рабочей смены. Разумеется, для рабочих данного предприятия плата была символической. Сама же Наташа платила очень большие деньги, чтобы иметь возможность плавать там, где тренировались некоторые представители олимпийской сборной их страны.

Но оно того стоило. Данный бассейн не только являлся одним из лучших в регионе, но к тому же, единственный в городе, обрабатывался не хлоркой, а серебром, что делало плавание более приятным.

Умывшись, она быстро собралась, решив не завтракать перед тренировкой и, одевшись, вышла на мороз.

Дороги оказались почти пустыми. Видно, мало кому в такое раннее субботнее утро не сиделось дома. Так что до бассейна, который располагался достаточно далеко, Наташа добралась лишь за пятнадцать минут. Правда, перед этим, минут десять прогревала машину, неразумно брошенную вечером под подъездом. И стучала зубами от холода при этом. Зато, хоть отвлеклась от своей странной тревоги.

Охранник на входе молча проверил ее пропуск, и с задумчивым выражением на лице нажал кнопку, открывающую двери. Видно, ему было невдомек, кому может захотеться в такую рань проводить время в бассейне.

А вот пожилой гардеробщик, иногда выполняющий функцию и уборщика, оказался более разговорчивым. Наверное, совсем заскучал за ночь без общения.

— Что-то вы рано сегодня, — с улыбкой отметил он, принимая у Наташи теплую куртку. — Да

еще и по такой погоде.

Ната улыбнулась

— Да так, поплавать захотелось. Заняться было нечем, — она пожала плечами. — Но я, похоже, далеко не первая, — она кивнула на достаточное количество верхней одежды, уже висящей на вешалках.

— Это верно, — дедушка облокотился локтями о поверхность стойки. — Люди перед сменой приходят, все равно, хоть и холодно, да и так, еще пару человек приехало. Есть у нас постоянные «ранние пташки». Но вы-то всегда к обеду приходили? — он неотрывно смотрел на нее, видимо решив, что нашел человека, с кем сможет наболтаться.

Наташа искренне сочувствовала этому старичку, но ей очень хотелось поплавать. Причем настолько, что подобное рвение даже пугало. Денька бы в таком случае сказал, что: «неспроста это». И посоветовал бы младшей сестре поддаться желанию. Потому что в их семье было принято доверять своей интуиции или чему-то, что они сами понимали под этим словом, и идти у устремлений на поводу.

Что она и сделала. Неопределенно махнув рукой, Наташа кивнула гардеробщику, и заторопилась к ступеням, ведущим к раздевалкам, ощущая, что, определенно, поступает верно.

Почему-то, на ум пришло прозвище, которым за глаза окрестили ее девчонки с легкой подачи Денки. Но Наташа не была ведьмой, совершенно точно.

Не являлась таковой и ее мать. А вот прабабка ее матери, жившая еще в девятнадцатом веке, по семейным легендам, носила такое звание по полному праву, являясь самой настоящей деревенской ведьмой.

Причем люди настолько в это верили, что когда сменилась власть и государство, пострадала ее дочь, прабабка Наташи, сосланная за некоммунистические взгляды и якобы подзуживание на заговоры — в концентрационный лагерь, где провела пятнадцать лет.

Эта часть истории их семьи до сих пор, оставалась тайной под семью печатями для всех посторонних. И как бы Денис с Наташей, посмеиваясь, не пытались убедить мать, что никому данный факт уже не важен, и живут они совсем в другом времени и политическом строе, упоминалось это только ночью, на кухне и шепотом.

Наташа не судила мать. Даже она сама, несмотря на то, что была в семье младшей, помнила прабабушку, умершую, едва ей исполнилось десять лет. И помнила все те немногие истории, которая та ей рассказывала. В тех воспоминаниях, в самом деле, было чего бояться.

Бабушка Наты гордо именовалась библиотекарем. Даже имела награды и благодарности за добросовестный труд во благо просвещения отечества. Но, на самом деле, никогда не жила этим. Порою, Нате вообще казалось, что бабушка не помнит, где именно работает. Уж больно редко она появлялась на рабочем месте. Но их семья никогда не бедствовала, и не в должности деда было дело. Тот только покрывал «не социалистическую» деятельность своей ненаглядной и любимой жены.

Сколько Наташа себя помнила, в их пятикомнатной, небывалых по меркам того времени размеров, квартире(чему поспособствовала одна из бабушкиных постоянных клиенток), почти не иссякал поток посетителей. Причем, приезжали даже из столицы страны Советов.

Вера Никитична принимала всех. Поила кофе, и долго разговаривала в своем кабинете. Потом, некоторых она провожала до дверей в полной уверенности, что люди ошиблись, приехав к ней. Другим же, наоборот, давала советы.

Она не гадала, не раскладывала карты и не водила руками по фотографиям. Просто очень хорошо разбиралась в людях, их желаниях, и мотивах поступков. А еще, всегда прислушивалась к тому, что ей говорил внутренний голос или интуиция.

Тем же занималась и ее мать.

Подсознание — странная штука, и порою, может выкинуть фокус похлеще циркового факира.

Наташа не знала, можно ли это было назвать мистикой. Она так не считала. Тысячи людей гадают на картах или толкуют свои сновидения. Что такого, что процент верных толкований подобных вещей членами ее семьи — был несоизмеримо выше рядового человека? Просто их всех с детства учили обращать внимания на детали и мелочи в поведении окружающих и своих собственных поступках. Скорее, Наташа бы посчитала и свою бабушку, и прабабку, и даже мать — хорошими психологами, умеющими помочь людям с их проблемами. Просто менталитет наших людей позволял им принимать психологическую помощь от гадалок и «бабок» с большей охотой, нежели от заграничных психотерапевтов.

Потому она и не отмахнулась от волнения брата. И именно потому, не посчитала бессонную ночь неудачным стечением обстоятельств. Нечто внутри нее беспокоилось. Наташа просто еще не уловила сути.

Надев простой спортивный сдельный купальник и, в очередной раз, порадовавшись тому, что вода здесь обрабатывалась не хлоркой, а потому можно было обойтись без раздражающей шапочки, Наташа накинула халат и пошла по коридору к самому бассейну. Помещение отапливалось, но все равно, ощущалось, что на улице похолодало. Какая-то зябкость заставляла ее поеживаться и водить плечами.

В зале Ната действительно оказалось не первой. Хотя, помещение было настолько просторным, что те несчастные человек десять-пятнадцать, которые, подобно ей самой, решили с утра поплавать, терялись в пространстве.

Осмотревшись, Наташа заметила группку из четырех женщин лет сорока, которые выполняли разминочные упражнения, несколько молодых парней, очевидно недавно устроившихся на первое рабочее место на заводе, да пару человек, которые уже плавали. Даже не задумываясь, она сразу же подошла ближе к женщинам. С некоторых пор Ната чувствовала себя не очень комфортно в чисто мужской компании. Разумеется, кроме компании Дениса.

Проходя мимо бассейна, она замедлила шаги, невольно заинтересовавшись одним из тех, кто плавал.

Мужчина плыл по одной из размеченных дорожек, ни на что не обращая внимания. Его движения были уверенными, размашистыми, сильными. Сразу становилось ясно, что он действительно пришел заниматься, а не производить впечатление, подобно некоторым парням, которые шумно смеялись в другом конце бассейна. На секунду Наташе подумалось, что это кто-то из спортивной команды их города, но почему-то, она отбросила эту мысль.

Что-то заставило ее присмотреться к этому пловцу внимательней, нечто в нем показалось ей смутно знакомым. В этот момент он оттолкнулся от противоположного бортика длинного бассейна и развернулся в ее сторону.

Наташа замерла, с удивлением узнав в пловце Святослава, с которым вчера познакомилась. Может и странно, но она не испытала и толики сомнений в том, что это именно он, несмотря на расстояние. Почему-то, ей показалось, что его черты лица и темные волосы очень сложно с кем-то спутать.

Он красиво плавал. И в мыслях Наташа не было насмешки при этой оценке. Наблюдать за каждым движением этого мужчины — было удовольствием.

Она улыбнулась, поймав себя на мысли, что именно этим и занимается — стоит и пялится на плавающего Славу. Опять, совсем как вчера. Не очень прилично, но зато интересно.

Она не ошиблась, оценивая его вчера.

Здесь, при такой форме одежды, когда Наташа имела возможность видеть и широкие плечи, и интенсивно сокращающиеся от нагрузки мышцы — становилось явно видно, что Слава очень силен. И к тому же, красив. Впрочем, и это она так же заметила еще при первой встрече.

Странно, Ната ходила в этот бассейн два года, но никогда его до сегодня не видела. Наверное, он был одной из тех «ранних пташек», о которых упоминал гардеробщик.

В этот момент, все еще находясь достаточно далеко, будто почувствовав ее взгляд, Святослав поднял голову и посмотрел прямо на нее. Улыбка Наташи стала шире. Ее абсолютно не смутило то, что она поймана за наблюдением.

Кивнув ему головой, она приветственно махнула рукой. Святослав скупно улыбнулся в ответ и тоже кивнул.

Отвернувшись, она сняла халат, бросив его на одну из скамей, и вернулась к бортику. Присев на край, Наташа погрузила ноги в воду по колено, решив немного привыкнуть к температуре, и задумчиво смотрела на блики от света в толще воды. Вообще-то, та была теплой. Но она еще не отогрелась после улицы.

Рядом раздался тихий плеск. Подняв голову, Наташа с улыбкой посмотрела на плывущего Славу. Около нее он остановился и со странным, непонятым выражением в глазах посмотрел на Наташу. Но улыбнулся в ответ.

— Привет, — она решила, что бассейн, не то место, где стоит соблюдать строгие правила приличия и продолжать обращаться на «вы». — Я не знала, что ты тоже сюда ходишь.

Улыбка Славы стала шире.

— Могу то же самое сказать о тебе, — похоже, он разделял ее мнение об обращении. И опять, как и в первый раз, при звуке его голоса, каждый волосок на ее коже встал дыбом.

Подплыв немного ближе, Слава остановился, держась за поплавки разделительной линии. Вообще, Ната не могла не отметить, что этот мужчина чувствовал себя в воде совершенно свободно и естественно.

— Ой, я хожу сюда уже два с половиной года, — она пожала плечами, пытаясь скрыть эффект, который и сегодня он произвел на нее, — правда, обычно в другое время. Чаще днем, когда удастся девчонок вытащить. Это сегодня не спалось, и я приехала рано.

— Понятно, — Святослав замолчал на секунду. А потом, словно нехотя, чуть вынужденно, в

ответ на ее информацию, произнес, — а я хожу сюда уже больше двадцати лет, еще до того, как они его перестроили. И последние лет семь, всегда утром. Работа, — он немного повел плечами, будто это слово все объясняло.

— Двадцать лет?! — повторила Ната немного ошарашено. — Ничего себе, вот это постоянство, — она покачала головой. Но не перестала улыбаться. Почему-то, рядом с ним, ей хотелось улыбаться все время. Или же настроение, просто, улучшилось.

Слава приподнял уголки губ, очевидно, в улыбке, при виде ее удивления.

— Мои родители работали на заводе, да и жили недалеко. Собственно, и сейчас живут в трех кварталах, так что, это было очень удобно. А сейчас вошло в привычку.

— Тогда понятно, — она вдруг вздрогнула и настороженно посмотрела в другой конец помещения, откуда раздался громкий смех парней.

Святослав проследил за ее взглядом и немного нахмурился.

— Что-то не так? — спросил он, повернувшись к ней.

— Да нет, — не очень уверено ответила Наташа, но заставила себя бодро улыбнуться. — Просто неожиданный резкий звук, — она неопределенно отмахнулась.

Он кивнул, но не перевел глаза, продолжая внимательно смотреть на Нату.

— Ты плавать будешь? — вдруг, с лукавой улыбкой, от которой у нее перехватило дыхание, весело спросил Святослав. — Или за другими смотреть пришла?

И не ожидая ответа, он протянул ей руку, предлагая опору.

Наташа с трудом заставила себя кивнуть. Преображение этого мужчины: от собранного и замкнутого, до веселого, даже немного задорного — оказалось для нее полной неожиданностью.

Ее поражали его скупые улыбки. Такое же превращение — просто сбивало с ног.

— Плавать, вроде бы, — не удержавшись, Наташа рассмеялась собственной реакции и, ухватившись за протянутые пальцы, скользнула в воду.

Вопреки ожиданию, Слава не отпустил ее руку, стоило Наташе нырнуть, даже подтянул ее немного ближе, пользуясь плотностью воды.

— Не хочешь поплавать со мной? — предложил он, отталкиваясь от буйка.

Наташа округлила глаза в притворном испуге.

— Мне за тобой не угнаться, вообще-то, — ни мало не лукавя, призналась она. — Я всегда считала, что плаваю хорошо, но ты..., — наслаждаясь тем, как вода поддерживала ее, Наташа повела плечами.

Святослав улыбнулся шире, и она могла бы поклясться, что в его зеленых глазах вспыхнул довольный огонек. Впрочем, это было настолько мимолетным ощущением, что она не стала бы утверждать.

— Ну, свою нагрузку я уже получил, — отмахнулся Святослав от ее опасений, — так что обещаю сдерживаться, — и он подмигнул.

Ух! Этому мужчине было сложно отказать, когда он вел себя так.

Наташа поймала себя на мысли, что уже кивнула, и плывет с ним.

Но удивило ее не только такое быстрое собственное согласие. А то, что она совершенно комфортно чувствовала себя рядом с ним. Хотя Святослав, совершенно определенно, был очень большим и явно сильным мужчиной. Отчего-то, Ната ощущала уверенность, что его не стоит бояться. А ведь она, в конце концов, очень неплохо разбиралась в людях. И потом, Денис, определенно, уважал его. Так что, отбросив все сомнения в сторону, она позволила себе заняться тем, зачем и приехала — и с удовольствием плавала, разговаривая со Славой о всяких мелочах.

Они болтали о погоде, которая так резко поменялась, о ее брате, и о интернет-магазине, с которого, как рассказал Слава, когда-то начался весь его бизнес. Обсудили ее кафе и безмерную любовь Наташи к кофе.

Но даже когда в разговоре возникала пауза и они просто тихо плыли рядом, Наташа не чувствовала неловкости. Наоборот, ей было странно спокойно и хорошо.

Бывают такие люди, с которыми с первой минуты знакомства чувствуешь себя так, словно уже общался пару лет. И, похоже, что Святослав оказался именно таким. Во всяком случае, так казалось Наташе, пока они не доплыли до бортика, решив, что пора уже и выходить из воды.

К этому моменту состав посетителей бассейна поменялся.

Подошли новые люди, очевидно, кто-то заглянул расслабиться сюда после смены. А кто-то, решил позаниматься в выходной. Людей стало больше, и тишина помещения все чаще нарушалась смехом и разговорами.

Наташа заметила, как напрягся и нахмурился Слава, когда она предложила выбирать. Но кивнул, соглашаясь, и поплыл вперед.

Ната чуть сдвинула брови, следуя за ним в воде. Было не понятно, в чем причина такой смены настроения у ее спутника.

Если честно, она уже позабыла о том, что видела вчера на парковке. Не потому, что обладала плохой памятью. Просто это не играло большой роли для нее. Тем более сейчас, когда Наташа больше узнала Славу. И тот факт, что он хромал, она воспринимала лишь где-то, краем сознания, как одну из его черт.

Вот Наташа, например, в детстве сильно картавила, и до сих пор могла глотать букву «р», если начинала нервничать. Но ни ее саму, ни ее друзей это совершенно не волновало. Так же она отнеслась и к его хромоте.

А потому спокойно и с улыбкой забралась на бортик бассейна рядом с ним, игнорируя лесенку. С той же улыбкой она поднялась на ноги вслед за Славой, опираясь на руку, которую он предложил.

И даже немного удивилась, заметив, насколько напряженно и пристально его зеленые глаза следят за ней, едва не впившись в лицо взглядом.

Наташа даже хотела уже спросить, что именно не так, но в этот момент, с веселыми криками, рядом пробежали двое мальчишек лет двенадцати, намереваясь с разбегу прыгнуть в бассейн. Один из детей поскользнулся на влажной плитке пола, и чтобы сохранить равновесие оперся рукой о первое, что подвернулось.

Этим «первым» — оказалась Наташа.

Толчок мальчугана в спину, заставил ее пошатнуться на краю бортика, и босые мокрые ноги без резиновых тапочек, которые она не успела еще обуть, поехали по кафелю.

Наверное, Наташа упала бы на пол, но Святослав, вовремя сориентировавшись, дернул ее на себя за руку, которую держал, и крепко прижал к себе, не позволив упасть. Однако, одна нога Наты, все же соскользнула и больно ударилась об острый край бассейна, выложенный голубой плиткой.

Она ойкнула и закусила губу, почувствовав, как на глазах выступили слезы. И, не заметив этого, уткнулась лицом Славе в грудь.

Левую лодыжку, казалось, обожгло огнем.

Все произошло в течение пары секунд.

— Черт! — пробормотала она сквозь зубы и опустила глаза, посмотрев на ногу.

Будет синяк. Сто процентов, будет.

— Наташ, ты как? — обеспокоенный голос Святослава заставил ее поднять глаза, и она тут же забыла о том, что не стоит так пристально смотреть на малознакомых людей. Если честно, Ната вообще, почти обо всем забыла, немного потерявшись в этом напряженном, зеленом взгляде.

— Простите, — паренек отвлек ее, заставив повернуться. Он уставился на них, и было видно, что мальчуган испугался не на шутку. Даже губы закусил от страха и напряженно сжал пальцы. — Я не хотел, правда, не хотел. Извините меня.

Святослав повернулся вместе с ней и теперь смотрел на парня.

— Да ничего, — вымучив улыбку, ответила Ната, покачав головой. — Бывает. Ты в следующий раз будь внимательней.

Паренек усиленно закивал, наверное, испытал облегчение, что на него не кричат.

— Я честно не хотел, — еще раз повторил он, продолжая нервно оправдываться.

Его друг стоял неподалеку, и с опасением следил за событиями.

— Надо быть внимательным, парень, — Святослав строго посмотрел на него. — Мужчина не должен допускать, чтобы его действия причиняли женщине вред.

Мальчик расстроено повесил голову и кивнул, опять бормоча извинения.

Наташа улыбнулась и покачала головой.

— Беги уж, вон друг, заждался, — она кивнула на паренька в стороне.

Ребенок вздохнул, и уже без былой прыти поплелся к наперснику.

И только сейчас, Наташа поняла, что все еще крепко прижимается к Славе. Причем, при активном участии обоих.

Ни она не делала попыток высвободиться. Ни он, казалось, не планировал отпускать ее. И подобная теснота общения при такой форме одежды, рождала достаточно интимную, а тем — и неловкую, ситуацию.

Как будто ощутив ее появившееся смущение, Слава немного отодвинулся. Движение вышло ломанным из-за того, что ему пришлось напрячь весь корпус и чуть отклониться в сторону, чтобы сделать шаг назад.

— Ты как? — повторил он свой вопрос.

Испытывая чувство потери без тепла его тела рядом, Наташа качнула головой.

— Нормально, вроде бы, — неуверенно проговорила она, и переступила с ноги на ногу.

И тут же опять вскрикнула, едва снова не прижавшись к нему, потому что левую лодыжку прострелила острая боль.

Слава поддержал ее, не дав покачнуться, а потом неожиданно присел, обхватив пальцами ногу Наты, и внимательно осмотрел поврежденное место.

Ее кожа покрылась мурашками от этого прикосновения, а дыхание застряло где-то в горле.

— Похоже на ушиб, — наконец, произнес Слава, поднимаясь. Она видела, какого усилия стоило ему это движение. И в душе восхитилась подобной силой воли и духа этого человека. — Пойдем, тебе стоит наложить холодный компресс. Думаю, при таком морозе мы сейчас что-то сообразим.

— Думаешь? — неуверенно переспросила она, в свою очередь, осмотрев поврежденную лодыжку.

Святослав коротко хмыкнул и криво улыбнулся.

— Поверь мне, я разбираюсь в этом, — безразлично проговорил он.

Но Ната была уверена, что услышала что-то горькое за внешним спокойствием.

Это заставило сжаться нечто у нее внутри.

Больше не задавая вопросов, она уперлась рукой в него, и сделала пару дерганных, хромающих шагов, чтобы добраться до своего халата и тапок.

И только обернувшись, уже накинув халат, увидела, что Слава странно улыбается.

— Что? — спросила она его, опять хватаясь за протянутые пальцы.

— Ничего, — покачал он головой. — Просто подумал, что со стороны мы, наверное, смотримся забавно.

— Почему? — недоуменно уставилась она на него.

Святослав резко остановился и со странным выражением, едва ли не недоверчиво, смотрел ей в глаза какое-то время. Его лицо снова стало напряженным, а черты лица обострились от того, как он сжал челюсти.

— Потому что я хромой, Наташа, — сухим и лишенным всяких эмоций голосом, наконец, произнес он.

Она моргнула. Раз, два. А потом улыбнулась.

— А, да. Ну теперь, и я хромая, — Наташа кивнула. — Наверное, со стороны мы действительно, довольно забавно сейчас идем.

Пожав плечами, она неловко наступила на поврежденную ногу и крепче ухватилась за его руку.

Святослав ничего не ответил. Только еще пару мгновений все с тем же странным выражением смотрел на нее.

А потом отвернулся и пошел дальше, к раздевалкам, помогая ей.

Глава 2

В такую ситуацию он еще не попадал за все тридцать два года жизни. И не мог бы сказать, что чувствует себя в своей тарелке.

Святослав впервые был вынужден стоять под женской раздевалкой, упрямо игнорируя хихиканье молодых девчонок, бросающих на него заигрывающие взгляды, и делая вид, что не замечает подозрительных взглядов женщин постарше.

Едва зайдя в мужскую раздевалку, он быстро переоделся, натянув свои джинсы и свитер, бросил влажное полотенце и плавки в сумку, сунул ноги ботинки — успев все за пять с половиной минут. Правда, волосы высушить не удалось, только вытер, ну и ладно. Просто Святослав опасался, что она может его опередить. А он знал, что ходьба без опоры причинит Наташе сильную боль, и чем дальше, тем более выраженной она станет. Нарастет отек, сдавливая ушибленные ткани и нервные окончания.

Однако первым, все-таки, пришел он.

И вот теперь, Слава стоял здесь, ожидая ее.

Мимо прошли еще две девушки лет двадцати, недвусмысленные посмотрев на него вполборота.

Святослав только хмыкнул себе под нос.

Он прекрасно знал, что стоит ему оттолкнуться от стены, на которую Слава сейчас с безразличным видом опирался, и пройти пару шагов — все поменяется. Кокетливые взгляды сменятся плохо скрытым снисхождением и жалостью, если не болезненным любопытством, в котором явно будет проглядываться облегчение, что их подобное не коснулось. А опаска старших посетительниц бассейна, в лучшем случае, перейдет в сочувствие.

Святослав уже привык к такой реакции.

Почти не замечал ее, если честно, заставив себя верить в то, что подобное отношение

окружающих — совершенно не существенно. У него были прекрасные родители и хорошие друзья, для которых совершенно не имело значения, как именно он передвигался. И Слава давно научился верить, что это — единственно важно.

Для всего остального — имелись деньги, которые скрашивали его недостатки в глазах женщин, если в том возникала необходимость. Прошло очень много времени с тех пор, как он усвоил — возможность повысить свой статус в глазах подруг, встречаясь с настолько богатым мужчиной, компенсирует для большинства женщин едва ли не все.

Однако Святослав лицемерил бы, заявив, что такое равнодушное отношение и цинизм — всегда помогали.

Иногда реакция незнакомых людей все равно, при всем его опыте, задевала.

Именно потому он вчера не захотел вставать при Наташе. И пусть Андрей не совсем понимал его поведения, Слава был благодарен другу, что тот пошел ему навстречу.

Друг не раз и не два говорил Святославу, что гордость добьет его. Возможно, именно так и произойдет. Но и принимать жалость — было ему не под силу.

Сложно объяснить нормальному человеку, что именно ощущаешь, когда интерес в глазах красивой женщины, понравившейся тебе, сменяется жалостью.

Здоровому — никогда не понять этого.

А Наташа понравилась Славе сразу же. С первого взгляда, когда он увидел, как она машет брату с другого конца зала. Даже понимая, что не стоит настолько пристально смотреть на нее, он не мог заставить себя отвернуться, с интересом наблюдая за сменой выражений на лице Наташи, когда она рассказывала какие-то новости Денису. Любовался озорным блеском глаз и задорной улыбкой.

И, черт возьми! Да, ему польстило то, что и она смотрела на него с не меньшим интересом.

Честно говоря, Слава не думал, что еще с ней встретится. Во всяком случае, он не стал бы ничего делать для этого. Потому, что прекрасно усвоил урок, полученный однажды.

А гордость-таки добьет его, в этом Андрей был прав.

Но увидев ее в бассейне, Святослав внезапно почувствовал странную бесшабашность. И даже радость.

Он не верил в судьбу или другую подобную чепуху. Раз уж они с Наташей ходили в один и тот же бассейн, вероятность их случайной встречи — была довольно большой. Так почему бы не провести хорошо время с приятным тебе человеком?

Не обычная его тактика поведения, Святослав готов был признать это. Но и ничего странного, в конце концов. Цинизм-цинизмом, но стать хорошими знакомыми, или друзьями, им точно ничего не могло помешать.

Сейчас Слава не был уверен, что поступил правильно.

Первое впечатление оказалось не просто верным — чем больше они разговаривали, тем больше Наташа ему нравилась. Она оказалась доброй, умной, веселой женщиной, к тому же, с очень

мягким чувством юмора.

Чем-то напоминала Дениса, что и не странно, в конце концов, они были родными людьми. Но, привлекала она его, гораздо..., гораздо больше, чем ее брат...

Слава криво усмехнулся сам себе и, не выдержав, все же пробормотал ругательство сквозь зубы.

Вчера она вызвала его интерес, скорее в эстетическом плане. Подобно тому, как приходя в галерею, он мог бы восхититься прекрасным полотном классика, прекрасно понимая, что ему никогда не повесить его в своем доме, в силу различных обстоятельств.

Сегодня же, держа ее в объятиях, плотно прижатую к своему телу, Святослав осознал, что и реально, физически — Наташа его сильно привлекает. И он не был уверен, что ему удалось скрыть от нее степень своей реакции. В плавках это оказалось довольно проблематично, если честно. Хорошо еще, что его полотенце оказалось рядом.

Чтоб его! Даже сейчас, при мысли о том, как ее тело прижалось к нему, дразня кожу касанием мягких округлостей фигуры Наташи через тонкую, влажную ткань купальника, а лицо уткнулось в грудь, опалая невольным касанием закушенных губ — пульс Славы ускорился, а джинсы стали ощутимо теснее.

Опять выругавшись про себя, Святослав посмотрел на часы.

Что-то Наташа не спешила.

Хотя, вероятно, ей просто, оказалось, неудобно справиться с мокрым купальником и собственной одеждой, не имея возможности опираться на обе ноги. Такое случалось. Не так уж легко приспособиться сразу.

Но в этом он ей помочь был не в силах. Сомнительно, что появление мужчины в женской раздевалке адекватно воспримется ее посетительницами, да и Наташа — неизвестно как отреагирует.

Воображаемая картина вероятного сценария событий при таком его поступке — вызвала у Славы широкую ухмылку, и даже искус попробовать. Он никогда не оказывался тем, кто вызывал переполох в такой обстановке. Даже в юности, не в пример здоровым одноклассникам.

Переступив с ноги на ногу, чтобы не дать затечь мышцам и распрямив поясницу, Святослав опять проверил дверь. Но Наташа не выходила.

«Черт! Может ей, в самом деле, нужна помощь?», он задумчиво изучал выход из женской раздевалки. Но потом, покачал головой сам себе, отмечая подобную идею. «Нет, такой поступок — не самый разумный».

Пусть он и считал ее брата своим другом, ставить Наташу в неудобное положение — было лишним. Слава просто дождется ее, все равно, спешить ему сегодня некуда, и поможет с ногой. Меньшего для Дениса, который уже давно был ему не просто наемным работником, но и другом, он сделать не мог.

Да и просто, грех было не помочь такому человеку, как Наташа.

Святослав не хотел думать о том, что случилось, но его мысли, против воли, возвращались к

сцене у бассейна.

Никто и никогда не реагировал так.

Если честно, Слава даже не знал, как именно Наташа отреагировала. Создавалось ощущение, что она вообще не заметила его явной ущербности.

Но это просто не могло быть, потому что..., потому, что не могло...

Не заметить хромоту Святослава — мог только слепой. Наташа казалась вполне зрячей.

И все же, когда он наблюдал за ее реакцией, выбравшись из бассейна — то не увидел ничего. Совершенно. Полный ноль.

Это немного сбило Славу с толку.

Черт! Он уже смирился с обязательной в таком случае жалостью и почти ждал этого. Но ее-то и не последовало.

За всю его жизнь никто не игнорировал факт его инвалидности настолько полно. Это даже интриговало. Ведь Святослав не просто хромал вследствие травмы. Нет. И уж где-где, а в бассейне, когда на нем не было обуви, всю степень его отличия от здорового человека можно было увидеть в полной мере.

С рождения Святослав страдал детским церебральным параличом. Тем странным и до сих пор, малоизученным заболеванием, которое и болезнью-то считается в течение пары десятков минут. Зато последствия этой «болезни», все имеющие ее — проносят через всю жизнь.

Родители рассказывали, что врачи так и не смогли установить, что привело к такому состоянию у него самого, да и не особо это уже интересовало Славу. Большую часть времени, он просто радовался, что болезнь задела только ноги. Слишком много примеров того, как может пострадать и интеллект Святослав видел в реабилитационной группе, куда мать водила его все детство.

Впрочем, иногда, после особо непростого дня в школе или институте — Слава жалел, что болезнь пощадила мозг.

Возможно, не понимать насмешек и издевок здоровых сверстников, не видеть того, как они передергивали его ломаную походку — было бы гораздо проще и легче.

Никому из них он не смог бы объяснить, что и такая возможность передвигаться — казалась Славе счастьем. А они не поняли бы его.

Он не посещал детский сад просто потому, что нормально не ходил почти до шести лет. Да и потом, еще очень долго, каждый шаг причинял сильную боль, которую Святослав учился не замечать, игнорировать.

Интенсивные тренировки и занятия помогли восстановить функцию пораженных мышц, но не полностью. Даже сейчас, спустя тридцать лет, часть мускул его ног оставалась частично парализованной. Оттого правая нога казалось немного короче левой, а правую стопу ему никогда не удавалось нормально поставить на пол, и Святослав был вынужден опираться на пальцы.

Специальная обувь и ортопедические вставки помогли уменьшить напряжение, немного распределяя нагрузку, и делали ходьбу более плавной. Но вот так, как здесь, босиком — весь его недуг оказывался достаточно явным.

Однако Наташа не обратила на это никакого внимания!

А уж ее последняя шутка полностью забирала у Славы всякое представление о привычном отношении людей. Мало того, что она посмеялась над собой, но совершенно не побоялась быть приравненной к нему, явному инвалиду.

Святослав с недоумением покачал головой.

Серьезно, он не знал, как воспринять такое отношение, просто потому, что еще никогда ни с чем подобным не сталкивался.

— Прости, задержала я тебя. Это оказалось достаточно сложно, — голос Наташи заставил его резко поднять голову, оторвав от мыслей. — Кто бы мог подумать, что моя одежда настолько неудобная? Утром не заметила ничего подобного.

Она шла к нему все с той же улыбкой, заметно прихрамывая на левую ногу. И только несколько капелек пота над верхней губой, показывали Славе — чего такое веселье Наташе стоило.

— Да ничего, я никуда не тороплюсь сегодня, — он отмахнулся и присмотрелся к ней внимательней.

Ее короткие темные волосы, сухие в отличие от его собственных, были забавно растрепаны. Наташа явно сушила их наспех. На ней, так же, были простые джинсы, светлая водолазка и теплая вязаная кофта, с необычной брошью в виде какого-то звончка. Слава не очень рассматривал, если честно.

А вот что привлекло его внимание — так это не застегнутое голенище ее сапога. Наверное, как он и предполагал, отек усилился.

— Сильно болит? — Святослав вопросительно кивнул головой на ее ногу.

Наташа криво улыбнулась и пожала плечами.

— Денька засмеет меня, если узнает, что я жаловалась, — попыталась отшутиться она.

Он снова удивился. Ничего привычного. Ни единой предсказуемой реакции.

Святослав не понаслышке знал, насколько это может быть мучительно.

Сильно много падал, пока сам научился ходить без посторонней помощи. Да и потом, случалось растягивать связки и ударяться там, где другие и не заметили бы препятствия. Он не был бы удивлен, если бы Наташа призналась, что больно.

Черт! Да большинство людей не постеснялись бы пожаловаться. И уж тем более женщины. Некоторые из тех, кого он знал, устраивали трагедию по поводу сломанного ногтя. Славе даже сложно было бы предположить, что они закатали бы при подобной травме.

А Наташа только сдержанно пожала плечами.

Оттолкнувшись от стены, он сделал шаг ей навстречу и протянул руку, предлагая опору.

— А мы ему не расскажем, — крепко обхватив ее кисть своей ладонью, Слава несильно потянул, незаметно вынуждая Наташу перенести часть своего веса на него.

Будь он нормальным, Слава бы не позволили ей идти, понес бы на руках, чтобы не травмировать ногу больше. Однако, не имея возможности поступить так, он мог хоть немного облегчить ей ходьбу. Его мышцам не привыкать, и не такую нагрузку выдерживали.

— Да он все равно узнает, — рассмеялась Наташа, но от помощи не отказалась. И Славе показалось, что она с облегчением и радостью прижалась к нему сильнее. «Пффф, а может его мозг-таки пострадал от болезни? Просто проявляться это стало только теперь?», Слава напряженно сжал зубы. — В нашей семье трудно что-то скрыть друг от друга. Да мы и не стараемся, у нас нет секретов.

Не заметив его реакции, Наташа продолжала говорить, крепко ухватившись за руку Славы, и опиралась на нее при каждом шаге.

— Со стороны, кажется, что вы друг друга очень любите, — заметил Святослав, чтобы поддержать разговор и отвлечь ее от ноги.

— Это правда, — улыбка Наташи стала шире, и она весело кивнула. — Хотя, порой, Денька меня чересчур опекает. Старший брат, — она пожала плечами. — Правда, иногда, его опека оказывается весьма кстати, — Слава удивленно посмотрел на нее.

Эту фразу Наташи сказала тихо, будто бы разговаривая с собой, и слегка нахмурилась при этом.

Заметив его изучающий взгляд, она покачала головой и попыталась опять улыбнуться. Но закусила губу, неловко наступив на поврежденную ногу.

Больше она ничего не добавила. А он не спрашивал, сосредоточившись на том, чтобы облегчить ей передвижение.

Наконец, они с трудом добрались до гардероба.

Несмотря на сопротивление Наташи, Святослав заставил ее сесть на стул, стоящий в ряду таких же около стены, и молча протянул руку, требуя номерок. Со вздохом, она отдала ему небольшой пластиковый овал с отверстием для крючка.

Он забрал их куртки, проигнорировав любопытный взгляд гардеробщика — Василия Ивановича, который знал его с десяти лет, когда отец впервые привел Славу в бассейн. Только побормотал невнятную благодарность, и быстро вернулся к Наташе.

— Ну что, — он помог ей подняться. — Еще метров сорок пройдешь? — спросил Слава, держа ее куртку, чтобы Наташе было удобней одеться.

— Деваться-то некуда, — она просунула руки в рукава и благодарно посмотрела на него. — Только идти больше, я машину далеко поставила, не думала, что так выйдет, — Наташа опять взялась за него.

— Не думаю, что в твоей машине есть термопакет для льда и обезболивающее, — Слава усмехнулся и чуть сильнее привлек ее к себе, забрав у Наташи сумку. Она попыталась

сопротивляться, но он насмешливо приподнял бровь, и она со вздохом сдалась, отпустив ручку рюкзака. — А моя машина стоит близко. Так что, немного осталось, потерпи еще чуть-чуть.

— Да я и не жалею, — с едва слышным вздохом пробормотала Наташа, покорно идя вслед за ним.

Слава обернулся и посмотрел ей прямо в глаза, впервые обратив внимание, насколько они выразительные. Она действительно не жаловалась, но в глубокой синеве ее глаз можно было увидеть, чего Наташе стоила ее бравада.

— Я заметил, — он не хотел, чтобы это прозвучало так.

Но в обход желаний Славы его голос зазвучал мягче и ниже, выдавая его восхищение.

На секунду глаза Наташи стали еще больше, и ему показалось, что она замерла, даже дышать перестала, впившись в него взглядом.

Выругавшись про себя, Святослав с силой сжал пальцы свободной руки так, что ощутил болезненное натяжение мышц, и заставил себя отвернуться, разрывая этот контакт глаз.

— Пойдем? — как можно безразличнее спросил он, уже не глядя на Наташу.

— Да, — кивнула она. И он не сдержался, обернулся, удивившись тому, что ее голос остался таким же приветливым и веселым. Казалось, она не заметила его поведения. А Наташа улыбнулась, увидев, что он снова смотрит на нее. — Пошли, — она первая тронулась с места, хоть и не отпустила руку Славы.

Его «ниссан», действительно стоял недалеко. Но им потребовалось немало времени, чтобы добраться до автомобиля. Сугробы и обледеневший снег давались Наташе непросто без практики, которая имелась у него. Слава старался помочь ей, но и с его помощью, у нее не очень получалось не опираться на травмированную ногу. Привычка сказывалась.

Наконец, она с облегчением опустилась на заднее сиденье его машины, пока Святослав придерживал дверь. И как бы Наташа не старалась скрыть свою реакцию, он заметил, что этот переход дался ей тяжело. Закрыв дверцу он, не садясь, завел автомобиль, чтобы печка начала работать и, открыв багажник, пошел доставать термопакет.

Набрав в него снега и льда, которого к счастью, имелось на стоянке в избытке, Святослав сел на водительское сиденье, сбросив куртку, которая только мешала в салоне, и откинул спинку соседнего пассажирского сиденья назад, создав импровизированный манипуляционный стол.

Наташа с интересом следила за его действиями.

— Согрелась? — с улыбкой спросил он, видя, что она все еще зябко обнимает себя руками.

— Немного, — она улыбнулась в ответ. — Это для чего? — Наташа вопросительно кивнула на откинутое сиденье.

Улыбка Славы стала шире, хоть он и пытался держаться отстраненно. С ней его тактика почему-то давала сбой.

— Для твоей ноги, — он подмигнул Наташе. — Давай, ложи ее сюда, — похлопав ладонью по обивке спинки, Святослав потянулся в бардачок за анальгетиком. — Будем сейчас накладывать

тебе компресс.

Нашупав коробку с таблетками, он вытянул ее и достал небольшую бутылку с минеральной водой, которая нераспечатанной завалялась у него, кажется, еще с Нового года, когда он ездил в столицу по делам. Вода имелась. Однако пребывала в твердом физическом состоянии, не избежав воздействия мороза.

Негромко чертыхнувшись, он упер ее в вентиляционное отверстие, из которого шло тепло от печки, и повернулся к Наташе.

И удивленно замер, ощутив, как уходит воздух из легких, уставившись на босую ногу, которую она положила на место, указанное им.

Почему-то, вид ее небольшой обнаженной, изящной ступни с маленькими пальчиками и аккуратными бледно-розовыми ногтями, показался ему невероятно трогательным. И, черт его побери, невероятно сексуальным зрелищем.

И только переведя глаза выше, на опухшую лодыжку с расплывающимся пятном синяка, Святослав вспомнил, что именно собирался делать.

Наташа по-своему расценила его долгое ошеломленное молчание.

— Я пыталась одеть колготы, — словно оправдываясь, объяснила она. — Но это оказалось так больно, что я послала их к черту. Правда, босой в сапогах не очень-то удобно. И гораздо холодней, — с грустным вздохом призналась Наташа.

Все еще не уверенный, что сможет в достаточной мере совладать с собственным голосом, Слава аккуратно и осторожно обхватил ее ногу ладонью под пяткой, приподняв, едва удержавшись от того, чтобы не погладить прохладную кожу пальцами. И откинул сиденье, под которым имелся небольшой ящик.

Ортопедические вставки в его обуви, несмотря на весь положительный эффект, имели и несколько неприятных особенностей. Например, носки протирались в самый неожиданный момент, нитки, очевидно, не были рассчитаны на неравномерную нагрузку. Потому Святослав всегда возил с собой как минимум две новых запасных пары. Достав одну, он молча протянул их Наташе, держа за картон упаковки.

Она странно смотрела на него. Даже не заметила, что он ей что-то протягивает. И какое-то странное выражение светилось в глубине синих глаз. Слава застыл, не понимая, чтобы оно означало.

И только спустя пару секунд, осознал, что до сих пор держит ее ступню в своей ладони, и кажется, вовсе не желает отпустить.

Пробормотав в уме проклятие, он мягко опустил ногу Наташи на обивку сиденья, чувствуя странную пустоту в свободных теперь пальцах, и махнул рукой с зажатой парой носков.

— Держи, — хрипло произнес он, и был вынужден прочистить горло. — На голую кожу компресс накладывать не стоит.

Промолчав, Наташа протянула руку, чтобы взять носки, и, как ему показалось, с удивлением начала их рассматривать.

— Они новые, — решил уточнить Слава на всякий случай.

— Я вижу, — Наташа улыбнулась и лукаво посмотрела на него, будто в попытке сделать обстановку в салоне легче и приятней. — Просто я никогда еще не надевала мужские носки. Это волнительный момент, между прочим, я должна собраться, — мягко подшутила она.

Слава понял, что непроизвольно начал улыбаться ей в ответ. По непонятной причине, ему внезапно стало так же просто и легко с ней, как тогда, в бассейне.

— Я, знаешь ли, тоже никому еще не давал носить свои носки, так что волнуясь не меньше твоего, — отшутился он в ответ. — А теперь, когда мы оба знаем, что другой нервничает в такой торжественный момент, надевай их быстро, а то Денис мне не простит, что я дал замерзнуть его сестре.

Наташа звонко рассмеялась, и послушно натянула оба носка, разорвав картонную упаковку. После этого он обернул ледяной термопакет вокруг ее лодыжки и потянулся за водой. Та немного отмерзла. Не то, чтобы в достаточном количестве, но запить одну таблетку — должно было хватить.

Он протянул Наташе бутылку и пилюлю анальгетика.

— Выпей, это снимет боль.

Послушно кивнув, Наташа зажала таблетку губами и попыталась открутить крышку. Но та не поддавалась. Она беспомощно посмотрела на Славу.

Усмехнувшись, он забрал бутылку назад и легко вскрыл крышку, вернув емкость Наташе.

Глотнув воду, она закашлялась.

— Господи, — вытирая выступившие слезы, Наташа одновременно и смеялась, и кашляла, — ее бы в июле пить, а не по такому морозу.

— Прости, — с извиняющейся улыбкой Слава развел руками. — Она у меня в машине с праздников валяется. Вот и замерзла.

— Да ничего, — все еще пытаюсь отдышаться, она откинулась на спинку сиденья и посмотрела на него. — И так, спасибо тебе за все. А ты где праздновал? — спросила Наташа, наверное, в попытке поддержать беседу.

Святослав был бы не против и просто помолчать, любуясь ею. Вот так, сбросив куртку, уже согрешаясь, с покрасневшими от тепла в салоне щеками, Наташа выглядела настолько красивой, что он терял нить разговора. Да и ее нога, все еще лежащая на сиденье около его бедра, хоть и затянута в явно великоватый носок, оказалась большим искушением для него. Хотелось опять обхватить ее пальцами, и не отпускать.

Несильно тряхнув головой, он заставил себя сосредоточиться на ее вопросе.

— Новый год? — переспросил Слава. — Да нигде, в общем-то, на трассе. По делам в столицу ездил, — он пожал плечами, — и как только добрался домой, уснул как убитый.

— Ой, — Наташа перестала улыбаться. — Так же не интересно.

— Ну, как вышло, — усмехнулся Слава и, отвернувшись, обвел почти пустую стоянку

рассеянным взглядом.

На какое-то время в салоне повисло молчание, нарушаемое только шумом работающей печки. И вдруг, он ощутил прикосновение ее пальцев к своему плечу. Не ожидая подобного, Святослав резко обернулся.

— Знаешь, — Наташа смотрела на него с задумчивым выражением, в котором, все же, проскакивали такие свойственные ей лукавые искорки. — На следующую субботу, у нас в Кофейне назначен Новый год. Мы всегда отмечаем его с друзьями. Приходи. Будет весело, — она вопросительно посмотрела на него, ожидая ответа.

Святослав растерялся. Он не ожидал приглашения и не был уверен в том, что знает, как ответить. Да и не мог бы сказать, что хочет приходить. Компании незнакомых людей, не были для него самым желанным времяпрепровождением.

И в то же время, искушение провести время, общаясь с ней — заставляло Славу раздумывать над согласием.

— Это, по какому же календарю? — стараясь потянуть время, с усмешкой ответил он ей старой фразой из фильма, который в их городе знал каждый ребенок. — Даже по мартеновскому, вроде как поздно.

Наташа рассмеялась.

— Нет, по кофейному, — ответила она, так и не отнимая своих пальцев от его плеча. Как будто бы, ей нравилось его касаться. Сжав зубы, Слава приказал себе смотреть на вещи реально.

— Не знаю, Наташ, я, возможно, буду занят, — наконец проговорил он, так и не сумев полностью отказаться.

— Хорошо, но если получится — приходи, — она опять откинулась на спинку своего места. — И я, и Денька — будем тебе рады. Да и Леша, думаю, с тобой с удовольствием пообщается не только о программе. Уверена, начнет тебя с Леной знакомить, и с сыном, — Наташа задумчиво хихикнула, посмотрев в окно, словно бы ее мысли были уже далеко.

Святослав вспомнил, что она что-то брату вчера об этом говорила.

— У них что-то не очень хорошо было? — скорее из вежливости спросил он, чтобы не молчать.

— Ой, это сложно описать вот так, с ходу, — Наташа покачала головой. — Приходи, я вас познакомлю. С нами будет весело, обещаю. Такого Нового года у тебя еще не было.

— Я подумаю, Наташ, — опять повторил он, чувствуя, что искушение согласиться, становится все больше. — Давай я тебя домой отвезу, самой тебе сложно будет, — попытался он сменить тему.

— У меня есть идея лучше, — Наташа взъерошила волосы. — Ты завтракал?

Он недоуменно покачал головой, поймав себя на том, что все еще не может перестать смотреть на нее.

— Поехали в Кофейню, я тебя кофе с нашими кексами угощу, лично приготовлю, — Наташа подмигнула. — Это меньшее, что я в благодарность могу для тебя сделать.

— Да за что, Наташ? — Слава отмахнулся, и попытался сделать вид, что внутри ничего дрогнуло от ее приглашения. — Любой бы помог.

— Не любой, уж поверь мне, — Наташа усмехнулась, но эта усмешка показалась ему не такой, как предыдущие, какой-то ироничной. — Пожалуйста, Слава, разреши мне по-своему сказать тебе спасибо, — она с шутливой мольбой посмотрела ему в глаза.

Он кивнул, даже не поняв этого.

С удивлением осознав, что почти не может сопротивляться просьбе и улыбке этой женщины, с которой только вчера познакомился. Не очень радужное открытие, если честно, в свете общей картины. Но от чашки кофе и завтрака с ней он бы в жизни не отказался, вдруг ясно понял Святослав.

В конце концов, они действительно могли стать друзьями.

Отвернувшись, он снял машину с режима парковки, и осторожно тронулся по обледеневшему снегу.

Глава 3

Наташа тихо сидела на заднем сиденье машины, глядя в окно. В городе только начиналось морозное зимнее утро, и небо радовало глаз переливами всевозможных цветов: от темно-багрового до нежно-розового. Посмотрев на часы, которые были встроены в передней панели машины Славы, Ната увидела, что еще нет и восьми.

Она покачала головой — без двадцати восемь утра, а у нее событий столько случилось, сколько за два последних месяца суммарно не происходило.

Такие мысли вызвали у нее улыбку. Конечно, Ната немного утрировала. Но в последние полгода, она, в самом деле, жила очень спокойно, и если честно, безмерно радовалась подобной тишине.

Несмотря на такую рань, она точно знала, что в ее кафе уже есть люди. Рабочий день ее поваров начинался в семь утра, когда они работали в первую смену, и в три, когда выпадала вторая смена.

Официанты, так же, приходили к семи. Дело в том, что несколько офисов рядом с Кофейней начинали работать в восемь, и Наташа однажды провела эксперимент — открылась не в восемь, а на полчаса раньше, когда сотрудники этих фирм шли на работу. Нововведение себя оправдало, и с тех пор, в рабочие дни они всегда открывались в половину восьмого.

Сегодня была суббота, а значит, для посетителей кафе откроется в восемь. Но Ната на сто процентов была уверена, что на кухне ее Кофейни уже вовсю кипит работа, а залы готовятся для открытия.

Автомобиль повернул на бульвар, и она перевела глаза со знакомого пейзажа на затылок Святослава. Он внимательно следил за дорогой, хоть машин было и немного. Но в этот момент, словно почувствовав ее взгляд, пострел на Наташу через зеркало заднего вида.

Они не разговаривали, просто улыбнулись друг другу.

И она опять подумала о том, до чего же странно, что ей настолько просто и легко с этим

мужчиной, которого Наташа знала меньше суток. Но она привыкла доверять своему внутреннему чутью, которое еще не подводило ее. Потому, Наташа положила голову на спинку сиденья так, чтобы украдкой смотреть на профиль Славы, и просто слушала музыку, негромко играющую в теплом салоне.

Через пять минут Святослав припарковал машину у бровки возле Кофейни.

— Приехали, — обернувшись, он посмотрел на нее. — Ты уверена, что хочешь сидеть здесь со мной, а не поехать домой и лечь, не тревожа ногу?

Наташа рассмеялась и покачала головой.

— Слав, я уверена, — она не отвела глаз от его изучающего взгляда. А еще, поняла, что ей нравится называть его по имени.

Он еще несколько секунд посмотрел на нее через зеркало заднего вида, а потом, чуть пожав плечами, заглушил мотор, и вышел из машины, распахнув ее дверцу.

Наташа с благодарностью оперлась на руку, которую Святослав ей подал, чтобы помочь выбраться. Не застегивая куртку, она сжала ее полы пальцами, кутаясь от мороза. И аккуратно выставив ноги на снег, поднялась, стараясь перенести весь вес на неповрежденную ногу. И все равно, у нее не получилось сохранить равновесие. Покачнувшись, Ната со смехом уткнулась носом в куртку Славы.

Ей показалось, что его грудь затряслась от сдерживаемого беззвучного смеха. Но когда Наташа подняла голову, чтобы проверить это, лицо Святослава было невозмутимым. Впрочем, она все равно видела, как подергиваются уголки его губ, а в глазах светится веселье.

«Похоже, этот мужчина не привык показывать людям, что именно он чувствует», с тихим вздохом сделала она вывод.

— Ты слишком сильно наклонилась вперед, — невозмутимо произнес Слава, помогая ей выпрямиться. — Нога поехала по снегу, и тело, по инерции, занесло.

— Ясно, — кивнула Наташа, поняв, что стоит, запрокинув голову.

Пожалуй, ее первое впечатление было ошибочным — Слава оказался больше Дениса. И по росту, и в плечах, он немного превосходил ее брата. Однако она, все равно, совершенно не испытывая рядом с ним дискомфорта.

— Пошли, — видя, что она ничего не добавляет, Слава повернулся ко входу в кафе, — а то ты совсем замерзнешь, — он говорил в сторону, но Наташа успела заметить, как он не сдержался, улыбнулся все-таки.

И ей это понравилось.

— Пошли, — согласилась она.

Добравшись до двери, она потянула ее, наслаждаясь привычным звоном колокольчика, и с улыбкой помахала Сергею, своему бариста, который поднял голову, наверное, недоумевая, кто зашел, пока кафе не открылось. Он ответил на ее приветствие.

Святослав молча зашел следом. Сняв куртку, она перебрала ее через руку и обернулась к

своему спутнику. И вдруг, замерла, немного растерянно глядя на него, озаренная внезапной мыслью.

Причем, наверное, ее растерянность была очевидна, потому что Слава вопросительно посмотрел на Наташу в ответ.

— Что? — спросил мужчина, когда так и не дождался никакого объяснения.

— Господи, Слава, — Наташа даже рассмеялась от понимания, которое так поздно к ней пришло. — Ну ладно я сглупила, потеряв сноровку, но ты-то мог быть и менее воспитанным.

Он все с тем же непониманием продолжал ждать объяснений. Причем, что-то изменилось в глазах Славы, отчего он опять стал казаться далеким и настороженным. Это не понравилось Наташе и она поспешила объяснить свой смех.

— Ясно же, что ты встал, как минимум часа три назад, и сразу в бассейн поехал. И без завтрака, как сам признался, а я тебе кексы предлагаю, — покачав головой, поражаясь своей несообразительности, она повернулась и пошла в сторону кухни. — Сейчас я узнаю, что в нашем меню сегодня на завтрак.

Теперь Святослав казался растерянным.

— Да, ничего... — немного неуверенно проговорил он, и в свою очередь, скинув куртку, пошел следом. — Я бы и от кексов не отказался.

— Ага, ладно, — она отмахнулась, — не надо пытаться. Я не поверю. У меня брат есть, я знаю, насколько голодны мужчины утром, тем более, после тренировки, — Наташа весело покачала головой, вспомнив, сколько раз Денька врывался к ней в кафе, требуя спасти его от «голодной смерти», когда самому готовить было лень. — Не могу же я оставить голодным человека, который мне пожертвовал свои носки, — она, с наигранным ужасом от такого вероятного своего поступка, посмотрела на Святослава через плечо.

Он рассмеялся.

И Наташа замерла, поняв, что впервые увидела, как он настолько искренне смеется. «Ему стоило чаще это делать», решила она, с трудом заставив себя сделать новый вздох.

— Завтрак, — тихо, чтобы он не услышал, пробормотала она, стараясь напомнить себе, что собиралась делать. — Надо узнать, что на завтрак, — и чувствуя себя немного странно, пошла все же, в сторону кухни.

Спустя полтора часа Святослав осознал — он действительно рад тому, что не отказался от приглашения Наташи.

Хотя бы потому, что еще никогда не завтракал в такой приятной компании.

Он настолько легко чувствовал себя с Натой, что даже честно ответил на ее вопрос о любимом виде кофе. Хотя обычно, скрывал это и от старых друзей, немного стесняясь того, что любит капучино с карамелью, а не эспрессо, как тот же Андрей, да и все остальные его приятели. Святослав, вообще, был страшным сладкоежкой, но тщательно прятал свою тайну даже от родных. А Наташе как-то проболтался.

Однако рассказав этот секрет, Слава вытребовал с нее клятву хранить его под страхом неминуемой и ужасной расплаты.

С явным усилием сдерживая смех, Наташа поклялась, что эта тайна уйдет с ней в могилу.

И действительно, лично сварила ему капучино, щедро сдобрив его карамелью, отклонив помощь бариста. Вышло очень вкусно, о чем он честно ей и сообщил.

А еще, ему нравилось, как Наташа произносила его имя. Глупо, наверное, но казалось, что нечто в ее голосе менялось при этом, заставляя Святослава каждый раз пристально смотреть на нее. И несколько раз, Слава ловил подобные взгляды ее синих глаз, когда Наташа, со странным выражением внимательно смотрела на него, тут же прячась за ресницами, если видела, что он заметил.

Потом, она все-таки накормила его завтраком из яичницы, тостов с сыром, и тех самых кексов, которые он едва не вытребовал, напомнив, что именно на них и был приглашен.

Пожалуй, еще одним плюсом в этом завтраке оказалось то, что повар Кофейни готовил на несколько порядков вкуснее, чем он сам. Так что, Святослав действительно был рад, что согласился.

Потом, когда они сидели уже за второй чашкой кофе, немного лениво болтая о всяких мелочах, обсуждая музыку и литературные вкусы, над их столиком нависла тень.

— Доброе утро, — Святослав поднял голову, чтобы тут же наткнуться на очень удивленный и даже, в чем-то ошеломленный взгляд Дениса, обращенный на них.

Странно, он не совсем понял, что именно так удивило брата Наташи. И сам не заметил, как напряженно сжал пальцы и непроизвольно выпрямил спину, словно готовясь доказывать, что имеет право находиться здесь.

Хотя, с чего бы это?

— Денька! — Наташа, опять покачнувшись, вскочила на ноги, и тут же чертыхнулась, наверное, наступив, все же, на поврежденную ногу. — Привет, — уже с меньшим энтузиазмом, пробормотала она, закусив губы. — Ты завтракать?

Святослав, который продолжал наблюдать за лицом друга, заметил, как удивление на лице того, резко сменилось настороженностью. Ему, даже, почудилось, нечто вроде опасений. Что за...?

— Ната! — быстро выставив руку, Денис подхватил сестру и с обеспокоенностью поддержал ее. — Что случилось? Что с тобой?

— Я ударилась в бассейне, — со вздохом сев на свое место, призналась она. И, похоже, расстроилось, что не удалось этот факт утаить. — У меня левая лодыжка размером с дыню, наверное, — скорчив смешную рожицу, она бросила на Славу лукавый, заговорщицкий взгляд. Тот только хмыкнул такому явному преувеличению, продолжая наблюдать за реакцией Дениса. — И если бы не Слава, который ходит в тот же бассейн, я бы, наверное, до сих пор шкандыбала бы к своей машине, — горестно закончила Наташа.

Он едва не захохотал, но все же, смог сдержаться.

Слишком уж сильно Наташа приукрашала действительность и объем его помощи. Хотя, воображаемая картина, которую она так красочно описывала брату, в самом деле, выглядела смешно.

Святославу показалось, что Наташа нарочно старается заставить его смеяться. И эти ее, украдкой брошенные взгляды, служили подтверждением такой теории.

Однако внезапное появление Дениса напомнило ему о том, что и самые приятные минуты имеют свойство заканчиваться. И надо реально смотреть на действительность, не позволяя собственным иллюзиям толкать его на глупости. Настроение неуловимо изменилось, заставив его привычно отстраниться от окружения и занять, скорее, позицию наблюдателя, нежели участника общения.

Денис, выслушав живописное повествование сестры, усмехнулся, но в его глазах светилась благодарность, когда он, обернувшись, протянул ему руку.

— Спасибо, Слава, — крепко пожав его ладонь, он сел на свободный стул. — Если бы не ты, похоже, не видеть бы мне здоровой сестры.

— Да не за что, — Слава немного передернул плечами. — Все не так уж и страшно происходило.

— Ну вот, можно было и подыграть, — Наташа шутливо насупила брови.

Но Слава не поддался на эту уловку, только усмехнулся уголками губ. И, конечно же, ему просто показалось, что в ее глазах мелькнуло огорчение.

Он почти не участвовал в разговоре, который завязался между Наташей и Денисом, и несколько раз посмотрел на наручные часы, словно бы показывая, что торопится, ища повод уйти. Хотя, на самом деле, ему совершенно не к кому было спешить этим субботним утром. Наташа сначала с некоторым недоумением смотрела на него, а потом тихо вздохнула и откинулась на спинку своего кресла.

— Мы тебя задерживаем? — немного грустно спросила она, так пристально посмотрев на него, словно бы старалась поймать взгляд Славы, который тот упорно отводил в сторону.

— Я планировал еще к родителям заехать, — сказал он первое, что пришло в голову, и сильнее сжал пальцы на пустой чашке, жалея, что уже допил свой кофе.

— Ах, да, — Наташа кивнула. — Они же недалеко от бассейна живут, верно? — она вопросительно подняла бровь.

Слава кивнул.

— Прости, из-за меня тебе пришлось планы менять, — «она что, расстроилась?», Святослав никак не мог понять, что именно прячется в этих выразительных глазах. Хотя, скорее всего, ее нога, просто сильно болела, а Наташа старалась это скрыть от брата.

Сжав пальцы в кулак, он покачал головой, отмечая ее извинения.

— Так ты назад поедешь? — тут же вмешался Денис, дожевывая свою порцию яичницы. — Подожди, подбросишь меня до той стоянки, я машину Наташи сюда пригоню, чтобы пешком по такому морозу не гулять, — друг быстро глотнул горячий кофе, и откусил кусок своего кекса.

— Да поешь нормально, — Слава даже испытал неловкость, оттого, что их обманул. Придется, в самом деле, к родителям заехать, хотя он только вчера утром у них был. Но почему-то, врать Наташе показалось неправильным. «Значит, надо свои слова оправдывать», с неясной убежденностью решил Святослав. — Я не собираюсь в эту же секунду срываться с места.

— Ну, мало ли, родители, это серьезно, — Денис не шутил, все же более оперативно расправляясь с завтраком.

«Похоже, в их семье, к родственным связям, в самом деле, относятся ответственно», сделал вывод Слава, дожидаясь, пока Денис поест.

И только когда они уже выходили вдвоем, а Наташа с немного вымученной улыбкой махнула на прощание, Святослав осознал, что поменялось за эти несколько минут — он почти испытывал раздражение по отношению к Денису.

Да, как ни странно, он злился на того, за это дурацкое решение — позавтракать с сестрой. Но еще более непонятным, была его злость на друга от того, что это он, а не сам Слава будет тем, кто вернется сюда.

Черт! Такое ощущение, что он...

Но окрик Наташи прервал его, не очень радостные выводы и заставил обоих обернуться.

— Слав, я насчет Нового года серьезно говорила, — хозяйка Кофейни, медленно приблизилась к ним. — Приходи, — она повернулась к брату. — Денька, правда же, мы не дадим ему соскучиться? — обратилась она к тому за поддержкой.

Святослав пожал плечами.

— Я не знаю, как там выйдет, Наташа, — не глядя ей в глаза, он отвернулся и вышел до того, как Денис успел что-то сказать.

10 января, ночь с субботы на воскресенье

Гул мобильного телефона, выставленного на режим вибрации, выдернул Святослава из задумчивого изучения документов. Он с удивлением посмотрел на трубку, прыгающую по столу, потом перевел взгляд на настенные часы в кабинете — три утра.

Странно. Очень странно.

Совершенно непонятно, кто надумал ему звонить в такое время в субботу ночью. Или, точнее, уже в воскресенье.

Отложив бумаги, он взял аппарат и посмотрел на дисплей — там мигало имя Дениса.

Ничего не понимая, Слава нажал на прием.

— Алло?

— Слав, привет, — голос друга звучал нервно и обеспокоенно. — Я тебя не разбудил?

— Да, нет, — Святослав потер шею, разминая мышцы, и иронично хмыкнул, подумав, что тому навряд ли будет интересно узнать, насколько сложно уснуть, когда спина и ноги болят

настолько. — Я не сплю, — кратко ответил он.

Денис шумно выдохнул на том конце связи.

— Слав, у меня есть к тебе огромная просьба, — неуверенно начал Денис, и что-то непонятное звучало в его голосе. — Помоги, я тебе, что захочешь, потом сделаю, серьезно. Хоть бесплатно весь сайт переделаю, — в трубке что-то грекнуло, как будто Денис по чему-то с силой стукнул, и раздалось приглушенное ругательство.

— Да что случилось-то? — то ли его мозг притупился от обезболивающего, что было маловероятно, то ли это Дэн объяснял черти как. Но пока Святослав ничего не понял из его слов.

— Слушай, тут такое дело, — Денис снова тяжело вздохнул. — Мне, правда, неудобно, но я не знаю, кого попросить. Надо было бы Лене позвонить, но у них же маленький ребенок с Лешкой, как-то неудобно, а Надя трубку не берет. Да и вообще...

— Дэн, я ни слова не понимаю, — теперь вздохнул Святослав, и поднялся, начав медленно идти по кабинету, чтобы размят ноги. — Может ты уже, по сути, объяснишь?

— Пффф, прости, я злой, как черт, не могу сосредоточиться, — извинился Денис, который, кажется, так же метался там, где бы он ни был, взад вперед по комнате. — Мне Наташа позвонила, — при этом имени Святослав невольно замер и стал внимательней слушать, — у нее нога болит, а таблетки, те, что есть дома, не помогают. Она спросила, не знаю ли я названия тех, которые ты давал.

— Тебе название сказать? — попытался разобраться Слава.

— Да нет, не в том дело, — Дэн тихо чертыхнулся и опять чем-то грекнуло. — Короче, она собралась в аптеку ехать, в два часа ночи, представь! Я ей запретил. Сказал, что сам съезжу, и привезу ей анальгетик. Но из-за этого треклятого мороза, у меня аккумулятор сел, а я в селе!! — Денис едва не орал в трубку, явно злясь.

Славе даже пришлось немного отклонить голову, чтобы не оглохнуть.

— В каком селе? — он совершенно запутался.

— Да тут, сорок километров от города, у нас бабушка переехала сюда несколько лет назад, после смерти деда, — начал объяснять Денис, а Слава еще больше потерялся во взаимосвязи всех событий. — Так у нее обогреватель барахлить начал, она мне днем позвонила, попросила приехать посмотреть, и я на ночь остался. А мне Наташа звонит... Короче, — Дэн выругался. — Прости, что-то я сам запутался. В общем, я не могу выехать, этот чертов автомобиль не заводится! — он, в который раз, чем-то зашумел.

И до Славы наконец-то, дошло, что друг с силой бьет по чему-то железному. Судя по всему, по своей машине.

— Дэн, что от меня-то нужно? — Святослав остановился у стола, почти догадываясь, какая именно просьба последует.

— Слав, ты не мог бы съездить к Наташе, а? Просто, слушай, — Денис говорил очень напряженно. — Я понимаю, что странная просьба, но я очень не хочу, чтобы она выходила из дома в три часа ночи. Да и потом, я пообещал, что сам приеду, привезу это лекарство, а эта

дурацкая тачка, — он пробормотал еще одно ругательство. — Я уже готов такси вызвать, ей Богу, да боюсь, что она не дождется, пойдет сама в аптеку.

Святослав тяжело, но беззвучно выдохнул.

Черт! Ему совершенно не хотелось никуда ехать. Тем более, к Наташе, которая снилась ему первую половину ночи, пока он еще мог спать. И не было у Славы уверенности, что Денис обращался бы к нему с подобной просьбой, если бы узнал содержание тех снов.

Такая просьба чересчур походила на тонкое издевательство, пусть и неосознанное, когда манят тем, что никогда не заполучить, позволяя ходить рядом, но не трогать, даже кончиком пальца.

Он закрыл глаза и придавил веки пальцами, прогоняя нахлынувшие картинки своего недолгого сна. Какой бред. Ну, о чем он думает?! Словно бы не знает, что будет дальше.

В голове, привычно, зазвучала, до костного мозга ввевшаяся фраза: «Ты ненормальный? Да с таким, как ты, любая девушка может быть, только если лучше никого нет рядом!».

Святослав одернул себя. В конце концов, Дэн его просто просил таблетки отвезти. А то, что Наташа ему сильно понравилась, не имело значения. Как и то, что он знал, ни к чему такое увлечение не может привести. Это его проблема, в конце концов, не стоило поддаваться соблазну и позволять себе так общаться с ней.

— Слав? — Денис по-своему истолковал его вздох. Хотя, нельзя сказать, что общую суть друг не уловил. — Я понимаю, что никому не захотелось бы выбираться в три часа ночи по такому холоду ради того, чтоб отвезти таблетки человеку, которого и знаешь-то два дня. Но мне больше некого попросить. Точнее, других, я не рискну просить об этом. Не знаю, как она отреагирует. А вы... — Денис вдохнул, — вы вроде нашли общий язык утром. Пожалуйста, Слав, выручи. Я не забуду.

Объяснения Дэна мало что прояснили, скорее еще больше добавили непонимания.

Но одно Слава знал точно — он понимал, какой может быть боль в ноге, чтобы рискнуть выйти в аптеку ночью. И искренне сочувствовал Наташе. Она не заслуживала того, чтобы мучиться от боли, когда он мог ей помочь.

— Адрес скажи, — смирившись, он направился к двери в гараж.

— Спасибо, Слав, — Денис облегченно выдохнул, — Я ей позвоню, предупрежу.

— Угу, — невнятно пробурчал Слава, натягивая куртку и запоминая номер дома и название улицы, на которой жила Наташа.

Он добрался через десять минут, на дорогах никого не было. Осторожно заехал в незнакомый двор, припарковался. Выйдя из машины, Святослав поднял голову, осматривая темные окна. Горело одно единственное. Судя по тому, что оно располагалось на четвертом этаже — это и было окно Наташи.

Ощущая себе все более странно и немного неловко, Слава пошел к ее подъезду. По такому поводу он еще не приезжал к женщине, однако. Особенно к той, что настолько понравилась.

Пробормотав сквозь зубы проклятие, Слава набрал код на замке двери подъезда, который ему,

так же, сообщил Дэн, и зашел в темный коридор.

На его счастье, на первом этаже оказалось только три ступеньки. Радуюсь, что его собственные таблетки уже подействовали, и боль в ногах стала вполне терпимой, он крепко ухватился за перила и быстро поднялся.

Лифт, как ему показалось, просто оглушительно грохотал в тишине сонного подъезда, или же это Святослав чересчур вслушивался в каждый звук, испытывая напряжение от того, что находился здесь.

Выйдя на четвертом, он осмотрелся, выискивая пятьдесят третью квартиру.

И удивился, решив, что это тени играют с его глазами — дверь была приоткрытой. Однако приблизившись, он понял, что не ошибся. Поразившись подобной беспечности, Слава настойчиво постучал в дверь, отчего-то, не решившись нажать кнопку звонка.

— Наташа? — негромко крикнул он в неосвещенный коридор, видневшийся через приоткрытую дверь. — Это я...

— Открыто, — донесся до него тихий, немного хриловатый голос Наташи. Слава, не позволив признаться самому себе, что ощутил нечто, чересчур приятное внутри, от этого звука, толкнул двери и зашел, прикрыв ее за собой. — Заходи, Дэн, — Наташа, прихрамывая, вышла в темный коридор из яркого дверного проема, который Слава определил кухней.

Если честно, он не успел задуматься над тем, почему она ждала брата.

Ведь Дэн должен был ее предупредить.

Но в ту же секунду ему стало не до размышлений, вообще.

Стоило рассеянному, наверное, даже немного потерянному из-за резкой смены освещения в комнатах, взгляду Наташи остановиться на нем, как ситуация превратилась в такую, которую Святослав смог бы охарактеризовать только как — чертовски отвратительную.

Это все, что он смог припомнить приличного, когда увидел, как испуганно распахнулись глаза Наты, а тишину квартиры нарушил звон чашки, выпавшей из ее рук.

По странному стечению обстоятельств, керамика не треснула, но вот вода, расплескалась, обрызгивая все вокруг, и его в том числе, мелкими брызгами воды. Впрочем, Святослав не обратил на это никакого внимания, растерявшись от выражения страха, даже ужаса, пожалуй, которое появилось на ее лице.

«Вот черт! Что происходит, кто бы ему объяснил?!»

Наташа смотрела в упор на него, но в то же время, будто бы и не видела.

Казалось, что ее глаза смотрят сквозь Славу, и в них плескался самый настоящий, ничем не прикрытый ужас. В обрушившейся на них тишине, стало отчетливо слышно ее поверхностное, частое, прерывистое и хриплое, почти сиплое дыхание. Покачнувшись, Наташа ухватилась одной рукой за угол стены, а второй как-то странно прикрыла шею.

Но и это движение показалось ему произвольным, неосознанным.

Впервые в жизни он столкнулся с тем, чтобы его появление вызвало страх. И просто не знал,

что делать.

— Наташа? — как можно спокойнее и тише, стараясь не выдать своей растерянности и не усугубить ее страх, Слава окликнул девушку. — Это я....

Она вздрогнула, моргнула и он, с облегчением увидел, что ее взгляд стал осмысленным.

Чуть прищурившись, Наташа всмотрелась в него.

— О, Господи! Слава? — теперь обе ее руки вцепились в угол, словно бы у Наташи разом кончились силы, и она вот-вот могла упасть. — Слава?! — опять переспросила она. — Что ты тут делаешь? — глубоко вдохнув, как будто испытывала все это время удушье, которое наконец-то ушло, Наташа всем телом прислонилась к стене, и опустошенно посмотрела на него.

Святослав рискнул приблизиться на один шаг, все еще не имея уверенности, что она сейчас опять не впадет в тот странный ступор, свидетелем которому он был две минуты назад.

И материл в душе Дэна, на чем свет стоит, потому что ни черта не понимал в происходящем!

— Меня Денис попросил тебе таблетки привезти. У него машина не заводится, — все тем же ровным, тихим голосом, объяснил он, сделав еще шаг в ее сторону. — Он должен был позвонить, предупредить. Наташа..., - он замолчал, не совсем уверенный, что стоит спрашивать. Но все же уточнил, — с тобой все нормально?

Она странно посмотрела на него, а потом хрипло рассмеялась, обхватив себя руками за плечи. Почему-то, от звука ее смеха мороз прошел по коже Славы.

— Нормально? Да..., - она неуверенно облизала губы, и помотала головой. Слава заметил, что ее кожа блестит от испарины. Черт. Черт. Черт! Да что же с ней? Не боль же в ноге была причиной подобной реакции, в самом деле? — Нормально, — Наташа опять глубоко вздохнула. — Кажется. Просто, — она нервно взмахнула руками. — Я тебя в темноте не узнала, ты такой высокий, и большой, и..., мне показалось, что это другой человек. Незнакомый, — она говорила как-то путанно, пряча глаза. — Не обращай внимания, Слав, у меня..., - Ната опять умолкла на минуту, и прикусила губу. — У меня бывают приступы паники, — наконец, произнесла она, так и не посмотрев на него.

«Ага. Приступы паники. Как же. Так он и поверил».

Может Святослав и был инвалидом, но точно не идиотом.

Конечно, паника присутствовала явно. Но у нее, совершенно определенно, имелась реальная причина.

Взгляд, отчего-то, зацепился за ее напряженные, бледные пальцы, которые цеплялись за стену. Она, проследив за его глазами, резко отдернула руки от обоев и сцепила пальцы перед собой.

— Денис не звонил, — невпопад проговорила Наташа. — В смысле, не перезванивал, насчет тебя.

— Я уже понял, — Святослав продолжал внимательно изучать ее лицо, не зная, что делать дальше.

Почему-то, каждая деталь сегодняшнего дня, каждый момент, который еще пару часов назад

он вспоминал только, как возможность подумать о ней, предстали перед Славой в новом свете.

И ее настороженные взгляды в сторону парней в бассейне, и непонятное поведение Дениса утром. И вот эта странная просьба, со всеми его путанными объяснениями.

Но Святослав не имел уверенности, что стоит о чем-то спрашивать. Сейчас, так точно.

— Вот, — он протянул упаковку анальгетика, которую все эти несколько минут, показавшиеся ему часами, сжимал в напряженных пальцах. — Таблетки, — и сам не поняв зачем, уточнил Слава.

— Спасибо, — все еще опираясь на стену, Наташа скованно наблюдала, как он медленно и осторожно подошел еще ближе, чтобы положить лекарство на небольшую полочку.

— Наташ, ты как? — он внимательно присмотрелся к ней, оказавшись всего в двух шагах, раздумывая о том, не нужна ли ей более серьезная помощь. И, если честно, пожалел о том, что всмотрелся.

Более того, обозвал себя, как только мог.

Потому что, даже сейчас, видя, что ее всю еще трясет от пережитого страха, не смог не обратить внимания на то, что на Наташе надета только хлопковая майка, мало что скрывающая от его глаз, да хлопковые же пижамные штаны.

А, чтоб его! Надо уходить.

Святослав реально оценивал ситуацию и был очень недоволен собой и своей реакцией. Но почему-то, тело совершенно не слушалось разума.

К тому же, Наташа выглядела настолько трогательной, беззащитной. Хотелось прижать ее к себе, и нежно погладить по плечам, по этим смешным, растрепанным волосам. Без всякой задней мысли, просто, чтобы успокоить. Дать чуточку своей силы.

Только это не было лучшим решением.

— Пей по одной таблетке не чаще трех раз в день, — пробормотал Святослав, резко отведя глаза. И нахмурился, услышав, что его голос стал низким, и почти таким же хриплым, как ее. Только, определенно, по совершенно иной причине. — А вообще, думаю, дня через два тебе станет легче. И в субботу уже сможешь танцевать на вашем Новом году, — он заставил себя сглотнуть и проговорил это все, так и не посмотрев на нее. — В общем, прости, что так напугал. Дверь была открыта...

— Да, я заранее открыла, чтобы не бежать к Деньке, нога болела.... сильно, — с перерывом проговорила она, как будто хотела объяснить.

Он кивнул, но в упор рассматривал узор на стене.

Почему-то, ему показалось, что воздух стал плотным. настолько, что едва проталкивался мышцами его горла в легкие.

— Я пойду, пожалуй, — продолжая изучать какой-то дурацкий цветочек, сказал он. — И..., прости, серьезно, я не думал, что так выйдет.

— Слава, — он застыл, почувствовав, как ее тонкие, ледяные, влажные пальцы обхватили его

ладонь. И не хотел, а не удержался, перевел глаза на лицо Наташи. Она пыталась улыбнуться. Очень пыталась. — Может, ты кофе хочешь? — едва ли не с отчаянием спросила Наташа, так и не отпуская его руку.

Святослав опять растерялся.

Он был уверен, что она меньше всего хотела бы сейчас находиться рядом с тем, кто настолько напугал ее своим появлением. Пусть и ясно, что Наташа не конкретно его испугалась. Однако...

— У меня и дома карамель есть, — с вымученной улыбкой пробормотала Наташа, видя, что он не отвечает. А потом закусила губу. — Господи! Что я мелю. Три часа ночи, а я тебе кофе предлагаю. Прости, — Наташа покачала головой. — Ты, скорее всего, просто спать хочешь. И так, из-за меня из дому выбрался.

Ему показалось, что она вся ссугулилась, словно стала еще миниатюрнее и тоньше, чем и так была.

И у Славы все сжалось внутри от непонятого, ничем не оправданного желания прижать ее к себе и успокоить, защитить, сказать, что ей нечего бояться — он рядом.

Только вот, откуда это стремление? Да и потом, ему же уходить надо...

В этот момент зазвонил его телефон, то ли спасая Славу от ответа, то ли мешая понять...

Наташа вздрогнула, не заметив, что так и продолжает держать его за руку. Святослав вытянул свободной рукой аппарат, и едва не с облегчением увидел там имя Дениса.

— Слава! Ты где? — Дэн нервничал еще сильнее, чем во время прошлого звонка. — Я не могу до Наташи дозвониться, у нее что-то с телефоном.

«Ага, он это уже понял».

— Я уже приехал, — скупой ответил Святослав, почему-то, не в силах отвести глаза от ее пальцев, бледными штрихами выделяющиеся в полутьме коридора, на фоне его, более смуглой коже. — Я у Наташи.

Наверное, что-то было в его голосе.

Во всяком случае, Денис на секунду замолчал, а потом выругался настолько грубо, что Слава даже скривился.

— Она испугалась, да? — Дэн тяжело вздохнул.

— Думаю, можно и так сказать, — попытался Слава уйти от употребления конкретных слов в ответе. В конце концов, Наташа стояла рядом и слушала их разговор.

— А, черт! Я так хотел ее предупредить, — Денис, определенно, сильно расстроился. — Дай ей телефон, пожалуйста.

Не споря, Святослав протянул трубку Наташе.

— Это Денис, с твоим телефоном что-то не так, — пояснил он ей.

Она кивнула и взяла предложенную трубку.

Так и цепляясь за его руку.

— Привет, День, — голос Наташи звучал вымученно. Но она, определенно, пыталась показать брату, что ей лучше, чем было на самом деле. — Не выдумывай. Не надо такси. Подумаешь, испугалась. Ну, не узнала я Славу в темноте. Да ничего не будет, — чем шире Наташа улыбалась, тем сильнее ее пальцы сжимались на его руке. Как будто, она нуждалась в силе, и брала ее у Святослава.

Но он был не против. На здоровье. Слава хотел, чтобы она успокоилась.

Было что-то чертовски неправильное в том, что такой хороший человек, как Наташа, испытывала настолько сильный страх. Это злило Славу.

А понимание того, что имелся кто-то, кто этот страх в ней зародил — превращало злость в гнев. И у него не было никакого объяснения для такой силы своей ярости.

— Да все нормально будет, Деня, серьезно, — Наташа продолжала убеждать брата. Но будь он на месте Дэна — ни капли бы не поверил ее словам. — Да, что тут осталось до утра? Три часа. Я пересажу. Не маленькая же, — он ощутил легкую боль, когда ее короткие ногти впились в его пальцы.

Но Святослав даже не поморщился.

Это было не чувствительней укола булавкой по сравнению с тем, что он выдерживал каждый день. А ей, может быть, станет легче.

— Да, я его больше напугала, — Наташа нервно рассмеялась, и Слава понял, что она говорит о нем. — Еще и растерялась, начала Славу на кофе приглашать, в три часа ночи, — она что-то еще говорила брату, но Святослав перестал слушать.

Ему не хотелось кофе, если честно. Хотелось уехать домой, подальше от всей этой странной, непонятной и непростой как для нее, так и для него ситуации. Пусть причины их напряженности и были разными.

Вот только, глядя на ее бледные пальцы, Святослав понял, что останется на кофе.

Внезапно, до него дошло, что больше всего, что уже произошло, Наташа боялась остаться в одиночестве своей квартиры. И это приглашение — было ее попыткой скрыть свою слабость за вежливостью.

Он, как никто другой знал, сколько надо вывернуть в душе, чтобы признать собственную слабость перед другим человеком.

Навязчивые, настырные слова из прошлого, не в первый раз за вечер, всплыли в памяти: «...только, если никого лучшего нет рядом...».

Что ж, не похоже, чтобы кто-то лучше имелся в этот момент в наличии. Возможно, сейчас и он сможет Наташе чем-то помочь.

Протянув руку, Слава настойчиво забрал у нее телефон, так, что она не успела ничего возразить.

Денис, не видя этого, все еще продолжал разговор с сестрой:

— Я приеду, Ната, даже не спорь. Сейчас такси вызову...

— Не надо, Дэн, — ровным голосом проговорил Слава в трубку, но смотрел при этом в глаза Наташи, перехватив руку таким образом, чтобы держать ее пальцы в ладони, согревая. — Я посижу тут, меня на кофе пригласили, в конце концов. А Наташа его готовит лучше меня. Так что грех упускать возможность.

Денис, как ему показалось, выдохнул с облегчением.

— Спасибо, Слав, я твой должник. Не знаю, сколько бы такси сюда сейчас ехало. Спасибо, — тихо, но с такой признательностью в голосе проговорил он, что Слава даже не ожидал.

— Да ладно, я больше вас всех выиграл, — попытался он хоть немного развеять напряженность и рассмешить брата и сестру, которые слушали его по оба конца телефонной связи. — Мне все равно не спалось. А теперь я еще и хороший кофе попью в прекрасной компании.

— Я не забуду это, Слав, серьезно, — еще раз поблагодарил Денис.

Святослав попрощался и нажал на отбой.

И внимательно посмотрел в глаза Наташи, которая, казалось, немного успокоилась, когда поняла, что не останется в одиночестве.

— А спросить о шоколаде, будет очень нагло? — с открытой усмешкой поинтересовался он у нее, пряча телефон.

Наташа моргнула пару раз, растерянная его вопросом. И тут ее губы начали медленно растягиваться в невольной ответной улыбке.

— Шоколад? — переспросила она, тихонько хихикнув. — У меня есть коробка конфет, подойдет?

Он серьезно кивнул.

— Хорошо, но я помню, что ты пообещала мне кофе с карамелью, — поддел Слава ее. — Одно, другого, надеюсь, не исключает?

Она рассмеялась, уже совсем не сдерживаясь.

— Ты и правда, так любишь сладкое? — Наташа немного удивленно покачала головой.

Святослав же только развел руки, признавая такую склонность за собой.

— Пошли, — она развернулась и, прихрамывая, зашла в кухню, — можешь хоть всю коробку сам съесть.

— На это я и рассчитывал, — прихватив лекарство, ради которого, собственно, и приехал, Святослав пошел за ней.

Глава 4

12 января, понедельник

— Слав, имей совесть, — Андрей вымученно смотрел на друга, с кислым выражением на лице глотая крепкий кофе, который сам только что приготовил. — Не все такие бодрые в семь утра. Ты же знаешь, я трудно просыпаюсь.

Святослав внимательно присмотрелся к другу. Тот, в самом деле, не выглядел выспавшимся. Слава посочувствовал ему. Сам же он, на удивление, впервые за много месяцев, прекрасно отдохнул. Правда, недосыпание никогда не мешало ему с самого раннего утра быть в форме и полностью погружаться в работу. Однако сегодня, после двух суток, которые он почти не спал, и бессонной ночи-утра, проведенного с Наташей — Святослав проспал всю ночь, ни разу не проснувшись. Даже привычные боли в мышцах пожалели его, на время исчезнув.

Он поднес свою чашку к губам и сделал глоток чересчур крепкого напитка, с грустью и тоской вспоминая замечательный вкус кофе, который пил последние два дня. Да уж, Андрею бы не удалось преуспеть в кофейном бизнесе — он готовил отвратительное пойло. Впрочем, после великолепного вкуса напитка, которым угощала его Наташа, Слава и свой, приготовленный утром кофе, не смог выпить — вылил в раковину.

«К хорошему привыкаешь очень быстро», с улыбкой констатировал он сам себе, оставив чашку.

— Слав, — Андрей скривился еще сильнее, — пожалей мои глаза. Ты выглядишь слишком довольным, для такой рани, — друг, в свою очередь, отодвинул почти полную чашку. — Неужели это мой кофе, настолько поднял твоё настроение? — недоверчиво уточнил он, тряс сонные глаза.

— Твой кофе — отвратительный, — честно сказал Слава. Он всегда говорил Андрею правду, считая, что только так и должно быть между друзьями. — Так что прости, но нет. Просто..., — Святослав резко замолчал, вдруг осознав, что не хочет рассказывать Андрею о том, как и с кем провел выходные. О Наташе говорить не хотел. Странно. И это нежелание ему не удалось подавить. — Я выспался, вот настроение и хорошее, — резко закончил Слава, стараясь непринужденно пожать плечами.

Андрей опер голову о руки, упертые в поверхность стола, и кивнул.

— Завидую тебе. Мне выспаться не удалось. На выходных всегда появляется куча дел, — пожаловался друг. — Зря ты с нами на рыбалку не поехал, кстати, было весело, — он снова зевнул.

Святослав аж передернулся, представив себе такое «веселье».

— Ну, уж нет, моя спина возненавидит меня за подледный лов, упаси Бог, торчать на реке по такому морозу.

— Это точно, — Андрей скривился, но сделал еще глоток кофе. — Даже моя спина болит. Но все равно, мы хорошо провели время.

Святослав хмыкнул, но промолчал. Он мог сказать то же самое о своих выходных. Хотя, была, конечно, пара минут, которые стоили ему нескольких лет жизни. Во всяком случае, тот испуг Наташи, определенно, не прошел бесследно и для его нервов.

Не заметив этого, Слава нахмурился, вспомнив ночной инцидент. Он не спрашивал у нее ничего, не просил объяснить. Просто просидел на кухне, наслаждаясь хорошим кофе, и прилагая все усилия, чтобы развеселить грустную и немного потерянную хозяйку. И к семи

утра, когда Святослав уходил, ему, как показалось, это удалось. Во всяком случае, Наташа улыбалась так же открыто и искренне, как и в субботу, а из ее синих глаз ушли даже следы пережитого страха.

Андрей, решив, наверное, воспользоваться задумчивостью друга, уронил голову на стол и закрыл глаза.

С кривой улыбкой посмотрев на это, Слава откинулся на спинку своего кресла и повернулся к окну, вспоминая те несколько часов воскресного утра. Его кривая улыбка перешла в настоящую, широкую усмешку, когда он вспомнил, как специально втянул Наташу в спор о музыкальной группе, чьи песни играли в ее плеере на кухне. Перед глазами, словно наяву, встала картина, как она, совершенно забыв о недавнем испуге, с блеском в глазах и жаром, не помня о том, что соседи, вероятно, еще спят, громко доказывала, что ее любимцы пишут прекрасную музыку, живую. На минуту Святославу показалось, что она вполне может его побить за сомнения в этих своих «любимцах». Пришлось честно признаться, что у него самого есть все альбомы этой группы, и что он — полностью согласен с ней.

Пару минут Наташа ошарашенно смотрела в упор на него, хлопая ресницами, а потом — рассмеялась. Правда, таки шутливо толкнула его в плечо. Но он увидел в ее синих глазах, что она разгадала его хитрость, и благодарна за нее. Зато, когда она пожаловалась, что новый альбом выйдет не раньше марта, у Славы появилась очень интересная, пожалуй, даже замечательная идея подарка на этот их «кофейный Новый год»...

«Если он, конечно, решит пойти и не будет занят», одернул Слава себя.

После этого их спора, Наташа уже почти все время была такой же, как в предыдущие две их встречи — веселой, общительной, беззаботной.

Но Святослав запомнил, что и у нее есть страх. И это, к некоторому опасению, сделало ее еще привлекательней в его глазах. Она была такой настоящей, живой, ранимой. И так хотелось ее защитить от того, что мучило Наташу под маской непринужденной веселости.

Святослав с силой сжал пальцы, чудом не сломав карандаш, который, сам не заметив, рассеянно крутил.

Не стоило думать о таком. Серьезно. Он смог помочь ей в трудный момент, и хорошо. Здорово, даже, что его присутствие пришлось Наташе кстати. Но надо же реально смотреть на вещи. Да и не его это дело, в принципе.

В этот момент дверь кабинета хлопнула. Обернувшись, Святослав увидел Дениса, который кивнул ему.

— Привет, — поздоровался тот, рассматривая сонную обстановку в кабинете.

Их дизайнер явился в гораздо более демократичной одежде. И на минуту Святослав даже позавидовал Дэну. В джинсах и теплом свитере, наверняка, было комфортней, чем в костюмах и рубашках, которые всегда одевали на работу Слава и Андрей, требуя такого же стиля и от подчиненных.

От этого звука встрепенулся Андрей, прикорнувший на столе.

— О, черт! — он потер лицо. — Пойду я к себе, и хорошо умоюсь холодной водой, — Андрей поднялся и потянулся, стараясь максимально разогнуть спину. — У тебя жесткий стол, Слава,

на нем неудобно спать, — шутливо пожаловался Андрей.

— Вероятно потому, что за ним надо работать, — насмешливо приподняв бровь, предположил Святослав.

— Возможно, — рассмеялся друг и, пожав руку Денису, пошел к себе.

— Проходи, Дэн, что ты в дверях стоишь, — Слава махнул рукой на освободившееся кресло. — Что ты так рано сегодня? — у него было предположение о причине появления друга.

Но, несмотря на бесчисленное количество вопросов, крутящихся в его голове, несмотря на подозрения, которые, что тут скрывать, злили его — Слава молчал. Он не собирался заставлять Наташу или ее брата рассказывать из чувства благодарности больше, чем те сами захотели бы сообщить. Слишком хорошо знал, насколько трудно, порою, рассказать о себе то, что причиняет боль.

Но, все равно, от мелочи не удержался.

— Как дела? — непринужденно спросил он. — Как Наташа? — обзывая себя в уме недоумком, все же уточнил Святослав.

Денис как-то странно взъерошил волосы и сел в кресло.

— Хорошо, в общем-то, — неуверенно ответил друг, и посмотрел на Славу в упор. — Черт, да вообще-то, гораздо лучше, чем я надеялся. Спасибо, Слав. Ты даже представить себе не можешь, в каком я перед тобой долгу.

— Да брось ты. Глупости, — отмахнулся Слава, хоть и обрадовался в душе, что ей лучше. — Что я такого сделал? Отвез таблетки и выпил все ее кофе? — попытался он обратить все в шутку.

Вообще-то, он еще и съел все ее конфеты. Но об этом Слава умолчал. Могут же у них с Наташей быть свои секреты?

— Да нет, Слав, серьезно, — Денис откинулся на свое сиденье. — Я был уверен, что мне придется ночевать у нее и сегодня. Она никогда не просила, но я знал, что если ее что-то пугало, Нате очень страшно оставаться одной, — он изучающе смотрел на Славу в упор, и тот даже почувствовал себя как-то неудобно под этим взглядом синих глаз, очень уж похожих на глаза Наташи. — Знаешь, не то, чтобы я распространялся особо об этом, но мы Наташей очень хорошо понимаем друг друга, и не потому, что много говорим. У нас странная семья, — Денис хмыкнул. — Мы чувствуем, когда другому нужна помощь и поддержка. И обычно она была нужна ей после таких моментов. Но вчера, когда я приехал к ней в десять утра — Ната спокойно спала, — Денис покачал головой, словно в отдыхе сестры было нечто невероятное. Святослав подозревал, что весьма удивленно смотрит сейчас на друга. — Я не знаю, что ты сделал Слав, но спасибо тебе, — Денис, казался, чересчур серьезно относился к его помощи.

Святослав вздохнул.

— Да говорю тебе, Дэн, не за что, — он опять махнул рукой. — Ну что я такого сделал? Мало того, что сам напугал, так потом же просто сидел и болтал с ней о музыке и всякой дребедени. Да еще и кофе заставлял мне варить, — он улыбнулся. — Ничем ты мне не обязан. В испуге Наташи — то моя вина.

Пока он говорил, Денис в упор продолжал его рассматривать.

Как-то непривычно.

Они уже почти год были знакомы, но казалось, что именно сейчас, в эту минуту, Дэн решил его изучить, словно увидев впервые.

— Ты не виноват в ее страхе, — наконец, переведя глаза на окно за его спиной, негромко проговорил Денис, и вздохнул. А потом, как-то резко, стремительно поднявшись, вытащил из кармана джинсов бумажник. — Наташа, она очень добрая, и всегда видит в людях только хорошее, — с мягкой усмешкой проговорил Дэн, что-то доставая из подкладки своего кошелька. А потом, положил перед Славой на стол фотографию. — И некоторые ублюдки пользуются ее верой в людей, — уже жестче добавил он.

Слава насторожился, и даже напрягся от последних слов друга. Ему не понравился тон Дэна, да и непонятно было, зачем он это делает и зачем ему о Наташе рассказывает, но не удержался, с любопытством посмотрел на карточку.

Это оказалось фото Наташи. Красивое фото. Она на нем искренне улыбалась. Почти так же весело, как в жизни. Да и вообще, она мало чем отличалась от себя на этой фотографии, только волосы были немного длиннее. Но так же забавно растрепанные.

— Этому фото больше года, — зачем-то уточнил Дэн. — Теперь она всегда очень коротко стрижет волосы..., чтобы нельзя было за них ее схватить, — не глядя ему в глаза медленно и с паузами проговорил Денис.

Святослав застыл, не в силах отвести глаза от фотокарточки перед ним.

И только услышав странный звук, с удивлением понял, что его пальцы сжались, едва не переломив тот самый дурацкий карандаш.

Чтоб его! Не то, чтобы он и сам не сделал определенных выводов. Но услышать такое...

Он не был уверен, что ему стоит знать то, что Денис сейчас говорил. И пусть хотелось получить ответы, Слава не знал, стоило ли такого требовать в благодарность за пустяковую, в принципе, услугу.

— Дэн, не думаю, что тебе стоит рассказывать мне об этом, — он напряженно посмотрел в глаза другу. — Ни ты, ни Наташа мне нечего не должны. Она, действительно, удивительный человек, и я не считаю, что это честно по отношению к ней — говорить мне о том, что она, судя по всему, пытается ото всех скрыть.

Денис так же напряженно смотрел на него. Но было во взгляде друга и еще что-то, какое-то выражение, словно бы он хотел узнать о Славе нечто, и теперь получил ответ. Вот только Святослав не мог понять, какой именно.

— Знаешь, Слав, вообще-то, я и сам бы не стал никому говорить. Об этом, в принципе, знает только пара человек. Но что-то мне подсказывает, что тебе можно доверять, ты не используешь это во вред, но возможно, поймешь, почему Ната так отреагировала, — наконец, явно расслабившись, произнес Денис.

— Дэн, — Слава, все-таки, не был убежден, что такой поступок брата Наташи — верен. — Я не думаю...

— Ты ее машину видел? — прервал его возражения Денис странным вопросом.

Святослав нахмурился, не уловив взаимосвязи.

— Да, но причем тут...

— Она гонки любит, — опять не дал договорить ему друг. — Ее как-то Надька вытащила, случайно, у них директор страховой билеты достал на соревнования, которые в нашем городе на аэродроме чуть ли не каждый месяц проходят, и с тех пор Наташа почти всегда ходила на них. Даже себе более-менее спортивную машину купила, хоть мы все были против.

Святослав не знал, что сказать.

Во-первых, он ни черта не понимал. А во-вторых, не был уверен, что хочет понять.

Потому что, ему тогда придется признаться себе, что Наташа слишком сильно его затронула за какие-то два дня. Так сильно, как он поклялся никому не позволять себя затрагивать. Потому что ни к чему хорошему это не могло привести. Но отчего-то, мысль о том, что кто-то виноват в ее страхе, кто-то обидел ее — злила даже больше, чем вчера, когда он столкнулся с тем ужасом. И Святослав хотел уже узнать все до конца. А потому — промолчал, слушая.

— Почти год назад, она там познакомилась с одним парнем, он участвовал в соревнованиях, — Денис перевел глаза с пейзажа за окном, на него. Святослав попытался остаться невозмутимым, но внутри кольнуло от того, что Дэн говорил. — Он ей не понравился, сразу. Наташа вообще, хорошо в людях разбирается, — зачем-то объяснил Денис, и Слава забеспокоился, что не так уж успешно скрывает свои чувства, как привык это считать. — Короче, этот парень начал за ней ходить. Мне, даже, кажется, что он не совсем нормальный был. Невменяемый какой-то. А может это вечная жизнь на пике адреналина на его мозгах сказалась, не знаю. Я пару раз предлагал Наташе вообще в милицию обратиться. Но она все говорила, что вроде, как и не за что. Ну, ходит он за ней, да, навязывает свое общество. Но в принципе, и все. Она пыталась ему объяснить, что ей не интересно, но до того ублюдка не доходило, — Дэн резко встал и начал мерить шагами кабинет.

Славе показалось, что он ощущает злость и гнев, которые бурлят в друге. И, что довольно странно, мог его понять, его самого обуревала ярость на человека, которого он даже не видел никогда. — Короче, однажды, он проследил за ней до дома, не знаю, как. Она ничего ему ни о Кофейне, не о том, где живет, не говорила. Я уверен в этом, — Денис взъерошил волосы и остановился у окна, глядя на улицу. — Но когда Наташа зашла в свой подъезд, он на нее напал, — как-то сухо, почти без эмоций произнес Дэн.

Однако Слава мог поклясться, что тот просто старательно сдерживался. Карандаш же в его пальцах давно разломался на две части.

— Она мне потом рассказывала, что он ухватил ее за волосы, и Наташа никак не могла вырваться. Пыталась отбиваться, но он был гораздо крупнее ее, и сильнее. Ната, вообще, очень маленькая, — с горечью продолжил рассказ Денис.

Слава, словно наяву, услышал ее испуганный голос «Ты такой высокий, и большой. Мне в темноте показалось, что это кто-то другой...». Теперь он мог понять, что именно ей показалось, и грубо выругался.

Денис на это не обратил внимания.

— Знаешь, я ведь не просто так говорил, что мы с Натой чувствуем друг друга. В тот вечер меня что-то грызло, и я решил заехать к ней. Представь, что со мной случилось, когда я увидел

как эта пьяная мерзость, пытается мою сестру..., - теперь Дэн выругался и ударил кулаком по стене. — Я думал, что убью его. И даже жалею, что не закончил. Честно, меня только Наташа и остановила. И после такого — пожалела ту сволочь. Но, по крайней мере, он из города после того исчез. И думаю, больше не вернется. У нас очень много знакомых и в милиции, и в прокуратуре. Я его сильно припугнул. Он, вроде как, вообще, в другую страну на эти треклятые гонки уехал, — Денис еще раз ударил по стене. А потом повернулся к нему. — Но знаешь, что меня добило больше всего? Никто не вышел. Ни один человек. Этот чертов ублюдок едва не изнасиловал мою сестру в подъезде, но никто из соседей не вышел посмотреть. Ведь она кричала, дралась с тем уродом. А ей никто даже не попытался помочь.

Денис тяжело выдохнул и вернулся к своему креслу.

— Честно, я теперь очень низкого мнения о людях. Не в пример Нате.

Святослав молчал. И не потому, что не знал, что сказать. Просто все внутри свело от ярости. И он знал, что если бы встретил — убил бы того, кто посмел тронуть Наташу. И никакая разница в физическом состоянии не помешала бы. Слава умел драться, используя собственные недостатки. Еще со школы его отец понял, что сын должен уметь защитить себя от тех, кто всегда пытался утвердиться за счет других и Святослав ходил в специальную секцию.

Наташа, в самом деле, была такой маленькой, хрупкой. И светлой. Такой позитивной, что каждый раз, при мысли о ней, Слава непроизвольно ассоциировал ее с солнцем. Таким же ярким и светлым. Теплым.

Он представить себе не мог, каким гадом надо быть, чтобы попробовать причинить ей боль. Или применить силу...

Попытавшись сделать вдох, он не удержался, и снова выругался, не находя более подходящих к своим чувствам слов.

— Мгм, — согласился Денис. — Я до сих пор думаю так же, — он наклонился вперед, упираясь локтями в стол. — После этого, Наташа у меня жила два месяца. Я сам продавал ту квартиру, она не захотела в нее возвращаться. И вещи сам все забирал. Да и потом, когда мы новую квартиру ей купили, еще часто, то она у меня ночевала, то я у нее. Потому что, иногда у Наташи бывают, — Денис замолчал на минуту. — Не знаю, даже, как описать, «приступы паники», как сама она говорит. И обычно ей не так уж и легко от этого отойти. Потому я и удивился так позавчера в кафе. Знаю, что пялился на тебя, как ненормальный, — Денис хмыкнул, и потер лицо. — Но хоть Наташа и нормально, вроде, ведет себя, и людям, все равно, верит, она с мужчинами очень осторожна стала. За этот год и не общалась ни с кем. Я точно знаю. Только в больших компаниях или когда я рядом. А тут, — улыбка Дениса стала шире, — короче, я обрадовался, что ей лучше становится, когда увидел, как она с тобой болтает. Да и ночью вчера, серьезно, не знаю как, но ты очень помог ей. Лучше справился с этим испугом, чем обычно выходило у меня, — Дэн, казалось, немного расслабился, отходя от воспоминаний. — Потому, не знаю, как ты этого добился, но спасибо, Слава. Я твой должник.

Святослав только отрицательно мотнул головой, отмечая подобное утверждение.

— Ничего ты мне не должен, Дэн, — его голос звучал слишком низко, он все еще пытался подавить чувства, которые завладели им во время этого рассказа друга. — Может, просто, Наташе со мной проще из-за того, что я такой, — он неопределенно махнул рукой. — Все-таки, мало кто боится инвалидов, — он криво усмехнулся, удивляясь сам себе.

Отчего-то, вероятность подобной причины симпатии Наташи — заставляла до хруста сжимать

пальцы и испытывать весьма неприятные чувства.

Но Денис, казалось, весьма удивленный таким предположением, рассмеялся и покачал головой.

— Тьфу, Слав, ну ты скажешь, то же, — Денис махнул рукой. — Да я уверен, что она даже не заметила этого. Она не такая. Честно, ей не способность прямо ходить, важна в людях, уж поверь мне.

Святослав понял, что ему до жути хочется верить. Настолько сильно, что это явно угрожало его спокойному существованию. Но весь предыдущий жизненный опыт свидетельствовал об обратном.

Хотя... такое описание Дениса, вполне соответствовало реакции Наташи, которая настолько удивила его. Ему, действительно, очень хотелось поверить.

— В общем, я, что сказать-то хотел, — Дэн встал, заставив и его поднять голову. — Если тебе будет что-то надо — обращайся, я что угодно сделаю, и вся моя семья, тоже.

— Дэн, — Святослав скривился, — ну хватит, серьезно. Меня Наташа кофе напоила и достаточно.

Он ответил на крепкое рукопожатие Дениса, но совершенно не понял странной усмешки, с которой друг на него посмотрел.

— Угу, — ничего не значаще ответил Денис. — Мне показалось, что тебе можно все рассказать. Почему-то..., появилось у меня такое ощущение. Надеюсь, я не ошибся, Слав.

— Я никому ничего не скажу, — Святослав не стал обижаться на сомнения. Он понимал, что друг просто оберегает сестру. Он, в общем-то, и сам в порядочность людей мало верил. За редким, очень редким исключением.

— Ладно, тогда я пошел, — Дэн кивнул. — Пойду Лехе помогу с тем проектом, чтоб освободить его время для вашего сайта.

Кивнув на прощание, Денис вышел, оставив его в тишине кабинета наедине с мыслями.

А он не мог бы сказать, что большая часть того, что Святослав осознал, была радостной. Все-таки, чересчур сильно Наташа зацепила что-то в душе.

Глава 5

Он честно старался загрузить себя работой. Да и пытаться особо не было нужды — дел всегда хватало. Когда компания имеет совершенно противоположные направления деятельности — и дня не проходит, чтобы не случилось что-то «экстренное» или «близкое к катастрофе», требующее его личного и немедленного вмешательства.

Когда-то Святослав начинал с интернет-магазина. Получилось это случайно. На третьем курсе экономического факультета им с Андреем дали курсовой проект, который подразумевал разработку бизнес-плана под подобный ресурс.

И в процессе выполнения задания, Святослав осознал, что сетевое пространство уравнивает его шансы с любым другим, полноценным человеком. Потому они с Андреем, который с пятого

класса покорно вязывался во все авантюры Славы, и занялись этим, едва ли не параллельно с самой курсовой.

Начинали со всяких мелочей: мелкой бытовой техники, электроники. Потом, когда их предприятие оправдало себя, начав приносить деньги — добавили в ассортимент и более крупную технику, и целый перечень всевозможных товаров от книг до мопедов. Сейчас, помимо виртуального магазина у них имелось сеть вполне реальных торговых точек и складов по всей стране. Да и сфера продаваемых товаров значительно расширилась. Вплоть до профессионального оборудования. В том числе для кафе...

Он не хотел этого, но и во время работы мысли самопроизвольно возвращались к ней, к Наташе. Самое смешное, что он помнил тот заказ, о котором она говорила. Его даже в городе не было в тот момент — Святослав уехал в столицу, переоформлять лицензию, но оператор, следуя инструкциям, которые Слава разработал для своей компании, чтобы повысить конкурентоспособность «Мультикома», сообщила менеджеру о звонке потенциального клиента. Тот связался с ним.

Слава лично изучал заказ — в их каталоге не имелось модели профессиональной кофеварки, которую хотели приобрести. Она была довольно дорогой, и не особо востребованной. Однако в линейке итальянской фирмы, с которой «Мультиком» сотрудничал, такая модель имелаась. Он сам связывался с партнерами и выяснял, согласятся ли они поставить им единичный экземпляр. И сам оформлял доставку.

Знал бы он, что это для сестры Дениса, просто привез бы, оформив не через магазин. Но и так Святослав был рад, что смог помочь. Наташа говорила, что такой аппарат имелся у нее единственной во всем городе. Он мог бы ей сообщить, что и во всей стране таких аппаратов имелось лишь три единицы, о чем ему рассказали те самые итальянские партнеры. Несмотря на то, что Ната была очень простой и незаносчивой, такая информация об уникальности ее Кофейни, как казалось Славе, доставила бы ей удовольствие. Вполне возможно, что он и расскажет об этом при следующей, случайной встрече. Если таковая будет...

А может, стоит просто заехать, послав подальше свои принципы?

И Святослав замирал посреди совещания или обсуждения, размышляя о том, как следует поступить, вызывая недоуменные, вопросительные взгляды Андрея и подчиненных.

Приходилось встряхиваться и возвращаться к предмету разговора.

Кроме того, его двоюродная сестра, которой Слава как-то помог получить не особо распространенное в их стране образование и профессию ювелира, упрасивала Славу подписать договор с какой-то ювелирной компанией, которая искала более выгодных условий сотрудничества на рынке их страны. А Яна, его сестра, решила использовать этот шанс, чтобы уйти из фирмы, в которой работала сейчас и занять более высокую должность в новом проекте.

Слава не прочь был помочь сестре. Да и рынок драгоценных металлов и бижутерии обещал немалую прибыль. Однако стоило первоначально досконально все изучить. А это требовало времени.

Пару раз Слава даже жалел, что не попросил номер телефона у Наташи. И серьезно раздумывал над тем, чтобы спросить Дениса. Но обрывал себя.

Он не встречался с женщинами, которые вызывали его интерес, как люди. Может это и казалось со стороны грубым, потребительским отношением к девушкам, но так было гораздо

проще расстаться после пары ни к чему не обязывающих ночей. Он не нуждался в том, чтобы женщина, которая сумела проникнуть к нему в душу, которая смогла вызвать восхищение и интерес не только своей внешностью, но человеческими качествами — из жалости или сочувствия проводила время с ним, не имея на данный момент никого лучшего, чем инвалид. Хватит, подобный опыт у Святослава уже имелся, и повторения — не хотелось.

Он мог общаться, дружить с Наташей, но не хотел рассматривать ее, как женщину, с которой мог бы... Черт!

Да вот только, как Слава не старался, нечто в нем упорно игнорировало доводы разума, опыта и гордости. И никакие попытки образумить себя не давали результата.

Наташа нравилась ему. Нравилась, как женщина, за которой он хотел бы ухаживать по всем правилам. А ведь Святослав давно решил, что никто не стоит такого отношения.

Она вызвала его интерес, как человек, с которым было приятно и легко проводить время, получая удовольствие от общения. А еще, его тело никак не желало забывать те несколько минут, когда он обнимал ее, крепко прижав к себе в бассейне. Казалось, что касание ее кожи, ее тела отпечаталось в его памяти, в каждой его мышце, будто выжженное каленым железом.

И одного воспоминания об этом оказывалось достаточно, чтобы вызвать напряжение во всем теле и заставить обзывать себя идиотом в уме. Но и нелестные эпитеты в свою сторону, не избавляли его от соблазнительных картин ночами, в те недолгие часы, пока Слава спал, да и во время бодрствования...

И сложно было бы отрицать, что Ната снилась ему все эти ночи.

Именно поэтому, ему стоило подальше держаться от нее. Об этом свидетельствовал весь его опыт, и этого же требовал здравый смысл и гордость, уже имеющая горький урок.

Однако, несмотря на все его старания и попытки выбросить Наташу из головы, Святослав не удержался, и завернул на парковку у Кофейни в среду. Хотя и сам себе не смог бы объяснить, как именно оказался на этой дороге, направляясь в Киев по делам. По набережной добраться до трассы было гораздо проще и быстрее...

— Это ты хорошо придумал, — Андрей кивнул. — Ехать нам долго, хоть кофе нормальный в дорогу возьмем. Сестра Дэна хороший кофе делает, — друг задумчиво сдвинул брови. — Как ее зовут, не помнишь? — Андрей вопросительно посмотрел на него.

— Наташа, — даже ему самому показался сухим тон, которым Слава ответил.

Отчего-то, простые слова друга рассердили его. Хотя, казалось бы, ничего такого в них не было. Но он до сих пор не рассказывал Андрею, что ближе познакомился с Наташей на выходных.

— А, да, точно, — кивнул друг. — Вылетело, как-то.

Святослав едва удержался от того, чтобы не повернуться и удивленно не уставиться на Андрея. Он не мог себе представить, как ее имя могло «вылететь»...

Однако лишь щелкнул замком на своей дверце и вышел в туман, который окутал в эту среду их город.

Не успели друзья подойти к дверям Кофейни, как у Андрея зазвонил телефон. Чертыхнувшись, тот полез за пазуху и, махнув рукой Славе, нажал на прием.

— Мне двойной эспрессо, — прошептал он уже одними губами, ответив «алло», и сделал пару шагов по тротуару, отходя от входа.

Кивнув, Святослав зашел, испытывая неуместное облегчение. И почему-то, даже звон колокольчика над дверью, показался ему радостным.

Наташа находилась в зале. Она была тем единственным, кого безошибочно выхватили его глаза из всего многообразия посетителей кафе и множества предметов обстановки. Хозяйка разговаривала с одним из официантов в другом конце зала, освещенного приглушенным светом. Но стоило входному колокольчику звякнуть, она перевела глаза на двери. И улыбнулась так открыто и радостно, что Святослав, при всем раздражении на свое поведение, не смог удержаться от ответной улыбки.

Подняв руку в приветственном жесте, Ната что-то сказала своему собеседнику и тут же направилась в его сторону. Он кивнул ей, наблюдая за приближением женщины. Сегодня она оделась в простую блузу и темные брюки, которые казались не очень надежными при такой непостоянной погоде. Однако, несомненно, очень шли ей, подчеркивая достоинства фигуры, которые ему не хотелось видеть. А на отвороте воротничка, опять была приколата та же брошка, в виде колокольчика. В походке Наташи остался лишь намек на хромоту. Слава не ошибся в прогнозах — к субботе, все, наверняка, будет в норме.

И как никогда до этого, он пожалел, что от его собственного изъяна не существует таблеток.

— Привет, — задорный и веселый голос Наташи, казалось, в один момент развеял озлобленность Славы на собственное тело. А на душе стало так же тепло, как и всегда, рядом с нею. — Я очень рада, что ты пришел, — она остановилась в двух шагах, продолжая улыбаться.

— Привет, — он и хотел бы сдержаться, но не мог не улыбаться, глядя на нее. Почему-то, даже серый, промозглый и отвратительно-туманный день, стал светлее, будто выглянуло солнце, задев его кожу касанием своих лучей. — Как нога?

— Хорошо, правда, — она с энтузиазмом кивнула головой. — Смотри, Слав, я уже почти не хромаю, — Наташа сделала еще один шаг, чтобы продемонстрировать свои успехи, но в этот момент, словно кто-то невидимый решил опровергнуть ее заявление, поврежденная нога подвернулась, и Ната споткнулась. — Ой! — Наташа выглядела удивленной.

Святослав резко вытянул ладонь вперед и обхватил ее руку, поддерживая растерявшуюся собеседницу.

— Не так шустро, Наташ, — не удержавшись от мягкой усмешки, Слава помог ей восстановить равновесие. — Я же видел, как ты шла ко мне. Но не стоит переусердствовать.

Она нахмурилась, скривив забавную рожицу, чем еще больше рассмешила его.

— М-да, будет мне наука, — Наташа усмехнулась, посмеиваясь над самой собой.

Но не отпустила его руку. И он держал ее ладонь.

И возможно, гораздо крепче, чем в том имелась нужда.

— Хорошо, что ты пришел, а то могла бы и упасть, только испортив все, и получила бы новую травму, — Наташа смотрела прямо на него.

Святослав решил не обращать ее внимания на то, что если бы не его приход, она навряд ли оказалась бы в подобной ситуации. Может и глупо, но Славе очень нравилось то, что ему здесь так рады.

— Вообще-то, я не просто так, Наташ, — с сожалением он вспомнил о том, что вот-вот может появиться Андрей. — Мы в Киев едем, — Слава махнул рукой назад, туда, где по его представлению, в окна был виден друг, разговаривающий по телефону. — Решили заехать, выпить хорошего кофе. Потому как, — Святослав усмехнулся, и вдруг поймал себя на том, что поглаживает большим пальцем центр ее ладони, которую так и держал своей. — Сложно, оказалось, пить кофе Андрея после твоего..., — он пожал плечами, но так и не смог заставить себя прекратить неуместную ласку.

Наташа, казалось, улыбнулась еще шире.

— Хорошо, я сейчас сделаю тебе кофе. Невозможно отказать, когда так льстят, — она лукаво подмигнула Славе, и совершенно не предпринимая никаких попыток высвободиться, даже наоборот, обхватив своими пальцами его ладонь, Ната потянула Святослава за собой к стойке.

Он и не заметил, как пошел за ней.

— Мне б еще и для Андрея двойной эспрессо, — вдруг вспомнил Слава.

Наташа кивнула и бросила короткий взгляд на улицу, где Андрей, все еще, активно жестикулировал, разговаривая с кем-то по телефону.

— Хорошо, попросим сейчас Сергея и для него сделать, — она подошла к стойке баристо и вдруг, Слава заметил, как Наташа еще раз обернулась к улице. Ее брови сошлись над переносицей, а губы сжались чуть крепче.

Он напрягся вслед за ней, не понимая, что послужило причиной. Даже на минуту решил, что Наташу что-то испугало, потому как ее пальцы сильнее сжали его кожу. Может, увидела кого...

— Там же такая погода отвратительная, Слава, — проговорила она, и он не поверил себе. Неужели Наташа беспокоилась? — Вы что, на машине едете? Но ведь туман, гололед, — Ната обернулась и посмотрела прямо ему в глаза. — Это полный ужас, как ты доедешь?!

«Ты»...

Он моргнул, впервые испытал такую растерянность от простых слов. Наташа о нем беспокоилась. Именно о нем...

— Да, ничего, Наташ, — он опять передернул плечами. Хотел взъерошить волосы, не зная, как не показать своей растерянности. Однако, осознав, что для этого придется отпустить ее руку — отказался от подобного жеста. — Мы с Андреем привычные, нам не в первый раз, — наверное, не было ничего необычного в том, что она ощущает привязанность и беспокойство к человеку, который дважды поддержал ее в трудный момент. Тем более что у Наташи имелся отрицательный опыт касательно людей. Вот и все. И нечего строить глупые домыслы, поддаваясь ничем не оправданной надежде.

— Не знаю, погода, просто ужасная, сколько бы опыта у вас не было, — покачала она головой.

И с сожалением, которого даже не пыталась скрыть, высвободила свою руку.

Святослав не препятствовал. Просто стоял и наблюдал за ней.

— Подожди меня здесь, — одарив Славу странным взглядом своих синих глаз, Ната осторожно шагнула, огибая край стойки.

Он послушно остался на месте, лишь наблюдая за ее действиями. Это ведь было можно? Даже друзья смотрят друг на друга...

Наташа сказала пару слов парню, который, очевидно, и был тем самым Сергеем. Он кивнул и принялся готовить напиток. А сама хозяйка взяла банку с зернами кофе и повернулась к одной из кофеварок, ровным рядом стоящим у стены.

Святослав улыбнулся — требуя от нее сохранить его любовь к сладкому в тайне, он даже не думал, что Ната настолько серьезно отнесется к той просьбе. Однако ему было чертовски приятно, что она лично готовит кофе для него. Было в этом что-то такое..., сближающее, что ли.

Или же, он просто прогрессирующе тупел.

Святослав заставил себя стать серьезней и адекватно смотреть на вещи. Улыбаться расхотелось.

В этот момент он услышал, как рядом остановился Андрей.

— А она, таки, очень и очень, — друг внимательно присмотрелся к Наташе, которая стояла в полоборота к ним. Слава как раз пытался разобраться, что именно она говорит. Он видел, как шевелятся ее губы, когда Наташа наливала его кофе в стакан. Но слов не было слышно. — Вот только волосы смешные, не очень люблю девушек с короткой стрижкой. Хотя ей идет, — задумчиво протянул Андрей.

От этого замечания друга, захотелось резко развернуться и..., и сделать то, что друг не должен делать. В конце концов, Андрей не сказал ничего такого, что могло спровоцировать такой гнев, который Слава, внезапно, ощутил внутри. Он же не знал ничего о Наташе. И не надо оно ему.

Но даже сам факт, что тот позволил себе разглядывать Нату и высказываться о ней — злил Славу. Хотя, сам он, тоже смотрел на нее. Пусть и молча.

И все равно, настроение испортилось мгновенно.

Андрей по-своему истолковал мрачное выражение лица друга.

— Слав, ты так-то не хмурься, — он толкнул Славу в бок. — Это же сестра Дениса. Хоть из уважения к нему, будь с ней вежливым. Я знаю, насколько ты низкого мнения о женщинах. Но сделай исключение.

Святослав не выдержал, развернулся и в упор посмотрел на друга, искренне не понимая, как он пришел к мысли, что к Наташе можно относиться плохо?

Но тот уже не смотрел на него. Внимание Андрея было приковано к хозяйке Кофейни. И то, что Слава заметил в глазах друга, заставило его до ломоты стиснуть челюсти, а пальцы, непроизвольно, сжаться в кулаки. Будто бы он хотел сберечь ощущение тепла ее ладони в его

руке. Уберечь то небольшое, что смог получить от Наты.

Но, тем не менее, несоизмеримо большее, чем имел Андрей.

— Вот, — прервав странное, напряженное молчание, которое едва ли не впервые повисло между друзьями, к ним подошла Наташа. — Ваш заказ.

Она кивнула Андрею, здороваясь, но протянула поднос Славе, и улыбнулась только ему.

Или он просто хотел в это верить. Ну и пусть. Мотнув головой Андрею, чтобы друг расплатился, потому что его руки заняты, он повернулся к ней, пока тот отошел к кассе.

— Спасибо, — голос Славы прозвучал резко и напряженно, но Ната даже не вздрогнула. Наоборот, ее улыбка стала чуть шире, а пальцы скользнули по его ладони, когда Святослав забирал поднос. — Нам пора, — немного хрипло проговорил он, ощутив это мимолетное касание.

Она кивнула.

— Приходите еще, и не только, когда уезжаете, — улыбка Наташи казалась совершенно естественной и спокойной. Пожалуй, даже ничего не значащей. И он рассердился на себя за то, что позволил воображению разгуляться.

Кивнув, Святослав отвернулся и, буркнув «пошли», грубо прервал вернувшегося Андрея, который как раз собрался что-то сказать Наташе. Тот был вынужден попрощаться.

Но уже отойдя шага на три, Святослав замер, бессмысленно глядя в удаляющуюся спину Андрея, идущего впереди. Он знал, что ему не послышался тихий, нежный, и немного обеспокоенный голос, четко произнесший: «будь осторожным, Слава, пожалуйста».

Все, на что Слава оказался способным — это кивнуть, не оборачиваясь, и быстро уйти, убираясь от того, что вызывало диссонанс между опытом и внезапно появившимся желанием. Уходя от той, кто породил это разногласие внутри его разума.

Суббота, 17 января

Сложно было объяснить, что именно он тут делал. Даже самому себе.

Святослав всматривался в наступающие сумерки, окутывающие трассу туманом, вперемешку со снегом, и удивлялся своему странному поведению. Меньше всего он собирался идти на этот их дурацкий «Новый год».

Специально отказался возвращаться с Андреем в родной город вчера вечером. И друг, которого родные звали домой перед Крещеньем, поехал на Экспрессе.

В принципе, у него действительно еще были дела в столице. Да и компания, с которой Святослав и Андрей вели сейчас переговоры, просила их задержаться, если выйдет. Славу, вроде как, никто и не торопил.

Он даже попытался пересилить себя и быть милым, когда вчера, после отъезда Андрея, представители фирмы, решив, что ему скучно, вытащили Святослава на какую-то вечеринку. Только его все раздражало в шумном и гудящем ночном клубе, куда они пошли. Не выдержав, Слава уехал меньше через час. Один, проигнорировав недвусмысленные намеки девушек,

которых его вероятные партнеры привели с собой «для компании».

Однако и, несмотря на это, он не планировал ехать назад.

Не собиравшись он возвращаться домой и тогда, когда уходя из клуба, позвонил другу, случайно оказавшемуся в тот вечер в столице. Ни, даже встретившись с ним, удивив того своей странной просьбой; ни зайдя потом в ближайший супермаркет, чтобы завернуть небольшую пластиковую коробку в упаковочную бумагу — Слава не думал ехать обратно.

Однако, вот он здесь, в восьмидесяти километрах от родного города, едет на этот праздник. И все потому, что сегодня утром ему позвонил Денис, объясняя, что Наташа напоминает Славе о приглашении и очень надеется на его присутствие.

Совсем не умно, но сразу же после этого, Святослав позвонил на фирму, сообщив, что оставшуюся часть переговоров они проведут через интернет. И бросив в багажник сумку, отправился домой. И более того, испытывал радость, поступая таким образом.

Он устал бороться и убеждать себя в том, что ему не стоит увлекаться Наташей. Хотя бы потому, что уже ею увлекся. Да и она, как казалось, не скрывала, что он интересен ей.

Не то, чтобы Слава уверился в целесообразности риска подобной пробы. Но провести вечер с тем, с кем он сам хотел, Святослав мог себе позволить.

Веселая музыка, мимовольно, вызывала улыбку на лице. Было забавно и здорово наблюдать за празднующими друзьями. Ей, вообще, нравилось проводить с ними время. Вместе они всегда находили способы сделать жизнь проще и ярче. Красочней.

Даже в прошлом году она не отказалась от их небольшой традиции, несмотря на все, что с ней приключилось. И хоть ни Денис, ни она сама никому не рассказывали о нападении, друзья, словно ощутив, как Наташа нуждается в их легком общении, сделали все возможное, чтобы праздник получился незабываемым. И ей стало гораздо легче на прошлый Новый год.

А вот в этот раз, вроде бы и не случилось ничего, а ей никак не удавалось поднять себе настроение.

Наташа покачала головой на вопросительный взгляд брата и улыбнулась, пытаясь придать себе бодрый вид.

Нет, честно, ей было весело. Просто, могло быть и веселее, если бы Святослав все же решил прийти.

Ната не могла не отметить, что очень уж сильно этот человек влиял на ее настроение. Причем, в совершенно разных направлениях.

Она почти всю ночь не спала в среду, если честно, волнуясь о том, как он добрался до Киева. Хотя, ну с чего бы? И только в четверг, окольными путями выведав у Деньки, что все нормально, и Слава с Андреем решают какие-то вопросы в столице, успокоилась, клятвенно пообещав себе, что как только встретит Святослава в следующий раз — уговорит его дать ей номер телефона. Может и не совсем верно с точки зрения этикета, но надо же и свои нервы поберечь.

Да и сегодня, когда, казалось бы, можно расслабиться и всюю наслаждаться жизнью — она

сидит и грустит потому, что Слава не появился.

Опершись локтями на столик, за которым сидела в одиночестве, Ната обвела глазами второй обеденный зал Кофейни, который они сегодня заняли. Всего собралось человек двадцать пять, она точно не считала. Столы стояли вдоль стены, накрытые фуршетом, позволяя свободно общаться во время поглощения закусок. Скоро должны были начаться конкурсы и развлечения, которые придумала и расписала поминутно Лена. Пока же все просто болтали.

Большая часть ее друзей бродили от группки к группке, переговариваясь и обмениваясь последними новостями. Кто-то знакомил новых людей, которых пригласили, со «старичками». А вот ей хотелось побыть в одиночестве. Потому Ната и сидела здесь, в уголке, раздумывая над своими странными перепадами настроения.

Наташа съюлила бы, сказав, что не понимает, отчего так волнуется о мало знакомом человеке. Ей было совершенно понятно, почему его отсутствие вызывает грусть — он ей нравился.

Очень сильно.

И не только потому, что просидел четыре часа на ее кухне, успокаивая Наташу. Хотя и такой поступок не был столь уж банален и среди близких знакомых.

Что тут придумывать — Святослав заинтересовал ее с первой встречи. И чем больше она узнавала его, тем больше понимала, что уж слишком близко этот мужчина подобрался к ее идеалу, о котором раньше Ната даже не задумывалась. Зато за последние несколько дней, она с удивлением осознала, что практически всех знакомых мужчин сравнивает с ним. И пока, к немалому удивлению Наты, «корпус в корпус» шел только Денька. А ведь это о многом говорит.

Вот только волнение и напряжение, которое Ната испытывала рядом со Славой, определенно, не имели ни малейшего сходства с сестринской привязанностью, которую она испытывала к брату.

Наташ имела честность признаться себе, что хочет Святослава, как мужчину. И более того, сила, с которой он возбуждал ее, даже немного удивляла и настораживала. Слишком уж выраженный спектр эмоций Ната ощущала, как для недели знакомства.

Однако она обладала смелостью, чтобы честно признать и принять это.

Оставался неясным только один вопрос — как сам Святослав воспринимал ее? Тогда, в бассейне, она даже смутилась, ощутив его реакцию на их объятия. Однако ту ситуацию можно рассматривать как экстраординарную. В конце концов, если размышлять логически, вероятность того, что любой мужчина отреагировал бы на прижавшееся к нему почти обнаженное тело любой девушки — достаточно высока.

Но ей очень хотелось верить, что логика тут ни причем. И она просто понравилась Славе не меньше, чем он ей.

Еще раз вздохнув, Наташа для вида пригубила коктейль, стакан с которым задумчиво крутила пальцами все это время. Да уж, ей стоило взбодриться и более активно поработать над созданием у себя хорошего настроения. Определенно, стоило.

— Ты обещала, что мне будет весело с вами, но вот сама, что-то, кажешься не очень веселой? — этот глубокий и насмешливый голос, которого она так ждала, заставил Наташу резко обернуться.

Ее глаза наткнулись на изучающий взгляд зеленых глаз, которые с озорной усмешкой смотрели прямо на нее.

— Слава..., - она не удержалась от того, чтобы произнести вслух его имя, понимая, что начинает улыбаться слишком широко. Но ничего не могла с собой поделать — настроение, в один момент, подскочило с «задумчивого» до «эйфоричного». — Привет, — она едва не рассмеялась от радости, что он приехал. — Я так рада, что ты, все же, смог прийти.

— Да, — он отодвинул свободный стул, и чуть напряженно опустился на него. — Вернулся после переговоров раньше, чем рассчитывал, и оказалось, что нечем заняться вечером. Решил зайти, — мужчина передернул плечами.

Наташа присмотрелась — в полутьме и бликовом освещении празднично украшенного зала, ей показалось, что Слава старался снять напряжение со спины. Но она не хотела, чтобы он решил, будто она чересчур пристально его рассматривает. Хотя именно так и было. Как и все предыдущие разы, Наташа просто не могла не смотреть на Святослава.

А еще, она знала, что он обманывает — Денис был уверен, что еще утром Слава находился в Киеве. А за день приехать домой, и после этого пойти куда-то, а не завалиться спать — никакая скука на такое не сподвигнет.

Эта мысль заставила Наташу улыбнуться шире.

— Я рада, что ты пришел, — повторила она, и отодвинула стакан, опасаясь, что может опрокинуть на себя напиток. Уж очень пальцы тряслись от нахлынувших эмоций. — И не волнуйся, мы тебе заскучать не дадим.

Слава хмыкнул, но его улыбка была доброй.

— Ну, не знаю, я вредный, — он потер затылок, будто расслаблял уставшие мышцы и взъерошил волосы. — Андрей считает, что мне плохо дается непринужденное общение в компаниях. Так что, не суди, если что, — он немного склонил голову, так же пристально, как и она сама смотрела на него, наблюдая за Наташей.

— Ты можешь ни с кем не общаться, если не хочешь, — она махнула рукой, пытаясь хоть немного выплеснуть чувства, которых оказалось немного чересчур. — Хотя, мне показалось, что ты очень приятный собеседник. Я не согласна с Андреем. Да и Денька о тебе очень высоко мнения, — Наташа опять ухватила за стакан и сделала глоток, просто, чтобы чем-то руки занять.

Странно, но ни разу за все общение с ним, она не чувствовала неудобства или неловкости, а сейчас, когда вокруг было столько людей, она ощущала себя не в своей тарелке. И все потому, что Слава держался как-то отстраненно, совсем не так, как в бассейне, или воскресным утром на ее кухне, когда они были только вдвоем.

Наташа решила, что ей не нравится такое его поведение, и она сделает все, чтобы заставить его опустить свою «броню».

Святослав все так же смотрел на нее, словно бы изучал или пытался понять, о чем именно Ната думает. А потом, положил что-то на стол.

— Вот. Не знаю, принято ли у вас дарить подарки, — он как-то непонятно произнес это, стараясь смотреть не на нее, но то и дело скашивал глаза, ожидая реакции. — Но как-то

неудобно показалось явиться на Новый год с пустыми руками, — подтолкнув небольшой сверток к ней, Слава все же, повернулся.

— Ой, — Наташа даже растерялась, — а у меня нет для тебя подарка, — честно призналась она.

И не в силах бороться с любопытством, дотронулась пальцами до тонкого свертка, завернутого в красивую упаковочную бумагу с рождественскими колокольчиками на красном фоне.

Святослав усмехнулся уголками губ, наблюдая за ее осторожным исследованием.

— Да мне и твоего кофе будет достаточно, — небрежно пожав плечами, отмахнулся он.

Ната улыбнулась и, наклонившись к свертку, начала распаковывать его, осторожно поддевая клейкую бумагу ногтем.

— Ты мог бы пить мой кофе каждое утро, между прочим, — с усмешкой ответила она, даже губу закусив от усердия, с которым разворачивала подарок. А потом подняла голову и с удивлением обнаружила, что Святослав как-то странно и напряженно смотрит на нее потемневшими глазами. Даже немного ошарашенно, пожалуй. — Если бы приезжал в Кофейню перед работой, — закончила Наташа мысль, недоумевая этой непонятной реакции. — Что такое, Слав?

— Ничего, — он резко мотнул головой, а его лицо стало непроницаемым. — Я рано начинаю работать, так что, вряд ли, — почти равнодушно проговорил он и нахмурился.

Такой тон Святослава ни капли не смутил Нату.

— А я рано открываюсь, Слава, — глядя прямо в его зеленые глаза, спокойно улыбнулась она, и наконец-то отвернула один край бумаги. — Ах...ах!

Пожалуй, впервые Ната потеряла дар речи, находясь рядом с ним.

Ее глаза удивленно и даже пораженно распахнулись, когда она осознала, что именно держит в руках. Зато на лице Славы расплылась широкая улыбка, которую тот, несмотря на все свои старания, так и не смог скрыть.

— СЛАВА!! — Ната попыталась унять свой восторг, но вышло не очень хорошо, голос звучал явно выше на пару тонов, чем следовало. Несколько человек неподалеку от их столика, даже обернулись, чтобы узнать, что именно так обрадовало Наташу. — Как?! — она постаралась успокоиться и сделать вдох.

Святослав все это время только молчал, наблюдая за ее реакцией и широко, довольно улыбался.

Он не успел ответить, Наташа сама же его и прервала.

— Он же должен был выйти только в марте?! — она все с тем же восторгом смотрела то на него, то на CD-диск с новым альбомом той самой группы, о которой они так яростно спорили утром прошлого воскресенья. — Думаешь, если я закричу от восторга, это будет слишком, да? — немного застенчиво спросила Наташа. — Люди и так уже оглядываются. Но..., черт! Слав, как ты его достал за два месяца до выхода?!

Он хмыкнул и покачал головой, откинувшись на спинку своего стула. И Наташа заметила, что

впервые с момента своего прихода он расслабился и посмотрел на нее так, как во время предыдущих встреч. Без всякого непонятого и загадочного выражения. Святослав просто был доволен тем, что доставил ей столько удовольствия своим подарком.

— А это ты еще не кричала? — с мягким подшучиванием, вопросом ответил он на ее вопрос о крике. — Прости, не понял сразу, — он развел руками.

— Слав, — она в шутливой обиде толкнула его кулачком в плечо, даже не придав значения этому жесту. — Ну, серьезно, как?!

А вот руку забрать не смогла.

Слава поймал ее ладонь стремительным движением и теперь, с весьма довольным видом, держал пальцы Наташи в своих руках.

— Серьезно? — усмехнулся он. — Разве это не испортит таинственности подарка, если я расскажу? — с загадочной интонацией протянул он.

— Ни капельки, — тут же покачала она головой, умирая от любопытства. А потом, открыв коробку свободной рукой, просто застыла, кажется, так и замерев с приоткрытыми от изумления губами. — Господи, тут даже автограф есть....

Ей пришлось закрыть рот свободной ладонью, отпустив коробку. Иначе, она не сдержалась бы, и не то, что закричала — завизжала бы от радости.

Ну и что, что Ната была взрослой и разумной? Это же не исключала того, что она могла испытывать восторг, слушая музыку этой группы. И оттого — подарок Святослава оказался просто нереально замечательным для нее.

— Все просто, на самом деле, — Слава, продолжая улыбаться, смотрел на ее неприкрытую радость. И, будто сам не замечал, что гладит ее ладонь. — Они записали альбом еще в декабре. А так уж вышло, что я очень неплохо знаком с солистом — приглашал их несколько раз для концертов в интернате, который курирует наша фирма. Вот он и пошел мне навстречу, когда я попросил один диск для друга, — Святослав чуть наклонил голову, изучающе глядя на нее, пока говорил.

А Наташа все еще не могла успокоиться, едва не подпрыгивая на стуле от радости и нетерпения прослушать его подарок.

— Только, Наташ, — Слава сжал ее ладонь, привлекая внимание. — Они очень просили, не выкладывать песни в интернет. Сама понимаешь, там много нового, и ребятам хотелось бы сохранить сюрприз для всех своих фанов. Я пообещал, что тебе можно доверять. Не подведешь? — он шутливо подмигнул.

— Слав, я никогда бы не подвела тебя, — серьезней, чем собиралась, проговорила Наташа, безумно тронутая тем, что он сделал. — Спасибо, огромное. Спасибо...

Они замолчали, замерев на секунду от того, что встретились глазами. И каждый увидел во взгляде другого нечто такое, что заставило дыхание прерваться.

— Похоже, одного кофе с меня будет мало, — Наташа моргнула и с улыбкой попыталась развеять напряжение, которое повисло над столиком. Но так и не заметила, что Святослав все еще держит ее руку в своей. А она не сопротивляется. — Тебе, все же, придется приезжать

каждый день. За такой подарок — будет сложно отблагодарить.

— Пока... я согласен и на одну порцию, — Слава поднес ее пальцы к губам и легко поцеловал, а потом положил руку Наты на стол, словно возвращая ей ее же кисть.

Она не смогла удержать дрожи, которая прошла по нервам от этого, почти не ощутимого касания. Но не успела найти с ответом.

— Привет, Слав, хорошо, что таки выбрался к нам, — Денис, приблизившись к их столику совершенно незамеченным, неожиданно присоединился к беседе. Он приветственно кивнул Святославу, и будто не заметил, что нечто изменилось в глазах друга при его появлении.

А вот Наташа раздосадовано закусила губу, увидев, что Слава опять стал неприступным и чужим. И всего лишь за один короткий миг. Черт! Ее начинали раздражать эти его маневры.

Однако, так же быстро, как «захлопнулся», Слава и улыбнулся, расслабляясь. Очевидно, осознав, что от Дениса нет нужды скрываться за обычной отстраненностью.

— Привет, — кивнул он в ответ. — Да, вот решил. Сложно было отказаться, когда так ждали, — он с лукавым блеском в глазах посмотрел на Наташу.

Она должна была бы смутиться, но не смогла.

И вдруг, привлекая к себе ее внимание, Денька с ужасом застонал, увидев, наконец, что именно сестра держит в руках.

— Нет! — Денис отчаянно замотал головой. — За что?! Кто это сделал?! — и он обвиняюще посмотрел на недоумевающего Святослава, который не понимал, чем вызвал такое возмущение в друге. — Она же меня теперь замучает этим диском!! — Денис закатил глаза в наигранном отчаянье. — А я так надеялся, что у меня еще есть пару месяцев блаженной тишины..., - выражение лица Деньки можно было описать только как скорбное.

Наташа, не выдержав, наконец, этого цирка, прыснула, громко рассмеявшись открытым и искренним смехом.

— Ничего, ради любимой сестры — потерпишь — весело произнесла она, поднимаясь со своего стула. — Спасибо, Слава, — Наташа шагнула вперед и наклонилась, так же легко, как он сам пару мгновений назад, прикоснулась губами к его щеке. — Сейчас моя очередь, пойду, сделаю тебе кофе, — она улыбнулась и, отвернувшись, пошла в первый зал, весьма довольная тем, что Слава определенно не ждал от нее такого поступка. А потому, не успел скрыть в глазах выражение удовольствия от этого касания.

Вот и хорошо. Именно этого Ната и добивалась.

Глава 6

Потребовалось значительное усилие с его стороны, чтобы сохранить невозмутимый вид.

Черт! Слава совершенно не ждал, что Наташа его поцелует. Пусть и так, в щеку. От этого легкого касания ее губ к его коже — Славу будто током ударило.

«Да и вообще, разговор с ней сегодня, оказался слишком...», он задумался, «выматывающим, что ли. Искушающим».

Святослав потер лицо ладонью, пытаясь прогнать усталость, и только отмахнулся, когда Дэн предложил ему стакан с каким-то коктейлем. Только выпивки Славе и не хватало. И без алкоголя уже такое в словах Наты чудится, что впору убираться восвояси.

Серьезно, ведь понятно же, что не стала бы она о таком говорить, да еще и с ходу. И все равно, даже стараясь себя образумить, Святослав не смог прогнать из воображения картины, навеянные ее неосторожными словами о кофе с утра... Только в них, почему-то, Наташа находилась совсем не в Кофейне. Он, почти наяву, увидел ее в своей постели, обнаженную, с растрепанными и взъерошенными короткими волосами, еще дремлющую после ночи, проведенной с ним.

От этой картины — захватывало дух.

И поразительным было не то, что его мысли двигались в таком направлении, в конце концов, Святослав уже смирился с тем, что вопреки здравому смыслу, его тянет к этой женщине. А вот желание привести ее в свой дом — удивляло.

Слава мало кого допускал туда. И не то, что женщины, даже не все его друзья бывали у него в гостях.

Его дом был крепостью Святослава в полном значении этого слова. Единственным местом, где он позволял себе расслабиться и опустить все свои защитные барьеры. Дома — он был самим собой, а оттого, никогда не приглашал туда посторонних. Не хотелось ему ощутить себя неуклюжим под чужим взглядом, поднимаясь по лестнице, которую Слава так любил. Или выслушивать удивленно-недоверчивые вопросы, окрашенные жалостью, о том, как он может справляться с таким жильем.

Для женщин имелось достаточно гостиниц. Никого из них Слава не приводил в свой дом, какие бы отношения их не связывали. Но Наташу, отчего-то, он не мог себе представить ни в каком другом месте, кроме собственной спальни и его собственной постели. Ни один, даже самый дорогой гостиничный номер, не стоил ее.

Не то, чтобы его спальня имела настолько уж шикарные характеристики.

Просто он хотел видеть ее там. И все.

Чертыхнувшись сквозь зубы и мотнув головой на недоуменный взгляд Дениса, который, сидя на освободившемся после ухода Наташи стуле, болтал о чем-то с трехлетним мальчуганом, Слава уперся локтями в стол. Постарался понять, о чем говорят его соседи, хоть и сомневался, что с ребенком можно вести какой-то диалог помимо сюсюканья. Но был удивлен.

Сын Алексея, с которым сам Леша уже успел его познакомить, как и с женой, впрочем, достаточно внятно и последовательно рассказывал «дяде Дени» про шахматы, в которые он играл вчера в каком-то центре.

Не совсем поняв, то ли именно этот малыш слишком умный, то ли его мнение о детях в целом оказалось излишне предвзятым, Святослав покачал головой и встал из-за стола, ощущая странную нужду в движении, жажду каких-то действий. Хотя, казалось бы, единственным его желанием должно было бы стать стремление скорее добраться до кровати и поспать. Шесть часов за рулем по такой трассе — кого угодно могли бы выбить из колеи. Однако хотелось совсем не сна.

— Ты куда? — не отвлекаясь от беседы, поинтересовался Дэн. — Сейчас конкурсы начнутся. Да

и Ната вот-вот вернется.

— Я на минуту. Выйду, свежим воздухом подышу, — отмахнулся Слава, и пошел к выходу из зала.

Наташу он не искал. Во всяком случае, Слава очень старался себя в этом убедить.

И все же, увидев ее за стойкой баристо в первом зале, о чем-то разговаривающую с одним из официантов — уже не мог и подумать, чтобы куда-то еще идти.

Он направился к ней через зал, не замечая людей, которые пили кофе за столиками. Все его внимание было поглощено этой женщиной.

Сегодня, очевидно по случаю праздника, Наташа надела платье. Он впервые видел ее не в брюках. И Слава не мог не признать, что ему понравился вид ее стройных ножек обтянутых чулком, когда он наблюдал за ее уходом. Небольшой каблук на туфлях не добавлял Наташе роста. Во всяком случае, ему она казалась все такой же миниатюрной, но вот походку ее каблук менял кардинально, причем так, что мыслить ясно становилось трудно.

Само же платье было достаточно простым. Многие из девушек в том зале оделись гораздо нарядней. Простого серо-голубого цвета, с серебристой каймой по подолу на уровне колен и на рукавах, оно, тем не менее, прекрасно подчеркивало фигуру Наташи, облекая каждый изгиб. А у выреза красовалась все та же брошка, к необычному виду которой он уже почти привык.

Задумавшись об украшениях, Слава и не заметил, как нахмурился — он никогда не видел Наташу ни в чем, кроме серебра. Уж в чем-чем, а в драгоценных металлах Святослав, благодаря Яне разбирался. И теперь он удивился, отчего эта девушка, которая явно может себе позволить золото, носит украшения... недостойные ее.

Он выругался в уме.

Суждение Славы становилось все предвзятее и по-собственнически сужалось — а это было не хорошо. Она же, если посмотреть реально, ему никто — просто знакомая, сестра друга...

В этот момент Наташа обернулась и заметила его.

Она тут же радостно улыбнулась и, кивнув официанту, пошла Славе навстречу, держа в руках керамическую чашку с логотипом ее Кофейни.

— Мама, а почему дядя так смешно ходит?

Хихикающий голос девочки лет пяти-шести, прозвучавший позади, против всякого его желания, врезался в сознание Славы, вынудив остановиться. Он не обернулся, сделав вид, что не слышит, продолжая смотреть на приближающуюся Наташу.

— Тише, Аня, — мать, очевидно, попыталась одернуть излишне громкую дочь. Святослав вздохнул, в принципе, ничего нового или непривычного в такой реакции окружающих людей не было, но все равно, стало муторно на душе. — Нельзя так громко говорить об увечьях людей, или тыкать в них пальцем. Им неприятно, когда кто-то их обсуждает. Дядя — инвалид, потому и ходит так, — Слава не заметил, что сжал пальцы и сцепил зубы, пока не почувствовал ломоту в мышцах.

Вот так. Все просто, ясно, отрезвляюще.

Этот шепот болезненного людского интереса к чужому отличию и увечью сопровождал его столько, сколько он себя помнил. С самого раннего детства и вопросов детей во дворе его дома. И все равно, несмотря на всю привычность, такие разговоры за его спиной — причиняли боль.

Он инвалид.

И как бы Святослав не старался, в глазах окружающих людей он таким был, и таким же останется. А то, что Наташа реагировала не так — еще не показатель. В конце концов, может она просто удачней умеет скрывать свои мысли и отношение, чем другие люди или та же девчушка. А может, побоялась обидеть важного клиента брата...

Как бы там ни было, но Славе нечего делать тут. Лучше просто уехать, избавив ее от неловкости, а себя от очередной порции жалости...

— Вот твой кофе, — ее улыбка была все такой же открытой, когда Наташа остановилась рядом с ним, а в глазах не было ничего, кроме радости и женского интереса.

Ему так хотелось в это верить.

— Что, я долго готовила? — осторожно отдав чашку в его руку, которую Слава сам не заметил, как протянул, спросила Наташа. — Прости, мне надо было решить один вопрос, — он решил, что бредит, когда почувствовал, что она взяла его свободную ладонь своей рукой.

И не удержался, крепко сжал ее тонкую маленькую кисть, сплетя их пальцы.

Совершенно неожиданно для себя, Слава понял, что от такого простого контакта, отпускает, расслабляется некто, заледеневшее внутри после только что услышанного разговора.

Не могла же Ната это все только из вежливости делать? Или...

— Да, нет, — Слава осознал, что его голос звучит слишком хрипло и попытался прокашляться. — Захотелось выйти на улицу, подышать воздухом, — он постарался улыбнуться, не дав ей понять, что уже решил уйти, оставив эту чашку на одном из крайних столиков. Даже пробовать кофе не будет, несмотря на искушение аромата карамели. — Ты иди, Дэн про конкурсы что-то говорил, а я выйду на пару минут.

Наташа нахмурилась и так внимательно посмотрела на него, что у Славы мелькнула дурацкая мысль: «а не в самом ли деле Ната ведьма?». Уж больно «знающим» был этот взгляд синих глаз. Яснее он не смог бы объяснить.

— Куда тебе на улицу без куртки идти? Там же холодно, — как-то настороженно проговорила Наташа, и ее пальцы настолько крепко сжали его ладонь, что мало в чем уступали силе, с которой он сам вцепился в ее руку.

Это могло даже показаться забавным — то, как они стояли посреди зала, полного людей, и отчаянно цеплялись за пальцы друг друга. Только весело не было.

Он хотел, и не мог отпустить. Знал, что надо, и не выходило. Но так же не получится уйти.

— Да ничего, Нат, я на пару минут. Иди, а то пропустишь все, — он и не заметил, как назвал уменьшительное имя. Наверное, просто поддался порыву.

Но ее глаза продолжали смотреть прямо в его, удерживая Славу не менее крепко, чем ее

ладонь. А может и сильнее.

Черт! Это было полным бредом, но он мог уже поспорить, что она знала о его намерении уйти.

— Пошли со мной, Слав, серьезно, — Наташа ненавязчиво потянула его к двери во второй зал, где праздновали ее друзья. — Что за радость стоять на холоде и тумане? К тому же, обещанное веселье начинается, — она лукаво улыбнулась ему, но глаза Наты оставались такими же настороженными. — Уверена, Лена что-то хитрое для меня придумала, мне понадобится поддержка, — она еще сильнее вцепилась в его руку. — Пожалуйста, — тихо добавила Наташа.

Одно слово сломило все его внутренние решения и доводы.

Слава уже не сомневался, что Наташа все поняла. Не ясно как, но разгадала его намерение.

Однако разве можно уйти, если она просит?

Кивнув, словно бы для него не имело значения, что именно делать, Слава криво улыбнулся.

— А что, есть риск, что Лена что-то страшное придумала? — он поддался ее подталкиванию и пошел назад, в небольшой узкий проход, который соединял оба зала, крепко сжимая в одной руке ее ладошку, а во второй — чашку кофе, который она специально для него готовила.

Наташа рассмеялась на его вопрос. И при этом, колокольчик на броши весело звякнул, вновь привлекая внимание Святослава к ее украшениям.

— Ну, точно сказать не могу, с Леной никогда наверняка не скажешь, — она пожала плечами. — В прошлом году она заставила меня с завязанными глазами обходить тарелки на полу, которых, как потом выяснилось, там и уже не осталось. Их убрали, пока мне глаза завязывали. И они все ухахатывались с моих попыток не наступить на фарфор, но было, правда, весело, — Наташа с улыбкой покачала головой, вспоминая прошлые праздники, и маленькие сережки-гвоздики в форме звездочек в ее ушах сверкнули отблеском света.

— Почему ты носишь только серебро? — неожиданно и для себя, и для нее вдруг резко спросил Слава.

И даже поморщился от того, как прозвучал его голос. Словно он от подчиненного требовал ответа. Черт! Слава совершенно не хотел так разговаривать с Наташей.

Но она, казалось, тона не заметила. А вот от самого вопроса — даже опешила немного и остановилась, будто раздумывая.

— Ты не поверишь, — наконец, после минутного размышления, с улыбкой проговорила она и весело посмотрела на него. — Я никогда об этом раньше не думала, но..., похоже, мне не нравится то, что золото — желтое, — Наташа передернула плечами. — Думаешь, глупо? — немного застенчиво уточнила она, встречаясь с ним взглядом.

Что-то он ее все время смущает сегодня. Слава вздохнул и покачал головой, не удержавшись от улыбки в ответ.

— Да, нет, почему, это нормальная причина, — согласился он с ней и, воспользовавшись их остановкой в пустом проходе, отпил наконец-то свой капучино. — Да и звоночек так бы не звучал, будь золотым, — он кивком головы указал на ее брошь.

— Ой, — Наташа рассмеялась, — об этом я даже не думала. Мне мама брошку подарила не так давно, — тут же объяснила она, и какая-то тень мелькнула в синих глазах, вызвав напряжение в Славе. — Она считает, что звон колокольчиков будет защищать меня от всего плохого — чужих мыслей, сглаза, людей недобрых, — она пожала плечами и отвернулась, будто тема разговора враз ей наскучила. — Мы немного суеверные, если ты еще не заметил.

Слава крепче сжал ее руку.

Он не нуждался в уточнении, в принципе, мог бы поспорить, что знает, когда именно мать подарила Наташе эту брошь. И прекрасно понимал стремление незнакомой ему женщины защитить свою дочь любым возможным, пусть и несколько... странным на его взгляд, способом.

— Красивое украшение, — просто согласился он, — а вопрос суеверий — спорный. Вдруг, и правда, работает, — Слава подмигнул, когда Наташа с удивленным выражением обернулась к нему. — Ну что, пошли узнавать, что там у вас за конкурсы?

«В принципе, вечер удался», решила Наташа, довольно откинувшись на спинку стула.

Вокруг шумно и со смехом общались друзья, а на соседнем стуле, пусть и мрачней периодически, сидел Слава.

Отпив сока, чтобы смочить горло, пересохшее после того, как она со смехом наблюдала за попытками брата без помощи слов, жестами и мимикой, показать загаданный ключ своей команде. Садясь на свое место, Денька погрозил ей пальцем, с улыбкой пообещав, что еще придет его время смеяться. Но Ната особо не испугалась. Какие бы задания не придумывала Лена — те всегда были шуточными и добрыми, без всякой насмешки или издевки.

Официально, сегодня они все «играли в фанты». Вот только то, что вытягивал фанты из специального мешочка, с важным и сосредоточенным видом Лешик, а оглашала задания сама Лена, наводило на подозрения о «семейном заговоре» матери и сына. Уж больно подходящими оказывались требуемые действия.

Но никто и не думал возмущаться. Всем было весело.

В этот момент Святослав поймал ее изучающий взгляд и вопросительно поднял бровь. Она молча покачала головой. Все равно, при такой громкости музыки, которую включили для перерыва на танцы — смысла говорить не было.

Он улыбнулся ей уголками губ и тут же отвернулся к подошедшему Алексею. Мужчины начали о чем-то тихо переговариваться.

А Наташа только порадовалась в душе, что Святослав, все же, остался.

Ей стоило огромных усилий сдержаться и не отругать ту девочку в первом зале, когда она, неся кофе Славе, услышала громкий вопрос ребенка. Однако еще больше ей хотелось резко выговорить ее мать, которая не нашла ничего более умного, чем так же громко такое ответить. Возможно Наташа судила предвзято, но все равно, рассердилась.

Ната прекрасно видела, как изменился Святослав, хоть и виду не подал, что услышал этот разговор. Но он моментально стал настолько напряженным, и... словно наглухо закрылся, что Наташе не было нужды уметь читать мысли для понимания его желания уйти. А ей так хотелось, чтобы он остался.

Она что угодно готова была сделать, лишь бы Слава не уходил. Даже хитрить и требовать моральной поддержки. И сейчас Наташа просто радовалась, что это удалось, и он остался с ней.

Отпив еще глоток из своего стакана она, не задумываясь о своих действиях, поболтала сок, наблюдая за колеблющейся жидкостью.

Сегодня вечером, она с удивлением поняла, что и у Славы, несмотря на всю его физическую силу, твердую волю и все успехи в бизнесе, есть слабости, а может даже страх.

Ната еще не была уверена, что все правильно истолковала, но в ней поселилось убеждение, что вся ершистость и нелюдимость этого мужчины обусловлена лишь тем, что он привык к такому отношению людей. А настолько гордому и волевому человеку, наверняка, сложно было изо дня в день ощущать жалость.

В чем-то Ната могла понять его. После того нападения, она иногда до чертиков пугалась даже тени, или любого мужчины, проходящего мимо нее. Не просто избегала — шарахалась от противоположного пола, если только рядом не находился Денис.

Да что там говорить, Святослав был первым за этот год, кто вообще смог привлечь ее внимание и вызвать не просто дружеский интерес. Если честно, в последнее время Наташа уже стала побаиваться, что из-за того ублюдка, никогда не сможет доверять мужчинам настолько, чтобы испытать влечение к кому-то. Но стоило ей узнать Славу, и она поняла, что ее страхи были неоправданными.

Опять повернувшись к нему, она увидела, что Леша уже ушел, а Святослав сидит и внимательно смотрит на нее через столик. Ей не удалось понять выражение его зеленых глаз. А потому, Ната просто скопировала его недавний жест, и с улыбкой вопросительно приподняла бровь.

— Что? — прошептала Наташа одними губами.

Слава покачал головой, и тут, совершенно неожиданно, как и всегда, впрочем, широко и лукаво улыбнулся, едва не заставив ее поперхнуться от такого вида.

— Ты мне дашь свой телефон? — поинтересовался он, не перестав улыбаться, и немного наклонился, приблизившись к ней, чтобы перекричать музыку.

Все еще не восстановив дыхание, Наташа смогла только кивнуть.

А потом, и сама улыбнулась.

— Спасибо, — так же, перекивая песню, ответила она.

Слава растерянно моргнул и даже немного нахмурился.

— За что? — непонимающе спросил он.

— Ты меня спас от моральной дилеммы, — уже тише рассмеялась Наташа, потому что музыка стала затихать. — Я уже сама собиралась твой номер просить, но не была уверена, как ты отреагируешь на такую... настойчивость, — просто и честно призналась она.

Его глаза настолько пристально смотрели в ее, что Ната впервые в полной мере осознала

значение выражения «приклеиться взглядом». Святослав даже открыл рот, чтобы что-то ответить, но в этот момент, музыка полностью затихла, и раздался звонкий, громкий голосок Лешика:

— Кофе! — задорно прокричал малыш, размахивая небольшим пакетиком с зернами, и Наташа обернулась к подруге, зная, что это ее фант.

— Песня, — с луковой усмешкой поймав ее взгляд, загадала задание смеющаяся Лена.

Наташа притворно застонала и погрозила подруге кулаком.

— Черт! Я должна была предвидеть это, — шутливо пожаловалась она, поднимаясь со стула, и с улыбкой посмотрела на Славу, который уже откинулся на спинку стула и задумчиво смотрел на нее. — Нужно было соврать, что горло болит. Но, как видишь, я не обманула тебя — поддержка мне понадобится, — она подмигнула ему, стараясь вызвать улыбку. И обрадовалась, когда он поддался, усмехнувшись. — Только не вздумай смеяться, — уже отступив на шаг, она резко повернулась и, подозрительно сощурился глаза, ткнула в его направлении пальцем.

Улыбка Славы стала шире, а плечи мужчины подозрительно затряслись. Но он очень постарался подавить смех.

— Не буду, — не перестав улыбаться, ответил он. — Обещаю, — Слава даже клятвенно поднял раскрытую ладонь, видя, что она недоверчиво поджала губу.

— Тебе лучше сдержать слово, — кивнула Наташа, будто угрожая, и пошла к центру зала.

— А я не могу сослаться на ангину? — со смехом спросила она у Лены, которая подошла к ней, что-то держа в руках.

Подруга захохотала.

— Не увиливай, Наташ, все честно исполняют желания, — она всунула ей в руки черную фетровую шляпу и микрофон. — На, держи реквизит, — все так же весело проговорила она. И махнула ди-джею. — Тебе понравится песня, которую я выбрала, — Лена ободряюще сжала ей руку, и отошла в сторону, где ее тут же обнял Леша, а к коленям прижался сын.

На секунду, слушая вступительные аккорды песни, которую ей предстояло петь, Наташа позавидовала Лене. По-доброму. Без всякой задней мысли. Просто желая и в своей жизни когда-нибудь иметь такое же счастье.

Но тут же, под веселое хлопанье друзей и шутливое подначивание Деньки, повернулась к экрану плоского телевизора, подвешенного на стене, на котором появились слова первой строчки куплета.

Хотя, в этом и не было особой необходимости. Она знала эту песню, Лена не ошиблась. Ната очень любила ее.

Наташа собиралась просить его телефон.

Честно сказать — Слава все еще пребывал в какой-то непривычной растерянности. Но вовсе не по той причине, о которой упоминала Ната. Он даже представить себе не мог, что подумал бы о ней плохо или расценил бы такую просьбу, как неуместную для девушки.

Хотя, нет. О любой другой женщине, он, возможно, и подумал бы так. Но Наташа так просто и открыто общалась с ним, что даже мыслей подобных не возникало. Зато, внутри стало невероятно тепло от того, что она не скрывала и не юлила, честно признавая свою заинтересованность в их общении.

Он с удовольствием наблюдал за ней, когда Наташа рассмеялась на какие-то слова Лешиной жены, а потом, забавно, немного набекрень, нахлобучив врученную ей шляпу на торчащие волосы, Ната начала петь.

Что ж, сложно было не признать, что тот, кто выбирал песню — прекрасно знал Наташу. Создавалось ощущение, что каждое задорное, пропитанное легкой атмосферой таинственного искушения слово — о ней самой. И музыка прекрасно дополняла это впечатление.

Наташа пела легко, весело. Конечно же, ее голос не дотягивал до профессиональной сцены, но она и не старалась подражать певцам. Просто наслаждалась и радовалась празднику в такой манере.

А Святослав, наблюдая за этой женщиной, вдруг осознал, что помимо воображаемой картины ее в своей постели, вполне способен представить, как спускается на кухню, слыша ее напевание, или заходит в ванную, где аккомпанементом ее голосу служила бы льющаяся вода...

Резко оборвав подобные фантазии, и с трудом призывая собственное, в один миг напрягшееся тело подчиниться если не логике, то хотя бы нормам поведения в обществе, он заставил себя вслушаться в слова.

И понял, что не согласен только с одним в тексте — несмотря на все свои загадки, Наташа не была темной. Наоборот, просто излучала свет и тепло. Совсем как солнце, с которым он уже не в первый раз сравнивал ее в своих мыслях.

Таинственный, словно темные воды озер,
Загадочный, как Бразилии ночь,
Кофе черный,
Как одну из моих сестер,
Я приношу в постель.
Только позови.
Припев
Я — горячая и горькая,
Ощути на вкус, какая.
Почувствуй, как пахнет кофе.
Это — искушения аромат.
Это — наслаждения запах.
Дотрагивайся, укутайся в густой вкус.
Кофе черный — вкус прошедших веков.
Миг, как вечность,
Миг по капле вкушаешь ты.
Чудо рядом.
Рядом, лишь позови...

Глава 7

Три недели спустя, 7 февраля, дом Святослава

Таких выматывающих недель у него не было уже очень давно. С той поры, как «Мультиком» только набирал обороты, пожалуй.

С неприкрытой радостью, которую, впрочем, совершенно некому было здесь наблюдать, Святослав смотрел, как исчезал просвет между опускающимися дверьми и бетонным полом гаража.

Три недели. Прошло целых три недели с тех пор, как он уехал в столицу, чтобы подписать этот треклятый контракт.

Если бы он знал, во что выльются эти переговоры — послал бы сестру с ее идеями куда-нибудь, подальше, например, к их бабушке в село.

Но, к сожалению, Слава не умел предвидеть будущее. И потому, когда Янка позвонила ему во вторник, двадцатого января, едва ли не крича в трубку от радости, что смогла уломать менеджера той, другой компании, начать переговоры о выкупе контракта со швейцарскими ювелирами — он согласился поехать.

Черт! Как же это все вымотало его!

Швырнув ключи на тумбочку, а сумку на пол коридора, Слава поднялся в спальню и, не раздеваясь, только сбросив пиджак, да ослабив галстук, лег на кровать поверх одеяла и потянулся, пытаясь растянуться как можно больше.

До чего же ему осточертела гостиница, словами не передать. И еда в ресторане, плевать, что тот считался одним из самых престижных в столице. Да в его городе готовили в десять раз лучше!

Не говоря уже о том, что никто из этих чертовых поваров оказался не способным приготовить нормальный кофе.

Может он и придирался.

Все раздражало его в эти дни, Святослав отдавал себе в этом отчет.

И чем запутанней складывалась ситуация на переговорах, чем очевиднее проступало понимание, что быстро компромисса не достичь — тем напряженней и раздражительней Слава становился.

Яна и Андрей все чаще косо поглядывали на него, однако списывали такое поведение совсем не на ту причину.

А все было так просто — Святослав скучал по Наташе и злился от того, что приходилось так долго торчать в Киеве.

И хоть они достаточно часто перезванивались, причем, по обоюдной инициативе, такого общения ему уже явно не хватало.

Особенно после того, как он увидел, кто представлял другую компанию.

Если Янка и знала о личности менеджера, с которой им предстояло вести переговоры, то ей удалось удачно сыграть удивленную неосведомленность и искреннее раскаяние.

А Андрей даже предложил взять переговоры на себя.

Слава оценил, но не собирался поступать так.

Вот еще, может и не совсем корректно, вполне вероятно, что некрасиво и неподобающе для мужчины, но увидев Катерину, он тут же поклялся себе, что выкупит этот дурацкий контракт, причем так, чтобы ее фирма осталась в максимальном проигрыше.

Не было похоже, чтобы он разобрался со своими обидами, однако, ну и черт с ним.

Просто вид этой женщины всколыхнул в нем нечто, что заставило вспомнить признание Наташи в суеверии. Почему, он встретил Катю сейчас, спустя столько лет? Не потому ли, что судьба решила напомнить Славе — с таким как он, такие женщины как Катерина или Наташа не планируют иметь ничего серьезного?

Глупо, конечно. Полный бред для любого здравомыслящего человека.

Но Святослав не мог не признаться себе, что промелькнувшая мысль просто проявила живущий в подсознании страх, который так часто мешал открыто улыбнуться Наташе при встрече.

И в абсурдном желании доказать, что это не так, он заключил в уме контракт с судьбой: если ему удастся обыграть Катю — все будет в его жизни не так, как в прошлый раз.

Совершенно нетипичное для него поведение.

Но Слава не раз уже замечал, что за эти две недели, что он знал Наташу, много в его мировоззрение начало меняться.словно монолитная стена, которой он окружил себя — дала трещину. Сначала небольшую, едва заметную. Но с каждой минутой, проводимой с Натой, все больше и больше расширяющуюся.

И потому, наверное, опасаясь немного, что провидение может не признать этот пакт, заключенный одноособно, он все чаще старался звонить Нате, иногда совершенно не имея повода или объяснения для звонка.

И всегда отвечал на ее звонки, даже в разгар жестоких «боев» за контракт, когда все остальные просто игнорировали свои телефоны.

Слава же, не обращая внимания на удивленные взгляды Андрея и сестры, недоумение швейцарцев, и суженные, изучающие глаза Катерины — всегда отвечал на вызов, и выходил из конференц-зала, в котором они едва не прописались за эти двадцать дней, чтобы поговорить с Натой.

Будто взбудораженный его мыслями, телефон оживился, замигав дисплеем, и в тишине огромного пустого дома заиграла мелодия вызова.

Посмотрев на номер, Слава усмехнулся уголками губ, почти не удивленный тем, что она позвонила ему именно в этот момент.словно чувствовала, что он о ней думает.

— Привет, — немного хриловато из-за усталости, проговорил он, и сел в кровати, растирая лицо ладонью.

— Привет, Слав, — голос Наташи звучал как-то странно. Слава даже не заметил, как замер, вслушиваясь в интонации. — Что делаешь?

На заднем фоне что-то достаточно громко шумело, слышалась музыка и какой-то гомон, на минуту он решил, что ошибся, и дело в этих помехах.

— Да так, только приехал, — напряженно из-за попытки разобраться, ответил Святослав.

— Ой, прости, что отвлекаю, не даю отдыхать, — Наташа вздохнула. — Хорошо, что ты вернулся. Правда, здорово, — она помолчала пару секунд. — Знаешь, мне не хватало нашего общения, — честно призналась она.

Но Слава, только нахмурился, почти не вслушиваясь в смысл.

Шум был ни при чем — Наташа говорила грустно и как-то потерянно, что ли.

Неосознанно сжав пальцы в кулак, он понял, что ему не нравится такой ее тон.

— Наташа, что случилось? — спросил Святослав, даже не сомневаясь, что что-то таки произошло.

— Ничего, — Наташа как-то замялась с ответом. — Я просто так позвонила, захотелось с тобой поговорить.

Он сильно сомневался в этом. То есть, не во всем, но...

— Нат, — уже привыкнув обращаться к ней так, словно бы имел для этого хоть какие-то основания (впрочем, она ни разу не одернула его), Слава поднялся с постели. Неясная тревога заставляла его двигаться, не давая спокойно сидеть на месте. — Не надо лгать. У тебя такой же голос, как тем воскресеньем, когда я все твои конфеты съел, — попытался он как можно корректней напомнить Наташе о ее испуге. — Так что говори, что случилось.

Ната, впервые за этот разговор засмеялась, только и смех получился каким-то невеселым.

— Черт, что-то ты очень пронизательный, Слав, раньше я только себя такой считала, — попыталась она отшутиться. — Да ничего, в принципе, все нормально.

— Ната, — Святослав не собирался позволить ей увильнуть от ответа.

Не теперь, когда он уже себе в голове напридумывал черт знает что.

— Меня Надя в ночной клуб притащила, — вдруг, едва ли не шепотом, призналась она. Слава еле расслышал. — У нее на работе всю неделю очень напряженная ситуация была, и она попросила меня составить ей компанию, захотела расслабиться. Лена-то, уже семейная, ей не до этого, — она вздохнула. — Только зря я согласилась, наверное.

Святослав остановился посреди комнаты, чувствуя, как внутри что-то сжимается от такой потерянности ее тона.

— Наташ....

Она не отозвалась, продолжила говорить.

— Знаешь, Надя прилично навеселе уже, да и я бокал мартини выпила, и сама уехать не могу, и ее уговорить вызвать такси и уйти — не выходит. А бросить Надьку одну, как-то страшно, тут столько... народу, — он понял, что она хотела сказать вместо последнего слова.

Они с Андреем достаточно часто бывали в похожих местах, особенно, когда ездили к партнерам на переговоры. Те, отчего-то, считали, что лучшего развлечения не существует. И Святослав прекрасно знал, что в ночных клубах всегда полно мужчин. И не все они ведут себя корректно.

— Где вы? — решив не завязывать галстук по новой, (в конце концов, на кой черт он ему там нужен?), Слава распустил узел, и отбросил мешающий аксессуар на пол. Не поднял и пиджак, уже направляясь к выходу из спальни.

— А что? — спросила она, назвав клуб.

Слава знал его.

— Я сейчас приеду, буду минут через пятнадцать, продержишься? — спросил он Наташу, уже спустившись на первый этаж.

Рука потянулась к ключам от внедорожника, но пальцы замерли, Слава не был уверен, что там достаточно бензина, чтобы доехать хоть куда-то. Потому, взяв ключ от «ниссана», который ему уже порядком поднадоел за эти поездки, Святослав толкнул дверь в гараж.

— Ой, Слав, ты же только приехал, не надо, — Наташа растерялась. — Я не думала тебя отвлекать или отягощать, просто поговорить с тобой хотелось.

— Вот и поговоришь, когда я приеду, — пресекая возражения, ответил он, уже заводя машину.

И выезжая из гаража, очень надеялся, что к ней там никто не будет приставать за то время, пока Слава доедет.

На какой-то миг, даже стало приятно от мысли, что она ему позвонила, а не брату. Хотя, глупо радоваться в такой ситуации.

Но все же — он же выкупил контракт, да еще и оставив предыдущих держателей совсем не с тем результатом, на который Катерина, как представитель фирмы рассчитывала...

И пусть их отношения с Наташей, если можно было применить сюда это слово, учитывая, что две трети своего знакомства они общались по телефону, пока ни в едином слове не пересекали границу дружеских, он собирался откреститься от собственных правил и рискнуть получить большее.

Потому что, в тот момент, когда он услышал сегодня ее испуганный голос, Святослав осознал, что хочет защитить эту женщину от всего, от чего только сможет. Да и от того, что не в его силах, Слава хотел бы защитить ее.

Не успел он доехать до проспекта, как телефон опять зазвонил. Посмотрев на номер, Святослав скривился, но ответил.

— Да, — коротко бросил он в трубку.

— Слав, ты где? — Андрей, судя по голосу, тоже вымотался за их поездку. Потому и странным казалось, что он сейчас звонил, в конце концов, только час назад разъехались на кольце перед въездом в город.

— Да так, — он не хотел говорить, куда едет, но, не имея понятия, зачем понадобился другу так

скоро, решил не обманывать.

Услышав название клуба, Андрей присвистнул.

— У тебя еще силы на развлечения остались? Или это после того, как ты столько на Катьку вынужден был пялиться — решил оторваться? — подколот друг.

Не собираясь объяснять ничего, потому что слишком долго пришлось бы в нюансы вдаваться, Слава промолчал, предоставив Андрею самому додумывать причину.

— Ты зачем звонишь, соскучился уже? — немного раздраженно спросил он друга.

Впрочем, тот, привыкший к характеру Святослава, пропустил тон мимо ушей.

— Да у меня в машине осталась папка, которую надо завтра отправить курьером в Швейцарию. Я-то заверю у нотариуса, но тут, в двух местах, твоей подписи не хватает. Все-таки, ты у нас начальник, — объяснил Андрей, а потом задумчиво протянул, — Хотя, знаешь, мне нравится твоя идея насчет клуба. Наверное, я присоединюсь, заодно ты распишешься.

Святослав чертыхнулся в уме. Почему-то Андрея тащить с собой совершенно не хотелось.

Но и расписаться надо было, чтобы завтра до восьми утра, документы отправили, подтверждая новый договор. И уже покончить с этой трехнедельной тяготой.

— Короче, я там минут через семь буду, решим все, — и Андрей, не ожидая согласия друга, разорвал связь.

Святослав же, немного сердито отбросив телефон, понял, что неосознанно прибавил скорость, поймав себя на мысли, что собирается добраться до клуба первым.

Ему это удалось. Правда, опередить друга вышло буквально на пару минут.

В тщетной надежде, что получив необходимые подписи, Андрей поедет домой, отсыпаться, Святослав тут же расписался на документах.

Однако блеск в глазах друга явно показывал, что тот уже вовсе решил развлекаться.

Смирившись с неизбежным, Святослав отправился в зал, пока Андрей относил папку с бумагами в машину.

Однако обнаружить Нату в такой толпе оказалось не так уж и просто. Он продвинулся лишь на пару метров от входа, когда друг уже остановился рядом.

— Что-то тут людно сегодня, — говорить пришлось достаточно громко, но Андрея это не смущало. Он чувствовал себя в подобных заведениях как рыба в воде, очень часто вытягивая и Славу развлекаться.

— Пятница, — только невнятно Святослав пробурчал, наконец-то заметив Наташу за одним из столиков в полутьме и бликовом освещении танцевального зала.

Не обращая внимания на друга, который уже активно переглядывался с какими-то девушками, Слава пошел к ней.

Возможно, ему только казалось, но Наташа выглядела настолько потерянной и напряженной за тем столом, что ему тут же захотелось ее увезти куда угодно, лишь бы подальше отсюда. Она неохотно кивала на что-то, что ей рассказывала Надежда, с которой Святослав успел познакомиться в Кофейне на Новом году, но то и дело бросала взгляды на вход.

Как понадеялся Слава, ожидая увидеть его.

— Эй, смотри, это не сестра Дэна? — Андрей, обнаружив, что друг прошел вглубь, тут же последовал за ним.

Слава разве что плечами не передернул от этого вопроса.

Не понятно отчего, но он все еще опасался рассказать хоть кому-то, о том неясном пока и неопределенном «чем-то», что между ними развивалось. Даже не мог бы сказать, чего именно опасаясь. Друг бы не посмеялся над его увлеченностью Натой. Однако точно бы начал поддевать Славу за его «медленное продвижение» в отношениях с ней.

Очень сложно, почти нереально объяснить здоровому и уверенному в себе человеку, причину собственных опасений.

Просто потому, что тот, кто не имел схожих проблем — никогда не сможет в полной мере понять.

Люди готовы простить и закрыть глаза на многое за внешность, близкую к идеалу, располагающую улыбку и ровную походку. Сколько мошенников и хитрецов пользовались этим стремлением человечества прикоснуться к видимому совершенству — не счесть.

И в то же время, окружающие, в большинстве своем, не могут «простить» человеку увечье, которое не в его силах исправить. Они никогда не допустят тебя в полной мере в свой круг здоровых «избранных». Никогда до конца не поймут.

Потому, он сделал вид, что только после замечания Андрея заметил девушек, так «неожиданно» сидящих как раз на его пути.

— Давай подойдем, поздороваемся, — Андрей хлопнул друга по плечу, и Слава заметил, каким именно взглядом тот рассматривал Наташу.

Ему не понравился это взгляд. Настолько, что пришлось до хруста сжать пальцы.

В это мгновение он осознал, что не желал делиться Наташей. Не хотел отдавать никому и частицы того света и тепла, которым она всегда его согревала.

— Пойдем, — хмуро согласился он, будто бы невзначай, плечом, мешая Андрею идти первым.

В этот момент Ната обернулась, словно услышала его, хотя в этом гомоне разговора людей, заполняющих зал танцевального клуба и музыки, долетающей с танц-пола — подобное казалось нереальным.

Но он был уверен, что видит облегчение в глазах Наташи.

Она улыбнулась, смотря только на Славу. И он не смог удержаться от улыбки в ответ.

Они уже почти вплотную подошли к столу, когда внезапно, Надежда, которая, в самом деле, казалась немного превысившей свою дозу горячительных напитков, резко вскочила на ноги,

продолжая о чем-то весело рассказывать и активно жестикулировать.

Святослав даже испытал приступ раздражения, удивившись тому, что девушка не замечает, насколько некомфортно ее подруге находится тут.

Однако до того как они успели хоть слово произнести, здороваясь с девушками, Надя громко засмеялась и широко взмахнула руками.

Ее повело, причем, она явно не могла восстановить равновесие. Однако совершенно не расстроенная подобным — она так же весело смеялась, неустойчиво балансируя на высоких каблуках.

И закончилось бы все, вероятно, плачевно, если бы Андрей, оказавшийся ближе к Надежде, не подхватил бы ее.

Эта ситуация заняла не больше нескольких секунд, но как-то незаметно изменила положение каждого возле столика.

Наташа, вскочившая на ноги, опасаясь за подругу, стояла теперь рядом со Славой, и более того, убедившись, что Надя удачно избежала неприятного падения, едва ли не спряталась за спиной Святослава, уже крепко сжимая руку, которую он ей протянул, когда заметил, что она поднимается.

С такого близкого расстояния, Святославу было отлично видно, что она, в самом деле, очень близка к тому состоянию паники, которое он и так прекрасно помнил.

— Ты как? — тихо, почти шепотом, уточнил он, склонив голову на бок, пока Надежда, уже обернувшись, громко благодарила своего «спасителя».

— Не очень, — честно призналась Наташа с вымученной улыбкой, продолжая держаться за его пальцы. — Я плохо стала переносить подобные вечеринки. Хочется тишины и спокойствия.

Слава кивнул, и ободряюще сжал ее ладонь.

Он обернулся к другу, еще не зная, как именно будет объяснять то, что он уходит, да еще и с Наташей, но тому и так, похоже, уже было не до них.

Андрей, с не очень счастливым видом, стоял, все еще поддерживая Надю, которая уже и сама едва ли не обнимала его.

— Кажется, я знаю, кто меня отвезет домой, — Надежда обернулась и подмигнула Наташе.

Та, несмотря на свое состояние, не удержалась от смешка.

Святослав так же усмехнулся — друг, определенно рассчитывал не на такую компанию, когда увязался за ним в клуб.

Более того, Слава мог бы поклясться, что Андрей уже собрался откреститься от подобной «чести», однако в этот момент, Наташа повернулась к нему.

— Ой, я буду вам так благодарна, если вы отвезете Надю домой, сама побоюсь сесть за руль, все-таки пила, — Наташа говорила с такой признательностью в голосе, что ей сложно было отказать. — А Надя, вы не думайте, Андрей, она редко пьет, просто у нее очень тяжелая неделя была, она так хотела расслабиться хоть немного, — будто извиняясь за состояние подруги,

объяснила она.

Андрей кивнул с некоторым разочарованием в глазах, но не отказался помочь девушкам, тем более, явно стремясь произвести впечатление на Наташу.

В любой другой ситуации Слава посочувствовал бы другу. Не сейчас, однако.

Подобное благородство Андрея оставляло их с Наташей вдвоем и дарило ему возможность увести Нату из этого клуба, избавляя от необходимости придумывать причину. Да и не было риска, что он выдаст ей свою осведомленность о причине ее нелюбви таких мероприятий. Все же, Дэн просветил его без согласия сестры.

Сборы Нади не заняли много времени. Она подхватила свою сумочку и короткую куртку, которая висела на хромированной спинке стульчика. После чего, ухватившись, очевидно для надежности, за руку Андрея, стоящего рядом с кислым видом, Надя наклонилась, о чем-то пошептавшись с Наташей, все еще как бы прячущаяся за его плечом, и уже более серьезная, обернулась к своему сопровождающему.

— Спасибо, — без былой веселости проговорила она, однако улыбаясь приветливо. — Мне и правда, пора домой.

Поняв, что сердиться в такой ситуации неуместно, и считая себя учтивым мужчиной, Андрей отмахнулся, говоря, что ему вовсе не сложно.

Слава же только криво усмехался, наблюдая за этим.

Кивнув другу на прощание, когда они отошли, он повернулся к Наташе лицом.

— Не думаю, что ты хочешь тут оставаться, — внимательно смотря на нее, констатировал Слава очевидное. Огромные, напряженные синие глаза Наташи и плотно сжатая линия ее губ, не оставляли сомнений, что девушка не испытывает приятных эмоций в этом месте. — Пошли, я тебя отвезу.

Она кивнула, даже не пытаясь опровергнуть его убежденность. И подхватив свое короткое пальто со стула, пошла следом, держась за его руку.

Святослав тут же забрал у нее верхнюю одежду, и старался, как мог, в силу своих возможностей, провести ее там, где находилось меньше людей, особенно мужчин.

Наконец, они добрались до холла. Здесь было значительно тише, почти не разговались разговоры, да и музыка звучала приглушенно. Людей в просторном помещении было совсем мало, и Слава заметил, что Наташа сразу стала чувствовать себя более уверенно.

— Спасибо, Слав, — тихо проговорила она, надевая пальто, которое он держал для нее.

— Да не за что, Нат, — на один короткий миг его пальцы скользнули по ее плечам и задели кожу затылка. Она не отстранилась, даже, казалось, наоборот, немного подалась назад, продлевая это касание. — Отчего вы вещи в гардероб не сдавали с Надей? — попытался легко проговорить он, хотя и сам заметил, насколько ниже стал его голос.

— Я не хотела, чтобы меня что-то задерживало, если захочется уйти, — отведя глаза, объяснила она.

— Что ж, я не знал, потому свое пальто сдал, подождешь меня, или исчезнешь, как Золушка? — с усмешкой проговорил Слава, пытаясь немного ее развеселить.

И добился определенного результата, Наташа улыбнулась.

— Подожду, конечно, я же с тобой, — и она так, словно это уже было в порядке вещей, опять взялась за его руку. Легко и естественно. Едва ли не привычно.

Но этот простой, незначительный, казалось бы, жест огнем прошелся по всему его телу.

Призвав себя быть более трезвомыслящим, скорее всего, сейчас Ната просто искала поддержку, Слава забрал свое пальто, и они вышли на улицу, в промозглую, ветреную февральскую ночь. Радовало лишь то, что в отличие от столицы, в их городе морозы остались уже в прошлом.

— Я машину недалеко поставил, — Слава с удовольствием вздохнул, понимая, что полностью избавился от раздражения, которое так долго терзало его. — Сейчас доберемся, и через десять минут будешь дома.

Наташа кивнула, и сама сделав глубокий вдох, словно бы до этого испытывала удушье.

— А можно, ты меня не сразу домой отвезешь? — как-то неуверенно спросила она. — Я все-таки редко пью, и пусть немного того мартини было, мне хочется чуть-чуть прогуляться на свежем воздухе, — Наташа обернулась к нему со смущенной улыбкой.

Святослав задумался лишь на секунду. Несмотря на весь напряженный график предыдущих дней, он был рад любой возможности провести с ней немного больше времени.

— Конечно можно, у меня же машина, а не трамвай, — он улыбнулся уголками губ, открывая переднюю пассажирскую дверцу, — не по рельсам ездит, а как водителю или пассажиру захочется.

Она хихикнула на эту, не очень удачную, в общем-то, шутку.

Закрыв за улыбающейся Наташей дверь, Слава обошел машину, отчего-то задумавшись над тем, что рядом с Наташей ощущает себя... нормальным. Она ни единого разу за все их знакомство, ни словом, ни взглядом не дала ему понять, что вообще, замечает его отличие. И это было, хоть и непривычно, но чертовски приятно.

Сев на свое место и заведя мотор, он повернулся к своей пассажирке.

— Так куда ты хочешь? — поинтересовался Слава, наслаждаясь тем, что Ната так близко.

— Не знаю точно, — она задумалась. — Может к реке куда-то, или просто, туда, где поменьше народу и фонарей будет. Сегодня, наконец-то появились звезды, — она бросила взгляд через стекло на небо. — Всю неделю до этого было пасмурно. Да и просто, тишины после такого шума хочется, — она повернулась назад, к нему. — Можно?

— Можно, — кивнул Слава, едва сдерживая широкую улыбку.

Сейчас, когда она понемногу расслаблялась, избавляясь от своего страха, стало действительно заметно, что Наташа выпила.

Нет, она не была пьяной. Ни капли.

Просто глаза, которые так часто снились Святославу в Киеве, теперь по-другому блестели, и щеки стали румяными. Что только увеличило притягательность этой женщины для Святослава.

Заставив себя повернуться к дороге, он выехал с парковки на дорогу. Слава знал одно место, которое могло ей понравиться. Во всяком случае, там было тихо, и уж на звезды, точно, можно было любоваться сколько угодно. И река, как раз, протекала поблизости.

— Ты когда-нибудь загадывал желание на звезду? — краем глаза он заметил, что Наташа повернулась и изучающе посмотрела на него.

Святослав немного опешил от подобного вопроса. А потом, криво усмехнувшись, отрицательно покачал головой.

— Нет.

— Даже в детстве?! — удивленно спросила она, и в голосе девушки слышалось недоумение от подобной возможности.

— Даже в детстве, — небрежно пожал он плечами.

— Ты врешь! — Наташа даже покачала головой. — Как так можно?! — явное недоверие, звучавшее в этом вопросе, заставило Святослава обернуться и посмотреть прямо на нее.

Ната казалась едва ли не возмущенной тем, что он не занимался подобной чепухой.

— Это же проверенный способ!

Губы Славы дрогнули в улыбке, но он сдержался, не уверенный в том, что не обидит ее своим скепсисом. Но она, похоже, все равно, заметила веселый блеск в его глазах.

Поджав губы, Наташа надменно хмыкнула.

А он — не удержался, начал хохотать.

— Что, точно такой уж проверенный? — с мягкой поддевкой, уточнил Слава, с трудом заставив себя подавить смех.

Наташа, очевидно, поддевки не заметила.

Одарив Святослава улыбкой, в которой проглядывалось нечто покровительственное, она кивнула.

— Разумеется, — Наташа повернулась так, чтобы смотреть ему прямо в глаза. — Чем это хуже любой другой убежденности? Вот смотри, — она протянула руку, слегка дернув его за рукав, наверное, для больше убедительности, но Слава, все равно, не мог сосредоточиться на том, что Ната говорила.

Он просто стоял, делая вид, что слушает, а сам любовался ею.

Слава не знал, сколько в действительности Наташа выпила, да и, помня ее поведение в клубе, склонялся к тому, чтобы верить в один бокал мартини. Вот только выходило, что свежий воздух не развеял, а наоборот, усилил опьянение Наташи, сделав его каким-то эйфоричным.

А может, так на ее настроение повлияло облегчение от того, что ситуация, которая вызвала в ней такой страх и напряжение — уже закончилась. Он затруднялся с определением причины.

Но как бы там ни было, сейчас Ната, казалась совершенно расслабленной и беззаботной, и немного веселей, чем он привык ее видеть.

Когда Слава привез ее сюда, она с восторгом осмотрела вид, открывающийся с невысокого холма над городом.

Позади и несколько сбоку, в нескольких сотнях метров за их спиной, остались дома, а здесь не было ничего, кроме деревьев, небольшой лужайки открытого пространства, с остатками пожухлой и вымерзшей летней травы, и узкой тропинки, ведущей вниз, к пляжу.

Наташа восхитилась темной, почти черной водой реки, в которой отражались разноцветные огни города, а потом, запрокинув голову, с таким восторгом посмотрела на небо, усыпанное звездами, что Слава даже растерялся немного. Такую радость он видел у нее лишь однажды, когда Наташа увидела название диска, привезенного им.

И сейчас, как и тогда, ему показалось, что Ната едва удерживается от того, чтобы не начать подпрыгивать на месте от восхищения.

Для Святослава это было довольно необычно. Он привык прятать и скрывать все свои чувства даже от самых близких.

Однако ему нравилось, что она так открыто показывала свои эмоции. Тем более что он уже знал — далеко не при всех Наташа, и при ее легком характере, открывалась настолько.

Без всякого смущения или беспокойства о сохранности чистоты своего пальто, она села на капот машины, правда, спросив его разрешения.

Славу это насмешило. Он попытался убедить ее, что, несмотря на кажущуюся чистоту, машина может оказаться довольно пыльной, но девушку это не остановило.

— Ничего, сдам пальто и платье в химчистку, — отмахнулась Наташа от его опасений и, запрокинув голову, восхищенно замерла, глядя на небо. — Посмотри, как красиво. Разве такой вид не стоит пары пятен? — не отрываясь от наблюдения за звездами, спросила Наташа его.

Он не мог не согласиться.

Правда, в небо Слава так и не посмотрел.

Сложно было отвести свои глаза от ее лица, еще больше раздумывавшегося на свежем воздухе. Его взгляд, словно магнитом, притягивался к изогнутой линии ее шеи, казавшейся настолько незащищенно оголенной, из-за того, что Ната запрокинула голову, глядя в небо. И, хоть он и старался не спускаться ниже глазами, но не мог не заметить между распахнутых пол ее пальто, как обтягивает мягкая ткань довольно скромного и закрытого платья, грудь Наташи. Видимо из-за того, что ладонями она, для надежности своей наблюдательной позиции, уперлась в теплый металл машины позади себя.

Слава даже не сомневался, что ни одна звезда, на которые Наташа сейчас смотрела, не может быть красивее этой женщины. Да и потом, он не любил звезды — слишком те были холодными и далекими. Наташа же была такой живой и теплой.

— Слав? — он понял, что упустил нить разговора и не кивнул в положенное время, когда заметил, что Наташа немного недоуменно смотрит на него.

— Прости, задумался, — честно признал он свою невнимательность, — слишком красивый вид, — приподняв уголки губ, произнес он ее же слова, не уточняя, что смотрел вовсе не на природу.

Наташа, казалось, приняла это, как достойную причину.

— Да, тут очень красиво, — согласилась она, подтянув на капот и ноги, обутые в мягкие сапожки из замши с широким голенищем, практически без каблука. От этого движения, прямая юбка ее платья задралась немного выше, дразня Славу видом бедра. — Всю жизнь прожила в этом городе, и даже не знала, что у нас есть такая красота.

Ему сложно было сосредоточиться и ясно мыслить. Тело, как и каждый раз возле нее, едва ли не болезненно реагировало на близость Наташи.

Он хотел ее. Желал настолько сильно, что темнело в глазах, и совсем не ночь была тому причиной. Слава, в принципе, не помнил, чтобы так хотел хоть одну женщину, вероятно потому, что ко всем испытывал определенную долю негатива из-за жалости, которую каждая пыталась скрыть.

Не к Наташе, однако.

И сейчас ему становилось все сложнее контролировать это желание. Возможно, еще и потому, что с момента знакомства с ней, он всех женщин, так или иначе, сравнивал с Натой — и те, неизменно проигрывали подобное сравнение. И сколько бы Андрей не вытягивал его развлечься в Киеве, Слава каждый раз возвращался в свой номер один.

Ему не хотелось других.

Однако в этот момент думать о таком казалось не очень уместно. Святослав заставил себя сконцентрироваться на разговоре.

— Да, тут красиво, — хрипло проговорил он, не уверенный, что способен на большее.

— А ты откуда знаешь это место? — с лукавой улыбкой, Наташа посмотрела на него из-под ресниц. — Часто привозишь сюда девушек любоваться видом?

Он растерянно моргнул, а потом усмехнулся, покачав головой.

— Вообще-то, это моя первая подобная попытка, — проговорил Слава. — Просто, смотри, — он немного оттолкнулся от капота, на который и сам уже успел опереться, и протянул руку, указывая назад, на дома, оставшиеся позади.

Наташа послушно повернулась вслед за ним. И из-за этого, получилось, что она едва не прижалась к нему спиной, оказавшись в каком-то смысле, окруженная его телом и протянутой рукой.

Святослав такого не планировал. Тем более что ему и так все тяжелее было контролировать собственное тело.

Но Ната, вроде бы, даже не обратила внимания на подобную степень их близости. Потому и он

решил не акцентировать.

— Что? — переспросила она, когда Слава замешкался с ответом.

— Видишь высокую острую крышу с темной черепицей? — хриплым голосом, на который никак не смог повлиять, спросил он, указывая на искомый объект.

— Да, — кивнула Наташа.

— Это мой дом, — объяснил он, — я живу здесь уже несколько лет, потому и знаю это место.

— Здорово, — выдохнула Наташа, с легкой завистью в голосе.

Слава с недоумением опустил глаза на ее лицо.

— Я тоже хотела одно время купить дом, но меня Денька отговорил, напугав кучей сложностей, — усмехнувшись, объяснила она.

Он только улыбнулся и опять посмотрел на крышу своего дома.

Сейчас сложно было определить цвет, но он-то знал, что черепица — зеленая, и что она очень красиво смотрится днем, немного блестя лаковой поверхностью на солнце.

Его тоже отговаривали все знакомые. Но сейчас он ни на что бы не променял свой дом. Однако девушке, в одиночку, действительно, пришлось бы сложнее.

— Слав, — голос Наташи заставил его опять посмотреть на нее. — И все-таки, если бы ты загадывал желание на звезду, — в глазах Наташи, даже в такой темноте, он заметил лукавые искорки. — Что бы ты загадал?

Он замер, но, не раздумывая над ее вопросом, а потому, что Наташа находилась так близко, лишь в паре сантиметров от него. Они все еще стояли так же, как когда он показывал ей свой дом, только лицо Наташи теперь было повернуто к нему. И между их губами имелся не такой уж и большой просвет.

То ли из-за этого, то ли из-за общего настроения вечера, а может потому, что Наташа, все еще немного опьяненная, так открыто смотрела на него, Слава поступил не очень обдуманно. Хотя, может он просто устал прикидываться и хитрить и с ней, и с самим собой. Да и потом, солнце — это же тоже звезда. А он так хотел загадать желание на нее...

— Ночь с тобой, — низким, хриплым голосом, хоть и старался придать этой фразе шутливый тон, почему-то честно признался он.

Наташа моргнула. На какое-то мгновение повисла тишина. А потом, она тихо засмеялась.

— Ты ненормальный, Слав, — с улыбкой проговорила Наташа.

Точно. Ненормальный.

А на что он надеялся?

Что ж, вот он и получил ответы на все свои вопросы, разве не так? Святослав знал, что она скажет дальше. Эти слова его преследовали едва ли не всю взрослую жизнь, пусть и сказанные

другой девушкой.

Он и не заметил, как напряжение сковало каждую мышцу в теле. И попытался убедить себя, что он ждал подобного. А все равно, оказалось больно.

— Зачем тратить целое желание звезды на то, что я сама хочу тебе отдать? — он решил, что ему послышалось, и Слава не заметил, что обхватил плечи Наташи своими руками, разворачивая ее к себе так, чтобы смотреть прямо в глаза. — Звезды выполняют только невозможное, — ничуть не смутившись тем, что оказалась в плену его рук, продолжала говорить Наташа. — Ты лучше не используй свое желание, оставь на действительно нужный случай, — и она лукаво подмигнула Славе. А потом, протянула свои руки, обнимая его за шею, и погладила пальцами лицо, словно пыталась расслабить челюсть, все еще напряженно сжатую после ее первых слов. — Слав? — немного неуверенно переспросила Наташа.

Но он не ответил. Не хотел тратить время на слова.

Послав подальше весь здравый смысл, все вопросы и доводы, он с силой притянул ее к себе, и едва ли не впился в губы Наты, наконец-то позволив себе то, о чем так долго мечтал ночами и при каждой встрече с ней.

Глава 8

Если в ней и жили опасения, что поцелуй мужчины будет теперь всегда вызывать страх и мерзкие воспоминания о том нападении, то стоило губам Славы коснуться ее рта — Наташа даже не вспомнила о них.

Несмотря на ту резкость, с которой он притянул ее к себе; несмотря на всю силу, которую Ната всегда ощущала в Святославе и его явное преобладание над ней — ей ни на секунду не стало страшно. Непонятно откуда, но она знала — Слава никогда не воспользовался бы своим преобладанием.

Это был ее первый поцелуй за последний год с лишком, и он оказался просто непередаваем. Но дело было не в длине перерыва, а в мужчине, который ее целовал.

Едва его рот накрыл ее губы, она забыла обо всем.

Собственно, разум подвел ее еще раньше, когда она увидела, с каким выражением неверия и едва ли не жадности Слава смотрел на нее, во время признания Наты. Ее дезориентировали напряженность и пустота, на несколько секунд промелькнувшие, задержавшиеся в зеленых глазах Святослава.

Наташа не знала, в чем их причина, и даже растерялась на миг. Потянулась к нему, в едва ли осознанной попытке своим касанием убраться эти эмоции из глаз Славы.

Но именно в тот момент, когда она решила спросить, «что не так?», его руки, которые столько раз давали ей поддержку и опору — обхватили плечи Наташи, теперь — забирая почву из-под ног.

Если бы она не сидела на капоте его машины — то упала бы, точно упала.

Слишком сильной оказалась та буря чувств и желаний, которая захватила Наташу от его ласки, от ощущения, как он завладевает ее губами, и как по-собственнически, алчно, его язык

обводит контур ее губ. Но даже сидя — ей пришлось ухватиться за Славу, потому что самой не было сил держаться вертикально. Она почти вцепилась в его волосы пальцами, пытаясь сохранить хоть какой-то ориентир в реальности.

Судя по резкому, одобрительному вздоху, который это движение вызвало у Славы — ему понравилось то, с какой потребностью она за него держалась. И движения его губ стали еще настойчивее, все сильнее одурманивая разум Наташи.

Руки Святослава скользнули вниз по ее рукам, поглаживая плечи через слой материала пальто и платья, а потом, совершенно неожиданно для нее, полностью поглощенной поцелуем, Слава немного приподнял Нату, разворачивая, усаживая на капоте лицом к себе.

Она не замечала того, что все еще изворачивается, не повернувшись после поисков в темноте его дома. И только теперь, когда он подумал об этом за нее, ощутила, что предыдущая поза доставляла ощутимое неудобство, заставляя скручиваться, чтобы дотянуться до него.

С довольным вздохом, больше похожим на стон, она еще полнее прижалась к Славе. Он тут же воспользовался этим, и Наташа застонала сильнее, чувствуя, как его язык скользит по ее губам, дразня, врываясь в рот, глядя ее язык.

Желая оказаться еще ближе — Ната подалась навстречу Святославу, который теперь стоял перед ней. Она обхватила его бедра ногами, не обращая ни малейшего внимания на то, что прямая юбка трикотажного вязаного платья скользит от этого движения вверх, оголяя ее бедра, обтянутые только тонкими колготками. И ни капли, не скрывая своего желания к нему, сильнее прижалась к напряженному и твердому паху Святослава.

Холодный ветер, от которого не мог защитить тонкий чулок, заставил кожу ног покрыться мурашками и Ната непроизвольно вздрогнула.

Но тут же ее дрожь перешла в трепет жара, когда она ощутила горячее прикосновение ладоней Славы на своих бедрах. И удовлетворенно вздохнула от этого чувства, что его руки оказались под ее пальто, показывая — ничто не проходит мимо внимания этого мужчины.

За все это время Святослав ни на миг не оторвался от ее рта — ни помогая ей пересесть, ни согревая, лаская ее ноги своими пальцами.

Он целовал ее так, словно не верил, что она говорила правду. Будто ему требовалось настолько полное и веское доказательство, что и целой ночи этой ласки окажется недостаточно.

Наташе отчаянно не хватало дыхания, но она и не думала отстраняться от его губ, пусть и не сомневалась, что Слава отпустил бы. Просто боялась увидеть у него в глазах то же выражение, как несколько минут назад. Если ему нужна уверенность в чем-то — Наташа готова была предоставить ему ее. Даже ценой нехватки кислорода.

И потому, она только еще крепче прижалась к его рту, целуя Святослава не менее охотно, чем и он ее.

Наконец, спустя какое-то время, он отпустил ее губы и со вздохом, потерся щекой о лоб Наташи.

Дыхание Славы, тяжелое, напряженное, возбужденное, обвевало ее кожу, заставляя дрожать.

Да и ее собственные вздохи сложно было назвать легкими. Они были такими же прерывистыми, указывающими на ее нужду в большем.

Будто не имея возможности прекратить — его руки продолжали гладить ее тело. Но и понимание того, что ее платье давно задралось выше всякой нормы приличий, а горячие ладони Славы так удобно и уютно обхватывали ее ягодицы, что она совершенно не представляла, как сможет обойтись без этого касания, не вызвало в ней дискомфорта или протеста.

— Я хотел поцеловать тебя, едва впервые увидел в том зале, — хрипло, низко, с тихой усмешкой признался Святослав. — Про бассейн и говорить нечего, после него ты преследуешь меня едва ли не каждую ночь, — он потерся подбородком о ее щеку, и немного колючее касание, из-за щетины, пробившей на его коже, задевшее припухшие губы Наташи — вырвало новый стон у нее.

— Хорошо, — с хитрой улыбкой, но так же хрипло прошептала она. — А то я боялась, что только одна так мучусь, — с удовольствием от того, что может это сделать, Ната прижалась к его груди.

Святослав низко рассмеялся.

— Нет, солнце, определенно не одна, — он приподнял ее подбородок двумя пальцами, заглядывая Наташе в глаза, в которых, наверняка, отражались звезды. — Я не мог не смотреть на тебя, даже когда это переходило все дозволенные рамки приличий.

Теперь ее улыбка, определенно, стала довольной.

— Я тоже не могла перестать все время смотреть на тебя, — честно призналась Наташа, — порою, мне казалось, что это переходит в откровенное подглядывание.

Слава немного лениво приподнял уголки губ в самодовольной улыбке.

— Я заметил, — только и произнес он, прежде чем снова поцеловать Наташу так, что дух захватило.

И, еще крепче сжав пальцы второй руки, которая все еще лежала на ее бедрах, Святослав немного приподнял ее, теснее прижимая к своей возбужденной плоти, которую она очень отчетливо ощущала и через помеху ткани брюк.

— Я бы пригласил тебя на кофе, — хрипло и немного иронично проговорил он ей почти в рот, не желая, похоже, прекращать поцелуя. — Вот только боюсь, что ты сбежишь, едва попробуешь приготовленный мною напиток, — он не дал ей отодвинуться, хоть держал очень нежно.

Но Наташа все равно поняла, что Слава, предоставляет ей последний довод и повод, чтобы попросить его отвезти ее домой, если она еще не готова к чему-то большему.

Однако она, совершенно точно, была готова!

Едва увидев его сегодня, Наташа отчаянно хотела, чтобы Слава поцеловал ее. Сама хотела поцеловать его. Она так соскучилась за эти недели его отсутствия, что понемногу начала впадать в хандру, даже Денька обратил внимание на прогрессирующее ухудшение настроения сестры. Ей не было известно, существовали ли какие-то правила или ограничения, оговаривающие сроки, за которые можно настолько привязаться к человеку. Но Нате было

плевать на это. Она прекрасно осознавала, что не просто увлеклась, а практически влюбилась в Святослава. И хотела больше, чем пару поцелуев перед сном.

Потому, немного откинувшись в его объятиях, так, чтобы видеть глаза этого мужчины, она совершенно открыто позволила себе улыбнуться, не скрывая ни единой мысли.

— А ты пригласи, а о кофе — позабочусь я, — Наташа лукаво приподняла одну бровь, показывая ему, что ни капли не боится, и сама потянулась, легко поцеловав уголок его рта.

Объятия Святослава стали жестче, крепче. Он провел большим пальцем по ее скуле, и так же открыто, как и она сама, улыбнулся.

Вдруг, в его глазах мелькнули веселые искорки, не стирая, впрочем, страсть, которая там горела, и даже усмехнулся.

— Я рассчитывал на это, — со смехом в голосе признался он, прижимая ее голову к своей шее, и снял Наташу с капота машины. Ее ноги подкашивались, когда Святослав помог встать Нате на землю. — Твой кофе, между прочим, вызывает привыкание, — насмешливо проговорил Слава, распахивая перед ней пассажирскую дверцу. — Я весь Киев извел своими придирами, знаешь ли. Ни один из их поваров и баристо не смог приготовить кофе, который понравился бы мне, — он помог ей сесть на сиденье, и захлопнул дверцу, обходя машину.

Ей это польстило, серьезно.

— Я тебе уже говорила, что ты мог бы пить мой кофе и чаще, — с усмешкой поддела Наташа Славу, когда он занял свое место и завел машину.

Как-то непроизвольно ее рука сама потянулась к нему, и Наташа, даже не отдавая себе в этом отчета, начала гладить шею Славы пальцами, перебирая пряди темных волос, которые стали еще немного длиннее, чем при их первой встрече.

«Наверное, за всеми этими поездками, ему совсем некогда заехать к парикмахеру», решила она, наслаждаясь тем, что теперь может касаться его, когда захочет.

Во всяком случае, Святослав, казалось, был совершенно не против, а даже «за» ее поглаживания.

— Не напоминай, — с кривой улыбкой ответил он на ее слова о том приглашении, вырвав на дороге. — Не думаю, что ты представляешь, какие именно мысли твое приглашение спровоцировало в моей голове, — Слава посмотрел на нее таким взглядом, что Наташа задыхнулась, ощущая, как по всему телу прокатывается жар.

Захотелось выгнуться, потягиваясь каждой мышцей, чтобы как можно плотнее прижаться к нему. И, судя по потемневшим глазам Славы, он уловил этот порыв, который Наташа не смогла до конца подавить.

Она положила голову ему на плечо, радуясь, что дом Святослава совсем близко, иначе им вполне могло грозить дорожное происшествие.

— Не хочешь поделиться? — она даже не знала, что может так говорить. Таким голосом. Одним звуком и искушая, и признавая свою капитуляцию перед ним.

Руки Славы, удерживающие руль, сжались крепче, настолько, что побелели костяшки пальцев.

— Я лучше покажу, — низким, полным обещания, голосом прошептал он, и опять поцеловал ее.

Причем, Наташа только на середине поцелуя задумалась, как он может так вести машину? И с опозданием осознала, что та уже стоит у ворот, которые медленно распахнулись перед автомобилем. А она и не заметила остановки, замороженная выражением зеленых глаз Славы и его голосом.

Оторвавшись от ее губ, Слава удовлетворенно кивнул, осмотрев немного дезориентированный вид и припухшие губы Наты, с которых срывались короткие, хриплые вдохи, и только после этого заехал во двор.

— Приехали, — констатировал он, протянув руку и погладив ее щеку, горящую лихорадочным румянцем. — Добро пожаловать, — Слава усмехнулся и, распахнув свою дверцу, вышел на улицу, направляясь в ее сторону.

Наташа улыбнулась, наблюдая за ним через тонированные стекла. А потом открыла свою дверь и вышла на улицу.

Святослав уже стоял рядом. Он тут же обнял ее, притянув к себе, и уперев спиной в машину, жадно поцеловал, словно продолжая только что прерванную ласку.

— Ты больше не будешь сама выходить, договорились? — почти с приказом проговорил он, проводя своей колючей щекой по шее Наташи, отчего она, не удержавшись, глухо застонала и запрокинула голову.

— Но мне не сложно, — неуверенно, хрипло прошептала она.

— Верю, — Слава усмехнулся уголками губ, но в его глазах мелькнуло что-то, что заставило Нату насторожиться. — Но и позволить мне ухаживать за тобой, думаю, будет так же не сложно. Ведь, правда же? — его голос искушал и требовал одновременно.

Она не совсем понимала причину такого условия, но не видела причин отказать. Потому просто обняла его за шею и, положив голову на плечо, согласно кивнула.

— Вот и хорошо, — Слава довольно усмехнулся и, обхватив ее за талию рукой, немного отступил, позволяя Наташе увидеть фасад строения.

Дом, имеющий два высоких этажа, был построен из белого кирпича, который придавал зданию немного призрачный вид в темноте ночи. На правом углу его имелась настоящая башенка с полукруглыми окнами, занимающая оба этажа, укрытая той самой острой крышей, которую Святослав показывал с холма. С левого же края виднелось крыльцо с навесом. Над входной дверью, кажется, висел фонарь, но Ната не могла сказать с уверенностью, поскольку тот не горел.

Низ строения был обложен искусственным камнем, с которым очень удачно гармонировал небольшой валун, лежащий в центре овального газона, два на три метра, занимающий большую часть двора. Наверное, весной, когда здесь росла трава — двор смотрелся еще красивей. Оставшееся, не очень широкое пространство, занимала дорожка, выложенная тротуарной плиткой, ведущая к крыльцу, и немного расширяющаяся на противоположном от входа конце у ворот, где сейчас и стояла машина Славы и они сами.

— Ух! — она не смогла удержать восхищенный возглас. — У тебя очень красивый дом.

Слава перевел глаза на здание после ее слов.

— Да, похоже на то, — согласился он с какой-то странной улыбкой. — Я уже и подзабыл, как он спереди смотрится, — объяснил мужчина, заметив ее недоумение. Всегда через гараж заезжаю. Это для тебя сделал исключение, — улыбка Святослава стала шире, — был момент, когда я решил, что механизм открытия центральных ворот не работает, сильно давно их открывал в последний раз, — честно признался он.

— А гости? — удивленно спросила Ната.

— Андрей никогда не жаловался, заходя через гараж, и родители тоже — сделав вид, что серьезно раздумывает над этим вопросом, Слава потер подбородок пальцами. — А больше я никого сюда и не пускал, — как-то небрежно ответил он. — Пошли, я не собираюсь тебя заморозить во дворе, — не позволив ей ничего больше спросить, Святослав потянул Наташу к крыльцу.

От первого же их шага по дорожке, фонарь над дверью вспыхнул. Наташа немного прищурилась, защищая глаза, уже привыкшие к темноте. «Похоже, что освещение реагировало на движение», отметила она машинально, раздумывая над словами своего спутника.

После того, как он ее поцеловал, Слава держался совершенно свободно, не скрывая всех чувств и эмоций, которые испытывал. И ей очень нравилось такое «новшество» в их общении. Но после последней фразы — он опять стал каким-то... отстраненным, что ли. Хотя, не перестал обнимать Наташу, пока они шли к входной двери.

Решив, что не позволит ему опять загоразиваться своими щитами, Ната с легким вздохом обняла его за пояс обеими руками и потерлась носом о шею, в расстегнутом вороте рубашки Святослава под пальто.

— Если ты не прекратишь, мы в дом не попадем, — с усмешкой пробормотал он, пытаюсь достать ключи.

— Ничего, у тебя и во дворе красиво, — таким же тоном ответила она ему, даже и не предпринимая попытки прекратить подразнивающей ласки.

— Но холодно, — твердо отрезал Слава, все же, удачно справившись с замком, и распахнул перед ней дверь, заводя Наташу в просторную и темную гостиную. — В доме гораздо удобней... для кофе, — лукаво поддел он ее, и включил свет.

Наташа засмеялась на его поддевку, и с удовольствием осмотрела комнату, в которой очутилась.

Собственно, они стояли в чем-то, символизирующим прихожую.

Прямоугольное пространство занимало несколько метров, расширяясь потом в огромную комнату, которую номинально отграничивала перегородка с прямоугольными полками-прорезями, сделанная из темного дерева, которая на две трети имитировала полуостров. Еще одной условной границе служил пол — кафель прихожей на уровне этой перегородки, сменялся паркетом такого же оттенка, что и «стена».

По бокам же, в обе стороны от входа, прихожая переходила в более узкий коридор.

— Там гараж, мой кабинет, пара комнат и выход на веранду, — Святослав махнул рукой вправо, помогая ей снять пальто. Сняв сапоги и, с удовольствием поняв, что пол в его доме был с подогревом, Наташа посмотрела в указанном направлении. — Мне пришлось немного поменять проект, когда я купил этот дом, раньше там еще была и лестница на второй этаж, в башне, — и сам, сняв пальто и туфли, Слава повел ее в сторону гостиной, так и не убрав руку с талии. — Теперь лестница тут, — он махнул рукой, указывая на ступеньки, которые она не сразу заметила из-за угла стены коридора.

Широкая лестница находилась немного в стороне от центрального входа, наверное так, чтобы и от гаража, и от этих дверей оказалось примерно одинаковое расстояние.

— Очень красиво, — честно, с нескрываемым восторгом произнесла Наташа, осматриваясь еще раз.

— Кухня там, — может он и старался скрыть удовольствие от ее восторга, но Ната все равно заметила, что Слава доволен тем, что ей понравился его дом. — Хочешь кофе сейчас? — приподняв бровь, спросил он с лукавой усмешкой.

Но она все еще не могла отвести глаза от лестницы.

Массивные деревянные ступени, темно-вишневого цвета были отполированы так, что блестели даже в тусклом освещении сумеречного света, который Слава включил. Почему-то, она казалась Наташей какой-то нереальной, словно делала этот, вполне осязаемый, современный и настоящий дом — расположенным в каком-то временном портале.

Создавалось стойкое убеждение, что она попала в какое-то загородное поместье или родовое гнездо английского феодала. Во всяком случае, именно со средневековьем возникли у Наташи ассоциации при виде этого великолепия.

Потому, покачав головой на его вопрос о кофе, который все еще висел в воздухе, Наташа не смогла удержаться, чтобы не подойти к перилам и не провести по ним кончиками пальцев.

Святослав пошел за ней, потому как второй рукой Наташа все еще держалась за него. И не собиралась отпустить, вообще-то.

— Нравится? — Слава обнял ее со спины, начав искушающе целовать затылок Наташе, дразня тем, как проводил лицом по коротким прядям.

— Очень, — Наташа кивнула, откинувшись на него всем телом, и посмотрела снизу вверх на Славу. — А на втором этаже что? — с невинным видом спросила она.

Святослав медленно и чуть лениво улыбнулся своей редкой улыбкой, от которой у нее захватывало дух.

— Могу провести экскурсию, — хрипло предложил он, и Наташа заметила, как потемнели его глаза еще больше от чувств, который этот мужчина так успешно контролировал.

Она, наверняка, скрывала свое желание с меньшим успехом.

Ну и черт с ним! Наташа и Славе собиралась показать, что сдержанность не всегда лучший метод. Во всяком случае, не в общении с ней.

— С удовольствием, только, боюсь, мне нечего предложить в оплату, — лукаво прошептала она,

немного приподнявшись, и поцеловала его в подбородок.

— Ничего, я не гордый, соглашусь и на поцелуй, — ответил Слава, с насмешливым вызовом приподняв бровь. — Только плату — вперед.

— Ну, если только на таком условии, — протянула она, уже поворачиваясь, и потянулась к его губам.

И этот поцелуй оказался не менее поражающим, чем тот, первый.

От соприкосновения их губ, их тел — по ее нервам пробежали такие искры возбуждения, что температура тела, казалось, подскочила на десять градусов. Она вся горела. И каждое касание Святослава только усиливало пожар.

Он перехватил инициативу на себя, обхватив голову Наты ладонями. Его язык проник внутрь ее рта. Он нежно втягивал ее губы, прикусывая их зубами, и от этого она дрожала еще сильнее.

А когда же он полностью завладел ее ртом, и глубоко проник своим языком внутрь, она не удержалась — застонала и вцепилась пальцами в его плечи, понимая, что ноги теряют устойчивость.

— Слава, — едва не хныкаяще, протянула она, требуя большего.

Наверное, помимо нереально сильной тяги к этому мужчине, сказывался и год воздержания. Наташе казалось, что она может взорваться от удовольствия только от того, как именно он ее целовал.

— Думаю, стоит поторопиться с экскурсией, солнце, — Слава резко втянул воздух в себя, — иначе я вполне могу послать ее к черту, и заняться с тобой любовью прямо тут.

Она пришла в восторг от подобного плана, и крепко прижалась к нему, не в силах удержаться от того, чтобы не забраться ладонями под его рубашку, вытянув ту из-под пояса брюк. На что он только сквозь зубы почти со свистом, хрипло проговорил «Ната», и опять притянул ее голову для нового поцелуя.

В общем-то, Наташе и самой уже не хотелось никуда идти.

Однако Слава, казалось, решил до последнего вести себя, как настоящий джентльмен, и потому она послушно пошла за ним, когда Святослав, крепко взявшись за мощные перила, ступил на лестницу.

Но на первой же ступеньке Ната ощутила странную неуверенность. Будто земля, или точнее эта самая лестница, уходила у нее из-под ног.

Ничего не понимая, она крепко ухватилась за Славу, поняв, что поскользывается.

Он удивленно посмотрел на нее, но поддержал. Ната вздохнула с облегчением.

Однако без проблем им удалось дойти только до середины. На очередной ступени, Наташа таки не удержалась, и осознала, что начинает падать. И даже опора руки Славы ее не спасет.

Наташа ойкнула, стараясь ухватиться за что-то еще. Но только ухудшила ситуацию.

Святослав, отпустив перила, подхватил ее обеими руками, но и сам потерял равновесие. В результате они оба плюхнулись на очередную ступеньку. И все же, Слава умудрился поддержать ее так, чтобы она упала на него, смягчая удар о дерево.

От всей этой ситуации оба расхохотались.

— Черт, я впервые падаю на этой лестнице, — Святослав потрянул головой. — Нат, серьезно, — ты сколько выпила? — Слава с добрым подшучиванием смотрел ей в глаза, глядя по щекам ладонями.

— Один бокал, честно, Слав, это все колготы, — наконец-то разобравшись, проговорила она, осознав, что сидит поверх его бедер, словно бы оседлала Славу. И его напряженная, твердая плоть упирается туда, где ей больше всего хотелось ощутить это давление. — Ступеньки скользкие, — объяснила она. — Теперь я знаю, для чего на них раньше клали ковры.

— Скользкие? — он хитро усмехнулся. — Никогда не замечал, — покачивая головой так, будто не до конца верил такому объяснению, Слава опустил руки с ее спины, на бедра, которыми Наташа обхватила его ноги.

— Просто ты в носках, а не в капроне, — попыталась защититься она, ухватившись руками за его шею, не замечая, что пальцы самовольно забираются под ворот его сорочки.

— Ну, если ты так говоришь, — он смотрел ей прямо в глаза, а его пальцы скользнули вверх-вниз по ее голени, заставляя дыхание Наты сбиваться, и отсылая разум куда-то подальше. Один раз. Второй. А потом, погладив ее колени, Слава добрался до бедер, краем ладоней сдвигая юбку платья все выше к талии. — Значит, стоит их снять, пока мы оба не свернули себе шеи, — закончил он предложение, о начале которого она уже начала забывать из-за этих поглаживаний.

Не найдя возражений и наслаждаясь каждым движением рук Святослава, которые и дразнили, и гладили, и ласкали одновременно, она только немного приподнялась, помогая ему стянуть эту деталь ее туалета. И не удержавшись, застонала, ощутив немного шершавое касание его ладоней на своей голой коже.

Когда же руки Славы замерли на середине, застыв на ее ягодицах, словно и его это ощущение поразило, и он резко, с усилием втянул воздух в себя — Наташа поняла, что в ней осталась только дикая жажда и нужда в этом мужчине. Немедленная, сжигающая потребность.

— Я хочу тебя, Ната, — отбросив всякую сдержанность, все свои щиты и, пожалуй, даже цивилизованность, хрипло, немного грубовато проговорил Слава. Одной рукой обхватив ее за затылок, а вторую так и оставив поглаживать, сжимать бедра. — Прямо сейчас, — то ли приказывая, то ли прося, он заставил ее смотреть ему прямо в глаза.

У нее пересохло в горле от того выражения, которым они светились.

И только сейчас она осознала, что все это время, когда Святослав вел себя настолько безупречно и учтиво — он лишь играл роль, к которой привык. Теперь же в зеленых глазах светился какой-то, едва ли не дикий, первобытный голод обладания ею. Но и это выражение не испугало, а лишь больше возбудило ее.

Вместо ответа, не уверенная, что сможет внятно говорить, а не прохрипит нечто неразборчивое, потому что воздух в легких куда-то испарился, она с такой же потребностью притянула к себе его голову и губами завладела ртом Славы.

Ему не потребовалось другого разрешения.

Отпустив ее затылок но, не давая губам Наташи воли, Святослав избавил ее от колгот. Однако Наташи была настолько поглощена его поцелуем и необходимостью в его прикосновениях, что заметила это, только почувствовав прохладное дерево под голыми ступнями.

Такая разница между их жаром и прохладой лестницы, обострила всю ее чувствительность. Наташа ощущала каждое касание Славы, каждое дуновение его дыхания.

Она застонала, откинув голову, и выгнулась, подставляя свою грудь под его ищущие губы, когда вслед за колготами, только через голову, на миг прервав поцелуй, он стянул и ее платье, отбросив его куда-то вниз на ступени. Туда же последовал и ее бюстгальтер, и рубашка Славы, которую она умудрилась расстегнуть, оторвав две пуговицы.

Он подхватил ее под спину, поддерживая за плечи пальцами одной руки и, заставив сильнее прогнуться, накрыл влажным, жарким поцелуем уже сжавшийся сосок. Второй ладонью он дразнил другую грудь, рисуя кончиками пальцев спирали на чувствительной коже.

— Слава! — она требовательно повторяла его имя, и сама желая касаться каждого сантиметра его огромного, сильного тела губами.

Но он только усмехался, щекоча этим движением губ ее соски, и заново начинал их ласкать, облизывая и втягивая маленькие, напряженные вершины в свой рот.

Все, что ей оставалось — это ласкать его руками, проводя ладонями по широким плечам Святослава, по его груди, в который раз, краем сознания отмечая его мощь и силу, которой сейчас, с таким удовольствием наслаждалась.

Но и у нее нашлось, чем ответить на доминирование этого мужчины.

Будто бы невзначай, ее тонкие пальцы погладили рельефные мышцы его живота. Раз, другой. Спустились немного ниже, дразняще проведя по коже у ремня брюк.

Святослав задышал еще тяжелее, но не перестал мучить томительным удовольствием ее грудь. Однако, словно стремясь переиграть ее продвижение, он с легким нажимом провел кончиками пальцев по впадинке ее позвоночника, заставив все тело Наташи содрогнуться от чувственного предвкушения и, погладив ладонью ее бедро, сдвинул кружевные стринги в сторону, накрывая своей большой рукой ее горячую и уже влажную плоть.

Она застонала, громко, почти надрывно, но не сдалась. Хотя оказалась на самом краю оргазма от простого прикосновения его пальцев.

Уже более смелыми движениями, пытаясь изогнуться сильнее, пусть Слава и мешал, стараясь оставить контроль в своих руках, Наташа расстегнула его пряжку и молнию одной рукой. И сама удивилась тому, что ей так просто удался подобный фокус. Не то, чтобы она так уж много практики имела в расстегивании мужских поясов. И уж тем более, за последнее время. Но, очевидно, слишком сильно Ната хотела добраться до того, что было под ним.

Слава немного отодвинулся, совсем чуть-чуть, но это движение позволило просунуть Наташе руку в ширинку.

И оба не смогли удержать стон возбуждения, когда ее ладонь сдвинув его белье, обхватила напряженную, пульсирующую плоть, которая толкнулась ей в ладонь при первом же

прикосновении тонких пальцев.

— Черт, что ты со мной творишь, солнце? — спросил Святослав, уткнувшись лицом в грудь Наташи, будто старался восстановить дыхание.

— Только то, что ты делаешь со мной, — так же хрипло, как и он, задыхаясь, ответила она.

Губы Святослава растянула самодовольная мужская улыбка.

— Что ж, я очень надеюсь, что мне удалось сотворить с тобой такое же, — с искушением демона в голосе прошептал он, лизнув языком и втянув себе в рот мочку уха Наташи.

Отчего она только вскрикнула, упираясь пятками в ступеньку.

Если честно, Наташа уже успела забыть, что они сидели на лестнице.

В достаточно непрактичном и малоудобном месте для занятий любовью, если здраво рассудить. Но обоим было настолько хорошо, так сильно хотелось большего, что совершенно не хотелось никуда идти и о чем-то рассуждать.

Тем более, когда она почувствовала, как длинные пальцы Славы, лежащие на ее чувствительной плоти, пришли в движение. И мужчина, продолжая покусывать ее ушко и шею, начал гладить влажную плоть, то и дело, задевая самые чувствительные точки, отчего тело Наташи каждый раз будто пронзал ток.

Один его палец скользнул внутрь нее, растягивая узкое лоно. И Ната, потерявшись в ощущениях, не заметила, как укусила Славу за шею, испытывая нечто, близкое к блаженству. Но ей хотелось еще больше.

Она нуждалась в том, чтобы он вошел в нее.

И Наташа ответила ему тем же искушением, скользя пальцами по мощному, тяжелому и пульсирующему стволу члена Святослава, с удовольствием ощущая кожей своего живота, прижатого к нему, как сокращаются мышцы пресса этого сильного мужчины, как он вздрагивает от ее прикосновений.

В какой-то момент она просто осознала, что не хочет, не может ждать. Приподнявшись, упираясь коленями в дерево, она потерлась бедрами о головку плоти Святослава.

— Пожалуйста, Слава, не мучай меня, — едва ли не умоляюще попросила она.

И Слава поддался, наверное, и сам уже не в силах терпеть.

Резким движением он подхватил ее под попку обеими ладонями и, отодвинув в сторону все еще находящееся на ней кружево, погрузился в тело Наташи одним сильным и глубоким толчком.

Она вскрикнула и непроизвольно откинулась назад, крепко прижав его голову к своей груди, с некоторым удивлением, поняв, что потерялась, взорвалась, испытав оргазм от одного его движения.

Все ее тело конвульсивно сжалось, и внутренние мышцы сократились, охватывая плоть Святослава тугим кольцом.

Его дыхание сорвалось. Он чертыхнулся, бормоча проклятие сквозь зубы.

Удерживая весь ее вес на своих руках, Слава прижал Наташу сильнее к своей груди, уткнувшись лицом в макушку.

— Черт, Ната, ты такая тугая, такая узкая, — то ли с благоговением, то ли с проклятием пробормотал он. — Мне чертовски сложно сдерживаться.

— Мне тоже, — с потерянными, но довольными смешком признала она очевидное, немного придя в себя. — У меня, знаешь ли, довольно давно не было ни с кем подобных... отношений, — честно призналась Наташа.

Вместо ответа, он опять обхватил ее щеки своими ладонями, будто заключая лицо Наты в плен, и поцеловал. Но теперь в этом касании, помимо страсти и неистового желания, была и нежность.

— Ты как? — поинтересовался Святослав со странным выражением в глазах, целуя ее щеки, и одновременно с этим, сделал медленный, глубокий, протяжный толчок внутри нее.

— О...о...о, — Ната вцепилась пальцами в его плечи. — Великолепно, только не останавливайся, — подаваясь навстречу ему, немного смущенно попросила она.

— Вот в этом можешь быть уверена, — он усмехнулся, снова погружаясь в нее, и нежно обвел контур закусенных губ Наташи кончиком пальца, а потом, провел по ее, полузакрытым от удовольствия векам.

Она медленно, искушающе улыбнулась, двигаясь так, чтобы попадать в ритм с ним, и поймала этот палец, ласкающий ее лицо, губами, щекоча его языком.

Лицо Святослава напряглось, а глаза потемнели, став едва ли не оттенка малахита.

— О, черт! Знала бы ты, сколько ночей я думал об этом, солнце, — гортанно пробормотал Святослав.

Его движения утратили медлительность и тягучесть.

Обхватив, крепко сжав ее ягодицы руками, он сильно и яростно погружался в Наташу, почти насаживая ее на себя. На лбу Славы выступили капельки испарины, но он продолжал ласкать ее грудь, шею, лицо, обводя языком бьющуюся жилку у ключицы, целуя припухшие губы, с которых при каждом его толчке — срывалось его же имя.

Наташа потерялась в его движениях, упиваясь удовольствием, которое никогда не ощущала.

И она точно знала, что не срок воздержания обеспечил ей такое удовольствие от каждого скольжения Святослава внутри нее.

О, нет! Просто он был именно тем, кого такая суеверная девушка как она, по полному праву могла назвать своей половинкой. Тем, кто идеально подходил ей.

Именно потому, когда Наташа, даже в угаре собственного наслаждения, почувствовала, как потяжелело и стало отрывистым дыхание Славы; осознала, насколько резкими и глубокими стали толчки его плоти, и поняла, что он собирается выйти, защищая ее от последствий их общей непредусмотрительности — Наташа прижалась губами ко рту Славы. Ее руки скользнули по его предплечьям в широкие ладони мужчины, сплетая их пальцы. И она, не менее сильно, чем он сам, резко опустилась на него, не давая Славе отстраниться.

Наташа хотела получить всего его, в полной мере, без условий и ограничений. Испить до дна. И настолько же полно отдаться этому мужчине. Так, как никогда не отдавалась и не принадлежала никому.

Она решила понадеяться на судьбу и собственный цикл. А если и то, и другое ее подведет — что ж, она была достаточно взрослой, чтобы задуматься о детях.

Но эти мысли шли где-то по самому краю сознания, когда она не отпускала его руки, не позволяя Славе отодвинуться.

— Ната, солнышко, пусти, — хрипло, просяще-приказательно прошептал мужчина, все еще пытаясь сделать по-своему.

Но она только сильнее поцеловала его.

— Не могу, Слав, я так хочу тебя..., - хрипло призналась она, отвечая на каждое движение его бедер, которые он уже не мог остановить, своим телом. — Всего..., полностью...

Он выругался, но не смог уже отстраниться. Крепко обняв ее, не отпуская пальцы Наты, Слава в последний раз до упора вонзился в пульсирующее лоно, не сдержав низкий стон. И она, в очередной раз, начиная содрогаться в волнах удовольствия, почувствовала, как его горячее семя излилось в нее.

С довольным вздохом, Наташа упала на его плечо, поддерживаемая сильными руками Славы, и прижалась губами к неистово пульсирующему пульсу на его шее.

— Знаешь, солнце, ни одной чертовой звезде не сравниться с тобой, в плане исполнения желаний, — хрипло, с усмешкой прошептал Святослав, глубоко вздохнув. И привычно уже обхватив ее подбородок своими пальцами, он впился в слабо улыбнувшиеся губы Наташи.

Глава 9

Святослав перевернулся со спины на бок, просыпаясь от того, что неподвижные в течение нескольких часов мышцы ног затекли, и теперь покалывали. Но даже это не могло ему сейчас испортить настроение. Не открывая глаз, он потянулся рукой, проводя пальцами по простыне, но нащупал только пустоту.

Слава замер, ощущая, как застывает все тело, напряженно вслушиваясь в тишину огромного дома.

Но так и не открыл глаза.

По весьма банальной, но столь постыдной для любого мужчины причине — он испугался.

И подобной маленькому ребенку, неосознанно, прятался за убеждением, что если он не видит чудовищ под кроватью — то и они не увидят его.

Конечно же, он не ожидал обнаружить в своей спальне воображаемых монстров. Судя по всему, Святослав вообще, находился здесь совершенно один.

Не то, чтобы в этом имелось хоть что-то непривычное.

Слава всегда спал сам. Всю свою жизнь.

Может быть, в детстве он и провел пару ночей в родительской кровати, но воспоминаний об этом не сохранилось. В сознательном же возрасте, Святослав никогда, ни единого разу не спал с женщиной в полном и прямом смысле этого определения.

Даже с Катериной, хотя и планировал жениться на ней. Она всегда настаивала, чтобы он уходил после пары часов, проведенных вместе. И уж тем более, он не спал ни с одной из тех женщин, которые были у него после того, как он застал свою «почти-невесту» с их однокурсником в весьма откровенной, а потому, не оставляющей вероятностей для отрицания и уверток, ситуации.

Пары часов общения с противоположным полом ему оказывалось достаточно. И хоть номер в гостинице Слава всегда снимал на всю ночь, он же, обычно, и уходил оттуда первым, не планируя отдыхать в компании очередной женщины.

Так было всегда. До этой ночи.

До того момента, как Наташа согласилась остаться у него.

Собственно, не то, чтобы Слава спрашивал.

Просто он даже представить себе не мог, что отпустит Нату куда-то, после того, что между ними произошло. В его сознании не укладывалась мысль, КАК он может отвезти ее этой ночью домой, или позволить уехать самой?

Слишком много всего необычного и непривычного случилось с ним из-за этой женщины.

Но не об этом сейчас думал Святослав.

Он просто пытался понять, почему ее нет рядом с ним в постели?

Неужели Наташа могла уехать?

В принципе — да, а почему она не смогла бы этого сделать?

В конце концов, вызвать такси в частном секторе ничуть не сложнее, чем в обычном спальном районе. Тем более что табличка с номером дома и названием улицы располагалась на том самом фасаде, которым Ната вчера так восхищалась.

Она вполне могла уйти... по разным причинам.

Например, у нее могли иметься дела, запланированные на субботнее утро. Или встреча с братом. Или в Кофейне могло что-то случиться, ведь Слава даже не представлял, сколько сейчас времени.

Да что угодно могло послужить толчком. В конце концов, она могла просто испытать неловкость из-за всего, что случилось между ними.

Вот только, почему-то, в мозгу не удерживалось ни одно из этих объяснений, кроме самого болезненного и неприятного для него: утром — все могло показаться ей совсем иначе, чем ночью, после бокала мартини и чувства благодарности за то, что Слава избавил ее от трудной ситуации.

Святослав понимал, что это — самое маловероятное объяснение.

Серьезно понимал.

После того, что вчера между ними произошло, после всего, что они оба (Святослав ни капли в этом не сомневался), испытали — глупым казалось предполагать, что Ната, вдруг (!), внезапно и неожиданно, обратила внимание на ущербность Славы.

Но он слишком сильно привык опасаться того, как все его воспринимают. Казалось, этот страх уже не просто бежал в его крови, а пропитал каждую мышцу, каждую клеточку тела, несмотря на показное безразличие.

И ведь ее же не было рядом...

Сжав зубы, Святослав заставил себя открыть глаза и рывком сел в кровати.

Лучший способ побороть страх — посмотреть прямо на него.

Спальня, как он и предположил по отсутствию каких бы то ни было звуков, оказалась совершенно пустой.

Он до хруста, до боли сжал пальцы.

Святослав не представлял, что она могла уйти после того, как он узнал, насколько это приятно — засыпать рядом с ней. Понял, как здорово уткнуться носом в короткие завитки на затылке Наты, еще влажные после того, как они занимались любовью и осознать, что под тонким шлейфом духов — она вся легко-легко пахнет кофе. Ни одна чертова фантазия, посещавшая его за этот месяц, и вполонину не была настолько великолепной, как реальность. Вот только...

В этот момент его глаза, уставившиеся в пространство комнаты, привлекло нечто на тумбочки у кровати. Насколько Слава помнил — у него никогда там ничего не стояло.

Резко повернув голову, он удивленно посмотрел на свою собственную чашку, полную кофе.

Капучино.

Даже с карамелью, вероятно, судя по затейливому узору коричневатых полосок на пене.

Хотя, он мог бы поклясться, что в его доме не имелось ни капли карамели. Никогда. Он все равно не умел ее в кофе лить, только выплеснул бы полбутылки.

Продолжая пялиться на это необъяснимое для него явление, Слава протянул пальцы, только теперь осознав, что все еще зажимал их в кулак, и дотронулся до керамики.

Та оказалась горячей.

И лишь сейчас он понял, что все это время ощущал легкий аромат кофе. Просто списал его на запах, который стал для него ассоциироваться с Натой.

Но если этот кофе стоял здесь, и он был горячим, то...

Святослав ощутил, как понемногу начала отпускатъ нелепая, но такая привычная уверенность, что и она оттолкнет его из-за отличия.

— Доброе утро, — негромкий, радостный голос Наташи прозвенел колокольчиком со стороны полупустой комнаты, отделенной от его спальни только плотной тканевой перегородкой.

Даже прожив в этом доме четыре года, Слава не придумал, для чего ее использовать — комната была полукруглой, и во всю ее наружную стену имелись высокие окна. Нечто, типа огромного застекленного балкона.

Именно оттуда и вышла Наташа с широкой улыбкой и чашкой в руке.

Кажется, у него появилось свое личное солнце. Только его.

Слава выдохнул, осознав, что задерживал воздух в легких.

— Ты осталась, — он проговорил это хриплым со сна голосом, даже не поняв сначала, что произнес вслух, выдавая собственные опасения.

Но осознав — нахмурился, недовольный тем, что так глупо начал разговор.

Наташа недоуменно округлила глаза и забавно приподняла брови, улыбаясь этому тону.

— Мне следовало уйти? — с лукавой поддевкой спросила она, спокойно отпивая глоток кофе.

— Нет!!

Он не собирался так кричать, честно.

Просто... Святослав впервые оказался в такой ситуации.

Как и во многих других новых для него ситуациях благодаря этой женщине. Таких, как торчание под женской раздевалкой, доставка таблеток в три утра, бешеная езда из Киева, лишь бы успеть на этот ее праздник, секс без презерватива...

Вот об этом им стоило поговорить, кстати.

У Славы было немало женщин. Потому что после предательства и насмешливых слов Катьки, он никогда не позволял себе привязываться хоть к кому-то из них, встречаясь не больше одного-двух раз. И никогда, ни разу в жизни, он не оказывался настолько захвачен страстью, чтобы забыть о подобной «мелочи», да и с Катериной, собственно, потому как та — панически боялась забеременеть.

Оттого, наверное, вчера ночью — почувствовал себя едва ли не девственником. Хотя большинство друзей и посмеялись бы над такими его мыслями, вздумай Слава признаться.

Ах, да! Он забыл про носки, которыми с нею делился. Но на общем фоне это выглядело сущей ерундой.

Да уж, если задуматься, Наташа ломала все его привычные схемы и модели поведения.

Она только выше приподняла бровь, а улыбка Наташи стала еще шире.

— Мне стоило предвидеть, что ты можешь быть ворчлив с утра, — с подавляемым смехом в голосе, резюмировала Ната, и спокойно села на постель, поджав под себя босые ноги.

Она не рассердилась. Не обиделась. И даже не притворилась, что ее задело подобное его, неадекватное поведение.

Он улыбнулся, глядя на нее, подозревая, что выглядит глупо.

Но Славе стало все равно.

— Я не ворчлив, — протестующе возмутился Святослав, любясь ее видом в своей рубашке, на которой не доставало пуговиц. — Просто, — он резко выдохнул и потер лицо, а потом потянулся к своей чашке, пытаясь занять руки, которые зудели от желания обнять Наташу. — Для меня это новый опыт — проснуться с женщиной, и обнаружить — что ее нет рядом, — попытался внятно объяснить Слава. — То, что я говорил о гостях вчера — не было шуткой. Их сюда не приглашали. И поскольку я не знаю, как люди себя ведут в таких ситуациях — решил, что ты уехала, — делая еще глоток, совершенно честно признался он, испытывая весьма странные ощущения: плюс один новый опыт — он никогда не считал нужным хоть кому-то объяснять причины и мотивы своих поступков или поведения.

Но для Наташи он уже сделал столько исключений, что можно и этим рискнуть.

Ната не рассмеялась, наоборот, серьезно кивнула, отставляя свою чашку на пол у постели и, подвинувшись вперед, легла на подушки рядом, потягиваясь так, что ему открылся великолепный вид и на грудь, и на бедра этой женщины. Бельем она не озаботилась. Впрочем, и он его вчера не надевал.

Слава чертыхнулся в уме, прикидывая, сколько времени отсюда добираться до машины, где имелись презервативы. Или хоть до холла, где на ступеньках остались его брюки с бумажником. Пусть его и потрясло ощущение их полного контакта, он не собирался принуждать Наташу к чему-то, что могло не казаться ей правильным сегодня утром. Да и просто — головой думать надо, все-таки.

— Знаешь, — зевнув, она подвинулась ближе к Славе, пристраивая голову на его обнаженном животе. — Я тоже впервые сталкиваюсь с подобной ситуацией. Но не думаю, что уеду прямо сейчас. Даже если именно так все и делают. Разве что ты выгонишь? — она все с той же усмешкой в синих глазах посмотрела на него снизу вверх.

Святослав аккуратно отставил свой кофе на прежнее место.

Она не могла не ощущать, в каком он уже находился состоянии. Но, не было похоже, чтобы его возбуждение смущало Нату. Более того, он слышал, какими стали ее вздохи. Видел, как сильнее начала вздыматься грудь Наташи.

— Если это зависит только от меня, — он обхватил лицо Наты ладонями, — то придется смириться с мыслью, что ты не попадешь к себе до понедельника, минимум, — так же насмешливо улыбнулся он ей в ответ.

Его слова заставили ее довольно потереться щеками о ладони Славы.

— По крайней мере, у тебя хорошая кофеварка, — посмеиваясь над ним, Ната погрузила свои пальцы в его волосы. — Только, похоже, ни разу не использовавшаяся.

— Она оказалась для меня слишком сложной, — Святослав пожал плечами, и сильнее сжав ладони, притянул лицо Наташи, накрыв своим ртом ее губы, прервав дальнейшие разговоры.

Она с удовольствием подалась ему навстречу, отвечая на поцелуй, от которого Слава, понемногу, забывал о здравом смысле.

Отпустив губы Наташи, он повернулся так, чтобы лечь рядом с ней, и начал целовать скулы, щеки, шею. Просто потому, что его, казалось, все возбуждало в ней. Каждый сантиметр ее

хрупкого и такого соблазнительного тела. И ему хотелось коснуться Наташи везде, не пропустив ни одного места.

— Кстати, о кофе, — добравшись до ключицы, и полностью довольный тем, что ноги Наташи к этому моменту уже крепко обнимали его тело, решил прояснить он. — Не помню, солнце, чтобы у меня хоть где-то имелась карамель? — он наклонился и легонько подул на влажный след, оставленный его языком на ее коже.

Она поежилась с протяжным вздохом. А соски Наташи от этой проказливой ласки моментально напряглись, притягивая и глаза, и губы Славы к себе.

— О, оу..., - Ната сильно выгнулась, подставляя грудь под его жадный рот. — У меня всегда есть в сумке... — ей пришлось замолчать на миг, потому как со вздохом, судя по всему, возникла проблема, — пара пакетиков всего, что может понадобится для кофе, — с протяжным стоном закончила она объяснения.

— Как удобно, — самодовольно усмехнулся Слава, переходя ко второму соску.

Однако это кое о чем ему напомнило, что уже успело вылететь из головы.

— Ната, — он приподнял голову и, не перестав ласкать ее грудь пальцами, серьезно посмотрел в глаза Наташи. — Нам стоит заранее позаботиться о презервативах.

Она моргнула, кажется, немного растерявшись от такой смены темы, улыбнулась, но дышала все так же тяжело.

— Я здорова, Слав, если тебя это беспокоит, — отчего-то смутившись, проговорила она.

Он не смог удержаться от улыбки. И поцеловал уголок ее рта. Просто, чтобы успокоить.

— Я не сомневался в этом. И тоже здоров. Но есть ведь и другие последствия, — пристально глядя на нее, проговорил Слава. — На которые мы вчера, просто махнули рукой.

Наташа пожала плечами.

А потом, обхватив его своими ладонями за затылок, притянула Славу так, что ее лицо оказалось прижатым к его шее. Он уперся локтями в подушку, чтобы защитить Наташу от собственного веса.

— Слав, я..., - она помолчала, будто старалась подобрать слова, а потом глубоко и тяжело выдохнула. — Только не смейся, — зачем-то предупредила она его. Он и не собирался, совершенно сбитый с толку. — Я никогда так не занималась... любовью, без презерватива, — чуть ли не в шею ему, так, что Святослав едва разбирал слова, призналась Наташа. — И мне как-то не хочется опять возвращаться к тому способу. Слишком хорошо мне было с тобой вчера.

Он оказался бы последним человеком на Земле, кому пришло бы в голову смеяться над ее словами.

Черт! Разве несколькими минутами раньше он сам не думал о том же?

Однако, несмотря на все самодовольное, примитивное удовольствие от ее признания, основного вопроса оно все равно не решало.

Вздохнув, и поняв при этом, что такое простое, бессознательное движение требует от него весомых усилий, Святослав уткнулся носом во впадинку между ее ключицей и шеей.

Больше всего в этот момент ему хотелось сейчас же погрузиться в нее. До упора войти в горячее и уже влажное лоно, заставив Наташу каждым своим движением испытывать удовольствие. И это не было завышенным самомнением. Он знал, что приложил бы все усилия именно для такого результата.

Потому что за тот месяц, что он знал Наташу, за эту ночь и утро, она дала ему больше, чем все, вместе взятые женщины, которые у него были до того момента, как Дэн познакомил Святослава со своей сестрой.

— Солнышко, — низко, от желания, хрипло, от всего, что ощутил внутри, прошептал Слава. — Тогда ты не должна меня останавливать, как ночью.

Наташа нахмурилась. Он кожей плеча ощутил, как сошлись на переносице ее темные, тонкие и выразительные брови.

— У меня есть лучший вариант, — вдруг тихо сказала она, и Слава ощутил, как ее пальцы, которые так и гладили все это время его плечи, скользнули между их телами.

Он понятия не имел, что это могло значить.

Наташа попыталась достать что-то в кармане его рубашке, надетой на ней, и он немного приподнялся, чтобы облегчить ей задачу.

— Что это? — недоуменно спросил Святослав, когда она с лукавым, но до ужаса довольным видом, помахала у него перед носом какой-то продолговатой бутылочкой.

Наташа хихикнула. Один раз. Прикусила губу. Но не удержалась, и открыто засмеялась его удивлению.

— Ммм, сложно точно описать, — наконец, перестав смеяться, она облизнула губы. И он понял, что не может оторвать глаза от кончика ее розового, нежного язычка, скользящего по губам. — Скажем так, некий аналог презерватива. От болезней не защитит, но от всего остального — поможет. Это таблетки для местной контрацепции, которые, — она опять начала смеяться. — Ты не поверишь, — Наташа покачала головой, лизнув его сосок, отчего по телу Славы начал растекаться жидкий огонь. — Я их вчера у Нади забрала, когда она заявила, что будет «отрываться по полной», чтобы помешать ей глупости натворить. А потом тебе позвонила, побоялась, что она все равно начнет парней к нам звать, — она поцеловала его второй сосок, облизнув его язычком, пользуясь тем, что Слава позволял ей это.

Святослав не удержался от насмешливой улыбки.

— Кто бы мог подумать, что твое волнение о подруге нам так пригодится, — хрипло пробормотал он, и устав сдерживаться, жадно впился в губы Наташи, позволяя своим рукам касаться ее тела везде, где только мог достать. И она с довольным стоном ответила ему тем же.

Он так и не отпустил ее до понедельника. Хотя, если честно, говорил тогда об этом в шутку.

Но каждый раз, когда Слава задумывался о том, чтобы отвезти Наташу домой — он начинал настолько раздражаться, что тут же отметал подобную возможность.

Они шутили, рассказывали какие-то мелкие подробности о себе, пили кофе, ели заказанную пиццу, поскольку Слава категорически не позволил Наташе готовить. А сам не считал себя настолько способным, чтобы готовить для нее.

Можно было поехать в ресторан, но ему не хотелось разрушать странную, нереальную, волшебную атмосферу, которая окутала на этих выходных его дом.

Словно бы они остались одни во всем мире, и ничто не могло помешать тому, что возникало между ними. Что чувствовалось в долгих взглядах, когда они сидели рядом, держа в руках чашки. В тишине, которая не нуждалась в словах. В общем смехе, который теперь так легко и просто вырывался у Славы, стоило Наташе лукаво и совершенно без стеснения начать поддевать его.

Это «нечто», пока еще хрупкое и неощутимое, помогало ему вдруг понять, о чем Наташа хотела сказать, остановившись на полуслове, и досказать ее мысль, зажигая искры удовольствия от такого понимания в ее глазах.

Но, разумеется, больше всего в эти дни, они занимались любовью.

Он даже не подозревал, что может быть настолько... легковозбудим.

Вообще, Слава всегда считал себя довольно холодным и сдержанным.

Однако оказалось, что тогда он просто не знал Наташу. С этой женщиной ему все время хотелось еще и еще, даже тогда, когда едва оставались силы, чтобы притянуть ее выше, устраивая голову, совершенно потерянной от наслаждения Наты, у себя на руке.

Они прекрасно справлялись с продолжением оригинальной традиции, которую начали, занявшись любовью на лестнице. Слава даже не представлял, что может быть настолько нетерпеливым, чтобы не добраться до спальни. Но жизнь, с завидным упорством, доказывала ему, что он именно такой.

Он занимался с ней сексом в душе, куда повел для того, чтобы освежиться без всякой задней мысли. Он брал Наташу на столе в своем кабинете. Хотя сложно было точно сказать, кто кого тогда соблазнял, когда она вошла в комнату уже без его рубашки, в то время как Слава общался через интернет со Швейцарским ювелиром. Он искренне порадовался, что поленился включить видео связь в этот раз. Пришлось срочно прощаться.

К тому же, он не хотел пока, чтобы Ната узнала о сюрпризе, который он заказал для нее еще в Киеве, чем поверг в полную протрацию Яну. Сестра краем уха подслушала его разговор с ювелиром. И долго выпытывала у брата подробности, но Слава так и не признался, для чего ему такое украшение.

В общем-то, тогда он и сам не знал, для чего. Но теперь, когда фирма сообщила, что предварительный макет готов, и они начинают создавать сам браслет, прислав Славе его изображение для утверждения, Святослав, помимо ранее оговоренных семи звончков (он не был суеверным, но не гнушался любым способом для ее защиты), заказал еще и гравировку.

Именно на этом моменте в дверях появилась совершенно обнаженная Ната, жалуясь на то, что у него «весьма прохладно».

Слава посчитал бы себя плохим хозяином, если бы тут же не приложил все усилия, чтобы ее согреть.

Показывая Наташе, насколько красиво смотрится закат, когда солнце опускается в воду реки, бегущей неподалеку, через огромные окна той комнаты, где она пила кофе утром, он снова не смог удержаться.

Ната с улыбкой признала, что так она еще никогда не занималась любовью — распластанная по стеклу, ослепленная красно-золотыми лучами садящегося светила, и оглушенная удовольствием, которое Слава ей дарил.

Впрочем, подобное признание касалось каждого из них.

Но и целуя ее, имея возможность обнять Наташу в любой момент, когда ему только бы не захотелось, Святослав не мог до конца избавиться от подспудного страха — что все не по-настоящему. Что с ним не может произойти что-то, настолько удивительное и замечательное.

Только однажды реальность ворвалась к ним, звонком Андрея поздним утром в субботу, когда Наташа ушла на кухню, готовить еще кофе, а Слава, соскучившись за пять минут, решил, что срочно должен найти ее.

Не особо задумываясь, он поднял трубку.

— Привет, — не очень довольнo буркнул Андрей. — Ты вчера хорошо погулял?

Слава усмехнулся, вспомнив, что другу пришлось сопровождать выпившую Надежду.

— Да, не то, чтобы... — невнятно отмахнулся он. — Я ушел сразу после тебя. Как там Надя? — спросил он, пытаясь отвести внимание Андрея от себя.

— Да так, нормальная она, в принципе, но не особо разговорчивая. А может это вчера, понимая, что не совсем трезва, — корректно заметил Андрей, — молчала. Кто ее знает? Я отвез ее и вернулся домой в гордом одиночестве. А ты как, снял кого-то? — не очень вежливо хохотнул Андрей.

Слава в этот момент как раз зашел в большую кухню, и Наташа улыбнулась ему, стоя возле столешницы у той самой кофеварки, которую утром хвалила.

Он напрягся от вопроса друга. Раньше и не заметил бы его. Но сейчас, его резанула эта грубость, которую Андрей, зная отношение приятеля к женщинам, иногда допускал. Он не снимал Наташу, черт все побори! И рассердился только от того, что кому-то могло так показаться.

Хотя, ведь никто не знал...

Заставив себя расслабиться, он покачал головой, разминая мышцы шеи.

— Да, нет, — наконец ответил он Андрею своим обычным, лишенным намека на любые эмоции, голосом. — Говорю же, сразу после тебя ушел. Все-таки, эта поездка и меня вымотала.

— А-а, — кажется, другу полегчало, что не только у него вечер не удался. — Ну ладно, тогда.

Слава не собирался его разочаровывать.

— Документы я отправил, так что с этим все, — доложил Андрей. — У тебя какие планы на выходные? Ребята зовут поохотиться. Не хочешь?

— Нет, спасибо, — Слава улыбнулся краешками губ. — Нет настроения, я лучше дома посижу.

— Ну как знаешь. Хотя я и сам еще не решил. Так выспаться хочется, — приятель, ни капли не стесняясь, зевнул в трубке. — Ладно, Слав, до понедельника. Звони, если что.

— Давай, — попрощался он, едва ли не с радостью нажав на отбой.

— Дела? — вежливо поинтересовалась Наташа, насмешив его подобным тоном, когда стояла на его кухне, прикрытая только его сорочкой.

И покачал головой, пытаясь успокоиться.

— Андрей сказал, что благополучно доставил домой твою подругу.

Наташа, которая к этому моменту и сама смеялась над своей, неуместной официальной кивнула.

— Это хорошо. Надо будет его поблагодарить, при встрече.

Святослав нахмурился, по неясной причине испытал неприятный укол внутри. Он, отчего-то, совершенно не желал, чтобы она поблагодарила Андрея за что-то. Вероятно по тому же поводу, по которому вчера не дал своему другу опередить его в клубе.

Он ревновал Наташу. До чертиков перед глазами.

Не совсем ожидаемое открытие. Но Слава мог примириться с таким положением вещей.

— Я передам ему твою благодарность, — немного сурово отрезал он, чем заслужил насмешливый взгляд из-под приподнятой брови Наты.

— О, спасибо, — невинно ответила она, протягивая ему чашку капучино.

Но Слава, отставив ту в сторону, притянул Наташу к себе и, обняв, уперся подбородком в ее растрепанную макушку.

Он и сам не смог бы сказать, зачем это сделал. Возможно, чтобы доказать себе, что Наташа действительно здесь, рядом с ним. Со Святославом, таким, каким он был.

Она ничего не спросила и никак не прокомментировала этот жест.

Наташа обняла его за талию, прижав щеку к голой груди Славы и, кажется, смотрела в окно.

— Наверное, летом здесь красиво, — после нескольких минут молчания сказала она. — И клен тень дает.

— Да, двор, действительно красиво летом смотрится, — согласился он, не имея пока сил, чтобы разжать пальцы на ее спине.

— Знаешь, — задумчиво протянула Наташа, делая вид, что не замечает его странного настроения. — Если бы у меня был дом, я бы обязательно поставила качели, а то места так много и, словно не хватает чего-то, — она даже взмахнула рукой, пытаясь более внятно объяснить свою мысль.

Слава заинтересовался подобной возможностью и, повернув голову так, что теперь его щека

касалась ее волос, и сам посмотрел во двор, где пока виднелась только земля, да голые ветви старого клена.

— Никогда не думал об этом, — честно признался он.

— Ой, я же просто так, — Наташа улыбнулась той серьезности, с которой он начал смотреть во двор, словно прикидывая в уме подобный план. — Это же мои представления о дворе, а не твои. Качели, и целая поляна декоративных подсолнухов — моя мечта с детства, — все с той же открытой улыбкой призналась она.

Слава недоуменно уставился на нее.

— Подсолнухов? — переспросил он, решив, что ослышался.

— Да, я люблю подсолнухи, такие маленькие, не те, что на полях, а специальные, декоративные, — Ната, ничуть не смутившись его недоумения, немного отстранилась, чтобы показать пальцами размер цветка, о котором говорила.

Он покачал головой, все еще удивленный таким предпочтением.

Слава даже не был уверен, что видел хоть когда-то такие цветы, которые Наташа сейчас пыталась описать.

«Чем плоха традиционная роза?», так и хотелось ему спросить, едва ли не с возмущением. «На длинном-длинном стебле. Беспроигрышный вариант, и очень даже красивый, по его мнению».

Но он удержался.

— Впервые слышу, чтобы девушка мечтала о подсолнухах, — все же, с усмешкой проговорил он, качая головой.

Но Наташа ничуть не смутилась его подергиванию.

— Ну, я не обычная девушка, — с некоторой гордостью, просто признала она.

Он кивнул и, отодвинув в сторону их чашки, приподнял Наташу, усаживая ее на стол, так, что их глаза теперь оказались на одном уровне

— Это я заметил, — совершенно серьезно подтвердил Святослав, и с искушающей улыбкой, наконец-то приступил к тому, для чего, в общем-то, и пошел за ней на кухню.

Глава 10

Понедельник, 10 февраля

— Обалдеть! — Андрей насмешливо смотрел на Святослава, который зашел в свой кабинет. — Ты опоздал. На полтора часа, — не скрывая удивления, объяснил приятель свою первую реплику.

При этом друг нагло развалился в его кресле.

Слава приподнял бровь и скривил губы, одним кивком головы показывая, что Андрюха, явно, ошибся дислокацией.

При всей их дружбе, субординация в компании всегда соблюдалась.

— Я был занят, — невозмутимо пожал он плечами, бросив на стол дипломат с бумагами.

И сел в кресло, которое Андрей уже успел освободить, заняв место напротив.

— Ты не отвечал на мои звонки, — очевидно, не посчитав такое объяснение удовлетворительным, продолжал допытываться удивленный друг.

— Я был занят, — только и повторил Слава.

Он сумел сохранить безразличное выражение лица, даже когда попытался теоретически представить, как бы он смог ответить на звонок? Картина не прорисовывалась.

Достать телефон из кармана пальто, отброшенного на пол, оказалось совершенно невозможно. Тем более что в этот момент, он, удерживая Наташу на весу, прижатой к стене ее коридора, занимался с ней тем, во что ну никак не должен был вылиться «поцелуй на прощание». И, кажется, ни капли не сожалел, что сам нарушил правила распорядка фирмы, занимаясь любовью с этой женщиной вместо работы. Своей женщиной.

Он уже не раз ловил себя в мыслях на том, что называл Наташу в уме именно так — своя. Только его.

— Эй! — Андрей, казалось, все еще не понял, что больше Слава ничего не намерен объяснять. — Мне, между прочим, пришлось перенести совещание, поскольку я ни черта не знал, что с тобой. Так что оно у нас по плану через два часа, — дождавшись скупого кивка от Славы, друг хмыкнул. — Я уже собирался ехать разыскивать тебя, не уверенный, что все в порядке. Ты хоть бы сообщил, что нормально все, чтоб тебя!

Забота друга, пусть и приправленная львиной долей любопытства, вызвала у Славы слабую благодарную улыбку.

Он, вообще, был в самом отличном настроении за последние..., черт, он, кажется, никогда не был в таком настроении. И очень надеялся, что ему удастся это скрывать, не распугивая сотрудников нелепой улыбкой полного блаженства.

— Спасибо, — кивнул он другу. — Я не забуду такую заботу, — подколот он его, размышляя над тем, что понедельник вовсе не казался тяжелым днем, если начинать его с занятий любовью с Наташей. Пожалуй, Слава готов был каждый свой день начинать и заканчивать именно таким способом.

— С тобой точно все нормально? — уточнил Андрей, наклонив голову к плечу и как-то странно к нему присматриваясь. — А то мне на минуту показалось, что ты вот-вот готов засмеяться, — в голосе друга послышалась усмешка.

— Иди ты... в свой кабинет, — ответил он на подколку, так и не улыбнувшись открыто. — Мне надо к совещанию готовиться, раз уж ты сам не удосужился его провести, — Слава добавил себе хмурого вида.

— Между прочим, не я тут начальник, как кто-то любит напоминать, — ничуть не обеспокоившись тем, что его послали, Андрей еще вальяжней развалился в кресле, едва не потянув руку, чтобы ослабить узел галстука. — Откуда я знаю, что именно ты хотел поручить сотрудникам? — задал он резонный вопрос. — Мы же не обговаривали планов из-за этой

кутермы со швейцарцами. А отсебятину я нести не собирался, — пожал Андрей плечами.

Святослав кивнул, соглашаясь с подобными доводами. И сделал себе мысленную заметку, перезвонить ювелиру, чтобы уточнить, когда будет готов браслет. Ему очень хотелось уже получить его. Одеть ей на руку, и любоваться тем, как серебристый металл платины и золота, будет переливаться, подчеркивая тон кожи и хрупкость запястья Наты...

— Тебе вредно два дня сидеть дома, — голос Андрея ворвался в его мысли, отвлекая Славу. И он понял, что помимо усмешки, Андрей, в самом деле, начинает беспокоиться. Видно поведение Славы все-таки не выходило настолько «обычным», как хотелось бы. — Ты какой-то странный становишься и...

Но договорить ему не удалось.

Спасая Славу от излишней проницательности и наблюдательности приятеля, в кабинет, после короткого сильного стука, зашли Дэн с Алексеем.

На минуту Святослав вздохнул свободней, погружившись в привычную атмосферу решения рабочих моментов. Ребята приехали с парой предложений по еще более полной модернизации сайта интернет-магазина. Он попытался понять все эти нюансы, добавив, чтобы они сделали и отдельную страничку для украшений, которые теперь, помимо реальных торговых точек, можно будет заказать и через «Мультиком».

А потом, откинувшись в кресле, слушая их варианты, задумался над новой проблемой. Должен ли он сообщить Дэну, что их отношения с Наташей перешли на другой этап?

Он как-то не задумывался об этом раньше. Но пару минут назад, поймав внимательный и немного растерянный, изучающий взгляд друга, направленный куда-то, в район его шеи, почему-то напрягся и стал сомневаться.

Не то, чтобы он хотел скрыть то, что у них теперь существовало с Натой.

Наоборот, Святослав хотел бы всем показать, что она его выбрала. Пусть такое желание и казалось немного примитивным и ребячливым.

Однако стоило сначала спросить у самой Наты, чего она хочет. И как планирует сообщать своей семье о личной жизни.

Во время своих раздумий, он наблюдал за Дэном. Тот показывал образцы графики, уточнял, когда будет готов фото-каталог примеров продукции, чтобы он мог заняться оформлением. Но то и дело дергался, переводя глаза на Славу.

Тот уже начал подозревать, что Наташа, не заметив в порыве страсти, оставила на его щеке или шее засос, а может — царапину.

Он был только «за». Но мало ли, что Дэн себе мог напридумывать. Тем более что о личности той, кто оставил бы на нем свою метку, ни один нормальный друг спрашивать не будет. Разве что пару колкостей отпустит.

Может, все-таки сказать?

Да, он нервничал из-за внимания брата Наташи, и это было странно.

«Однако», попытался успокоить Слава себя, «Андрей бы не пропустил такой повод подоставать приятеля. Значит, наличие следов ногтей Наты — маловероятно».

Тогда какого черта Дэн на него так пялится?! У него что, чутье, как у собаки?

В этот момент Денис, в очередной раз перевел глаза с бумаг на столе, куда-то в район плеч Славы, с таким видом, будто бы его что-то отвлекало, а он никак не мог понять что именно.

Дэн даже нахмурился. И вдруг, по совершенно неясной причине, он полностью расслабился, и откинувшись на спинку сиденья, широко усмехнулся.

Ничего не поняв в таком поведении друга и, так и не решив, как стоит поступить, отложив это до разговора с Натой, Слава махнул на него рукой и вернулся к обсуждению. Мало ли, может Денис, вообще, о своем думает, и не замечает, куда именно смотрит?

Окончательное решение всех вопросов и утверждение плана заняло еще минут двадцать. За это время, Святослав, отвлекшись, перестал обращать внимание на периодические усмешки Дэна, и внимательно следил за ходом разговора.

В этот момент, у Леши зазвонил телефон, выставленный на вибрацию. Посмотрев на номер, тот извинился, и поднялся, собираясь ответить.

Почему-то, Славе это напомнило, как он сам выходил из конференц-зала, стоило позвонить Наташе.

— Да, ничего, — отмахнулся он от извинений. — Мы ведь закончили уже основное. А по мелочи, решим с предварительным проектом.

Кивнув с улыбкой, Алексей пошел к двери, отвечая, судя по всему, на звонок жены.

За ним поднялся и Денис.

— Ну ладно, ребята, мы тогда поехали, — проговорил он, пожимая поочередно ладонь Андрея и Святослава. — Моя часть будет готова через три дня. Да и Леха, я уверен, не дольше будет писать программу.

— Хорошо, — кивнул Слава, раздумывая над тем, можно ли уже позвонить Нате, или стоит дать ей еще время «соскучиться» без него? — Как сделаете, наберешь меня, встретимся, прогоним предварительный проект, протестируем.

Дэн кивнул и, развернувшись, пошел к двери в коридор.

Но, уже взявшись за ручку, остановился, и с доброй насмешкой посмотрел на Славу.

— Да, кстати, Слав, красивый узел на галстук, — сдерживая широкую улыбку, проговорил он, едва не смеясь.

Слава молча смотрел на него несколько мгновений, а потом — расхохотался, осознав, что Дэн сам удачно решил его моральную дилемму.

Эта семья великолепно справлялась с тем, что мало кому удавалось ранее — они всегда могли заставить его открыться.

— Спасибо, — все еще улыбаясь, кивнул он.

Денис, который усмехался вместе с ним, кивнул в ответ и вышел в коридор.

А Святослав, обернувшись, увидел, что Андрей ошарашенно пялится на дверь.

— Ты чего? — не поняв, спросил он.

— Слушай, я никогда такого не думал, но..., - Андрей замялся, и пожевал губу. — Ты не думаешь, что... Дэн, ну... не совсем... того, нормальный? — неуверенно спросил Андрей, все еще глядя на прикрытую дверь.

Слава опешил.

— Это ты к чему? — уточнил он.

— Да Дэн на тебя все утро пялился, и про галстук..., - кажется, Андрей и сам понимал, что говорит глупости, но какое-то подозрение, все-таки появилось в его глазах, касательно «нормальности» Дениса.

— Ты — придурок, — Слава не удержался от насмешливой поддевки, не беспокоясь, что друг неправильно поймет. Они никогда бы не оскорбили один другого всерьез. — Нормальный он. Это просто..., - Слава задумался, как объяснить другу, что Дэн, очевидно, просто узнал узел, которым Наташа сегодня завязала ему галстук в том самом коридоре.

Потому как у самого Славы, просто не осталось сил и желания, чтобы заботиться о подобных мелочах, и он собирался вообще без него идти. Но ему понравилось, что она это сделала. Вероятно, узел имел какую-то особенность, которую Славе, по вполне очевидным причинам, видно не было. А у зеркала он не задержался. Зато Дэн — заметил и узнал.

— Короче, — так и не решив, как объяснить это все Андрею, отмахнулся он. — Нормальный он, сто процентов, выбрось дурное из головы.

— Ну, если ты уверен, — пожал плечами Андрей, и вернулся к документам.

Слава же, еще раз покачав головой, удивляясь подобной «догадке» друга, занялся составлением недельного плана направлений деятельности фирмы.

Он понял, что задержался на работе, только когда звонок телефона уж очень гулко прозвенел в тишине пустого офиса. Моргнув, Святослав потянулся за трубкой. Звонила Наташа.

Слава улыбнулся, прикинув в уме, что последний раз они перезванивались «целых» три часа назад, и он уже успел соскучиться.

— Привет, — не в силах не улыбаться, проговорил он, одновременно нажав на сохранение копии документа, с которым работал в последний час. — Как дела?

— Привет, — в голосе Наты слышалась такая же улыбка. — Уже вернулась, только домой зашла. А ты где?

Слава посмотрела на часы — половина одиннадцатого ночи. Он нахмурился.

Наташа позвонила ему и сказала, что поедет к родителям в гости. Те просили их с Денисом заехать по каким-то вопросам. Он пожелал ей удачи, немного расстроившись в душе, что сегодняшнюю ночь им вместе не провести, потому, как Ната предполагала остаться у родных.

Сейчас же, наоборот, Святославу совершенно не понравилось то, что она возвращалась домой в такое время в полном одиночестве.

— Ты же собиралась там ночевать? — хмуро спросил он, не ответив на ее вопрос. — Зачем сама ночью ехала?

Наташа усмехнулась. Он слышал этот звук.

— Денька возвращался, он меня проводил до самой квартиры, так что я не одна добиралась, — спокойно объяснила она ему.

Это Славу немного успокоило. Совсем чуть-чуть.

Почему-то, он осознал, что может быть спокоен, только если сам находится рядом с ней. Абсурд, Наташа же жила без него предыдущие двадцать восемь лет своей жизни.

«Да», ответил Святослав сам себе, «и он знал, чем это закончилось».

Однако вроде как рано было к такому вопросу переходить.

— Слав, — Наташа прервала молчание, которое повисло в телефонных трубках из-за его раздумий. — Так ты-то, где?

— На работе, — спохватившись, ответил он, откинувшись на спинку кресла. И понял, что каждая мышца ног и спины чертовски затекла и болела. Ему бы стоило размяться. А еще лучше — просто выключить здесь все, и уйти, перепоручив офис охранникам.

— До сих пор?! — Ната явно удивилась.

— Ну, — он хмыкнул, — я предполагал, что мне нет никакого смысла торопиться с уходом. Все равно, некуда было спешить, — просто ответил он.

— Так, — Наташа чем-то стукнула, и он почти представил себе, как она ставит сумку на пол, и начинает расстегивать пуговицы пальто. Он запомнил едва ли не каждую деталь того, как Наташа это делает, когда наблюдал за ней утром. — Бросай свою работу, и приезжай сюда, — тоном, не терпящим возражения, едва ли не приказала ему Ната.

Святослав рассмеялся. Просто не сдержался. Это он привык говорить с такими интонациями. И почти никогда не слышал, чтобы указывали ему.

— Тебе бы выспаться надо, — все же возразил он, хоть и понял, что до ужаса сильно хочет согласиться и послушаться ее слов. — Я все выходные тебя мучил.

— Помучаешь и сегодня, — Наташа рассмеялась, но в ее голосе появилась особая, глубокая, чуть хрипловатая интонация, от которой все его тело немедленно стало каменно-твердым. И не длительное сидение за монитором было тому виной. — Я шоколад на обратной дороге купила, — дразняще протянула она в телефон. — А есть — некому...

Слава улыбнулся такой уловке.

— Если ты думаешь, что шоколад заманит меня быстрее, чем сама ты — то сильно ошибаешься, солнце, — его голос сел от картин, которые, мимовольно, вспыхнули в мозгу.

Черт! А ведь предполагается, что должен был хоть немного успокоиться.

Наташа рассмеялась в ответ.

— Тогда, приедь и докажи, — продолжая свое поддразнивание, проговорила она.

В телефоне слышался шум воды, наверное, она мыла руки.

Слава еще раз посмотрел на часы, взвешивая в уме все «за» и «против», а потом, послав свои доводы к черту, отключил компьютер.

— Буду через двадцать минут, — с насмешливым вызовом сообщил он ей. Наташа довольно вздохнула. — Но и от шоколада, я не отказываюсь, — добавил Святослав.

И нажал на отбой, радуясь тому, что она весело рассмеялась на его реплику.

Он добрался еще быстрее, несмотря на отвратительную дорогу и морозящий дождь. Просто Славе было к кому торопиться.

— Привет, — она так тепло улыбнулась ему с порога, что Слава искренне удивился, как мог раздумывать над ее приглашением. — Ты голодный? — Наташа отступила вглубь коридора, пропуская Славу.

Но он не дал ей далеко отойти.

Не задумываясь над ее вопросом, Святослав просто притянул Нату к себе, и не в силах отказать себе в таком удовольствии, нежно прикоснулся губами к ее рту.

Его губы были холодными с улицы, где начинался мороз. Ее же — такими теплыми, такими мягкими и желанными.

Он так соскучился, что даже слов не было это передать. И сам удивился тому, что за какие-то двенадцать часов можно настолько истоскаться по кому-то.

Слава собирался сделать этот поцелуй легким и быстрым.

Но Наташа уже обняла его за шею, и он, не удержавшись, углубил ласку, давлением своего рта, заставив ее губы раскрыться, и скользнул языком вглубь мягкого и желанного для него рта. Его руки так крепко держали ее, словно бы Ната пыталась убежать, хотя она, лишь охотней отвечала на поцелуй. Он и не заметил, как прижал ее к стене, для большей опоры, и обхватил лицо ладонью, приподняв, чтобы удобней было целовать.

— Да, припоминаю, кажется, мы закончили в этой самой точке, — хрипло, с улыбкой пробормотала она, когда Слава, наконец-то, нашел в себе силы отстраниться на пару сантиметров.

Она уткнулась ему губами в шею, и это влажное касание — искушало и дразнило его, заставляя хотеть большего.

— Я не могу позволить тебе усомниться в том, что более привлекательно для меня, — так же хрипло, но со смешком, поддел Слава ее, напоминая о телефонном разговоре.

— О, да, — она привстала на носочки, и легонько поцеловала его в скулу. — Ты меня убедил. А теперь, я все-таки попробую повторить свой вопрос о твоём голоде, — она посмотрела в его глаза.

Да, он был голоден. Кажется. До того момента, как увидел ее в дверях квартиры. Сейчас, он не смог бы сказать, что физический голод так уж его мучает. Не так, как чувственный, во всяком случае.

Наташа улыбнулась, с каким-то странным, немного непонятным для него выражением в глазах, а потом, словно бы прочла все ответы во взгляде Славы, кивнула, хоть он не успел еще сказать и слова.

— Пошли, — она крепко сжала его ладонь своими пальцами, которые терялись в его руке. — Конечно же, ты голоден. Уверена, что с обеда ничего не ел.

Вообще-то, он не ел с того момента, как они позавтракали вместе, но не стал уточнять такую мелочь. Почему-то Славе показалось, что Ната не похвалит его за подобное пренебрежение к собственным потребностям.

И, сняв пальто, пошел за ней на кухню, размышляя над тем, что сидя у этого окна в то воскресное утро, даже не представлял себе, что еще вернется сюда.

Разумеется, на ночь он остался у нее.

Наташа только насмешливо приподняла бровь, когда Слава предположил, что ему стоит уехать. А поскольку он совершенно не хотел поступать так, как стоило — ни единым словом не оспорил этот жест.

Единственное, утром пришлось вставать раньше, так как предстояло заехать еще домой и переодеться. Иначе Андрей, из-за второго опоздания подряд, и вправду, мог бы отправиться искать друга.

Святослав постарался быстро отключить будильник в своем телефоне, чтобы Ната не проснулась. И не смог отказать себе в удовольствии просто полюбоваться ее видом пару минут.

Она спала, лишь немного нахмурившись, когда ее плеч коснулся прохладный воздух из-за того, что передвижения Славы скинули одеяло.

Протянув руку, он укрыл Наташу, не удержавшись, чтобы не погладить теплую кожу.

Ната сонно вздохнула и приоткрыла глаза.

— Слав? — еле слышно, почти сквозь сон, проговорила она. — Ты уже уходишь?

Он кивнул, понимая, что не может удержать глупейшую, но счастливую улыбку.

— Спи, солнце, — он наклонился, целуя ее приоткрытые губы. — Мне еще домой заехать, переодеться надо.

Но Наташа не была согласна так просто отпустить его. Высунув руки из-под одеяла, она тут же обняла Святослава за шею, не дав тому прервать поцелуй.

— Подожди, — наконец, она позволила ему отстраниться, но так и не разняла рук. — Я обещала чаще угощать тебя кофе, — уже почти полностью проснувшись, Ната и сама села в кровати.

А потом — так улыбнулась ему, что у Славы дух перехватило.

Он, наверное, никогда не видел настолько счастливых и умиротворенных людей, какой выглядела Наташа в эту минуту.

И понимание того, что это его присутствие рядом с ней, вызвало такие эмоции — оно не укладывалось в голове Святослава. Забирало слова и здравые мысли. Отбрасывало на задний план все, совершенно все в этом мире.

Ни его деньги, в которых она не нуждалась, ни подарки, которых он ей не дарил, (кроме, конечно, тех самых носков и диска) — а именно сам Слава настолько ей необходим.

В этот момент он осознал, что готов сделать для нее все, что угодно, без условий и границ. Святослав готов был ее боготворить.

— Слав, ты же не против? — вдруг спросила она, обеспокоенная, очевидно, его молчанием.

Он покачал головой, не в силах отвести глаза от лица Наты.

— Кто, в здравом уме откажется от такого? — хрипло, шепотом, спросил он. Только и сам не понял, на ее ли вопрос, или на свои мысли отвечал таким образом.

С еще более довольной улыбкой, она легко поцеловала его в губы, и поднялась, потягиваясь.

— Я успею, пока ты оденешься, и ни капли не задержу тебя, — лукаво подмигнув ему, с намеком на прошлое утро и допрос Андрея, о котором Слава ей вчера рассказал, Наташа взъерошила свои короткие волосы и пошла на кухню.

А он еще пару минут просто сидел на кровати, пытаясь осознать новый для себя мир.

Через полчаса, действительно «не задержанный» и даже немного сожалеющий об этом, Слава вышел из ее подъезда. И в этот момент, наверное, впервые во всей своей жизни, обрадовался тому, что он хромой.

Только то, что с раннего детства Слава научился сохранять равновесие в любой ситуации, спасло его от падения прямо на крыльце.

Ухватившись за дверь, которая еще не успела захлопнуться, он с некоторым ошеломлением осмотрелся.

Мир вокруг него обледенел.

Абсолютно все, каждая веточка на каждом дереве, каждый сантиметр асфальта, каждый провод и каждый столб — были покрыты тонкой и зеркально-гладкой коркой льда. А с неба, как продолжение вчерашнего дождя, сыпалась мелкая ледяная крошка.

Очевидно, вчерашнее похолодание оказалось более стремительным, чем ему показалось ночью, и морозящий дождь — просто обледеневал, не успевая вымерзнуть.

Пока он осматривался — пару человек из двора Наташи упало, как и он, едва выйдя из подъезда. Некоторые, увидев такую природную шутку — просто развернулись и отправились восвояси. Кое-кто, более смелый, или же просто — не имеющий выбора, все же рискнул продолжить путь на работу, но и дорожки песка, сотворенные дворниками — не особо спасали.

Прикинув расстояние до своего «ниссана», Слава, наконец, отпустил дверь и, осторожно

ступая по одной из таких песочных тропинок, добрался до автомобиля.

С облегчением захлопнув за собой дверь, и порадовавшись тому, что вопреки пророчеству Андрея о бесполезности в феврале шипованных шин, не поменял «резину», Святослав достал телефон и нажал на дозвон.

— Да? — в голосе Наташи звучал смех и легкое недоумение оттого, что он звонит, едва успев уйти.

— Нат, не выходи сегодня на улицу, — тоном, не терпящим возражения, почти приказал Слава, и вставил ключ зажигания, заводя машину.

— В смысле? — она немного растерялась. Правда, он не знал от слов или от тона, которым сообщил ей свое «распоряжение». — Слав, мне же в Кофейню надо...

— Наташ, — он попытался хоть немного изменить интонацию. Но это оказалось сложно.

За все их знакомство, Ната не произвела на него впечатления «устойчиво стоящей на Земле» особы. И он приходил в ужас при мысли, к чему может привести ее выход на улицу, если она даже на его лестнице умудрилась поскользнуться. И это при наличии перил и его поддержки.

— Здесь гололед. Причем такой, какого уже лет десять, наверное, не было. Сиди дома, — не выдержав, бескомпромиссно отрезал он, будто имел право так разговаривать.

— Ой, да мне же только до машины дойти... — начала переубеждать его Наташа.

От этой фразы в его разуме возникли еще более устрашающие картины. Шины на ее автомобиле, хоть и зимние, не были шипованными, это он запомнил.

— Да ты просто не доедешь, понимаешь? — громче, чем хотел, из-за зарождающегося страха, прервал ее Слава.

Наташа замолчала, и он напрягся, опасаясь, что она сейчас просто бросит трубку и наплюет на него. «Какого черта он так на нее набросился?», выругавшись в уме, спросил Слава сам у себя, «ведь совсем не сложно было сказать все это мягче и...»

— Слава, — голос Наташи стал задумчивым, — конечно, очень благодарна, что ты так беспокоишься, но мне, правда, именно сегодня надо попасть в Кофейню. Сегодня вторник, к нам поставщики приедут, я должна проверить продукты. Ты не можешь меня не понять, — без раздражения или экспрессии объясняла она, просто пытаясь донести до него причину. — Ведь ты же едешь на работу?

Он заставил себя глубоко вдохнуть.

Она права. И опять сумела поразить и немного устыдить его своей реакцией. Даже несмотря на то, что Святославу совершенно точно не стоило кричать, Ната постаралась отреагировать спокойно.

— Прости, — попытался он хоть немного исправить свое положение. — Просто, я как представляю тебя здесь — мне становится страшно, — честно признался Святослав в своих опасениях. — Особенно, если вспомнить, что ты и на нормальной поверхности, бывает, падаешь...

— Слава! — Наташа рассмеялась. — Я не виновата, что у тебя лестница скользкая!

— Давай так, — он честно пытался найти оптимальный выход, в самом деле, понимая необходимость присутствия Наташи на работе. — Я заеду за тобой сам, и отвезу в Кофейню, у меня шины для таких дорог больше подходят.

— Слав, ну правда, я не хочу еще и тебя от работы отрывать, — попыталась возразить Ната.

— Ты обещала, что позволишь мне ухаживать за тобой, — привел Святослав свой последний аргумент. — Просто скажи, к сколько тебе надо там быть — и я заберу тебя.

Как ни странно, но это напоминание подействовало.

— Хорошо, — со вздохом проговорила она. — Раз тебе так будет спокойней...

— Да, значительно спокойней, — подтвердил Слава.

— Давай к одиннадцати, ты сможешь?

Она еще спрашивает? Да Святослав уже готов был вернуться назад, в случае отказа, чтобы лично удержать Наташу дома.

— Конечно, я подъеду, — быстро согласился он.

— Спасибо, Слава, — в ее голосе слышалась усмешка, но добрая.

— Не за что, солнышко, тебе спасибо, — с такой же усмешкой ответил он ей. — Теперь я, по крайней мере, смогу хоть немного подумать о работе.

С улыбкой нажав на отбой, он положил телефон на соседнее сиденье, и с огромной осторожностью тронулся с места.

Наташа не могла перестать улыбаться, глядя в умолкший телефон. Даже головой покачала, хоть ее и не видел никто.

Она знала, что многие знакомые ей женщины просто возмутились бы поведением Славы, ей же, даже, стало приятно.

Она понимала, что им руководило не желание навязать ей свой авторитет, а искренняя забота. А уж когда он напомнил ей о той своей просьбе — Ната сдалась.

Еще в субботу, расположившись в комнате с огромными окнами с чашкой кофе, она долго размышляла о том, что за выражение светилось в зеленых глазах этого мужчины накануне вечером, когда он просил позволить ему ухаживать за ней.

Да, именно об этом моменте, а не о ночи. Ночь оказалась великолепной, и Наташа была полностью довольна всем, что между ними произошло. А вот вечер — не давал ей покоя.

И, в результате своих размышлений, Ната пришла к выводу, что такие мелочи, действительно имеют огромное значение для Святослава.

Вероятно, он достаточно тяжело переживал то, что был не в состоянии выполнять какие-то действия. А для нее, как выяснилось, его самоощущение, значило больше, чем попытка

сохранить независимость.

Так, например, на Новом году, Наташа поняла, что совершенно не хочет танцевать, потому что случайно поймала взгляд Славы, во время своего единственного танца с Денькой.

Он не видел, что она заметила. Но то выражение... едва ли не обреченности от осознания недостижимости, невозможности его участия в этом — причинило Наташе почти физическую боль. Только Славе, наверное, было больнее.

И оттого, скорее всего, он старался «компенсировать» ей то, что считал своим недостатком, повышенной заботой в других моментах, наподобие сегодняшнего утра.

Что ж, Ната не видела никакой сложности в том, чтобы потакать ему в этом.

Поднявшись с кровати, неуверенная, что сможет снова заснуть, Наташа пошла на кухню, придумывать себе что-то на завтрак. Слава, несмотря на все ее возмущение, обошелся кофе и шоколадом, который остался с вечера.

Если честно, она еще не встречала мужчину, который бы настолько любил сладкое.

В этот момент, второй раз за последние полчаса, зазвонил телефон. Однако, с первого же звука мелодии, она знала, что звонит Денька.

— Да? — с улыбкой ответила Ната на звонок брата.

— Наташ, сиди сегодня дома, — без предисловий огорошил ее Денис.

Это настолько рассмешило Наташу, что она, не сдержавшись, прыснула.

— Я серьезно, — брат, казалось, не разделял ее веселья. — Здесь жуткий гололед.

— Хорошо, День, — с трудом подавив хихиканье, она едва смогла ответить. — Я постараюсь.

— Ты чего такая веселая? — с хитрым смешком поинтересовался Денис, и тут же, пробормотал ругательство. — Черт, ну и дорога, просто кошмар!

Наташа только глубоко вздохнула, переводя дыхание после смеха.

— Чего-чего, настроение хорошее, — слукавила она на вопрос. — В общем, День, ты не отвлекайся, потом, как свободен будешь, позвонишь. Пока.

— Пока, младшая, — согласился брат.

«Наверное, на улице, в самом деле, кошмар творился, раз он так быстро согласился», решила Наташа.

И отложив, наконец, телефон, начала готовить себе кофе.

Нет, она не собиралась скрывать от брата свои отношения со Славой. Более того, была уверена, что Денис и так уже имеет об этом представление. Слишком хорошо брат с сестрой друг друга знали, чтобы он мог пропустить очевидное изменение в ее настроении. Да и потом, некоторые его намеки прошлым вечером, ясно указывали, что Дэн в курсе. И Наташу это не волновало.

Просто она хотела бы поговорить с Денисом об этом не по телефону.

Смолов зерна, Ната засыпала кофе в кофеварку и, выбрав программу, облокотилась на столешницу, ожидая.

Несмотря на гололед, Святослав вовремя добрался в офис, успев еще и заехать домой, переодеться.

Он как раз подходил к автоматическим дверям здания, в котором их фирма занимала весь второй этаж, когда увидел, как на пустую пока парковку, заезжает «фольцваген» Андрея.

Слава остановился, решив подождать друга.

Тот, едва выйдя из машины на другой стороне дороги, начал активно махать ему рукой и разговаривать, крича через неширокую проезжую часть.

— Славка! Ты смотри, какая погода, — Андрей, казалось, воспринимал такой природный катаклизм, как некое развлечение. — Представь, я думал вообще, до гаража не доберусь, — несмотря на смысл, друг не казался расстроенным такими своими приключениями.

Слава усмехнулся, и осторожно подошел к краю тротуара, наблюдая за тем, как Андрей, взрослый мужчина, в общем-то, в костюме, галстук и с документами в руках — приближается, порою, просто катаясь по льду, как на детских катках.

У Славы так никогда не получалось. Но сейчас казалось глупым о таком жалеть. Ведь теперь у него была Ната.

От одной мысли о ней, на душе становилось так хорошо, что Святослав был готов махнуть рукой на все, чего никогда не умел и не пробовал.

В этот момент, из-за поворота медленно выехала машина.

— Андрюха, кончай душить, и иди сюда, — крикнул Слава, хотя, казалось, что водитель ехал медленно, не разгоняясь. Но на такой дороге никогда нельзя было угадать.

Андрей поднял голову, тоже заметил машину и, кивнув, пошел нормально.

Ему осталось каких-то пол метра до бордюра, когда друг, поскользнувшись на посыпанном песком переходе, широко взмахнув руками, все-таки не удержался и упал, громко выругавшись.

Слава нахмурился, осторожно пытаясь подойти поближе, чтобы помочь приятелю. До машины, еще было не так уж и близко.

Но, как назло, бордюр обледенел так гладко и покато, что даже ступить на него казалось невероятным.

Все еще ругаясь, Андрей пытался подняться.

Наконец, ему это удалось. Но стоило тому стать ровно на ноги, как с грубым матом, Андрей упал опять, заваливаясь на одну сторону.

— А, чтоб его!! Я ногу вывихнул, кажется, или поломал, — он едва ли не на четвереньках пытался добраться до тротуара.

И тут, словно им и без того было скучно, Слава услышал противный, резкий визг. Подняв голову — выругался он, заставив и Андрея обернуться. Машину, явно несло, и судя по испуганно расширившимся глазам водителя — у того никак не выходило остановить автомобиль.

Послав к дьяволу осторожность, Слава ступил на этот чертов бордюр, ухватив друга за плечо, и быстро дернул на себя, вытащив Андрея на тротуар.

Но от этого рывка — сам потерял равновесие, падая рядом с Андреем.

— Твою ж...! Вечно я из-за тебя влипаю в неприятности, — выругался Святослав, почувствовав резкую боль в спине, куда ощутимо врезался край обледеневшего бордюра, на который он упал.

Но не удержался, рассмеялся вместе с другом.

Машина же, проскользив еще пару метров, пронеслась мимо них, и затормозила едва-едва не врезавшись в столб на углу парковки.

— Точно синяк будет, — потер Слава поясницу, все еще смеясь.

Андрей, так и не в состоянии ровно стать, просто уселся на обледеневший тротуар и криво попытался улыбнуться другу.

— Да, ладно, Слав, тебя теперь уже мать за них ругать не будет, — едва не прошипел он. — Спасибо. Seriously, спасибо тебе.

Слава отмахнулся.

— Видно карма такая у меня, вечно тебя из переделок вытягивать, — подмигнул он приятелю, а сам — задумался.

То, что мать давно перестала следить за наличием у Славы синяков — с этим не поспоришь. Но вот Наташа, как он думал, могла начать переживать из-за подобного, если уж по поводу еды волновалась.

Поднявшись, Слава выпрямил спину, немного наклонился в одну, потом в другую сторону и, убедившись, что все вполне терпимо, отряхнул пальто и руки от песка.

— Ребят, у вас все нормально? — водитель горемычной машины выбрался из салона, и сам едва не упал, в последний момент, ухватившись за дверцу.

— Вроде бы, — кивнул Святослав в ответ, протянув руку Андрею, чтобы помочь тому подняться. — А вы как? Не пострадали?

— Нет, — мужчина лет сорока пяти махнул рукой. — Но за руль — точно сегодня не сяду больше. Пошло оно все..., — не закончив ругательство, тот потер лицо, и Слава мог понять его чувства.

Именно по причине такого состояния дорог, он сам и просил Наташу не выходить из дома.

Повернувшись к Андрюхе, Святослав вопросительно посмотрел на друга.

— Ну что, поехали в травмпункт? Пока там очереди не собрались, пусть твою ногу посмотрят.

— Черт! — Андрей сжал зубы, пытаясь ступить на обе ноги. — Да, наверное, стоит.

Оперевшись на Славину руку, он похромал к его же машине.

А Святослав, усмехаясь в уме, размышлял над тем, как же часто ему приходится в этом году транспортировать травмированных друзей. «Прям напасть, какая-то», решил он, открывая пассажирскую дверь «ниссана».

Глава 11

Пока они добрались до больницы, дождались своей очереди и осмотра врачей — время неуклонно приблизилось к началу одиннадцатого. Святослав начал раздраженно поглядывать на Андрея, беспокоясь о том, что может не успеть за Наташей.

Он совершенно не собирался опаздывать только потому, что друг решил пофлиртовать с медсестрой, которая должна была сделать тому укол обезболивающего.

Ничего серьезного с приятелем не случилось — вывих. Ему наложили повязку и сказали не перетруждать ногу. Но вместо того, чтобы сейчас направиться в офис, они торчали в больничном коридоре.

Святослав уже рассердился достаточно, чтобы бросить Андрея тут, и ему плевать, как тот решит добираться.

К тому же, спина в месте ушиба противно ныла, добавляя Славе раздражения. Не то, чтобы он не привык к боли в спине и ногах, но совокупность всего — выводила его из себя.

Андрей все еще не подавал никаких признаков, что готов уходить.

Не выдержав больше, Слава послал того в уме подальше, вместе с медсестрой, и молча развернувшись, пошел к выходу из этого обшарпанного, наполненного людьми, коридора, который его уже бесил понемногу.

— Слав! — похоже, уход, все же, не прошел незамеченным. — Ты куда? — он не обернулся, чтобы посмотреть на Андрея.

Даже если тому и было непривычно быстро передвигаться, хромая, это его проблемы, а не Славины.

«Он же приспособился, значит, и Андрюха сможет», с усмешкой, он все же наблюдал краем глаза, как тот ругается сквозь зубы, пытаясь его догнать.

— Слав, ты что? Я ж сам не доеду, на кого ты меня решил здесь бросить? — друг, наконец-то, настиг его, почти у самого выхода.

Чуть повернув голову, Святослав скептически осмотрел приятеля — тот не выглядел таким уже беспомощным.

— Знаешь, что, — остановившись, задумчиво проговорил он. — Вызови себе такси и едь в офис, а мне надо уехать по делам, — огорошил он Андрея, и толкнул дверь.

— Слав, ты чего? А работа? По каким делам? — немного насмешливо, но с явным удивлением спросил Андрей, уже проворно хромая рядом. — Вдруг случится что-то?

— А что работа? — переспросил Святослав. — С чем ты там сегодня не справишься? Да и меня не будет два-три часа, ничего не натворите. Для того ты и поедешь в компанию — чтобы предотвратить любые вероятные неполадки, — пожал он плечами, осторожно направляясь по все еще скользкому тротуару к своей машине.

— Ты меня что, и в офис не довезешь? — Андрей не верил, похоже, что Слава серьезно.

Но ему, в самом деле, уже некогда было ехать на фирму.

Пока они топтались по больничным коридорам — прошло полчаса.

По такой дороге — тридцать минут, это не время.

А он лучше заставит друга ехать на такси, чем опоздает к Нате, после того, как пообещал отвезти ее в Кофейню с такими торгами.

— Не маленький, Андрюха, не пропадешь, — хлопнув приятеля по плечу, он открыл свой «ниссан».

— Знаешь, Слав, — Андрей посмотрел на него задумчивым взглядом. — Ты себя ведешь как-то странно в последние дни. Совершенно на себя не похож.

— Что поделаешь, все меняются, — философски изрек Святослав. — И я в том числе, — и, кивнув опешившему другу на прощание, закрыл дверь, заводя машину.

Но и отъехав от больницы, в зеркале заднего вида, он видел, что Андрей еще стоял на тротуаре, задумчиво глядя ему вслед.

Он успел.

Даже умудрился приехать на десять минут раньше оговоренного времени.

Вот только в Кофейню они так и не добрались. Более того, Наташа его, вообще, больше из дома не выпустила, едва ли не запретив двигаться, хоть Слава и отчаянно доказывал, что ему не впервой ходить с синяками. Всю свою жизнь падал — и ничего, выжил.

Она подобное мнение проигнорировала. А Святославу оказалось настолько приятна такая забота, что он, малодушно, позволил себя уговорить. Тем более что ради него еще никто не откладывал свои дела и обязанности.

И все из-за того, что обняв его на входе, Наташа случайно придавила место ушиба. Разумеется, она ничего не заметила через слоя одежды, а вот Слава, не до конца сдержавшись, чуть резче втянул воздух в себя от боли, чем сделал бы это обычно.

По его мнению, Слава сделал это совершенно незаметно. И все-таки, Наташа обратила внимание.

— Слав? — удивленно переспросила она. — Что такое? Я что-то не так сделала?

Он настолько удивился ее вопросу, и звучащему в нем опасению, что тут же, не подумав о последствиях (хотя, откуда он мог знать, что за этим начнется?), покачал головой — лишь бы Ната не беспокоилась.

— Да нет, солнышко, все хорошо, — он усмехнулся и погладил ее по щеке. — Просто Андрей доигрался на дороге — ногу вывихнул, и мне пришлось его вытягивать, чтобы он не попал под машину. А там, правда, скользко. Так что и я упал, ударился о бордюр. Вот и все.

Наташу это объяснение не только не успокоило, а, кажется, испугало еще больше.

Заставив его снять верхнюю одежду, она отвела Славу в залу, где оказалось больше света и, высвободив рубашку из пояса брюк, начала осматривать ему спину.

— Слав, — в ее голосе звучал почти испуг. — Да ты что?! Ты смотри, какой синяк!

Разумеется, ему видно не было. Синяк-то был на спине.

Впрочем, разве он мало синяков в своей жизни видел? И прекрасно знал, что смотрятся они всегда страшнее, чем оно есть на самом деле.

Усмехнувшись, Слава протянул руку, поймав запястье Наташи, и заставил ее стать к нему лицом.

— Нат, это всего лишь синяк, — он выделил это слово. — Ничего больше. Вспомни свою лодыжку, как она опухла и болела, а через неделю ты уже и забыла об этом, — она так забавно и мило закусил губу, с выражением недоверия в этом жесте, что Слава не удержался, обнял Наташу, прижав крепче к себе. — Поверь мне, и хуже бывало, — уже куда-то в макушку, пробормотал он, целуя ее волосы. — Поехали, а то опоздаем, и твои поставщики раньше нас приедут.

Немного отстранившись, Святослав приподнял лицо Наты и подмигнул ей.

Но она, вопреки всем его доводам, не казалась успокоенной или убежденной.

Наоборот, Наташа нахмурилась так, что у нее между бровей появилась небольшая складочка и покачала головой.

— Нет, Слав, мы не поедem, — серьезно глядя на него, проговорила она. — И на работу я тебя больше не отпущу. В конце концов, один день без тебя там потерпят.

Отстранившись, она оставила его одного в центре комнаты и пошла в коридор, наверное, в поисках телефона.

Святослав растерялся. Как-то он не привык так терять контроль над ходом событий.

Не то, чтобы это имело большое значение, но...

— Нат, тебе же обязательно надо было сегодня в Кофейню? — приподняв бровь, напомнил Слава ей, с вопросом в глазах, наблюдая за взволнованной ходьбой Наташи по комнате.

— Надо было, — кивнула она, прижав трубку телефона к уху и нервно постукивая по ней пальцем.

— Ну, так поехали, и не за чем устраивать из-за меня такой переполох, — заправляя сорочку обратно в брюки, небрежно пожал плечами Слава.

И тут же скривился от боли, которую этот жест вызвал в ушибе. К счастью, Ната в этот момент смотрела в окно.

— Нет, Слава, ты — важнее, — даже не обернувшись, проговорила она и тут же начала говорить с кем-то в трубке. — Да, Жень, доброе утро, — уже совсем другим голосом, явно указывающим, что она хозяйка, Наташа начала разговор с подчиненным.

А Святослав стоял посреди ее залы, едва ли не с распахнутым от удивления ртом, пытаюсь осознать то, что она только что так произнесла, словно само собой разумеющееся.

Он для нее важнее?!

Слава сел на диван, все еще ошеломленный словами этой женщины.

После месяца знакомства и трех дней более близких отношений, она готова стерпеть вероятные проблемы в своем бизнесе, лишь бы убедиться, что с ним все хорошо?

Он даже легонько встряхнул головой, а потом, сцепив пальцы и уперевшись локтями в бедра, подпер руками подбородок, наблюдая за тем, как Ната разговаривает по телефону.

Да, Святослав и сам был готов сегодня утром остаться, лишь бы не выпустить Нату на улицу. Но это он...

Слава так привык быть чуть ли не отверженным, изолированным, пусть частично и по своей воле, что ради Наты, которая относилась к нему, как к обычному мужчине, готов был горы свернуть. И он был бы безмерно доволен, даже если бы она просто позволила ему беречь ее и лелеять. Благодарил бы судьбу, даже зная, что ему лишь позволили ее любить.

Да... любить.

Станным казалось осознать, что за это время он успел так сильно именно полюбить Наташу.

Однако она, похоже, не собиралась остаться только принимающей любовь стороной в их паре.

Наташа сама готова была отдавать ему всю себя.

И этим она только что покорила его окончательно.

Не в силах не смотреть на нее, Слава понял, что ни капли не ошибся утром: он действительно готов боготворить эту женщину, превознося ее в своем мироощущении над всем. А ее интересы и благополучие — сделать первоочередными.

— Хорошо, — Наташа кивнула на уверения ее управляющей, что та внимательно за всем проследит. — Звони мне, если только возникнут какие-то вопросы, — еще раз напомнила она Марине. — Я буду дома.

Нажав на отбой и отложив телефон, Ната обернулась к Славе и улыбнулась, довольная тем, что тот сел на диван. Она уже открыла рот, чтобы еще раз возмутиться тем, что он собирался с такой гематомой работать, но так и застыла, с приоткрытыми губами, когда увидела, как мужчина смотрит на нее.

Ох... у Наташи даже не было определения для того, что светилось в зеленых глазах Святослава.

— Что? — хрипло спросила она, понимая, что ей не хватает воздуха.

Слава только покачал головой, не отрывая взгляд от ее лица.

— Ничего, — тихо ответил он. — Только ты зря так переживаешь из-за какого-то синяка.

Она так не считала.

— Ничего себе! — нахмурившись, Ната подошла к нему и села рядом, опять вытащив край рубашки, которую Слава уже заправил. Заново осмотрев его спину, она прикусила губу и осторожно погладила травмированное место кончиками пальцев. — Да, даже когда меня Генка об стену ударил, мой синяк был меньше! А сходил три недели, и под ним оказалась трещина на скуле! А здесь же спина, и внутренние органы, — покачав головой, Наташа все так же хмуро посмотрела Славе в лицо.

И только увидев, как напряглась его челюсть, а глаза потемнели, и как Слава вопросительно вздернул бровь, спохватилась, что не говорила ему о нападении.

— Ой, — Ната потерла лоб свободной рукой. — Я не рассказывала тебе об этом, — отчего-то ощущая смущение и даже вину, словно утаила что-то, констатировала она.

— Нет, — хриплым, напряженным голосом ответил Слава. Он аккуратно облокотился на спинку дивана. И хоть старался, но Наташа заметила, как тот поморщился. — Но теперь, у нас, судя по всему, много времени. Можешь исправить это упущение, — выжидаяще глядя на нее, он обхватил рукой ее пальцы, которые все еще гладили его спину. И поднеся их к губам, поцеловал центр ладони Наты.

От этого прикосновения ее кожа покрылась мурашками.

Но не от страсти. Не только от нее.

Внутри у Наташи накопилось столько чувств к Славе, что даже казалось странным, что она еще в состоянии сохранять хоть какое-то подобие сдержанности и разума. И это было больше, много больше, чем физическое притяжение.

Он выжидательно смотрел на нее. И судя по этому выражению лица Славы, ей не удастся теперь отвертеться. Но Наташа уже и не собиралась скрывать свое прошлое от этого человека. Тем более, если таким способом сможет удержать его в доме.

Еще раз вздохнув, она начала рассказывать.

Святослав слушал внимательно.

Он не перебивал ее, пока Наташа не замолчала, закончив свое невеселое повествование упоминанием о той ночи, когда его появление ее напугало, объясняя, что в темноте его фигура показалась ей похожей на...

Слава так сильно прижал ее к себе, не дав договорить, что даже вздохнуть стало сложно.

Но Ната не сопротивлялась. Вот так, в его теплых руках, слыша стук сердца Славы — она готова была бы провести всю свою жизнь.

Только жестокое, едва ли не дикое выражение зеленых глаз Святослава — немного настораживало.

— Я готов убить его, — тихо проговорил он, целуя ее щеки.

Она испугалась. Но не Славу, а за него.

— Не надо, ну что ты, — Наташа обняла Славу за шею, и крепко-крепко прижала его лоб к своему. — Это же давно было. Его и в стране нет уже, слава Богу. Не говори так, Слав, не надо, — она сама потянулась, касаясь легкими поцелуями напряженных мышц на щеках мужчины. — Не надо, он не стоит того, чтобы тебя потом судили, — попыталась пошутить Наташа.

Не то, чтоб удачно.

Но Слава хмыкнул и еще крепче прижал ее к себе.

Утром спина болела так же сильно, а может и больше.

Вечером Слава выпил три таблетки анальгетика, но не мог сказать, что ему так уж помогло.

Наташе он сказал, что стало гораздо легче. Не хотел, чтобы она и дальше волновалась из-за такой мелочи, как ушиб. Да и на работу, все-таки, ехать стоило.

Немного поспорив с ним, и очень мило хмурясь, Ната все же смирилась с тем, что сегодня ей не удержать Славу у себя дома.

Но провожая его, она едва ли не требовала, чтобы Слава звонил ей, если, не дай Бог, станет болеть сильнее. И просто так, и лучше, каждый час.

Он со смехом согласился, хоть и не понимал, чем именно Наташа сможет в таком случае помочь? Но если ей хочется с ним говорить по телефону — он только «за».

И Слава уехал на работу.

Если он и беспокоился по поводу реплик Андрея о его вчерашнем прогуле, то не показал приятелю вида. Да и тому, казалось, было не до веселья. Наверное, и его вывих сегодня сильно беспокоил Андрея.

Потому они оба ходили по офису мрачными, вычитывая и пугая сотрудников. Правда, с некоторым удовольствием, Святослав не мог не отметить, что в кои-то веки, именно он, а не Андрей, пребывал в звании более «доброего» руководителя.

Наверное, присутствие Наташи в его жизни даже боль делало более терпимой.

А вот после обеда произошло то, чего Слава никак не ожидал.

Поднявшись из-за стола, за которым просидел три последних часа, он едва успел ухватиться за край столешницы, искренне радуясь, что находится в полном одиночестве.

Правая нога, которая и так доставляла ему массу проблем, полностью занемела. Хотя он не делал ничего, что отличалось бы от его ежедневных нагрузок.

Он вообще не ощущал ногу ниже колена.

«Что за...?!», Слава нахмурился, не понимая, какого черта с ним происходит.

Опять сев, он принялся разминать рукой мышцы, поскольку это всегда помогало. Однако знакомое покалывание все не появлялось. И только через минут семь, он почувствовал, что может пошевелить пальцами.

Слава довольно кивнул себе, и снова поднялся, собираясь таки дойти до кабинета Андрея.

И едва не задохнулся.

От резкой, кинжальной боли, которая возникла в спине, отдаваясь в ноги, у него потемнело в глазах.

Обе ноги невыносимо болели. Даже левое бедро, которое практически никогда не доставляло Славе проблем, сейчас едва ли не жгло огнем.

Во всяком случае, именно такое создавалось ощущение.

Он не заметил, как едва ли не рухнул назад в кресло.

Наверное, стоило порадоваться, что не упал на пол, но Славе даже мыслить трезво стало сложно.

Он сосредоточился на том, чтобы сделать вдох. Потом, когда это худо-бедно удалось, медленно выдохнул. И опять заставил себя вдохнуть. Выдохнул.

Святослав насчитал пятнадцать вдохов, когда, наконец, ощутил, что боль понемногу слабеет.

Каждую мышцу противно трусило от слабости, вызванной перенапряжением из-за этого непонятого приступа. Кожа покрылась испариной, а во рту чувствовался металлический привкус крови из губы, которую он прикусил, пытаясь привести себя в чувство.

В этот момент резкий звонок коммутатора привлек его внимание.

Слава едва смог дотянуться до кнопки ответа.

— Да? — прохрипел он, но уже был не в состоянии беспокоиться о том, что решит секретарь.

— Святослав Владимирович, — если Светлана Александровна, его секретарь-референт на протяжении последних семи лет и удивилась такому тону, она не подала виду.

Сорокапятилетняя женщина всегда старалась тактично игнорировать состояние здоровья своего босса. — К вам курьер, с охраной. Он говорит, что посылку может отдать только вам лично при предъявлении удостоверения личности.

— Что за посылка? — не понял Слава, все еще пытаясь прийти в чувство. Даже головой потряс, надеясь, что это поможет.

— Не знаю, — ответила Светлана Александровна, — что-то от той швейцарской фирмы, с которой вы заключили контракт.

Слава выругался.

Точно, они же еще вчера сообщили, что браслет готов, и они отправили курьера самолетом.

Как он мог забыть? Ведь так обрадовался тому, что наконец-то сможет подарить украшение Нате.

Секретарь сделала вид, что не услышала ругательство.

— Так мне их к вам пускать? — невозмутимо уточнила она.

— Да, — коротко бросил Слава и отключил переговорное устройство.

А потом, ожидая, пока курьер с охранником доберутся, нашел в памяти телефона номер своего врача и нажал на вызов.

Наверное, ему стоит попросить того выписать более действенное обезболивающее. А возможно, и какое-то противовоспалительное лекарство, или что там, черт возьми, назначают при травмах?! Доктор ответил после первого же звонка и согласился принять его через сорок минут.

Через четыре с половиной часа, Святослав осознал, что сидит и тупо, непонимающе смотрит на Вячеслава Олеговича, который занимался его здоровьем с десятилетнего возраста.

Он просто не мог осознать то, что только что сказал доктор с хмурым и обеспокоенным выражением в карих глазах под кустистыми, уже полностью седыми бровями.

— Подождите, док, — он сделал глубокий вдох, ощутив при этом коробочку с браслетом для Наты, которую положил во внутренний карман пиджака. Не мог же он бросить украшение стоимостью в тридцать тысяч евро в машине на стоянке? — Какая операция? О чем вы? — Слава потер лицо, но все равно ни черта не понял. — Мне просто нужно более сильное лекарство, пока этот дурацкий ушиб не пройдет. И все. Я согласился на томограмму, но причем тут операция?! — он, все с тем же недоумением, перевел глаза на второго врача, который сидел в кабинете.

Этого доктора Слава видел впервые. Он был лет на десять моложе Вячеслава Олеговича, и его лечащий врач представил своего коллегу как Александра Николаевича, хирурга-травматолога.

— Слава, — Вячеслав Олегович глубоко вздохнул и облокотился на стол, за которым сидел. — Мы с тобой обсуждали и не раз, необходимость подобной операции, если помнишь, из-за того, что паралич отдельных мышц в твоих ногах приводит к неправильной нагрузке на спину, и как следствие — искривление позвоночника с ущемлением нервных окончаний и срастанием отростков позвонков.

Слава резко хмыкнул.

— Я помню, — немного громче и ироничней, чем хотел бы, прервал он врача. — Но так же помню, что вы сами советовали не торопиться, потому как вероятность того, что после операции я стану инвалидом в гораздо большем смысле — достаточно высока. Кажется, вы упоминали что-то, около сорока процентов. Именно потому, вы сами говорили, что нам стоит подождать лет пять-семь, пока не будут усовершенствованы методики оперативных вмешательств на спинном мозге.

Врач кивнул, и еще больше нахмурился.

— Да, все так, Слав, но..., - врач посмотрел на коллегу. — Теперь все поменялось. Эта травма, — он кивнул на снимок, который Святославу сделали сорок минут назад на компьютерном томографе. — Она вызвала смещение межпозвоночных дисков и резкое ущемление нервных корешков, потому и поменялся характер боли, потому и ты ощутил онемение в ногах, — Вячеслав Олегович потер лоб. — Боюсь, что у нас больше нет времени ждать, Слав.

— Понимаете, Святослав Владимирович, — в разговор вмешался Александр Николаевич. — Из-

за вашего вчерашнего падения, ситуация резко ухудшилась. И если в ближайшие два-три месяца мы не сделаем операцию, сдавленные нервные окончания полностью атрофируются, что приведет к полному параличу нижней половины тела в течение года-двух, — хирург серьезно смотрел на него, пытаясь даже видом, очевидно, подтвердить всю сложность ситуации. — Сейчас мы не можем оперировать, из-за выраженного отека и сдавления тканей. Да и гематома будет сильно мешать. Нам надо убрать это все, и стабилизировать ваше состояние перед началом операции.

Но до Славы, все равно, никак не доходило.

Этого не могло случиться из-за какого-то пустякового ушиба. Просто не могло.

Да он сотни раз падал! И все всегда проходило.

Так почему в этот раз должно быть иначе?! Почему, именно сейчас, когда у него появилась Наташа, все должно пойти черти как?! Почему, черт побери?!

Ему хотелось выкрикнуть этот вопрос в лицо врачам.

Но он сдержался, понимая, что они-то, как раз, ни в чем не виноваты. Да и не было тут виновных.

Слава глубоко вздохнул и потер лицо ладонями, все еще не в состоянии соотнести эти слова, которые слышал, с собой.

Коробочка с браслетом снова легонько стукнулась о его грудную клетку. Над самым сердцем.

— Так, хорошо, а если вы меня прооперируете, что это даст? — оперевшись на ноги локтями, чтобы немного расслабить ноющую спину, задал он вопрос врачам.

Ответил опять Александр Николаевич, который, судя по всему, больше разбирался в хирургическом аспекте такой проблемы.

— Тогда, нам придется частично удалить два-три ваших позвонка, заменив их протезами, чтобы снять давление на нервы, а еще, постараемся максимально исправить ситуацию с межпозвоночными дисками. Но тут, — он развел руками. — Я смогу определиться только по ходу операции. И, как вы правильно заметили, любое вмешательство в спинной мозг, даже самого опытного хирурга, может повлечь за собой нежелательные последствия. Но все же, вероятность их меньше, чем вероятность благополучного исхода.

Святослав иронично хмыкнул, едва удержавшись, чтобы грубо не выругаться.

— Значит, если я не соглашусь на операцию, через год-два, все мое тело, ниже пояса, парализует. А если я соглашусь — то с вероятностью сорок процентов — получу тот же результат, только быстрее, или же, в случае удачи — получу... что? Вы мне даже этого сказать не можете?!

— По крайней мере, — произнес Вячеслав Олегович, — если ты согласишься на операцию, мы сделаем все, что в наших силах, и даже больше этого, чтобы стабилизировать твое состояние и сохранить все функции твоего тела, Слава. Операция, единственный вариант, если ты хочешь и дальше ходить и вести активный образ жизни.

От его слов, почему-то, Святославу легче не стало.

— У меня есть время подумать? — не глядя на врачей, спросил он.

— Есть, только над чем вы собрались думать? — со вздохом кивнул Александр Николаевич. — У вас не такой уж большой выбор.

Это, черт возьми, было очень верное замечание.

Но Слава нуждался во времени! Хоть в нескольких днях, чтобы обдумать, понять и решить, что и как теперь делать. Пока же, слова врачей не осознавались им, как нечто действительное.

— Я выписал тебе рецепт на лекарства, — Вячеслав Олегович, поднявшись со своего места, обошел стол и, встав прямо перед ним, протянул Славе листик. — Здесь и более сильный анагетик, и противовоспалительный, которые снимут отек и немного уменьшат сдавливание тканями нервов, и еще несколько препаратов, которые немного улучшат твоё состояние. Принимай их, как написано. И... не думай долго, Слав, на самом деле, времени не так уж и много, — доктор похлопал его по плечу.

Он только кивнул, почти задыхаясь в этом кабинете, испытывая дикое желание поскорее отсюда вырваться и доехав до Кофейни, обнять Наташу. Ему не нужно было чье-то сочувствие или сожаления. Только эта женщина в его объятиях и тепло ее кожи на его.

Через десять минут он уже доехал до кафе. Но остановившись у тротуара, почти под самыми окнами Кофейни, Слава, вдруг, в полной мере осознал все, что услышал полчаса назад в кабинете у своего врача.

Он опустошенно уставился в окно, пытаясь осмыслить ту действительность, с которой в очередной раз столкнула его судьба. И никак не мог свести все нити воедино.

Святослав боялся операции.

А кто, в здравом уме, не испугался бы такого?! Знать, что ты будешь лежать без сознания, не имея контроля ни над ситуацией, ни над своей жизнью, ни над исходом самого процесса, и даже не обладать уверенностью, что в результате все будет хорошо.

Да любой человек испугается, чтоб его!

В этот момент, благодаря тому, что в кафе ярко горел свет, он увидел Нату. Она, смеясь, зашла в первый зал, о чем-то разговаривая с Денисом, который шел рядом с сестрой.

Наташа, казалась, была полной энергией и движением. Она словно лучилась удовольствием от жизни и наслаждалась ею. Его солнце...

Пока Ната отвернулась к одному из официантов, Дэн поздоровался с каким-то парнем. Тот поднялся со своего места и подошел к брату и сестре. Наташа улыбнулась этому мужчине и, привстав на носочки, легко поцеловала в щеку.

Слава крепче сжал руль, ощутив такой приступ ревности, что внутри все свернулось в тугий узел.

Но он не вышел из машины и не зашел в зал, чтобы наглядно доказать каждому, что Ната — принадлежит ему.

Наблюдая за тем, как Наташа стоит около Дениса и разговаривает с двумя мужчинами, он до

конца понял все.

Ей не было еще и тридцати.

Наташа была полна жизни и заслуживала только самого лучшего. Она, наверняка хотела иметь семью и детей.

Он мог дать это ей... еще два дня назад. Он бы боготворил ее, и делал бы то, что не смог бы ни один полностью здоровый мужчина, лишь бы эта женщина всегда смеялась, а слезы, коли таковым случалось появляться в ее глазах — оказывались бы слезами счастья.

Святослав бы все сделал для нее...

Но теперь...

Что он может ей предложить? Привязать Наташу к инвалидному креслу, которое с такой вероятностью теперь грозило ему? Лишить ее любого шанса иметь детей и нормальные отношения?

Черт! Да он даже любовью не сможет заниматься с ней!

Он ничего не сможет. Только сидеть и смотреть, как она лишает себя всего в жизни из-за того, что находится рядом с ним...

Слава повернул ключ, ощущая, как жжет ему грудь коробочка с браслетом, и отъехал от тротуара.

Он должен был подумать, что делать дальше.

Очень хорошо подумать.

Слава думал до середины следующего дня, отключив все телефоны и послав к черту Андрея, который, не сумев дозвониться ему, приехал к другу, проверять как у того дела.

И наконец, в полдень четверга, тринадцатого февраля, спустя восемнадцать бессонных часов, которые провел на той самой ступеньке, где впервые занимался с ней любовью, зажав в кулаке браслет со звончками, и выпив две упаковки анальгетика за это время, он принял решения. Теперь Святослав твердо знал, что должен сделать.

Включив мобильный телефон, он увидел пятнадцать уведомлений о пропущенных звонках с ее номера. Она волновалась, наверное, ведь перед тем, как ехать в больницу, Слава сказал ей, что должен решить некоторые дела, и позвонит ей позже.

И не перезвонил.

Обиделась ли она?

Для него было бы проще, если бы так и случилось.

Нажав на дозвон, он с каким-то опустошенным отрешением поднес телефон к уху.

— Слава! — Наташа ответила сразу же. И в ее голосе звучала не обида, а страшное волнение и беспокойство. — Что случилось?! Ты куда пропал?!

— Наташа, — не ответив ни на один из ее вопросов, проговорил он, и даже не вздрогнул от механического, словно у заводной игрушки, собственного голоса. — Мы можем сегодня встретиться, вечером?

— Да, конечно, Слава, — она даже не заметила этого тона. — Но что случилось?! Ты хоть представляешь, как я волновалась?

— Вечером, — повторил он и положил трубку.

Если судьба не дает ему заботиться о ней и лелеять эту женщину, он, по крайней мере, может хотя бы уйти, не превращая ее жизнь в ад на земле.

Глава 12

Ее окна светились в ночи прямо над его машиной. Слава не знал, зачем здесь остановился. Явно неудачно. Стоит отъехать дальше. Стоит...

Он продолжал сидеть и рассматривать эти два квадрата теплого света в темноте.

Много окон светилось на разных этажах, однако Святослав не замечал других. Он сидел в своем автомобиле уже сорок минут и просто смотрел вверх.

Решение, которое Слава принял, казалось ему единственно верным. Разве не пообещал он себе ставить ее интересы превыше своих? Разве не готов был отдать Наташе все, что имеет?

Готов.

А значит — сейчас он должен ее отпустить. Потому что Слава запомнил ее слова — «ты важнее». И не мог допустить, чтобы Ната жертвовала тем, что может иметь в жизни, ради него.

Возможно, глупо было иметь настолько твердую уверенность в плачевном исходе операции. Но правда состояла в том, что Святослав еще не решил, согласиться ли, вообще, на нее.

Ему мало везло по жизни. С самого рождения, черт возьми, не везло!

И он точно знал, что с ним не срабатывают звезды и счастливые случайности. Нет в его жизни добрых крестных-фей.

Что бы там не говорил хирург, Слава знал, что будь операция более простой — его врач давно бы уговорил Святослава на нее.

Он даже подозревал, что они немного завысили процентное соотношение успех\неудача, с точностью до наоборот.

А может, Слава просто боялся. Пока сложно было разобраться в себе до конца.

Но одно он мог сказать с полной уверенностью — Наташа не должна идти с ним по этому пути, каким бы он ни был. Слава не успел дать ей ничего, чтобы просить о таком.

Может быть, будь у них за плечами хоть несколько лет отношений, он, даже не раздумывая, все рассказал бы ей, давая возможность решить самой.

Может быть...

Его пальцы крепче сжали руль.

Но у них имелся в активе лишь месяц знакомства, да неделя отношений. Святослав не собирался даже упоминать о том, что ему предстоит.

И все потому, что боялся ее реакции.

Слава почти не сомневался, что скажи он Нате правду — она останется с ним. Только имела ли Наташа представление о том, на что может согласиться? Святослав сомневался в этом.

Сам же он прекрасно знал, что ждет его в случае тех самых «40 %». В центре для страдающих ДЦП, который курировала его фирма, с тех пор, как Святослав стал получать достаточную прибыль, имелся отдельный корпус для полностью или частично парализованных пациентов. Для тех, от кого отказались даже самые близкие.

И мало кто мог бы упрекнуть тех родных.

Святослав видел отчаяние в глазах пациентов, когда приходил к ним, навещаясь в центр. Видел зависть к тому, что он хоть так может двигаться. А еще, он видел опустошенное, отчаянное горе и беспомощное безразличие в глазах тех родственников, которые приходили навещать этих пациентов.

Невозможно так прожить с человеком жизнь и не начать тихо его ненавидеть или же, не скатиться в глухую тоску. Не иметь возможности никуда отойти, не задумываясь над тем, не опрокинул ли он случайно стакан воды и сумеет ли набрать новый? Может ли дотянуться до тарелки с едой, которую ему оставили? Может ли выпить те лекарства, которые следует, чтобы не испытывать боль? И не перепутал ли таблетки...

Не говоря уже о том, что тело во всем подводит таких людей, даже в том, что кажется настолько простым, и они не могут контролировать свои естественные потребности.

Сколько лет можно менять подгузники взрослому человеку и продолжать помнить о том, что когда-то он был другим?

Он не желал проверять этого. Не собирался допустить, чтобы глаза Наташи стали тусклыми и такими же безжизненными, как у матерей и жен тех людей, которым он своими деньгами старался помочь. Не тогда, когда у нее впереди была целая жизнь.

Вздыхнув легкими, которые никак не желали усваивать кислород из воздуха, и все равно, продолжая испытывать удушье, Святослав протянул руку и взял с соседнего сиденья коробочку с браслетом.

Он не должен был бы дарить его ей. Не имел права.

Слишком много было в этом браслете. Он вложил в него свое сердце и любовь. Свою душу. То, что никогда никому не позволял затронуть. То, что ни к кому не испытывал. А еще, за прошедшую ночь, проведенную на той проклятой... благословенной ступеньке, он вложил в это украшение всю свою боль от понимания того, что должен сделать.

Он не мог не отдать Наташе браслет. Просто не выдержал бы. Хоть так сообщая ей свои чувства. Пусть и собирался сделать их расставание как можно более грубым.

Быть может, когда-нибудь, через какое-то время, она сможет носить это украшение, не

вспоминая о том, что он сейчас ей скажет.

Когда-нибудь, Наташа будет счастливой. Не с ним, с кем-то другим.

А Слава... может быть, хоть раз в жизни, ему повезет достаточно, чтобы этого не увидеть.

В этот вечер он уже несколько раз задумывался о подобной «удаче».

Вероятно, он просто был слишком гордым, чтобы увидеть жалость в глазах той единственной, которая приняла его таким, каков он есть. А может быть — трусом.

Слишком мало времени, чтобы понять все причины и следствия и некогда размышлять. Он не мог позволить себе привязать Наташу еще сильнее к себе и причинить большую боль, когда придется ее отпускать.

Крепче сжав пальцы на коробочке, и положив ту в карман пальто, Святослав наконец-то вышел из машины, которая так и осталась стоять под ее окнами.

И ощущая себя так, словно выпил разом десяток таблеток анальгетика, отчего не только не ощущал боль, но и вообще не чувствовал ничего, только пустоту внутри, пошел к дверям подъезда.

Наташа открыла дверь едва ли не сразу, и так улыбнулась, что не возникало сомнений — она не просто не сердилась из-за его исчезновения, но ждала. И безумно рада тому, что Слава приехал этим вечером.

Спасительное опустошение, которое помогало ему сосредоточенно и последовательно идти к поставленной цели — начало рассыпаться по кусочкам. Как те мелкие крошки льда, которые сыпались с неба два последних дня.

Но ни одна черта на его лице не дрогнула.

— Привет, — словно не видя, что он не ответил на ее улыбку, Ната отступила на шаг, пропуская Славу внутрь коридора.

Он переступил порог, сосредоточенный только на том, чтобы не поддаваться искушению послать все к бесу и, улыбнувшись в ответ, не обнять ее.

Слава осознал, что даже не может ничего сказать ей.

Он просто застыл на пороге, глядя на Наташу. Казалось, что все его существо тянулось к ее свету, который она так легко отдавала. словно бы каждой клеточкой своей кожи, всей поверхностью своего тела Святослав пытался впитать это тепло, понимая, что видит ее так близко в последний раз, и так старательно пытался держать себя руках.

Наташа, наверное, удивленная его молчанием и странной неподвижностью, немного нахмурилась, и потянулась к нему.

— Слав, что такое? — она поднялась на носочки, в попытке дотянуться до его губ, чтобы поцеловать их. — Ты где вчера пропадал?

Он отшатнулся.

Просто отступил назад, но из-за его хромоты, шаг получился более дерганным и резким, чем он хотел бы. Более жестоким по отторжению.

Святослав не вынес бы ее касания. Поддался бы дикому, неистовому желанию поцеловать Наташу. И не смог бы сказать того, что был должен.

— Слава? — Наташа растерялась, и так, будто это вышло непроизвольно, обхватила себя руками, словно бы ей стало зябко. — Что происходит?

— Я пришел сказать, что больше мы не будем встречаться, Наташа, — пустым и лишенным всякого выражения голосом, проговорил он, уставившись куда-то, поверх ее плеча.

Он не мог смотреть Нате в глаза. Не мог, будь оно все проклято. Не тогда, когда так откровенно и жестоко лгал, причиняя ей боль.

— Что? — она задохнулась и отступила на один шаг вглубь коридора.

А у него свело пальцы, когда Слава увидел, как она, в том же беззащитном и каком-то отчаянном жесте, как и той ночью, когда он принес таблетки, закрыла руками шею.

— Почему? Что случилось, Слава? — Наташа не понимала его слов, это было заметно.

Но Святослав не собирался объяснять.

— Ничего, — все еще не встречаясь с ней глазами, он медленно покачал головой. И едва заставив себя сглотнуть, произнес слова, за которые уже ненавидел себя. — Я никогда не встречаюсь с женщинами больше двух-трех раз, — он пожал плечами, словно бы не сказал ничего особенного.

Но даже так, краем глаза, он увидел, как Ната побледнела и вздрогнула.

Этими словами он сравнивал ее со всеми другими. Причинил ей боль.

«Ложь!», кричало все у него внутри, «ты — не они, ты — несоизмеримо большее. Единственная, ради которой стоит жить». Однако сжав зубы, Слава проглотил эти слова, ощущая во рту вяжущую горечь.

— Но..., - она открыла рот, потом резко замолчала, и набрала воздуха в легкие. — Я не понимаю, — честно призналась Ната, заставив его чувствовать себя последней сволочью. — Ведь все было так..., - наверное, не найдя слов, она просто развела руками.

«Нереально, волшебное, великолепно, по-настоящему... и как в сказке, одновременно», он мог бы продолжить то, что она не досказала. Но не имел права.

Вместо этого, Святослав в очередной раз пожал плечами.

— Я просил у тебя ночь, — его тон оставался небрежным и пустым. Он умел прятать свои чувства. — Ты дала мне больше. Я благодарен. Это действительно оказалось здорово. Но не думаю, что нам стоит продолжать и портить впечатления.

Она отступила еще на шаг, и он не выдержал.

Его глаза метнулись к лицу Наташи, и утонули в опустошенном, потерянном, полном непонимания, синем взгляде.

Слава задохнулся. От ее боли. От своей. От того, что он творил. Но разве можно было поступить иначе?

Почему-то, в его разуме всплыло утро, когда он впервые осознал, сколько Наташа для него значит, и его собственные слова: «кто, в здравом рассудке, от такого откажется?».

Ради ее счастья он мог отказаться от всего. Вот только, здравым ли все еще был его разум?

Словно увидев эти сомнения, эту боль в его взгляде, Наташа глубоко вздохнула и осторожно ступила вперед, не позволяя ему отвести глаза.

— Слава, что происходит? Объясни, пожалуйста...

Он заставил себя собраться и стер любое выражение в глазах.

— Ничего. Просто, мне — достаточно, — ровным голосом ответил он, опять упираясь глазами в какой-то дурацкий цветочек на обоях.

Наташа мотнула головой, будто это могло бы помочь разобраться.

Но такой способ не действовал. Он пробовал.

— Спасибо, мне было хорошо с тобой, — окаменевшие пальцы никак не желали разгибаться на этой чертовой коробке, которую он пытался оставить на полочке, куда когда-то клал лекарство.

— Что это? — голос Наты стал подозрительно спокойным. Почти таким же отстраненным, как и его.

Он снова посмотрел на нее.

Наташа стояла на том же месте, гордо выпрямив спину и прищурившись, едва ли не брезгливо, словно перед ней лежала жаба, смотрела на синюю бархатную коробочку.

— Моя благодарность... за все, — Слав смог произнести это легко, и даже небрежно приподнял бровь, как будто предлагая ей вспомнить их ночи.

Она вздрогнула так, словно бы он ударил ее этими словами.

Резко взмахнув рукой, будто собираясь его ударить в ответ, Наташа смела ладонью коробочку на пол. Та с глухим стуком упала и откатилась в угол у входной двери. Святославу показалось, что он даже слышал, как звякнули колокольчики.

Он мог предвидеть это. Заслужил.

Но лучше бы она действительно его ударила.

— Я не проститутка, чтобы расплачиваться со мной за ночь, — презрительно и холодно бросила Наташа.

Однако Слава видел, с какой силой ее пальцы вцепились в угол стены.

Он только пожал плечами.

— Как распорядиться этим подарком, решать тебе, — небрежно, словно бы тот для него ничего

не значил, Слава отвернулся и открыл дверь. — Я больше не буду тебя беспокоить. Прощай.

И не оборачиваясь, он вышел, прикрыв за собой дверь.

Хотя, мог бы поклясться, что и после того, что только что учинил, он слышал тихий, сдавленный шепот: «стой, Слава, подожди...».

Но не остановился.

Он дошел до лифта, нажал на вызов. Дождался пока, скрипя и повизгивая несмазанным механизмом, тот не приехал на ее этаж. Проследил за тем, как разъехались двери.

Протянув руку, Святослав нажал на кнопку первого этажа. И пока двери с тем же скрипом закрывались, а механизм лифта перестукивал, сообщая о передвижениях кабинки по этажам, он тихо вернулся к ее дверям, расположенным у самой лестницы. Спустился на три ступеньки и, облокотившись о стену — замер, вслушиваясь. Святослав не собирался уходить, пока не убедится, что Наташа закрыла замки на двери.

Он простоял там пять часов, размышляя над тем, можно ли ненавидеть себя сильнее?

Он прислушивался к любому шороху, любому звуку за ее дверью, и с каждой уходящей секундой презирал себя все больше.

Все в его жизни определяли секунды.

Несколько минут неправильного хода родов у матери — сделали его таким, каким он был. Несколько мгновений в квартире Катьки — уверили Святослава, что большего такой инвалид, как он и не заслужил. Несколько дней, сложенных из мгновений счастья — оказались сказкой в его памяти. И лишь миг на том бордюре — оборвал их.

Но не это оказалось самым страшным.

Не были в его памяти более ужасных секунд, чем те, которые потребовались, чтобы обидеть единственную женщину, которую Слава любил.

Замок в ее двери щелкнул только около двух часов ночи.

Слава не знал, отчего Наташа только теперь об этом вспомнила. То ли ей оказалось не до того, то ли... могла ли она надеяться, что он вернется?

Запрещая себе даже думать о подобном, Святослав наклонился, разминая затекшие ноги и, дождавшись знакомого покалывания в мышцах, сделал первый шаг.

И вдруг, замер, чувствуя себя хуже, чем за все время до этого.

Из-за уже замкнутой двери Наты послышался тихий всхлип, переросший, в надрывный, словно придушиваемый плач.

За это время он слышал всякие звуки. Она что-то тихо бормотала, разговаривала с кем-то по телефону. Слава даже слышал, странный стук и грохот, словно бы Наташа что-то с размаху бросила в стену. Но отсутствие ее слез — успокаивало. Возможно, несмотря на обиду и злость, она все же не успела сильно к нему привязаться.

Однако в этот момент...

Он не осознал, как поднялся на эти проклятые четыре ступеньки. И опомнился только тогда, когда едва не нажал на звонок.

Только, кому бы от этого стало легче?

Но и слышать, как она рыдает, тем более, по его вине — было выше его возможностей.

И все же...

Святослав заставил себя стиснуть пальцы в кулак и опустил руку. А потом, прислонившись лбом к холодному металлу ее двери, замер, вслушиваясь.

Он чувствовал себя так, словно бы попал в свой собственный, личный ад. Но каждая его мука казалась Славе заслуженной. А вот Наташа страдала ни за что.

Святослав не имел ни малейшего представления о том, сколько простоял так. Ему меньше всего хотелось смотреть на время. И только когда в квартире Наташи совершенно все затихло, он заставил себя отстраниться от двери и пешком спустился на первый этаж, не обращая никакого внимания на боль в спине и ногах.

Наташа не могла заснуть. Как не заставляла себя — у нее ничего не выходило.

Она лежала в темноте спальни, куда добралась только полчаса назад, и вслушивалась в каждый шорох, испытывая странную, сумасшедшую уверенность, что Слава рядом.

Бред!

Она же слышала, как он уехал. Стояла, словно пришибленная, посреди коридора, глядя на дверь, которую Слава закрыл за собой, и вслушивалась в звук лифта.

Даже сейчас, Наташа никак не могла понять, что произошло.

Когда Слава зашел в дверь — ей показалось, что это не он, а какой-то незнакомец. Он был холодным, жестоким, чужим.

Наташа смотрела на него — и не узнавала. Пыталась пробиться — но он отталкивал ее.

И лишь на один миг, на несколько коротких секунд, она увидела в его зеленых глазах того Святослава, которого знала все это время. А еще — она увидела там такую боль, что дыхание перехватило. Но это закончилось настолько быстро, сменяясь той же ледяной стеной безразличия, что Ната решила, будто ей привиделось.

Не было никакого оправдания тому, что он ей сказал сегодня вечером. Как можно простить такие слова? Как можно найти для них какую-то вескую причину, кроме единственно возможной — той, что Слава и пытался донести.

Наташа ему безразлична.

Он хотел провести с ней ночь. Он это получил. Даже более. А теперь — Святослав собрался идти дальше, находя себе других.

От этой мысли стало так больно, что Наташа сжалась в комок на кровати, укрывшись одеялом с головой.

И все-таки, несмотря на весь здравый смысл и насмешливую иронию над собой, что и ее не миновала глупая, извечная женская уверенность в собственной силе изменить мужчину, Ната искала ему оправдание.

Потому что она не верила, что интуиция могла настолько подвести ее. Никогда еще Наташа не ошибалась в людях. А уж настолько...

Да и Денис, который, кстати, звонил пару часов назад, будто опять знал, что сестре плохо, был уверен в Святославе.

Она соврала брату. Сказала, что простыла, потому и разговаривает таким странным голосом, чувствует себя не очень хорошо, но приезжать не надо. И сделала так Ната по нескольким причинам: во-первых, она хотела сама понять и разобраться в том нелепом кошмаре, который с ней сегодня произошел; а во-вторых — Денис наконец-то решился съездить в отпуск, впервые за то время, которое прошло с момента нападения на нее. Наверное, почувствовал, что ему есть, кому доверить сестру. И они вчера даже купили ему вместе горящую путевку в Египет. Если Ната правильно помнила — Денька должен был вылететь десять минут назад.

Она не собиралась лишать брата заслуженного отдыха. Все, в чем нуждалась Наташа — это во времени, чтобы разобраться в происходящем, и в ясной голове. К сожалению, с последним возникли проблемы — мысли путались и металась от одной фразы к другой. Все в ее разуме смешалось, и события потеряли свой последовательный ход.

Разве мог мужчина, для которого было принципиально важно иметь возможность ухаживать за ней, сказать, что хотел лишь пару ночей секса с ней? Разве стал бы он утруждаться, приезжая специально из Киева, чтобы сделать ей приятное, да еще и с таким подарком, если не хотел чего-то большего?

Разве мог мужчина, который занимался с ней любовью при свете садящегося солнца, который так боялся, что она уйдет утром до того, как он проснется, и который едва ли не поклялся убить ее обидчика — оказаться настолько равнодушным, чтобы даже не обернуться, когда уходил? А ведь она звала его...

Или же это все было лишь игрой для того, чтобы заполучить ее?

Ната перевернулась на другой бок и уставилась немигающим взглядом на тумбочку.

Она задавала себе одни и те же вопросы на протяжении всех этих часов — меряя шагами коридор и комнаты. Она спрашивала это у пустоты, задавая те же вопросы вслух, хоть и не с кем было поговорить. Пыталась разобраться, пиная ногами ни в чем, ни повинную сумку, случайно оказавшуюся на ее пути... но так и не смогла понять причины.

Наташа злилась, обижалась, недоумевала. Она даже испытывала раздражение и ярость, вспоминая те слова, которые он произносил.

Но не плакала.

Мужчина, который так с ней поступил, не заслужил того, чтобы Наташа о чем-то сожалела в их отношениях и горевала.

Нет, она просто пыталась понять, в чем именно совершила ошибку, так слепо веря, что Святослав именно тот, кто ей необходим.

И только когда она открыла окно на кухне, испытывая странное, непонятное удушье и чувство, будто стены ее дома сдвигаются, сплющивают ее — Наташа вспомнила, что так и не закрыла двери после его ухода. Сквозняк, заставивший ее кожу покрыться мурашками, напомнил ей о том, что даже в таком растерянном и опустошенном состоянии не стоит забывать о безопасности.

Наташа опять поплелась в коридор, единственное освещенное помещение, стараясь не оглядываться. Слишком много у нее имелось воспоминаний о ней и Славе в этом месте...

Наверное, потому, не заметив, она с размаху ударилась пальцами босой ступни в треклятую коробочку, о которой уже успела забыть.

А может, ей просто решили дать еще одну подсказку, как ответ на все те вопросы, который она громко задавала в темноте своей квартиры.

Кто знает?

Любая, уважающая себя женщина, выбросила бы подобный «подарок» в ведро, даже не посмотрев.

И она собралась так сделать. Вот только, от того, что ее нога врезалась куда-то в район замочка, крышка коробочки подпрыгнула, словно игрушечный чертик. До слуха Наты донесся странный, тонкий звон.

Она не удержалась — все теми же, ушибленными пальцами ноги, поддела крышку, открывая коробку полностью.

На черном бархате подложки лежал серебристый браслет. Он был выполнен в форме кольца из двух видов металла, которые сплавлялись в единое целое немного ассиметричными линиями. А по всему периметру к ним крепились маленькие колокольчики, которые и звенели сейчас. Наташа насчитала семь звончков.

Она сразу поняла, что это не серебро, слишком долго носила этот металл, чтобы разобраться, что его здесь и в помине нет.

И почему-то, тут же вспомнила, как недовольно Слава требовал у нее ответа, почему она носит только серебряные украшения.

Но не эти воспоминания заставили ее присесть на пол, закрывая рот ладонью.

В ярко освещенном коридоре, прекрасно просматривалась внутренняя часть массивного украшения. И слова, которые были там выгравированы.

Наташа поняла, что странный звук, который нарушил тишину комнаты — это ее всхлип, переросший в плач.

Но не смогла прекратить.

Ее пальцы обводили семь слов, и она не могла остановить не их, ни слезы, которые катились по щекам.

«Ты — мое солнце и все мои звезды».

Наташа не была ведьмой. Но могла бы ею стать. Или кем-то, кого люди привыкли обозначать подобным словом. Вся ее семья имела что-то в себе, что позволяло слишком хорошо разбираться в людях. И сейчас, касаясь пальцами этого украшения, она почти ощущала боль, которую тот хранил в себе. Почти... но было ли это мистикой, или просто пониманием, которым ее подсознание пыталась что-то показать Наташе? Как вещей сон...

Разве мог мужчина, написавший такое на браслете, всего лишь «благодарить» ее за удовольствие от секса?

Вздыхнув, Наташа села в постели и, протянув руку, взяла браслет с тумбочки.

Колокольчики зазвенели, и от этого звука, почему-то, стало легче.

Может быть, она была просто дурой, но Ната не могла, не хотела, не желала верить в то, что Слава ей сегодня наговорил. Было что-то, что стояло за его сегодняшним поведением.

Только, как узнать, что именно?

Глава 13

Меньше всего Наташа ожидала, что четырнадцатое февраля проведет с матерью.

Не то, чтобы у нее теперь были какие-то планы на этот день. Собственно, она и до вчерашней ночи их не имела. Но...

Впрочем, выбора ей не предоставили.

На часах не было еще и восьми утра, когда в дверь настойчиво позвонили.

Наташа нехотя приоткрыла один глаз, осматривая сумрачную спальню, отбросила одеяло, пытаясь хоть немного собраться с мыслями. Однако, поскольку заснула только около четырех — это не казалось таким уж простым делом.

Потерла глаза, вздрогнув от того, как тонко зазвенели колокольчики, когда она случайно задела браслет на соседней подушке.

Звонок раздался опять.

Ей не хотелось вставать. Не имелось никакого желания куда-то идти, и кого-то видеть. И уж тем более, у Наташи совершенно не было желания с кем-то говорить. Хотелось забиться под одеяло с головой и просто спрятаться от всего мира, пока она не сможет понять, что же случилось.

Звонок зазвенел в третий раз.

Наташа вздохнула. Подобная настойчивость раннего гостя указывала на то, что схитрить не удастся. Так упорно пытаться попасть к ней в дом могли только родственники. А поскольку Денька уехал, то это либо отец, либо мать.

Наташа остановилась на втором варианте. Приход отца ее родня приберегала для самых сложных вариантов. Вот если бы она сейчас не открыла дверь и не ответила на два телефонных звонка минимум, то...

Предполагаемый вариант событий был прерван очередной трелью.

Вздыхнув, Наташа несколько секунд смотрела на браслет, который лежал около ее лица, потому что она так и уснула, сжимая его в руке.

А потом, смирившись с неизбежным — Наташа встала и направилась в коридор.

Она вполне могла предположить, что именно заставило мать примчаться сюда так рано. Ведь сама сказала вчера брату, что приболела. И поскольку тот уже не мог приехать сам, наверняка позвонил маме, и наплел нечто невероятно пугающее. Ната не удивилась бы, окажись она жертвой какой-то ужасной эпидемии в рассказе Деньки.

При всей взаимной любви и заботе, брат обожал подшутить над сестрой, особенно перед родителями. Уж очень ему нравилось наблюдать, как вокруг Наташи все суетятся, а она бесится от такого излишка внимания.

Посмотрев в глазок, Ната убедилась в верности своего предположения. И с еще одним тяжелым вздохом осознания, что от матери ей ничего не удастся скрыть, щелкнула замком, распахивая двери.

— Привет, Наталка, — мать с порога заключила дочь в объятия. — Что случилось? Что за простуда? — не успев попасть в квартиру начала допытываться она.

И тут же, не ожидая ответа, который Ната никак не могла придумать, крепко взяла ее за плечи, повернув к дверям кухни, из которой в коридор попадал сумрачный утренний свет.

Замолчав на пару мгновений, мать пристально рассматривала лицо дочери.

Наташа опять вздохнула тайком. Ей всегда мало что удавалось утаить от матери.

Закончив осмотр, вздохнула и мама.

— Похоже, я не те лекарства привезла, да, Наталка? — с какой-то грустной улыбкой спросила Елена Андреевна и отставила на пол небольшой пакет, который все это время держала в руках. — Мед и смородина здесь не помогут, — констатировала она, начав расстегивать пальто. — А ты молодец, — мать подмигнула дочери, в явной попытке подбодрить. — Растешь. Брата провела. Он действительно в болезнь поверил.

Улыбка Наташи вышла кривой и невеселой. От этой похвалы не стало легче. Наоборот, слова матери всколыхнули все ночные сомнения и неуверенность.

Ее брат настолько доверял другу, что ни капли не усомнился в словах Наташи? Даже не предположил, что могло случиться нечто другое, кроме внезапной простуды?

Могли ли они оба настолько ошибиться в Святославе?

— Ну что, кофе угостишь мать, или мне самой варить придется? — уже сняв сапоги, мама, обняв ее за плечи, подталкивала Нату к кухне, очевидно, видя в каком потерянном состоянии пребывает дочь. — Пошли, Наталочка, поговорим.

Почему-то от этого обращения, которое мама так часто использовала в детстве, она почувствовала себя не все понимающей и рассудительной подругой и хозяйкой Кофейни, к которой все знакомые бегали за советами, а обычной, молодой, и очень растерянной девушкой.

Ей самой был очень-очень нужен совет.

— Мамочка, — Ната всхлипнула, и не в силах больше сдерживаться, уткнулась лицом в мамино плечо. — Я так запуталась, — честно призналась она, пытаюсь вытереть самовольно бегущие слезы.

— Значит, будем тебя распутывать, — мягко улыбнулась Елена Андреевна и, ободряюще погладив дочь по щеке, все-таки увела ее на кухню.

Кофе, все же, варила мать. Наташа не смогла собраться. Она сидела на стуле, который всегда выбирал Слава, когда приходил к ней, и, поджав под себя ноги, гоняла по столешнице крупинки сахара, рассказывая матери обо всем. Та не перебивала, только кивала иногда головой, разливая темный, ароматный напиток по чашкам.

Когда Ната, с большими паузами, заполненными тишиной, смогла все же рассказать о вчерашней ночи — они допивали третью порцию кофе.

Конечно же, Ната говорила не про все. Не смогла бы она ни с кем поделиться тем восторгом, который испытывала в горячих и жадных руках Славы. Не смогла бы описать то упоение, которое ощущала, когда он целовал ее. Умолчала она и о том, что играла в рулетку с судьбой, той, самой первой ночью.

Это были только ее воспоминания. Только их со Славой тайны и мгновения, которые она не смогла бы разделить ни с кем другим. Даже сейчас, все еще не зная, обижается ли она на него, или просто, безумно скучает по этому мужчине.

— Браслет покажешь? — только и спросила мать, отодвинув чашку, когда Наташа замолчала, и выжидательно посмотрела на нее.

Ната кивнула.

С трудом встала, ощущая покалывание в онемевших ногах, на которых все это время сидела, и медленно побрела в спальню.

Он лежал там же, где она и оставила украшение. На подушке с левой стороны.

Осторожно обхватив пальцами прохладный металл, Наташа взяла браслет. И, не удержавшись, как и вечером, обвела слова кончиком пальца, вслушиваясь в мелодичный перезвон колокольчиков.

В этот момент, перечитывая слова, которые Слава написал на браслете, ощущая какое-то умиротворение от того, что поделилась с матерью частью своей боли и потерянности — она осознала, что не верит ему. Не верит тому, что Святослав сказал вчерашним вечером. Не мог он быть таким, каким вчера старался показаться.

Теперь, оставалось только надеяться, что Наташа сделала верный выбор.

Елена Андреевна заметила изменения в ее настроении, едва Ната вернулась. Она задумчиво наклонила голову на бок, и внимательно посмотрела на дочь.

— Вижу, Наталка, ты определилась? — поинтересовалась мать, отпивая глоток свежесваренного кофе.

— Да, наверное, — кивнула Наташа, подвигая ближе собственную чашку. Этот кофе отличался от всего предыдущего, и не только размером сосуда.

Нате не нужны были пояснения и наставления, как с ним поступить.

— Можно? — мама протянула руку, и Наташа с удивлением поняла, что так и держит браслет, продев в него ладонь наполовину. И даже не думает показывать матери.

— Ой, да, конечно, — но вдруг, уже протянув кисть к матери, она осознала, что не может дать ей браслет.

Просто не может. Это было выше ее сил, позволить еще кому-то прикоснуться к этому украшению. Он принадлежал только ей и Славе.

И не играло роли то, что еще вчера она совершенно серьезно собиралась выбросить его подарок, даже не посмотрев. Сейчас Наташа просто не могла позволить хоть кому-то дотронуться до металла, который уже стал теплым, нагревшись от ее руки.

Елена Андреевна приподняла бровь, когда Наташа отдернула руку.

— Хм..., - только и произнесла она, а потом, хитро усмехнулась.

— Прости, мам, — Наташа отвела глаза, испытывая смущение. — Я просто не могу.

— Хорошо, — мать кивнула. — Не надо отдавать его мне, если душа не лежит, но хоть показать, в своих руках, можешь?

— Попробую, — вздохнула Ната, допивая одним глотком горький кофе. И отодвинув чашку, чтобы гуща отстоялась, протянула раскрытую ладонь с браслетом вперед.

Елена Андреевна не торопилась с осмотром. Она долго всматривалась в сплавление двух металлов, поворачивала руку Наташи и так, и эдак, считала звоночки.

Наташа не могла не заметить, как при звуке их тихого перезвона синие глаза матери вспыхнули одобрением.

А потом, она очень долго смотрела на гравировку.

— Я согласна с солнцем, — задумчиво проговорила мать. — Ты всегда отдаешь всю свою энергию и тепло людям. Но звезды — почему?

— Я предложила ему загадать желание на звезду, — не заметив, что улыбается сквозь слезы, Ната уставилась в окно. — А Слава рассмеялся, сказал, что не верит в такой способ. А потом... загадал меня и..., - она поняла, что плачет, только когда ощутила соленый привкус на губах. — Он сказал, что я лучше любой звезды, — проводя по щекам пальцами, скомканно закончила Наташа.

Елена Андреевна кивнула, сделав вид, что не видела этих слез. И, допив свой кофе, оставила чашку.

— Я не знакома с ним, Наталка, но мне кажется, что не могли оба моих ребенка ошибиться в человеке настолько, — спокойно и тихо проговорила ее мать. — И это украшение, — она задумчиво прикусила губу. — Оно очень дорогое. Я не специалист, но белое золото отличить могу. Второй металл — не знаю. У меня есть девочка, которая в этом понимает. Если хочешь —

можем ей позвонить, показать, пусть она больше о металле расскажет? — Елена Андреевна вопросительно подняла бровь.

Наташа только покачала головой. Она едва заставила себя показать браслет матери, а уж чужому человеку — нет, определенно, Ната не была готова к подобному испытанию.

— Как хочешь, это не очень важно, в принципе, — мать подперла подбородок рукой. — Я к тому, что не будет, даже очень богатый мужчина, дарить такие украшения, да еще, и сделанные явно под заказ — просто за ночь. И с такими словами... — Елена Андреевна протянула пальцы, и вытерла у Наташи со щеки слезу, которую та пропустила. — Думаю, что ты не ошиблась, когда усомнилась в его вчерашних словах, доченька. Но..., - мать вздохнула. — Все равно, не торопись. Взвесь еще раз все, что знаешь о нем, подумай хорошо.

— Я подумаю, — пообещала Наташа, испытывая странный покой в душе и ясность в мыслях, которой ей так не хватало ночью.

Мать кивнула.

— Хорошо, а теперь, — она привстала со своего стула и подвинула к себе чашку Наташи. — Давай посмотрим, что там нам гуща покажет, — уже совсем другим, немного задорным голосом, произнесла она, и подмигнула Нате.

14 февраля — 3 марта

Дни и ночи смешались для Наташи в одну странную, вялотекущую гущу.

Она с трудом отличала будний день от выходного, и понедельник от пятницы. Пожалуй, даже время суток Ната различала только по тому, собирались ли домой ее сотрудники.

Нет, она не ходила сомнамбулой, распугивая друзей и посетителей Кофейни.

Наташа улыбалась, общалась с девчонками, проводила свои знаменитые «пятничные вечера». Никто не смог бы понять, насколько ей плохо. Никто не мог бы увидеть слез за веселым перезвоном серебристых колокольчиков, когда она пальцами придавливала «уставшие», и оттого красные глаза. Разве что брат.

Но Денька, вернувшись через одиннадцать дней из отпуска, все никак не мог добраться до сестры — в родном городе его ожидал такой ворох заказов и от Леши, и от «Мультикома», что Денис, практически безвылазно, сидел за графикой.

Потому никто не догадывался, что скрывалось за жизнерадостной улыбкой и смехом, которыми хозяйка Кофейни так щедро всех одаривала.

Тот покой и уверенность, который ей дал разговор с матерью, понемногу рассеивался, оставляя после себя отчаянье и страх, что она так и не сможет ничего выяснить.

Святослав держал свое слово и больше «не беспокоил» ее.

И в то же время — он нарушал это обещание едва ли не ежедневно.

И правда состояла в том, что всем времяопределением Наташи, единственным мерилom, которое отсчитывало для нее дни и ночи — стали приходы Андрея.

Но не потому, что она внезапно прониклась особой симпатией к другу Славы. Просто того всегда привозил сам Святослав.

И это оказалось единственной ее возможностью видеть этого мужчину.

Он ни разу не зашел в Кофейню вместе с другом. Ни одного раза не показал, что заметил ее.

Иногда, Нате даже казалось, что он действительно забыл о ее существовании.

Но, словно для того, чтобы не позволить ей окончательно отчаяться, каждый раз в такие моменты, Слава выходил из машины.

Нет, он не подходил к окну. Наоборот, всегда отворачивался, будто бы просто разминал затекшие мышцы. Но она видела, с каким выражением в глазах, он ловит отражение окон Кофейни в стекле и боковых зеркалах своего автомобиля.

Не смотрят с такой тоской и отчаяньем, если дело было лишь в сексе.

Однако стоило Наташе хоть немного приблизиться к дверям — он тут же садился обратно и прятался за тонированными окнами своего «ниссана». Святослав ясно давал понять, что не хочет с ней общаться. Но и, несмотря на это, игнорируя предательский страх и отчаяние — она не собиралась сдаваться.

Лишенная любого иного способа, Ната использовала только то, что ей оставили — кофе.

Она всегда сама готовила кофе для Славы. Его любимый капучино с карамелью. И не только потому, что когда-то пообещала сохранить в тайне его страсть к сладкому.

Каждый раз смалывая зерна для его напитка, засыпая порошок в кофеварку, и добавляя к уже готовому напитку карамель — Наташа тихо рассказывала Славе, что она чувствует. Как сложно сделать вдох без него, и как она заледеневаает внутри без его теплых рук и жарких объятий. Как трудно просыпаться, зная, что она не может поцеловать его, не может заставить Славу рассмеяться. Как просто, невероятно тяжело быть без него.

Она доверяла этому напитку свое чувство. То, о чем так и не успела рассказать самому Святославу — что любит его. Настолько безумно, что готова видеть другую причину даже под теми обидными словами.

А еще, она всегда молилась и просила для него облегчения от телесной боли, которую Слава, хоть и скрывал от всех, но испытывал. Еще тогда, когда они просто общались — Наташа знала, видела, как часто он хмурился и непроизвольно разминал свои мышцы, чувствуя в них боль.

Возможно, кто-то бы над ней посмеялся. Другие бы назвали сумасшедшей, покрутив у виска пальцем. Но Наташа верила в то, что это срабатывает. Вот такой, самой простой магии, ее учила еще прабабушка, которая в заботах с внучкой забывала о горестях концлагеря. И только потом, спустя много лет, уже в институте, на одном из семинаров по физике, Наташа узнала, что вода способна сохранять, «записывать» и передавать любую информацию.

Она не могла проверить, действует ли такой метод, но с отчаянной решимостью верила, что он работает.

И немного шутливое, однако, искреннее удивление Андрея, всякий раз, когда он спрашивал, что именно она добавляет Славе в кофе — дарило ей некоторое утешение. Потому что, судя по

словам друга, Святослав, который в последние недели просто изводил всех вокруг вечными придирками и отвратительным настроением — всегда успокаивался после того, как выпивал свой напиток, пусть и на время.

Даже рассказы об отвратительном настроении Славы подпитывали ее решимость. Он бы не вел себя так теперь, если бы Наташа оказалась лишь незначительным эпизодом в его жизни, ведь так?

Потому, она снова и снова готовила капучино для него, вкладывая в него все свое тепло и любовь, в странной надежде, что это сработает... Каким именно образом, Ната еще не знала, но продолжала «колдовать», используя и оправдывая свое наследие.

Наташа не имела ни малейшего представления о том, сколько это может продолжаться.

Но сейчас, стоя в ночи у окна своей спальни и глядя на огромный внедорожник во дворе, имея непонятную убежденность, что там, в этом автомобиле сидит Слава — ей показалось, что их отношения выбрались из глухого тупика, в котором оказались две с половиной недели назад.

Вот только, в какую сторону они теперь сдвинулись?

4 марта

Трудно активно начать день, если не спала всю ночь. Особенно сложно, если и предыдущие несколько недель не высыпалась, как следует.

Но хуже всего то, что Наташе вообще не хотелось «начинать» этот день. Потому как третье марта закончилось для нее только в четыре утра. Именно в это время внедорожник, из которого так никто и не вышел за всю ночь — тихо завелся, и уехал из ее двора.

Наташа просидела все это время, наблюдая за автомобилем. Несколько раз ее даже посещала мысль включить свет в комнате, показывая ему, что и Ната не спит... Но, что если она ошиблась?

Впрочем, теперь, казалось, сомнений не осталось. А может ей просто очень хотелось себя в этом убедить.

Задумчиво разорвав бумажный пакетик, Ната отстраненно наблюдала за тем, как сахарные песчинки плавно растворяются в чашке с горячим кофе. Результат ее не впечатлил, и она протянула руку за второй порцией сахара.

Обычно Наташа пила не очень сладкий кофе — не потому, что любила горький, просто, как и всякая девушка, заботилась о своей фигуре. Ну, или оправдывалась этим, когда съедала лишнее пирожное. Однако сейчас, она даже не знала, будет ли этот кофе пить — ей просто нравилось наблюдать за тем, как прозрачно-белые крупинки зыбучей струйкой падают в пену латте и медленно растворяются в ней.

— Доброе утро, — совершенно нежданное приветствие резко выдернуло Наташу из состояния задумчивой прострации.

Вздрогнув, она с огорчением понаблюдала за тем, как рассыпались, подпрыгивая на поверхности стола, кристаллы сахара от ее неловкости.

И только после этого подняла голову.

Около ее любимого столика стоял Андрей. Он был не сам, возле мужчины находилась какая-то девушка, но Наташа даже не пыталась рассмотреть ее.

— Доброе, — вовсе не стараясь делать вид, что рада его приходу и даже не стыдясь этого, она метнула глазами к окну. И ощутила пустоту внутри — машины Славы не было.

Похоже, сегодня Андрей решил приехать один.

— Что-то случилось, Наташ? — поинтересовался Андрей, заметив такое состояние хозяйки. И этим вопросом привлек ее внимание назад к себе.

Кивком головы он спросил разрешения присесть за ее столик.

Ната махнула рукой.

— Да, нет. Просто тяжелые какие-то недели выдались, — ни капли, не кривя душой, призналась она, наконец-то посмотрев на Андрея и его спутницу. — Я устала. А может это весенний авитаминоз, кто знает? — Наташа пожала плечами и попыталась вернуть на лицо обычную жизнерадостную улыбку, но не знала, получилось ли.

Андрей улыбнулся и кивнул, словно бы это все объясняло.

— Да, такое бывает весной, — согласился он. И указал на девушку, которая села в соседнее кресло. — Это Яна, моя хорошая знакомая, в чем-то сотрудница, и двоюродная сестра Славы, — объяснил Андрей. — Я ей все уши прожужжал про твою кафе, а когда упомянул об украшении, — Андрей усмехнулся. — Она не смогла устоять. Яна ювелир, — пояснил он немного удивленной Наташе.

После этого, он повернулся к Яне.

— А это — та самая Наташа, о которой я тебе столько рассказывал, — подмигнул Андрей своей знакомой.

На миг над столом повисла пауза, во время которой девушки пристально смотрели одна на другую.

— Очень приятно познакомиться, — наконец, как можно невозмутимей попыталась произнести Наташа. И тут же подняла руку, подзывая официанта. — Что будете? — спросила она, стараясь играть роль радушной хозяйки.

Но, отчего-то, испытала неловкость.

Во-первых, потому, что казалось как-то странно и неудобно, что ли, познакомиться с его родней. Она не смогла бы описать точнее, просто чувствовала так себя и все.

А во-вторых, Яна, кивнувшая в ответ на ее слова, и пробормотавшая нечто сходное, уставилась..., да, именно уставилась на ее руку с таким ошеломлением в глазах, что у Наташи возникло дикое желание спрятать ту за спину. Ей показалось, что даже ювелир не стал бы так рассматривать украшение.

Потому, она и постаралась скрыть неловкость за выяснением заказов.

Однако могла бы поклясться, что пока Андрей просил свой любимый эспрессо, эта девушка тихо пробормотала самой себе: «черт! Никому бы не поверила!»

Наташа моргнула и недоуменно посмотрела на нее. Но Яна, загадочно улыбнувшись Наташе, уже повернулась к официанту, попросив капучино.

«Интересно», задумалась Ната над тем, чтобы предложить ей карамель, «у них семейная любовь к этому напитку? Или это просто совпадение?»

Когда официант отошел, Яна повернулась и посмотрела прямо на Нату все с той же улыбкой.

— Вы меня простите, что я так не вежливо разглядываю, просто украшение, в самом деле... - она на минуту задумалась, — уникальное, что ли. Я такого никогда не видела. Наверное, будет совсем не вежливо попросить посмотреть его ближе?

Яна настолько приветливо и открыто это произнесла, что Наташа не удержалась от улыбки в ответ.

— Да ничего, — она пожала плечами. — Вы не первая, кто проявил такой интерес. Но, извините, я не снимаю его с руки. Разве что так, — Наташа немного ближе подвинула кисть, испытывая двоякое чувство: вроде бы и отказать совсем — было некрасиво, но и позволить прикоснуться кому-нибудь к браслету она до сих пор не могла. — Наверное, я бы то же так смотрела на какой-нибудь редкий вид кофе, или новую кофеварку, — она повернулась к Андрею, пытаясь и того вовлечь в разговор напоминанием о своем уникальном заказе в их магазине.

Мужчина усмехнулся и кивнул.

— Да уж, все мы немного помешаны на своем деле, но это помогает лучше работать, — откинувшись на спинку, Андрей вдруг нахмурился. — Правда, некоторые порой, перегибают палку. Слава совсем в последнее время с катушек сорвался, — Андрей повернулся к Яне. — Мне иногда кажется, что он вообще не спит. Но как обычно, твой брат ничего не желает слушать.

Наташа поставила чашку, которую уже поднесла к губам, опасаясь, что разольет кофе — так задрожали у нее руки.

Она могла бы рассказать Андрею, что он прав, и Слава, судя по всему, совершенно не спит.

Вот только о том, что же творится, и Наташа не смогла бы его просветить.

Подняв голову, она наткнулась на внимательный и серьезный взгляд Яны.

Девушка промолчала на замечание Андрея, только пожала плечами, показывая, что ей не привыкать к чудачествам двоюродного брата, но все это время, продолжала смотреть прямо на Наташу, будто спрашивая у нее, что та думает об этом.

Ната не привыкла оказываться в подобной ситуации, когда создавалось ощущение, что незнакомый человек знает о ней больше, чем сама Наташа.

Сомнительным казалось, чтобы Слава кому-то мог рассказать о том, что между ними было. Разве что браслет мог навести Яну на какие-то подозрения. Возможно, она помогала брату с этим украшением, если уж работала в ювелирном бизнесе?

Ощущая, что не имеет сейчас достаточно выдержки, чтобы ломать голову над взглядами новой знакомой и тем, что в них содержалось, Наташа невозмутимо улыбнулась и поднялась из-за стола.

— Вы меня простите, но я должна идти, разбираться со своими делами, — извиняясь, проговорила она. — Скоро праздники, оформление, продукты — надо подготовиться, сами понимаете, — Наташа легко взмахнула рукой, не вдаваясь в подробности, которые не могла придумать вот так, с ходу. А потом повернулась к Яне. — Была рада знакомству, заходите сюда и просто так, мы рады новым посетителям, — с ничего не значащей улыбкой, проговорила она.

— Обязательно, — кивнула Яна, все так же внимательно и задумчиво глядя на нее, — здесь очень уютно.

Кивнув на прощание Андрею, Наташа наконец отошла, убеждая себя, что это вовсе не напоминает поспешное бегство.

Яна глотнула своего капучино, пытаясь немного прийти в себя.

Обалдеть! Еще когда она ненароком подслушала разговор Славы с ювелиром, Яна едва справилась с шоком. Но увидеть этот браслет, который просто не мог оказаться никаким другим, да еще и на руке женщины... обалдеть. Другого слова она не могла подобрать.

Семья уже потеряла надежду, что Слава хоть кого-то посчитает достойным, чтобы подпустить к себе близко. Конечно, мало кто осмеливался его упрекать после той истории с Катериной, в недостатке доверия к женщинам. Но и такого отрицания длительных отношений — не могли понять.

Однако, похоже, что вот эта Наташа смогла пробиться сквозь барьеры ее брата. Иначе, не блеснул бы на ее руке браслет, который Славка заказывал с такой таинственностью.

Вот только, что же происходит, и почему Наташа не выглядит счастливой, скорее — готовой расплакаться в любую минуту.

Конечно, Яна видела ее впервые, но такое тоскливое выражение в глазах хозяйки Кофейни не наводило на мысль о счастливом романе. Да и сам Слава, в последнее время, доставал всех и вся своим хмурым видом.

Отпив еще глоток кофе, Яна решила, что в этом стоит разобраться тщательней.

Возможно, даже съездить к брату, поговорить, а может...

— Хорошая она, да? — Андрей провожал уходящую Наташу взглядом, в котором, явно, читалась мужская заинтересованность.

Яна едва не поперхнулась своим кофе.

— Ты что, больной? — стараясь не закашляться, прохрипела она, глядя на друга округлившимися глазами.

Андрей удивленно обернулся к Яне. Похоже, ей удалось его поразить, несмотря на пятнадцать лет знакомства.

— В смысле? — переспросил Андрей. — Ты чего?

Яна растерялась. Не может быть, чтобы Андрей, который дружил со Славой с десяти лет, не видел, что происходит!

Или может?

Даже она смогла сложить два плюс два... Нет, Андрей не мог настолько сглупить... Или...

Черт! Яна запуталась.

Она уже открыла рот, чтобы образумить Андрея. Но тут же захлопнула его.

А что, если Слава, по какой-то, неизвестной ей причине, скрывал свои чувства к этой женщине? И не окажет ли Яна медвежью услугу брату, если сейчас начнет делиться своими подозрениями? Мало ли, может, есть причины, которые им мешают...

Ее разум тут же придумал сотню таких вероятностей, начиная от вероятно существующего мужа этой самой Наташи, заканчивая каким-нибудь тираничным родственником, который угрозами не дает подопечной быть рядом со Святославом.

Посмеявшись над своей романтической и склонной к драматизации душой, которая давно стала в семье притчей во языцех, Яна, все же, не удержалась от предостережения.

— Не лезь к ней, Андрей. Будь человеком.

И, несмотря на все расспросы друга и насмешки, которыми он в течение следующего получаса пытался выяснить причину такого наставления, Яна больше не добавила ни слова.

5 марта

Этот внедорожник и сегодня простоял полночи под ее окнами.

А Наташа опять не смогла заснуть и наблюдала за ним, в странной и глупой надежде.

Под конец ночи, у нее даже появилось немного раздраженное желание — выйти на улицу и заставить Славу поговорить.

Но чувство самосохранения, все-таки, одержало верх.

В конце концов, ничто, кроме ее интуиции не свидетельствовало о том, что в машине сидел именно он.

Наверное, потому, сегодня она испытывала еще большую усталость. Хотелось закрыть глаза и, послав всех к черту, положить голову прямо на стол. Вот только, Наташа знала, что все равно не сможет уснуть.

Стоило ей закрыть глаза — как разум наполнялся образами и мыслями, в которых она раз за разом прокручивало все, что тогда произошло. Наташа искала выход и не видела его. Иногда ей везло и, не замечая этого, Ната проваливалась в какой-то странный омут опустошенной отрешённости — и не сон, и не явь. Тогда она хоть немного отдыхала.

Но зал Кофейни, определенно, не был тем местом, где стоило себе такое позволять.

Внезапно, сквозь тихое звучание музыки и гомон переговоров немногочисленных посетителей,

внимание Наты привлекло перешептывание и смех официантов.

Она не была против веселья. Но и не особо поощряла неуместное поведение. Потому, сделав еще глоток простого черного кофе, в тщетной попытке хоть немного взбодриться, Наташа встала со своего места и пошла к стойке баристо.

— О чем смеемся? — присев на высокий стул, поинтересовалась она у Сергея.

Тот хмыкнул.

— Да вон, Женьке, — баристо кивнул на официанта, который стоял рядом с такой же улыбкой. — Опять повезло, к нему за столик села клиентка, которая заказала просто кофе...

Парни опять переглянулись с улыбками, в которых чувствовалось некоторое превосходство.

Наташа понимающе кивнула. И все же, покачала головой, показывая, что не одобряет такого отношения к клиентам.

Такие посетители — действительно попадались. Заходя в Кофейню ради интереса, они просто терялись в предоставляемом выборе вариантов напитка, и начинали изводить официантов, за придирками пряча собственную неосведомленность. Или же, наоборот, совершенно тушуясь, не могли четко объяснить, что им необходимо, и в результате — сами не получали удовольствия от кофе, да и обслуживающему персоналу добавляли хлопот.

К сожалению, не всем удавалось находить язык с такими клиентами.

— Где? — спросила она, обернувшись к залу.

Тот был почти пустым. В десять утра только на выходных бывало много посетителей. В будние же дни этот период — не сопровождался большим количеством желающих выпить кофе в ущерб работе. Так что сейчас на все помещение сидела только пара девушек, которые о чем-то весело болтали, да двое мужчин, обсуждающих какой-то заказ на поставку икры, что ли. Ната не сильно вслушивалась в разговор.

Евгений указал на один из столиков, стоящих в противоположном углу зала. Он находился достаточно далеко, и был немного затенен большим фикусом, кадка с которым находилась поблизости к столу.

За этим столиком сидела женщина лет пятидесяти — пятидесяти пяти и неуверенно, едва ли не опасливо оглядывала все, что ее окружало. На лице посетительницы явно читалась растерянность и страх сделать что-то не так.

Наташа вздохнула. Определенно, второй вариант.

Человек еще того, советского воспитания, чувствовавший себя неудобно в незнакомой обстановке и очень боялся нарушить свод неписанных правил о которых ничего не знал.

И пусть никаких правил в Кофейни Наташи не существовало — чтобы мягко и ненавязчиво подвести таких клиентов к пониманию этого, и дать им почувствовать себя «своими» в этом месте — всегда приходилось тратить много времени и сил.

— Что она заказала? — еще раз уточнила Наташа у своего сотрудника.

— Ничего, — тот пожал плечами. — Кофе. А когда я попытался ей объяснить, что у нас его

сорок два вида..., - Женька махнул головой. — В общем, я предложил ей изучить меню, а потом спросить меня о том, что вызовет ее интерес, и только после этого выбрать.

Ната кивнула. Женя, в принципе, поступил верно.

Вот только, продолжая наблюдать за тем, с каким выражением на лице женщина переворачивает странички в карте напитков, и как потерянно она оглядывается, словно готовится вот-вот бросить это занятие и убежать, Наташа засомневалась, что эта посетительница решится хоть что-то выбрать.

Вздохнув, она встала со стула. У нее имелась бездна времени, и Нате отчаянно требовалось занятие, чтобы хоть как-то спастись от тоски.

— Я займусь ею, — не оборачиваясь, сообщила она Евгению. — Будешь мне помогать, когда я подзову.

Официант кивнул.

Не было ничего удивительного в том, что хозяйка сама занялась посетителем, Наташа часто так делала. Потому, наверное, ее Кофейня и, особенно, та непередаваемая атмосфера личного внимания к каждому — были так широко известны в городе.

Наташа медленно пошла к столику, продолжая присматриваться к женщине, все больше убеждаясь, что не ошиблась в первоначальном впечатлении — той впервые довелось оказаться в таком заведении. Женщина была одета в брючный костюм из шерсти оливкового цвета, свое пальто она перебросила через спинку свободного стула. И в целом — имела довольно ухоженный и независимый вид. Но это впечатление немного портилось тем, как нервно она теребила ручку своей сумки, изучая выбор кофе.

Наташа никогда не понимала, зачем так нервничать, если можно просто попробовать все? И уж тем более, ей было совершенно непонятно, как можно переживать и испытывать неловкость только потому, что ты не знаешь что-то, что известно другим.

— Здравствуйте, — с приветливой улыбкой проговорила она, остановившись рядом со столиком. Женщина, с явным выражением облегчения и надеждой на помощь, посмотрела на нее. — Меня зовут Наташа, я хозяйка Кофейни. Евгений, — Ната махнула рукой в сторону своего официанта, который застыл неподалеку. — Сказал, что вам сложно определиться. Возможно, моя помощь пригодится?

— Да-да, — все с тем же, неловким и виноватым выражением на лице, женщина кивнула. — Если честно, я не отказалась бы от помощи. Эти названия, — она посмотрела на меню перед собой. — Уж простите, наверное, я совершенно отстала от жизни, но мне они ни о чем не говорят, — она немного скованно улыбнулась. — А мне так хвалили кофе, который у вас подают.

Наташа с благодарной улыбкой приняла похвалу.

— Можно присесть? — спросила она, указывая рукой на свободное место.

— Конечно, если у вас нет других дел, — с некоторой стеснительностью, ответила посетительница. Она чем-то напомнила Наташе ее бабушку, которая свободно общалась с самыми высокопоставленными клиентками, но совершенно терялась в некоторых ситуациях, в полном смысле не зная, куда себя пристроить.

— Меня зовут Светлана..., - она помедлила, словно собираясь назвать отчество, а потом, пожала плечами. — Здесь не хочется формальностей, — махнула она рукой, — Светлана и все.

— У меня всегда есть время для тех, кто зашел в Кофейню, — все с той же доброжелательной улыбкой развела Наташа руками. — Приятно познакомиться.

Светлана, казалось, немного расслабилась. Ее пальцы перестали то и дело тереть сумку и пряди темных волос, подстриженных в аккуратное каре.

Присев на стул, Наташа протянула руку и закрыла меню, которое настолько смущало гостью.

— Давайте, мы забудем об этом меню, и просто поговорим, — предложила она. — И начнем с самого простого — вы любите черный кофе или с добавками?

— Знаете, — Светлана немного неуверенно потерла ладонь о ладонь, со стеснением поглядывая на Наташу. — Я никогда не пробовала другого кофе, кроме черного, — честно призналась она.

Ната просто кивнула.

— Хорошо, тогда мы будем пробовать по немногу каждого вида, как на дегустации вина, чтобы вы смогли определиться с тем, что вам нравится больше, — она повернулась к Евгению и махнула официанту рукой. — С сахаром или без? — уточнила она у своей собеседницы.

Та на миг замешкалась, задумавшись над вопросом.

— Наверное, все-таки, с сахаром, — наконец улынулась Светлана и уже уверенней откинулась на спинку своего кресла. — Люблю сладкое, — с лукавой стеснительностью, присущей женщине любого возраста при признании в подобном «грехе», довольно вздохнула она.

Глава 14

8 марта, 7.15 утра, офис Святослава

Кофе в чашке перед ним не стал вкуснее или привлекательней, даже когда Слава сделал глоток с закрытыми глазами.

Черт, как же он устал! Казалось, что его пропустили через прессовочную машину для металла. Болела едва ли не каждая мышца, про спину и говорить нечего.

И дело было даже не в травме.

В последнее время, благодаря тому, что он регулярно принимал препараты, назначенные врачом — отек сошел, а боль вернулась к привычной интенсивности. И напоминанием того, что Слава все ближе приближался к черте полной инвалидности — служила лишь сходящая гематома и... еще два приступа, той дикой, кинжальной боли, за которой следовало полное онемение в ногах.

Вячеслав Олегович звонил ему ежедневно, напоминая Святославу, что каждый день его раздумий и промедления — ведет к сдавливанию нервов и вероятному ухудшению прогноза операции. Но Слава никак не мог определиться.

Да и нельзя сказать, что это уже имело для него хоть какое-то значение.

То есть, нет, имело, безусловно. Но...

А пошло оно все!

Он отставил отвратительный, горький кофе на другой край стола и положил голову на предплечья, массируя пальцами затылок.

Почему-то, больше всего, его расстраивало то, что эту ночь он провел не под домом Наташи. Глупо огорчаться по такому поводу, тем более, учитывая, что именно Слава делал. Однако ему до боли не хватало хоть такого присутствия рядом с ней.

Однако вместо этого он сделал то, что сейчас, на трезвую голову, казалось ему совершенно дурацким и глупым поступком.

Впрочем, не то, чтобы вчера вечером Слава был пьян. Даже тесты, которые заставили проходить его ГАИшники, остановив за превышение скорости на трассе, не выявили в его организме следов алкоголя. И дело было не в размере взятки, которую пришлось им дать, чтобы не тратить время на протокол и штраф.

Святослав, вообще, очень редко превышал свою норму. А вчера и подавно не пил.

Тогда, каким чертовым образом можно объяснить то, что он учудил?!

Хотя, и жалеть о содеянном не было ни смысла, ни пользы — исправить свой импульсивный поступок Слава бы уже не успел.

Вздыхнув, он сильнее потер затылок, то ли в попытке взбодриться, то ли наоборот, пытаясь расслабить мышцы.

В этот момент хлопнула дверь.

Подняв голову, Святослав с удивлением уставился на Андрея.

— Ты что тут делаешь? — хмуро, резко, без всякого приветствия, потребовал он ответа у сияющего улыбкой друга.

— И тебе доброго утра и хорошего настроения, — Андрей, как обычно, пропустил тон друга мимо ушей. — Как ты умудряешься с самого утра быть настолько злым, да еще и в такой день? — Андрей не обратил внимания на свободное кресло и сел на стул, перекинув ногу через сиденье, а подбородок положил на деревянную спинку. — Ты и матери в таком настроении будешь звонить, чтобы поздравить? — задумчиво протянул приятель, но в глазах его стояла все та же добрая насмешка.

Святослав скривился и уставился на свои руки, не желая встречаться взглядом с Андреем. Именно с поздравлений матери все и началось, а точнее, когда он поехал выбирать ей букет.

Его внимание привлекло желтоватое пятно на манжете белой рубашки.

А, чтоб его! Он же специально переоделся.

Черт!! Видно, недостаточно тщательно руки помыл перед тем, как лезть в шкаф.

Слава выругался уже вслух, отчего друг скривился.

— Не-а, такого тете Свете не говори, хоть она и твоя мать, не поймет, — полушутя, полуобеспокоенно, пробормотал Андрей, внимательней присматриваясь к Славе.

— Катись к черту, Андрюха, — Слава потер глаза, которые пекли от постоянного напряжения. — Я сам знаю, что мне матери говорить. Тем более — еще вчера ее поздравил, — Святослав вздохнул и откинулся на спинку своего кресла. — Папа решил в Ялту на праздники ее отвезти, а то она, якобы, в последнее время ему внимания мало уделяет и вечно куда-то пропадает, — он пожал плечами. — Так что я уже с этим рассчитался.

— Ясно, — кивнул друг. — Надо бы мне не забыть позвонить.

Слава только махнул рукой, показывая, что если Андрей и забудет, мать не обидится.

— Так чего ты на работу приперся, сегодня же выходной у всех, кроме дежурного оператора? — повторил он свой вопрос.

— А ты чего торчишь здесь? — поддел его Андрей, насмешливо приподняв бровь.

Слава хмыкнул. Зажал переносицу пальцами и задумался.

Действительно, какого лешего он торчит в офисе утром восьмого марта?

Мог бы спокойно отсыпаться дома, или, учитывая то, что теоретически поздравлять ему кроме двоюродной сестры и матери — некого, просто прогуляться.

Однако все было не так просто. Совсем непросто, черт возьми!

Не мог он находиться дома.

Святослав там задыхался.

Все, абсолютно все там теперь напоминало ему о Наташе.

Господи! Да он, как последний помешанный, до сих пор не поменял простыни на кровати в жалкой, тщетной и нелепой попытке сохранить для себя хотя бы ее запах.

Только что толку? Если даже так, не мог спать больше двух-трех часов, да и то урывками.

Единственное место, где он чувствовал себя более-менее сносно — было любое пространство в относительной близости от нее.

Но сейчас, утром, Слава не мог торчать под окнами дома Наты, и еще не придумал повод, чтобы поехать к Кофейне. Потому и сидел, как придурок, в офисе.

Андрею он об этом рассказывать не собирался.

Да тот, казалось, и не нуждался в пояснениях Славы.

— Вот-вот, — все так же весело и с настроением, как и начинал разговор, непонятно что констатировал Андрей. — Я знал, что ты будешь тут. Потому, когда Денис мне позвонил, и пожаловался, что ты «вне зоны», а он закончил графику и хочет отдать нам диск перед тем, как уехать на эти два дня — я сказал ему подъезжать в офис.

Слава опять выругался, только про себя. А потом поднялся со своего места.

Телефон, действительно, разрядился еще вчера, а он, со всей своей метушной, забыл об этом.

Потянувшись к ящику стола за запасным зарядным устройством, Слава вытащил телефон из кармана пиджака, который висел на спинке кресла, и поставил мобильный заряжаться.

И только потом, не оборачиваясь к Андрею, он подошел к окну, размышляя о том, что скажет брату Наташи? И что она сама уже ему сказала?

Так вышло, что он не пересекался с Дэном за те десять дней, которые прошли с момента приезда друга из отпуска. И теперь, Слава не удивился бы, если бы тот вообще разорвал контракт с «Мультикомом», предварительно устроив разборки Святославу.

Он бы не сопротивлялся. Даже если бы Денис решил избить его — Слава не защищался бы.

По своему собственному мнению, он заслуживал того, чтобы его наказали за то, как Святослав обошелся с Натой. И не оправдывало его стремление уберечь любимую от большей муки и такой непомерной ноши в жизни. Святослав причинил боль Наташе и даже сам считал себя подонком.

Однако когда спустя десять минут, Дэн появился в дверях его кабинета, Слава понял, что никаких разборок не предвидится.

Он, вообще-то, даже удивился, осознав, что Денис, вообще, не в курсе происходящего.

Почему Ната ничего не рассказала брату?!

Это было выше понимания Славы.

Он даже не делал вид, что вслушивается в разговор, который Андрею самому пришлось вести с Дэном.

Просто молча стоял у окна, разглядывая пасмурное праздничное утро, и старался понять, отчего она так поступила?

Но услышав знакомое название, резко вскинул голову, стараясь вникнуть в слова друзей.

— Да у меня мать машину взяла. Ее собственная — еще на ремонте стоит, — весело улыбаясь, объяснял Денис. — Мы сегодня в село решили поехать, бабушку навестить. Но я хочу Нату поздравить с самого утра, она остается в городе. Вот и подумал, может кто-то из вас, парни, меня подкинет в Кофейню? А там меня уже родители заберут по дороге.

Святослав увидел, что Андрей открывает рот, чтобы согласиться.

Черта с два. Он не собирался давать другу подобного шанса. Другого повода может и не представится.

— Пошли, — коротко бросил он Дэну, рывком снимая с кресла пиджак, и, на ходу накинув его, забрал телефон, направляясь к двери. — Я тебя отвезу.

Андрей довольно удивленно вздернул бровь, что Святослав проигнорировал, улыбка же Дениса стала шире.

— Спасибо, Слава, я надеялся, что кому-то окажется по пути, — поддел он его с доброй усмешкой, и послушно встав, так же быстро направился следом.

— Эй, вы что, бросаете меня здесь одного? — немного растерянно крикнул им вдогонку

Андрей.

— Тебя никто не заставляет офис сторожить, — пожал плечами Слава, на секунду остановившись в дверях кабинета. — Найди себе занятие повеселей.

И больше не задерживаясь, пошел к лифту.

Через пять минут он выезжал со стоянки, думая над тем, что обивку сидений придется чистить, а сам салон не мешало бы проветрить.

А Дэн, который, казалось, не заметил ничего необычного, пытался пристроить на заднем сиденье его внедорожника, (который Слава не успел поменять утром на «ниссан») огромную корзину с тюльпанами. Поднимаясь перед этим к нему в кабинет, Дэн доверил их хранение сторожу на первом этаже офиса.

— Это просто кошмар, — жаловался Денис, извернувшись совершенно диким образом. Наблюдая за ним, Слава хмыкнул. На его взгляд, другу проще было бы сесть сзади, чтобы нормально следить за цветами. — Я облазил с самого утра все цветочные магазины и рынки города, пытаюсь найти эти треклятые декоративные подсолнухи, которые Ната любит... ты в курсе, кстати? — он вопросительно посмотрел на Славу через плечо.

«Ха, ему он может об этом не рассказывать», Святослав молча кивнул, сделав вид, что очень занят наблюдением за «напряженной» ситуацией на пустой дороге.

— Так вот, ИХ НИГДЕ НЕТ, черт возьми! Ну почему она не может любить розы?! — немного раздраженно продолжал бурчать Денис, придерживая цветы одной рукой и следя, чтобы те не упали.

«Шикарный вопрос, он сам им задавался неоднократно», Слава только невнятно что-то пробурчал.

Впрочем, Денис и не ждал детального ответа.

— Пришлось покупать тюльпаны, — резюмировал друг, достав из кармана куртки свой телефон и, бегло порхая пальцем по кнопкам, набрал какой-то номер. — Да, Нат, — бросил друг в трубку, кивком извинившись перед Славой. — Я уже почти на месте, ты где? — Славе показалось, что он весь застыл, напряженно пытаясь услышать хоть отзвук ее голоса в телефоне. Даже за дорогой перестал следить, благо, что в такое время восьмого марта машин ездил очень мало. Но ему, все равно, не удалось ничего услышать. — Хорошо, — согласился с чем-то Денис, — потому что меня через полчаса родители увезут, и ты не получишь подарка, если опоздаешь, — шутливо пригрозил тот сестре. — Давай, если приеду раньше, подожду тебя внутри, — Дэн нажал на отбой и сунул телефон назад в карман. — Она уже, тоже, на подъезде, — явно довольный тем, что везде успевает, сообщил он Славе, опять повернувшись, чтобы проверить тюльпаны.

А Святослав, который как раз повернул в проулок у Кофейни, впервые задумался над тем, что ему, черт возьми, совершенно не стоит находиться тут в свете того, чем он занимался всю эту ночь... Но уезжать было поздно.

Как раз в этот момент, с противоположной стороны дороги, показался автомобиль Наты. Святослав на секунду замер, просчитывая в уме все варианты. Однако потом, успокоив себя мыслью, что эту его машину она ни разу не видела, припарковался у тротуара так, чтобы

Денису оказалось недалеко идти.

Дэн выбрался со своего сиденья и, открыв заднюю дверь, достал горемычную корзину с тюльпанами.

— Ты идешь? — вопросительно посмотрел он на Славу, немного приподняв бровь.

Тот покачал головой.

— Позже, — хрипло ответил он, не найдя с другой причиной для отказа, но даже не повернулся в сторону друга, наблюдая за машиной Наташи.

Однако Дэна, казалось, и такой ответ удовлетворил. Друг кивнул, и захлопнув дверь, пошел навстречу Нате, которая как раз вышла из своего автомобиля.

Слава не мог отвести от нее глаза.

Она не видела его. Не могла. Святослав поставил машину так, что небольшой выступ стеклянной передней стены ее Кофейни, почти полностью скрывал его автомобиль. Да и Денис отвлекал внимание сестры.

Но самому Славе никто не смог бы сейчас помешать любоваться этой женщиной.

Даже собственная совесть, которая не просто советовала, а настоятельно требовала убраться отсюда, пока она еще не зашла внутрь.

Какого черта он вообще торчит тут, после того, как решил не портить жизнь Нате?! Какого беса делал всю ночь, если сказал ей, что она ничего не значила для него?! На что Слава надеялся? Что Наташа его простит?! И для чего? Что это сможет изменить?

Слава не знал ответа ни на один из этих вопросов, которые совесть и здравый смысл насмешливо задавали в его мозгу. Но, отвергая всякое логичное объяснение собственных поступков, продолжал сидеть в заглушенном автомобиле, понимая, что очень сильно хотел бы сейчас находиться вместо Дениса рядом с Наташей, чтобы своими глазами увидеть ее реакцию на то, за что с него содрали такие деньги оформители. И это при том, что он сам мотался по двум областям в поисках тех самых проклятых подсолнухов, которые оказалось совсем не просто достать в том количестве, которое Слава запросил...

Наташа постаралась поглубже вдохнуть, наблюдая за приближением Деньки, и натянула на лицо самую счастливую улыбку, на которую была сейчас способна. Она не имела уверенности, что сможет провести брата. Но, может, ей повезет и, учитывая то, что Деня спешит, у него не будет времени сильно присматриваться.

— С праздником! — Денька сходу сгреб ее в такие крепкие объятия, что Ната чуть не задохнулась. — Как же я соскучился, младшая! — немного приподняв сестру над землей, Денис звонко чмокнул ее в щеку.

Наташа рассмеялась, даже не прилагая к этому усилий.

Она и сама страшно соскучилась по брату, ведь они еще не виделись с момента его возвращения.

— Спасибо, Денька, — искренне проговорила она, крепко обнимая брата за шею. — Это мне? —

не решаясь, все же, посмотреть тому в глаза, Ната с лукавыми нотками в голосе кивнула на корзину цветов.

— Ты тут еще кого-то видишь? — так же лукаво поддел Денис ее, едва ли не впихивая цветы сестре в руки. — Прости, Нат, подсолнухов нигде не было, я весь город прошерстил, но, — Денис виновато развел руками, уже подталкивая сестру к входу в Кофейню, у которого они и встретились. — Давай, заходи, а то вон, как легко одета, — неодобрительно мотнул головой Денис на ее расстегнутое пальто и легкую, яркую, шифоновую блузу с прямой юбкой, которые выглядывали из-под того. — Не по сезону, совершенно.

— Так праздник же, Деня, — рассмеялась Наташа, и по привычке наклонила голову, проходя под кованой вывеской, которая тихо поскрипывала на легком весеннем ветру. Она до нее не достала бы и в прыжке, но почему-то, подсознательно, каждый раз боялась задеть. — Мне захотелось одеться нарядно, — объяснила Наташа.

На самом деле, она заставила себя одеть именно этот наряд, хотя на душе скребли кошки, и хотелось натянуть едва ли не рубище.

Наташа благодарно кивнула брату, заходя в двери, которые тот придержал для нее, и остановилась у ближайшего же столика, водрузив на него корзину с тюльпанами, оказавшуюся весьма тяжелой. Отступила на шаг, любясь такой охапкой цветов.

— Так как ты отдохнул? — спросила Наташа и, потеряв замерзшие ладони, скинула пальто, перебросив его через спинку ближнего стула. А потом немного нахмурилась, принохиваясь.

Но обернуться ее заставил не запах, которого совершенно не должно было быть здесь, а пораженное чертыханье брата.

— Вот же ж, чертяка! — Денис покачал головой, а потом одобрительно усмехнулся. — Хитрый. А я-то удивлялся, почему он не хочет заходить. И еще и жаловался ему пол дороги!

Наташа не понимала, о чем тот говорит.

Она, вообще, не была уверена, что может хоть что-то понять в мире, который окружал ее. Тот раз за разом сбивал Нату с ног.

А потому — просто смотрела на самую настоящую поляну из декоративных подсолнухов, в которую, необъяснимым образом, превратился один из углов зала ее Кофейни.

Сбоку стояли любопытные официанты, явно желающие узнать, кто именно преподнес подобный подарок их хозяйке.

Но и до них, Нате не было дела. Она не могла отвести глаза от этого зрелища.

Сразу за ее любимым столиком начинался маленький уголок сказки. Почти так, как она представляла это в своих мечтах. Там даже стояли миниатюрные качели, так же, сплошь усыпанные ярко-желтыми, солнечными цветами. И невероятное количество декоративных подсолнухов, казалось, освещали Кофейню даже в такое пасмурное утро отблесками солнечных лучей.

У нее не было силы сделать вдох.

Наташа стояла, не веря тому, что видела своими глазами и ощущала, как все внутри

сворачивается в узел. От удивления. От боли. Но и от надежды....

Господи!

Этот мужчина никогда, похоже, не разменивался по мелочам. Ни в подарках, ни в страсти, ни в том, как обидеть...

У Наташи даже сомнений не возникло, кто мог стоять за таким «чудом».

Но... какой в этом был смысл, если она не имела для него значения?!

Внезапно, до ее разума дошли слова брата.

— Ты видел его с утра?! — сипло от чувств, от слез, которые пытались сорваться с ресниц, а она не пускала, потребовала Ната ответа у Дениса.

Тот, немного удивленный такой ее реакцией, кивнул и махнул рукой в сторону улицы.

— Да, Слава меня привез. Он и сейчас, кажется, еще там, — озадаченно проговорил Денька, внимательней присматриваясь к ней.

Но Наташа уже стремительно развернулась и направилась к двери.

— Ната! — брат окликнул ее, но она и не думала останавливаться. — Хоть пальто накинь, — услышала Наташа, уже распахнув двери и ступив на улицу.

На миг она замерла, поежившись в тонкой блузе под холодными порывами ветра ранней весны, и задумалась о том, чтобы и правда, одеться. А потом, увидев на углу здания тот самый внедорожник, который не давал ей спать несколько последних ночей, (и который, совершенно возмутительным образом, не появился сегодня, хотя она ждала), Наташа махнула рукой на холод.

Она так устала жить в этом ощущении непонимания и потерянности. Не имела уже больше сил переосмысливать, и раз за разом обдумывать случившееся, что страх простудиться не мог ее остановить.

Гордо вскинув голову, Наташа решительным шагом направилась к мужчине, который стоял у дверей массивного автомобиля, и даже не смотрел в ее сторону.

Глава 15

Слава заметил ее приближение, когда Наташа прошла по безлюдному переулку середину расстояния до его машины.

На один, очень долгий и в то же время, невыносимо короткий миг, их глаза встретились, и обоим показалось, что время остановилось и даже воздух замер вокруг них. Так много светилось в этих взглядах. То, что они оба не успели сказать, то, в чем не знали, как признаться. Безумная тоска и страх от незнания того, что будет дальше. И, даже жадность, с которой каждый впервые за эти три недели так близко смотрел на другого...

Но стоило Наташе сделать следующий шаг — все изменилось.

Слава резко развернулся, немного пошатнувшись от такого стремительного движения, и потянулся к двери. Наташе показалось, что он чертыхнулся и скривился. От боли? Или от того,

что увидел ее?

Наташа глубже вздохнула, игнорируя то, что внутри все тряслось от неуверенности.

Ну, уж нет, в этот раз она не собиралась позволить этому мужчине уйти от нее без объяснений!

— Если ты сейчас сядешь в машину, я... — она замолчала, не зная, чем может ему угрожать.

Однако Слава замер, и даже немного повернул голову в ее сторону, так, что ей стала видна его насмешливо вздернутая бровь. Будто он не верил, что она говорит нечто подобное, и предлагал ей его удивить своей угрозой. Это разозлило Наташу.

— Я разобью тебе фары! — она еще сильнее расправила плечи.

И тут же, закусив губу, когда поняла, что сказала.

По непонятной причине, посреди всего этого кавардака, ей стало весело, что она ТАК угрожает Славе.

Святослав вздрогнул, но не двинулся с места. И Ната могла бы поклясться, что уголки его губ дернулись в таком знакомом ей жесте, когда этот мужчина пытался удержать улыбку после ее слов, что у Наташи защемило сердце.

Господи! Да что же с ними творится?! Почему...?

А потом, Слава передернул плечами, словно бы ему было безразлично, чем заниматься в этот момент. И, повернувшись к ней лицом, он сложил руки на груди, оперевшись спиной на бок своего внедорожника.

Отчего-то она вспомнила, как он отговаривал ее садиться на другую машину, пугая пятнами. Сам же Слава, похоже, не волновался о чистоте пиджака.

Заставив себя оторваться от неуместного любования тем, как ткань натянулась на его фигуре от такой позы и, слишком хорошо помня, что именно скрывает материя, Ната преодолела оставшиеся четыре шага и встала прямо перед ним.

Святослав лишь на секунду посмотрел ей прямо в глаза.

И Ната едва не скривилась от того пустого выражения за которым этот мужчина опять спрятал все, что чувствует.

Потом же, его взгляд прошелся по всей ее фигуре сверху вниз и замер где-то на уровне рук, которые она сжала в кулаки. И для смелости, и просто, потому что холодно было.

Она уже открыла рот, чтобы потребовать у него объяснений, когда ее собственные глаза замерли на узле его галстука. Том, который Наташа завязала ему.

Слава, похоже, очень старался его не нарушить, лишь немного распуская ленту аксессуара, когда раздевался. И этот мужчина говорил, что хотел от нее лишь ночь?!

Ее голос прервался, и Наташа лишь прерывисто вздохнула, вместо того, чтобы задать вопросы, которые так долго проговаривала про себя каждую ночь.

— Вернись в кафе, — холодный, ровный и пустой голос Славы заставил ее опять посмотреть

ему на лицо, но сам он смотрел куда-то на ее руки. — Замерзнешь.

— Спасибо за цветы, — проигнорировав его слова, отчего-то начала с сегодняшнего утра Наташа.

Слава промолчал, только опять передернул плечами.

Но Наташа заметила, насколько напряженной стала его поза, а скулы резко очертились от того, с какой силой он сжал челюсти.

— Что происходит, Слава? Зачем все это? — она взмахнула рукой, пытаясь восполнить жестами то, на что не хватало слов.

Звоночки на ее браслете звякнули от этого движения.

И только сейчас, увидев, как он проследил за ее взмахом, успев заметить, с каким выражением то ли недоверчивого торжества, то ли нуждой, вперемешку с болью, вспыхнули его зеленые глаза — Наташа поняла, куда Слава смотрел все это время.

Это украшение уже являлось неотъемлемой частью ее самой.

Однако для Святослава, похоже, стало шоком увидеть его подарок на руке у Наташи. Он никак не мог оторвать взгляд от ее кисти.

Она задрожала, но не от утреннего холода, а от того, как именно он смотрел на нее.

От безразличной отстраненности, которую этот мужчина демонстрировал лишь миг назад, не осталось и следа.

— Слава..., - дрогнувшим голосом прошептала Наташа и, не осознавая своего движения, потянулась рукой к нему, обхватив напряженную скулу ладонью. — Что было не так? Я ничего не понимаю. До сих пор..., - она старалась держаться собранно. Правда, старалась.

Но, черт все побери, у нее не выходило! Ната вот-вот готова была заплакать от всех эмоций, которые накопились за эти три недели у нее внутри.

Он зажмурился, едва ее пальцы коснулись его кожи. И подался вперед, будто хотел плотнее прижаться к ее руке.

Платиновые колокольчики еще раз тихо зазвенели у самого уха Славы. И от этого звука на его лице появилось такое выражение, что у Наташи сердце сбилось, пропуская удары.

— Иди внутрь, Ната, — хрипло, низко, совершенно не похоже на то, как он говорил минутой раньше, повторил Святослав, так и не открыв глаза. — Просто уйди. Иначе простудишься.

Ей захотелось закричать от упертой непробиваемости этого мужчины. И она казалась себе вполне способной сорваться на визг, и даже, возможно, могла бы что-то ударить.

Или кого-то...

— Почему ты не хочешь говорить, черт тебя побери?! — не удержавшись, таки повысила Наташа голос. — Почему, Слава?! Как так можно?! То, что было... То, что ты потом говорил, и этот браслет, подсолнухи... — она опять взмахнула рукой от всего, что не могла выразить словами, потому что горло перехватывало. — Я. НЕ. ПОНИМАЮ!! Это что, тоже благодарность

за ночи?! — едва ли не с издевкой, голосом полным горечи, спросила она.

Святослав резко открыл глаза и с каким-то, совершенно диким выражением в них, крепко обхватил ее запястье пальцами, как раз под браслетом.

Наташа замерла, всматриваясь в его глаза, почти надеясь, что...

Но, уже открыв рот, Слава сильно тряхнул головой. И медленно, палец за пальцем, разжал свой захват на ее кисти.

— Иди. Внутрь. Ната, — так, будто каждое слово давалось ему с трудом, сипло, приказывающе произнес он почти по слогам. — Простудишься.

И отвел глаза, уставившись куда-то, поверх ее головы.

Все.

Ее терпение кончилось.

Этот тон оказался последней каплей.

— Да пошел ты к черту! Мне плевать, простужусь я или нет, да хоть пневмонию подхвачу и умру, какая разница, Слава?! Особенно тебе, судя по всему, — ей стало так обидно, что захотелось его ударить.

Но Наташа, лишь в очередной раз махнула рукой, словно отметая все, что к нему чувствовала, хоть и не думала, что такой способ может помочь.

И в тот же момент, пожалела о такой импульсивности. Или обрадовалась...

Слава, дернувшийся от этих слов так, будто бы Ната его все же ударила, поймал обе ее ладони, и с такой силой притянул к себе, что Наташа стукнулась о его напряженное, мощное тело. Звоночки зазвенели часто, почти надрывно.

— Не смей так говорить, — отпустив ее руки, Святослав обхватил затылок Наташи, пальцами собирая короткие пряди и заставил поднять голову, глядя прямо ему в лицо. — Слышишь?! Не смей..., - его взгляд скрестился с ее глазами, прошелся по лихорадочному румянцу на щеках, и замер на искусанных, приоткрытых от ошеломления и частого, взволнованного дыхания губах. — А пошло оно все! — чертыхнулся Святослав и, рывком опустив голову, прижался к ее рту, так и не освободив затылок Наташи.

Ох! Как же она соскучилась по его поцелуям!

Возможно, ей следовало бы просто его оттолкнуть, пусть подобный поступок и казался сложным, учитывая габариты Славы. Может быть, стоило бы вклепить пощечину, если вспомнить все, что он ей наговорил.

Но вместо этого, Наташа тихо, счастливо вздохнула и, обняв его за шею, сама крепче прижалась к Славе, приподнявшись на носочки.

Низкий, довольный горловой звук вырвался у мужчины, когда он почувствовал ее действие. И напор горячих губ Святослава стал еще сильнее.

Он обнимал ее так крепко, что Наташа ощущала себя распластанной по его телу, осязала

каждое, даже легчайшее, движение этого мужчины. И да, она чувствовала его возбуждение.

Но в то же время, она не понимала, или не желала понять ничего, кроме того жара, что распяляли поглаживания его рта на ее губах. Отключилась от всего, кроме требовательных губ Святослава, которые не отпускали, прикусывали, втягивали в себя ее губы.

Даже их первый поцелуй не смог бы сравниться с накалом, который пропитывал каждое движение Славы сейчас. Только, она и еще что-то чувствовала в его ласке. Нечто, что добавляло горький, болезненно-тонкий привкус безнадежности.

Отстраненно, лишь каким-то далеким участком сознания, она понимала, что Слава, продолжая обнимать и целовать ее, повернулся так, чтобы Наташа упиралась спиной в машину, закрывая ее внедорожником и собой от ветра.

Все еще удерживая одной ладонью ее затылок, он что-то делал второй рукой, но Ната настолько потерялась в омуте зыбкого марева восторга от того, что они, наконец-то вместе — что не могла понять смысла его действий. Во всяком случае, до того момента, пока Слава, на секунду отодвинувшись от ее тела, но, тем не менее, не прервав поцелуй, не закутал ее во что-то теплое, пахнущее его одеколоном. Только спустя пару секунд она поняла, что он укутал ее в свой пиджак.

— Есть разница, — с таким выражением, что у нее дрожь прошла по телу, хрипло прошептал он ей в губы. — Огромная, ужасно неправильная с моей стороны, но для меня есть разница, солнце.

И Слава опять впился в ее рот, словно только прикосновение к ней и обеспечивало ему опору на этой земле.

А Наташа..., она еще крепче вцепилась пальцами в его плечи, молясь о том, чтобы суметь его всю жизнь вот так удержать. И с такой же страстью отвечала на каждое движение, каждое скольжение языка и губ Святослава.

Наконец, спустя время, которое ни один из них не считал, Слава отпустил губы Наташи и, часто, с усилием дыша, уткнулся лицом в ее волосы.

Она дышала так же надсадно, как и он. Ей хотелось большего. Так много, что им и жизни бы не хватило на все, что она могла бы попросить и отдать взамен на свою просьбу. Только... теперь уже не было сил говорить.

Наташа спрятала свое лицо на груди Славы, зарывшись в складки его рубашки, и боялась разжать руки, опасаясь, что он уйдет, как той ночью.

— Каждый раз, когда я обнимаю тебя, когда целую — мне кажется, что я обнимаю солнце, — глубоко вздохнув, вдруг тихо прошептал Слава. Его пальцы гладили ее руки, ласкали нежную кожу на запястье под браслетом, который он подарил. — Только..., - Слава усмехнулся. И пусть она не могла увидеть его усмешки, мороз прошел по позвоночнику Наты от его тона, и он не имел никакого отношения к весеннему ветру. — Моими руками — солнца не удержать, — с какой-то горькой насмешкой над собой, едва слышно закончил Слава и отстранился от нее, с легкостью преодолевая сопротивление рук Наташи.

А потом, осторожно приподняв ее, сделал рваный шаг и поставил Нату на тротуар, а сам отступил.

— Иди назад, Ната, — не глядя больше ей в глаза, хрипло произнес Святослав, отворачиваясь. — Нечего тебе стоять на холоде. Seriously. Тем более, в праздник, — и, не оборачиваясь, он одним рывком распахнул водительскую дверь своего внедорожника.

Наташу затрусило от того, что все повторяется опять.

И пусть сейчас, у нее не имелось сомнений, что она очень важна для Славы, это не облегчало боли и обиды от того, что он снова уходил.

— Слава, пожалуйста, не надо, — она шагнула вслед за ним, проигнорировав его указание. — Остайся. Зачем ты так гово'ришь? — она начала картавить, понимая, что глотает буквы вместе со слезами, которые уже не имела сил остановить. Что он имел в виду, говоря, что не сможет ее удержать? — Это из-за х'ромоты? Но какая разница, че'рт возьми!? Мне не нужен никто д'ругой! Только ты... Слава, пожалуйста, не уходи..., — она даже не заметила, как протянула к нему ладонь, словно смогла бы его остановить.

Он опять зажмурился и с такой силой вцепился в дверь машины, что Ната увидела, как побелели его пальцы от этого напряжения.

Но, наклонив голову, он только отрицательно махнул.

— Это единственное и самое лучшее, что я могу, и что должен сделать, — тихо, будто не ее, а себя уговаривая, ответил Святослав. И, оперевшись о каркас машины, резким движением сел на водительское место, не глядя в ее сторону.

А она, не зная, что сказать, как уговорить его остаться, просто стояла на тротуаре, кутаясь в пиджак Славы, и чувствовала, как текут по щекам предательские слезы.

Не то, чтобы она, черт побери, хоть в чем-то теперь разобралась!

Святослав не посмотрел на нее ни разу, пока его внедорожник не скрылся за поворотом пустого переулка. А Наташа так и стояла, глядя вслед машине, ощущая себя в какой-то прострации.

— Ната! — даже окрик брата не заставил ее оглянуться. Сейчас Наташу не волновало, что именно и как долго Деня видел. — Что тут у вас творится?! Какого лешего?! — Деня подошел сзади и, обхватив руками ее плечи, заставил сестру повернуться к нему.

Он тихо, зло выругался, увидев, что она плачет.

— Наточка, — Денис крепко обнял ее, прижимая к себе. — Что случилось, ты мне можешь объяснить? Вы поссорились? — он погладил ее щеки, пытаясь пальцами вытереть слезы со щек Наты. — Хочешь, я его побью? — пошутил Денис, стараясь хоть немного развеселить сестру.

Но она знала, что брат говорил почти серьезно. Он вполне мог отправиться устраивать разборки со Святославом.

В этом Наташа нуждалась меньше всего.

Тем более, теперь, когда знала, что было что-то, за всем случившимся. И что он, совершенно точно, не безразличен к ней.

— Поезжай в село, Деня, — покачала она головой и шмыгнула носом, тря ладонями по лицу. —

Мы разберемся.

— Ага, так я и поверил, — скривился Денис и, прищурившись, посмотрел на ее браслет, которого еще не видел. — Дудки, я теперь тебя одну не брошу. И никому не позволю обижать свою сестру, — с твердой уверенностью добавил он, бросив сердитый взгляд в тот край улицы, где исчез автомобиль Славы.

— Не надо, Деня, езжай, проведай бабушку, — стараясь вздохнуть поглубже и успокоиться, прошептала Наташа, кутаясь в пиджак Славы. — Он меня не обижал... просто..., - она потерянно пожала плечами и, высвободившись из рук брата, побрела в сторону входа в Кофейню. — Такое чувство, что он себя не считает для меня достаточно хорошим, — не удержавшись, она еще раз всхлипнула.

Денис опять чертыхнулся и в два шага догнал Нату.

— Какого...? Что за бред?!

— Я не знаю, — Наташа не имела сил сейчас объяснять или думать. И уж тем более, оставаться в кафе. — Просто не знаю! А он не хочет говорить, что происходит, — она опять потеряла лицо.

Зайдя внутрь зала, она взяла свое пальто и сумку, но даже не подумала о том, чтобы снять его пиджак. И на секунду остановилась, до боли вжимая ногти в ладони, рассматривая желто-солнечную поляну.

А потом отвернулась.

— Я буду дома, — то ли брату, то ли своим сотрудникам объяснила она в пространство. — Звоните, если что.

И еще раз, отрицательно покачав головой на предложение Дениса остаться сегодня с ней, пошла к своей машине, едва ли не силой заставляя себя переставлять ноги.

8 марта, 17.35, дом Святослава

В бутылке виски оставалось чуть больше половины, когда Слава осознал, что настойчивый, раздражающий звук, который его отвлекает — это звонок телефона.

Плевать.

Поднеся стакан к губам, он залпом выпил все, что в том осталось.

Святослав не хотел ни с кем разговаривать. Он вообще, не знал, чего хотел. Покоя, разве что?

Хотя, нет. Он врал даже самому себе.

Слава хотел быть с ней.

Сейчас, в эту минуту, и через три часа, и завтра, и каждый день и ночь его дурацкой, поломанной жизни.

А вместо этого, вместо того, чтобы обнимать Наташу в этот миг и заставлять ее улыбаться, хоть как-то искупая слезы, которые она проливали по его вине — он сидел у себя на кухне и напивался.

Потому что пытался хоть раз за сегодня поступить правильно.

Весь этот день был чередой поступков, которые не стоило делать.

Черт, да, ладно, это еще вчера началось.

Он знал, что не должен выходить из машины. Знал, но его чертова спина так болела...

Знал Слава и то, что ему вообще не стоило показывать Наташе, насколько она важна для него. Эта идея с поляной и качелями, явно была... неудачной.

Но ему так хотелось, чтобы в ее глазах опять засверкали лучики счастья.

Чтоб его!

Слава потер лицо и, отвинтив крышку, плеснул себе еще виски.

Хотел? Получил.

Только счастье ли стояло в ее синих глазах, когда он отворачивался? Или, может это от счастья она плакала, когда просила его остаться?!

Господи, какой же он идиот! Почему не даст ей покой, наконец? Только дергает и изматывает раз за разом.

Телефон, который замолк две минуты назад, опять начал трезвонить.

подавив желание садануть им об стенку с размаху, он глотнул еще виски.

Единственным положительным во всем этом дне оказалось то, что он хоть немного выспался. Вернувшись утром после той сцены в переулке у Кофейни, Слава понял, что вот-вот доведет себя до очередного приступа. Он уже научился улавливать первые симптомы. Сразу же выпив пять таблеток анальгетика, Слава постарался как можно больше расслабить спину.

Не то, чтобы это помогло уменьшить боль. Однако, он, по крайней мере, смог заснуть от анальгетика на три часа после того, как боль спала.

Ему снилась Наташа.

Даже сейчас его рубашка пахла ее духами, а его пальцы все еще ощущали прикосновение ее волос.

Святослав становился явно помешанным. И никакая логика, никакое понимание того, как поступать правильно — его уже не спасало.

Телефон зазвонил опять.

Вот есть же кто-то настолько настойчивый, чтоб его!

Протянув руку к мобильному, Слава посмотрел на дисплей. Звонил Андрей.

— Что тебе от меня надо? — устало спросил он, нажав на прием. — Неужели не ясно, что у меня нет никакого настроения разговаривать, Андрюх?

— Так я потому и звоню, — невозмутимо, и как обычно, жизнерадостно, ответил приятель. — Будем тебе настроение улучшать. Давай, собирайся, пойдем в клуб, — Андрей чем-то щелкнул на том конце связи. — У меня есть приглашенные на сегодняшний вечер. Только представь — восьмое марта и куча одиноких девушек, которым хоть в праздник хочется оторваться. Чем не курорт!

Святослав едва не застонал от ужаса, мысленно представив подобную картину. Как-то, по глупости, он согласился пойти на такое мероприятие с другом. И весь вечер чувствовал себя добычей, на которую охотятся сильно подвыпившие дамы. Причем, тем уже было безразлично, кто именно попадался на пути, лишь бы искомый объект оказался мужчиной.

— Нет уж, мне такого «счастья» не надо, — глотнув еще виски, открестился Слава.

— Хватит бурчать, Славка, — Андрей, судя по всему, не собирался сдаваться. — Я тебе гарантирую, что будет весело. Серьезно. Я понял, отчего ты в таком паршивом настроении в последнее время, — друг хохотнул в трубку.

Святослав скептически хмыкнул, сильно сомневаясь, что тот, в самом деле, знает.

— Тебе просто нужна женщина! — с таким воодушевлением произнес Андрей, будто открыл рецепт лекарства от рака. — А то эта работа тебя совсем вымотала, некогда и нормально расслабиться было. Так что, я не принимаю отговорок.

Слава задумчиво крутил стакан в пальцах, взбалтывая виски, и молчал, прижав телефон к уху.

— Агов, Славка, ты еще там? Слава? — окликнул его Андрей, не дождавшись такого же восторженного отклика с благодарностями на свое приглашение. — Ты меня слышишь, Слав?

В слабом свете одной лампочки, которую он специально поставил на приглушенное освещение, янтарная жидкость переливалась теплыми, солнечными всполохами.

— Ты поведешь, — Святослав поставил стакан на столешницу, и встал со стола. — Я уже выпил. За десять минут доберешься? — требовательно спросил он у друга.

Тот одобритительно хмыкнул.

— Даже раньше буду.

— Давай, — Святослав положил трубку.

Андрей все же опоздал. Правда на пять минут, что для того было почти рекордом. Потому Слава молча сел в автомобиль друга, не придираясь.

Он не удосужился переодеться или побриться. Даже пиджак новый не взял, взамен того, в который укутал Нату. Так и поехал в брюках, мятой рубашке и немного ослабленном галстуке, игнорируя осуждающий и недовольный взгляд Андрюхи.

Впрочем, мнение друга по этому поводу его мало интересовало. Потому что, вопреки мыслям Андрея, Святослав ехал в ночной клуб не снимать барышень, а продолжить то, что начал дома.

Он планировал напиться.

Вот только не был уверен, что ему стоит и дальше оставаться одному.

Потому что, когда Слава проснулся днем, с осознанием того, что Наташа в его объятиях — исчезла вместе со сном, и только ее аромат, оставшийся с утра, дразнит его обоняние, мучая неосуществимыми картинками. Когда выпил еще одну таблетку болеутоляющего — Слава, как-то, вроде бы некстати, подумал о том, что в сейфе подвала хранится его охотничье ружье, разобранный и разряженный, как того требовали правила. А коробка с патронами стоит на верхней полке справа в том же подвале...

Потому, поймав себя на повторном проскальзывании этих мыслей, когда рассматривал отблески света в бокале, Святослав не посчитал разумным оставаться в одиночестве.

Лучше уж пить в полном людей баре, наблюдая, как Андрей флиртует, чем оставаться один на один с подобными, бредовыми идеями.

После всего случившегося, Святослав перестал считать себя разумным и адекватным.

Через три часа он решил, что лучше бы, все же, остался дома и застрелился. Это было бы более здравой идеей, чем тратить время на такое.

Напиться, во всяком случае, до желаемого состояния забытья, ему так и не дали. Более того, Слава оказался вынужден поддерживать беседу за столиком с совершенно незнакомой ему девушкой, пока Андрей напропалую флиртует с ее подругой.

Его собеседница достаточно прозрачно намекала Славе, что и сама не против перейти к более близкому знакомству. Но Святослав упорно делал вид, что не понимает ее авансов, и продолжал обсуждать погоду и котировки акций на бирже, так как девушка утверждала, что имеет экономическое образование.

Но, все. Хватит. Его терпение кончилось.

С громким стуком поставив свой стакан на столик так, что виски расплескалось, он (о, чудо!) привлек внимание друга.

— Отвези меня домой, — наклонившись к Андрею, отрывисто и тихо попросил Святослав, уже прикидывая в уме, что тот вряд ли согласится, и стоит просто вызвать такси.

— Да ты чего, Слав, весело же? — немного удивленно посмотрел на него Андрей. — И потом, девушки. Нельзя же их разочаровать в такой день, — он подмигнул другу.

Скривившись со всем скепсисом, который испытывал в эту минуту, Святослав пожал плечами, и просто встал.

Его все бесило в этом моменте. Этот клуб, в котором играла чересчур громкая и совершенно неприятная музыка. Эта девица, не умеющая поддержать элементарный разговор, даже его друг, который вытащил Славу сюда — вызывал раздражение.

Он просто вызовет такси и вернется домой.

Однако, к удивлению Славы, Андрей догнал его через два метра.

— Какая муха укусила тебя, в последнее время, Слав? — немного раздраженно бросил друг. — Чего ты на всех срываешься? Что произошло?

Слава только мотнул головой.

— Возвращайся к своим барышням, я такси вызову, — устало пробормотал он, даже не стараясь перекричать рев музыки.

Но Андрей услышал.

— Да ладно, пошли уж, — друг проталкивался к выходу рядом с ним. — Я тебя сюда вытащил, я и отвезу.

Они с трудом выбрались из зала и облегченно вздохнули, оказавшись на улице. Правда, к вздоху Андрея все же примешивалось некоторое сожаление об упущенной возможности.

— Слав, серьезно, что происходит? — спросил Андрей, уж заводя машину. — Я стараюсь тебя хоть немного растормошить, но чем дальше, тем больше ты впадаешь в какую-то... депрессию, что ли, — он покачал головой, выруливая на дорогу.

— Просто отвези меня домой, Андрюха, — Слава откинулся на спинку сидения и уставился в ночь за окном. — Психолог из тебя... как из меня танцор, — он даже не обернулся, когда Андрей хмыкнул.

Некоторое время они ехали в полном молчании. Машин на дорогах было довольно много, очевидно из-за праздника, и Андрей сосредоточился на вождении.

А Слава... он просто смотрел на улицы, мимо которых они ехали, стараясь опустошить мозг от любых мыслей.

Но так продолжалась только до тех пор, пока перед глазами не мелькнул огнями вывески в темноте знакомый магазинчик, за которым, через двадцать метров, Слава точно знал, был поворот.

— Тормози, — резко бросил он другу, ничего не объясняя.

Андрей сбросил скорость и удивленно посмотрел на Славу.

— Тебе плохо? — осторожно уточнил он, внимательно приглядываясь.

«Наверное, пытался вспомнить, сколько я выпил», решил Святослав, «или просто, беспокоится об обивке сидений».

— Поверни направо, — он махнул рукой, указывая на проезд, ведущий во дворы.

— На кой черт? — удивился Андрей.

— Просто поверни, — с нажимом повторил Слава, напряженно всматриваясь в слабоосвещенную площадку перед многоэтажным домом.

Андрей хмыкнул, пожал плечами, но таки заехал во двор.

— Останови тут, — едва машина затормозила, Слава открыл дверцу.

— Слав, да что ты творишь? — Андрей таки возмущился и, наклонившись, помешал ему выйти, не отпуская дверь. — Это не твой двор, не твоих родителей. Я не удивлюсь, если ты в первый раз его видишь. А ты прилично выпил. Я не дам тебе выйти тут.

Святослав скривился. Думал беспечно ухмыльнуться, да только вышла какая-то гримаса.

— Все нормально, Андрюх, серьезно, — он хлопнул приятеля по плечу, придавая своему тону легкость, которой не испытывал. — Я вон там, — он мотнул головой вбок, — на скамеечке посижу пару минут. Проветрюсь. И вызову такси, обещаю.

— Слав, у тебя — частный дом. Свежего воздуха — навалом, что ты мелешь? — Андрей не собирался соглашаться. — Про какое «проветрюсь» заливаешь?

— Андрей, — он посмотрел другу в глаза. — Езжай домой, не надо оно тебе, честное слово, — Слава надавил на ладонь приятеля, заставив того отпустить ручку. И, распахнув-таки дверь, вышел из машины. — Я посижу десять минут, и поеду. Просто..., — он сжал пальцы, хрустя суставами. — Мне подумать надо. Давай, убирайся.

Кивнув на прощание, он захлопнул дверь, не давая Андрею возразить.

И не оборачиваясь, пошел к скамейке, на которую указывал ранее.

На улице оказалось довольно прохладно. И даже пальто, которое он надел поверх рубашки, не особо спасало.

Может, стоило его застегнуть?

Но Славе было лень.

Он обернулся, наблюдая за тем, как машина Андрея, все же выехала со двора после некоторого колебания водителя. И, с глубоким вздохом, уселся на холодную скамейку, уперевшись локтями в бедра. Потер ладонями лицо и запрокинул голову.

В окнах Наташи света не было. Но машина стояла на обычном месте. А значит, он сейчас был рядом с ней.

Потерев затылок ладонями, Слава устался себе под ноги.

Андрей припарковался сразу за поворотом, заглушив мотор и погасив все фары.

Черта лысого он оставит Славку одного в каком-то непонятном дворе, когда друг в таком состоянии.

Андрей опустил стекло, не обращая внимания на ночной холод ранней весны, чтобы не пропустить, если другу вдруг понадобится помощь.

Святослав, как и говорил, уселся на какую-то лавку под подъездом, и просто сидел. Периодически растирая лицо и голову ладонями.

Он даст ему эти чертовы десять минут, а потом заставит Славку сесть в машину и отвезет домой. Даже, если для этого потребуется применять силу.

Однако планам Андрея не суждено было сбыться.

Через девять минут дверь подъезда, у которого Слава сидел, открылась с негромким скрипом. Андрей напряженно всмотрелся в темноту, прикидывая, может ли этот неизвестный оказаться хоть какой-то угрозой для друга. И... выругался вслух, да так громко, что испугался себя

выдать, когда узнал эту невысокую, хрупкую фигуру и растрепанные короткие волосы.

Наташа, кутаясь в куртку, остановилась прямо напротив Славы, и в тишине двора Андрею был прекрасно слышен их разговор.

Хотя, вероятно, не стоило слушать.

Глава 16

Наташе показалось, что Слава узнал ее шаги, едва она вышла из подъезда. Во всяком случае, он еще ниже наклонил голову, и постарался не отреагировать, когда она остановилась рядом. Но Ната видела, как сильно он сцепил пальцы рук, которые держал перед собою.

— Слав, что ты тут делаешь? — тихо проговорила Наташа.

Не удержавшись, она протянула руку и пригладила растормошенные пряди у него на голове. Отчего колокольчики на браслете тихонько зазвенели.

— Сижу, — лаконично ответил Святослав, не посмотрев на нее.

Но и от касания не отстранился. Наоборот, дернулся, будто хотел потянуться за ее пальцами, и сам себе не позволил.

Что сидит, она и без объяснений заметила. Потому и спустилась, увидев Славу в окно. Одно дело, когда он сидел в машине. Но вот так, в расстегнутом пальто, без пиджака, только в рубашке, которая выделялась в ночи белым пятном...

Наташа не смогла смириться с подобным неразумным поступком.

— Холодно, — не более многословно констатировала она и, осмелев, спустилась ладонями на его лицо, обхватив щеки Славы.

— Холодно, — согласился он, сопротивляясь ее попыткам поднять его голову. — Иди домой, простудишься.

— Ты повторяешься, — она фыркнула, со стойким ощущением «де жав ю».

Но все равно, постаралась сохранить непринужденный тон. Пусть внутри у нее все сжималось после утренней сцены, и она мало, что понимала в поведении этого мужчины, однако за прошедший день, который провела в полном одиночестве, Ната успела все обдумать и переосмыслить. И осознала одну простую истину — теперь, зная, что имеет значение для него, она не отступится. Даже если он будет и дальше вести себя как последний грубиян, а потом огорошивать ее такими «сюрпризами», она готова бороться за то чувство, которое испытывала к Славе. Пусть и приходилось воевать с ним самим.

— Зачем ты сидишь на холоде? — опять спросила Наташа, надавив своими ладонями, чтобы приподнять его голову и, наконец, заставила Славу посмотреть на нее.

Он был пьян. Ну, или, во всяком случае, гораздо более выпившим, чем она видела Святослава за все это время.

Но Ната ни капли не испугалась.

Он же промолчал, просто смотря на нее.

Наташа закусил губу, видя это опустошенное, безнадежное выражение его зеленых глаз. А потом, Слава неожиданно повернул голову, и поцеловал центр ее ладони.

И снова поднял лицо, только глядя теперь куда-то мимо нее, в небо.

— Желание на звезду загадываю, — хрипло, с издевкой над тем, что говорил, произнес Слава тогда, когда Ната уже решила, что он не ответит. — Мне говорили, что это — проверенный способ, когда ничто другое не поможет.

Наташа даже дышать перестала от этих слов. Ей хотелось обнять его, хотелось поцеловать, сделать что угодно, лишь бы он не говорил с такой безнадежностью. Лишь бы не издевался над собой, за то, что так хочет изменить что-то, ей неизвестное.

Моргая, чтобы он не увидел слез, которые появились в ее глазах, Наташа и сама запрокинула голову, продолжая обнимать его лицо ладонями.

— Пасмурно, — ей не удалось проговорить это невозмутимо. Голос ломался, вот-вот грозя оборваться во всхлип. Но она держалась. Пусть и из последних сил. — Звезд не видно.

Он криво усмехнулся, она ощутила это движение его губ руками.

— Мою звезду эти тучи погасить не смогут, — тихо пробормотал Слава, так, что ей пришлось напряженно вслушиваться даже в тихом и пустом дворе. А потом, Наташа опять ощутила касание его губ к своему запястью, туда, где едва слышно позвякивал колокольчиками браслет.

— Слава, — она опустила лицо, уже не обращая внимания на то, что одна предательская слезинка сорвалась с ресницы, упав на его щеку. — Холодно, пошли в квартиру.

— Плохая идея, Ната, — хрипло ответил он, зажмурившись. — Возвращайся домой, нечего тебе ночью на улице торчать.

— Не пойду, — покачала она головой. И еще две слезинки упали Славе на щеки. — Или ты пойдешь со мной туда, где тепло, или я буду сидеть с тобой здесь, где холодно.

Он стиснул зубы, но Наташа все равно услышала, как Святослав выругался.

Вдруг, совершенно неожиданно, она ощутила, что он расцепил, наконец, свои пальцы, и крепко обхватил ее за бедра, притянув к себе. Ната почувствовала холодное, немного колючее касание щек Святослава, когда он уткнулся лицом ей в живот, между курткой и коротким топиком от пижамы, которую она не успела сменить на что-то более теплое, увидев его во дворе.

Наташа даже не вздрогнула от этого касания. Только кожа ее покрылась мурашками, а воздух перестал попадать в легкие, когда Слава резко вдохнул и издал какой-то низкий, сиплый звук, и не стон, и не ругательство, осознав, что касается губами ее обнаженного живота.

— Не плачь, солнышко, пожалуйста, не надо, — отрывистым, надломленным голосом попросил он, еще крепче сжав руки, чтобы прижать ее к себе. — Только не плачь. Я так хочу, чтобы ты всегда улыбалась.

— Невозможно радоваться всегда, Слава, — Наташа и сама, обняв его затылок, наклонилась, шепча слова Святославу в волосы.

— Но я хочу, чтобы ты была счастлива, — с непробиваемым упрямством выпившего человека,

заявил он.

Она усмехнулась от такого требования, вытирая глаза пальцами.

— Это сложно, Слава. Как я могу быть счастлива, если ты даже кофе со мной выпить не хочешь? — спросила она, второй рукой погладив его щеку.

Он открыл рот, чтобы что-то ответить.

Замер. И глубоко вздохнул, потершись щекой о теплую кожу Наташи.

— Мне не стоит пить с тобой кофе, солнышко, и мое желание роли не играет. Это не добавит тебе счастья, — тихо произнес Святослав ей в живот.

Она хотела бы возмутиться. Хотела бы резко и непримиримо сказать ему, насколько он неправ. Но одно Наташа поняла — этого мужчину невозможно переспорить, если тот что-то вбил себе в голову. Только незаметно, исподволь показывать, что и его точка зрения не всегда оказывается верной.

— Может быть, ты позволишь и мне участвовать в принятии решения? — стараясь сделать свой голос ровным, спросила Наташа, раз за разом проводя по его волосам пальцами. Словно в попытке приручить лаской дикого зверя. — В конце концов, это же мое счастье. И я могу определить те факторы, которые дарят его мне.

Святослав снова замер.

Сжал свои пальцы на ее бедрах так, что Наташе даже стало немного больно и, подняв голову, как-то растерянно, едва ли не испуганно посмотрел на ее лицо. Было в его глазах что-то. То ли сомнение, то ли надежда. Наташа не смогла бы с уверенностью различить ту смесь эмоций, которая отразилась на уставшем любимом лице.

От этого взгляда она забыла о том, что они находятся в ее дворе. Забыла о холоде, и коварном ветре, пробирающем до костей. Все, что Наташа чувствовала — это его руки на своем теле, его дыхание на голой коже своего живота под полами куртки. И такую надежду, что сердце заходило ударами едва ли не в горле, мешая соображать ясно.

— Но ты даже не представляешь, чего это будет стоить, — неясно для Наташи, после долгого молчания, прошептал Святослав, опять уткнувшись губами ей во впадинку пупка. — Совершенно не знаешь...

Она не поняла. Но и переспросить побоялась.

А в сознании мелькнула странная идея, что возможно сейчас, когда Слава довольно сильно выпил, ей будет проще узнать, что же с ними случилось...? Однако и продолжать сидеть на улице — не хотелось. Она действительно волновалась о здоровье этого упертого и непримиримого мужчины. Слишком много он значил для нее. Слишком. Практически все...

Наташа поежилась. Специально. С удовлетворенной радостью в душе отмечая, что его объятия после этого ее движения становятся крепче.

Плевать на все, что он говорил. Она ему совершенно не безразлична. И ее единственный шанс — сыграть на этом.

Достаточно громко вздохнув, она попыталась отступить на шаг.

Слава не пустил, даже на миллиметр не ослабил своего захвата.

«Поразительная непоследовательность», довольно отметила Ната.

— Подвинься, — обратилась она к Святославу. — Я сяду рядом.

— Ты с ума сошла?! — Слава возмущенно вскинул голову, а потом, уперевшись одной рукой в скамейку, оттолкнулся, постаравшись выпрямиться.

Его немного повело, но Слава быстро восстановил равновесие. Все это заняло не больше пары секунд. И вот теперь, он уже стоял, нависая над ней, но так и продолжал обнимать Наташу.

— Ты не будешь сидеть здесь на холоде в одной пижаме, — отрезал Слава, и обнял Наташу так, чтобы укутать лапами своего пальто. Она испытала почти блаженство, ощутив тепло его тела и вдохнув такой любимый запах его кожи, пусть и смешанный с нотками алкоголя. — Я запрещаю!

Ей показалось, что указывать на неуместность подобного заявления со стороны Славы будет неправильным стратегическим шагом.

Потому Ната только сдержанно улыбнулась куда-то, в район его груди, и передернула плечами.

— Но ты же сидишь?

— Я — не тот, на кого стоит равняться, — Святослав так же передернул плечами, говоря о себе так, словно о чем-то неважном. — Ты тут сидеть — не будешь!

Наташа вскинула голову, глядя в его напряженное, волевое лицо.

— Тогда, тебе самому придется отвести меня домой, — она вздернула бровь с насмешкой и некоторой долей вызова. — Одна я не пойду. Буду сидеть здесь, с тобой.

Он тряхнул головой, бормоча проклятия. И тяжело вздохнул. Один раз. Второй.

— Это, действительно, плохая идея, солнце, — все с той же горечью, прошептал Слава. — Совершенно нелепая. Я не смогу отвести тебя домой и... уйти, — он замолчал, опять передернув плечами.

Его руки сильнее обняли ее, прижимая Наташу к себе крепко-крепко.

Она знала, что он ощущал. Просто потому, что сама испытывала то же самое. И не собиралась его отпускать. Этот разговор начинал ей напоминать детскую игру в «гляделки». Вот только, вместо немигающих взглядов, они пытались «переглядеть» один другого словами и собственным упрямством.

— Тогда, я останусь тут, на улице, — Наташа попыталась отстраниться, чтобы, сев на лавку, наглядно продемонстрировать, что именно собирается сделать.

— Черта с два! Ты пойдешь домой, и ляжешь спать, укрывшись теплым одеялом! — Святослав крепче сжал ее плечи, и встряхнул Наташу, будто бы так пытался настоять на своем.

Хороший план. Просто прекрасный. Но на ее условиях.

— Только с тобой, — обняв его за талию, со вздохом прошептала она.

Слава напрягся. Поднял одну руку, обхватив ее подбородок пальцами, и заставил Натю посмотреть ему в глаза.

— Господи, солнышко, ты же ни черта не понимаешь, о чем просишь, — каким-то надсадным голосом просипел Святослав.

Она даже испугалась такой интонации, на секунду испытал желание зажмуриться.

— Пошли, — со вздохом признавая, что проиграл этот спор, Слава, не размыкая объятий, потянул ее к двери подъезда, по памяти набрав код, — я отведу тебя домой. А потом вызову такси.

«Черта с два», ответила Наташа Славе про себя его же словами.

Она споткнулась на пороге своей квартиры.

Специально.

Так, чтобы оказаться между Славой и дверью.

Наташа была готова идти на любые уловки, чтобы удержать этого мужчину возле себя еще хоть ненадолго. А лучше, навсегда.

Святослав подхватил ее, не дав упасть, но и сам пребывал не в том состоянии, чтобы нормально сохранить равновесие. В результате его маневра, они оба навалились на стену коридора, ощутимо приложившись плечами. Но все равно, им стало весело. И она добилась своей цели.

— Ты не ударилась, солнце? — усмехнувшись, Слава нежно погладил ее по щеке, но уже через секунду, не успела Ната и головой покачать, его лицо опять помрачнело, и он сжал пальцы.

Наташа сделала вид, что не заметила этого. Сбросила куртку на пол.

— Нет, нормально, а ты? — все равно продолжая улыбаться, она ладошкой накрыла его пальцы, не дав их убрать от своей кожи.

Не ожидая ответа, Наташа развернулась и, захлопнув дверь второй рукой, щелкнула замком.

— Ната, — ладонь Славы легла поверх ее пальцев на щеколду. — Не надо. Ты дома — мне пора уходить.

— Нет, — она упрямо покачала головой, с упоением отмечая, что он обнял ее со спины, может, и сам не заметив.

И теперь, одна его рука, под ее пальцами, лежала на ее лице, а вторая, наоборот, покрывала руку Наташи, в то время как сама Ната оказалась между ними, прижатая спиной к торсу Святослава.

Она ощущала на коротких прядках волос на затылке дыхание Славы, грубоватое трение его пальто на голых плечах, и от этого обилия таких желанных ощущений — по коже бегали мурашки.

— Ната, — Слава немного надавил на ее ладонь. — Я должен уйти.

— Ты должен согреться, Слава, — с непревзойденной убежденностью возразила Наташа, еще крепче прижавшись к нему. — И потом, я не отпущу тебя никуда в таком состоянии.

— Я в норме, Ната, — прервал ее Святослав. — До такси дойду.

— Нет, — для большего весу, она покачала головой. — Сначала ты выпьешь кофе, а потом — посмотрим.

— Ната..., - он тяжело вздохнул, наклонившись ниже к ее плечу, так, что губы Славы почти касались щеки Наташи, — солнышко, не стоит.

Но она слышала его участившееся дыхание.

— Пожалуйста, Слава, — Наташа закусил губу и моргнула, не замечая, что последние пару минут смотрит в одну и ту же точку на двери. — Я тебе с карамелью кофе сделаю, честно. И шоколадом угощу, у меня есть...

Она задохнулась, почувствовав, как его рука сильнее надавила на щеку, прижав голову Наташи к плечу Славы, а вторая ладонь, отпустив ее руку, с нажимом обхватила Натю за талию.

— Глупая, — тихо, хрипло, почти с болью, но настолько нежно прошептал Святослав ей на ухо, что Ната не смогла вдохнуть. — Опять меня сладким пытаешься приманить?

Она хотела сказать, что «даже и не думала», но в этот момент губы Славы коснулись ее скулы, и скользнули дальше в легкий поцелуй. Рука Славы, мягко поглаживая лицо Натю, спустилась на шею, и он нежно обхватил ее, дразня большим пальцем чувствительное место, в котором бился пульс.

Святослав поцеловал ее щеку. Дошел до мочки уха и, обхватив ту губами, втянул себе в рот, перекачивая языком, словно бы пробовал на вкус Наташу.

Вместо слов у нее с губ сорвался придушенный низкий стон, а бедра, без всякого участия разума Наташи, дернулись, плотнее прижимаясь к паху Славы.

Он был возбужден. Она отчетливо ощутила, как его твердая плоть уперлась ей как раз между ягодицами.

От такого порыва Наташи, низко застонал и сам Святослав.

— Ты — слаще всего, — гортанно пробормотал он.

Отпустив ее горло, Слава уперся ладонью в дверь над головой Натю, продолжая целовать ее шею и затылок. И еще сильнее прижался к ней, обхватив горячей ладонью живот Натю, оголенный топилом пижамы, едва не распластав Наташу на полотне двери. Впрочем, она и не подумала бы сопротивляться. Ее собственные пальцы упирались в дверь, царапая лакированное дерево.

И вдруг, все прекратилось.

В один миг.

— А, чтоб меня! — Слава резко отстранился от ее шеи, и Наташа почувствовала, как он

тряхнул головой, словно в попытке прояснить мысли. Ей бы это тоже не помешало. В разуме не было ни одной связной идеи, кроме тумана желания. — Что же я делаю, черт возьми? — неясно у кого, опустошенно поинтересовался Святослав, и напряженно, медленно, оттолкнулся от их опоры, стремясь увеличить расстояние между собой и Наташей.

Нет! Она не могла, не хотела допустить такое!

— Слава, — Наташа подняла руки, обняв его шею. Не пуская. Не позволяя отступить. — Не надо...

Он глубоко вздохнул. Обхватил ее кисти ладонями, и скользнул вдоль предплечий, глядя кожу кончиками пальцев.

— Отпусти, солнышко, пожалуйста, — сипло прошептал Слава. — Мне действительно лучше уйти. Пока я еще в состоянии...

Ей понравилась эта оговорка. Она обнадеживала.

Наташа покачала головой и еще сильнее вцепилась в его шею

— А если я загадаю желание на звезду? — тихо, стараясь поглубже набрать воздух в легкие, она откинула затылок на его плечо и потерлась щекой о Славино пальто. — Если я загадаю ночь с тобой? — боясь посмотреть ему в лицо, тихо, но уверенно проговорила Наташа.

Святослав застыл.

Наташа слышала, с каким усилием он втянул в себя воздух, и как захрустели суставы его пальцев, когда Слава, отпустив руки Наты, сжал их в кулаки.

Он не мог поверить в то, что слышал.

Возможно, Слава просто был пьянее, чем сам считал, и теперь ему чудилось в ее словах то, чего Ната не говорила, но он так отчаянно желал бы услышать?

Да какая женщина, после всего, что Слава наговорил вот в этом самом коридоре, смогла бы такое сказать?

Никакая.

Только она — его Ната. Он не знал никого честнее и смелее Наташи. Не знал никого, кто мог бы так открыто смотреть своим страхам в лицо.

И эти слова — они только подтвердили такое мнение.

Вот только... что он мог ей ответить?

Несмотря на дикое, голодное желание, которое Святослав испытывал в это мгновение, несмотря на все, что так хотелось произнести, Слава не мог согласиться. Он принял решение и должен был ему следовать, чтобы не причинить этой женщине еще большей боли.

Но... Святослав знал, сколько мужества требуется, что произнести то, что она сейчас сказала, и помнил, что чувствуешь, когда думаешь, будто самый дорогой человек отвергает тебя.

— Солнышко, не будет от этого ни черта хорошего..., - почти с ожесточением, сипло проговорил Слава ей в затылок.

Она сильнее сжала пальцы, так, что ногти впились в ладони, он видел.

— Что ж, видно на мою звезду, облачность влияет, — глухо констатировала Наташа, опустив руки. — Не везет мне, однако, — она попыталась криво улыбнуться, пусть и продолжала стоять спиной к Славе и, наклонив голову, отступила вбок, чтобы освободить ему проход. — Прости, что...

Святослав не дал ей договорить. Не позволил отстраниться. Не хотел. Не мог слышать опустошение в голосе любимой, будь он проклят!

С проклятием, которое пробормотал ей почти в самое ухо, Слава дернул Наташу на себя, не отпустив и на шаг, и уткнулся лицом в спину, там, где в основании шеи начиналась впадинка позвоночника. Его ладони, накрыв ее живот, заставили Наташу опять вернуться в исходное положение, до невозможного крепко прижав к собственному твердому, возбужденному и напряженному телу.

— Ты действительно считаешь, что я не хочу тебя? — вдруг, послав все к чертям, произнес он, каким-то, совершенно диким, требовательным голосом.

— Разве не в этом ты пытаешься меня убедить последний месяц? — с горьким смешком спросила Наташа, но не отстранилась, не попыталась снова высвободиться. — А я, как последняя дура, все еще на что-то надеюсь...

Он не мог такого слышать.

А потому, Слава сделал единственное, что пришло в его пьяную голову, и закрыл ей рот ладонью. Не придавливая, просто мешая такое о себе говорить.

— Никогда так не говори, — яростно возразил он, продолжая шептать у самого ее уха. — Не смей! — Святослав не смог удержаться и опять начал целовать ее шею и подбородок, так и удерживая руку на губах Наты. — И потом, — понимая, что совершает чертовски грандиозную ошибку, он все же не смог удержаться. — Я же не отказался...

Послав к бесу все правильное, что так долго не подпускало его к Нате, Святослав надавил ей на подбородок и, заставив Наташу изогнуться, впился в такие желанные губы поцелуем. Жадным, потому что соскучился по ней, голодным и диким, потому что не было сил сдерживаться. И немного жестким, потому, что до дрожи в своих, и так ненадежных ногах, боялся, что она сейчас просто пошлет его куда-нибудь подальше. И, что тяжелее всего было признать — будет совершенно права.

Но Наташа, как и обычно, опровергнув все его знание о мире, не только не оттолкнула Славу, а послушно выгнулась, позволяя целовать себя так, как ему вздумается.

А потом, извернувшись в его напряженных руках, обхватила шею Славы. И ответила на поцелуй с такой страстью, что он не удержался от еще одного то ли проклятия, то ли стоны, крепче упершись плечом в дверь.

Она, вероятно, сходила с ума.

А может, уже давно являлась сумасшедшей.

Наташа не могла бы утверждать, что сейчас в состоянии уловить разницу между будущим, настоящим и прошедшим.

Все, что определяло ее реальность в этот миг — это руки, губы, тело Святослава, прижатое к ее телу.

Она заставила себя забыть о том, что он говорил месяц назад, о том, как стремился уйти сегодня — и постаралась довериться тому, что чувствовала.

В конце концов, Слава остался. И в том, что она возбуждает его — не могло возникнуть никаких сомнений, учитывая то, насколько напряженным был его пах, к которому Святослав прижимал бедра Наташи.

И потом, те слова, которые он говорил, то, как он целовал ее сегодня — все это опять возвращало ей веру.

Ну а то, что побороть упрямство этого мужчины будет непросто — разве Наташа не готовила себя к этому?

Она погладила его затылок, упиваясь тем, как от такого легкого и простого ее касания в теле Славы напрягается каждая мышца. А дыхание ее любимого мужчины — становится тяжелее и чаще.

Не отрываясь, не отстраняясь от его требовательного рта, который все это время целовал и мучил ее губы, Наташа спустилась ладонями на шею Славы и, погладив его плечи, потянула за узел галстука, в попытке его развязать. Ей до дрожи в руках хотелось, наконец-то, опять прикоснуться кожей к коже.

В этот же момент, одна его ладонь легла поверх ее пальцев, но вторая, так и удерживала затылок Наты, а пальцы Славы перебрали ее волосы.

— Осторожней, — шепнул Святослав ей в губы. — Я очень дорожу этим узлом, — он потерял колючей щекой о скулу Наты, и опять вернулся ко рту, втянув в себя и дразняще прикусив ее верхнюю губку. — Мне его завязывала... любимая женщина, — почти неразличимо добавил он, новым поглощающим поцелуем, мешая ей хоть что-то ответить. В то же время его рука, отпустив ее пальцы, одним движением задрала майку пижамы. С хриплым, довольным вздохом Святослав обхватил грудь Наты ладонью.

«Это что было?! Признание в любви?!»

Наташа поняла, что ухватилась за его плечи дрожащими руками, не в силах хоть что-то сообразить. В голове шумело, а по телу, мешая пониманию, разливалась жаркая волна, от продолжающихся игр пальцев Славы с ее сосками.

Черт побери этого мужчину! Вот что с ним делать?!

— Я завяжу тебе новый, — голосом, который сама никогда бы не признала своим, прерывисто прошептала Наташа.

И уже не сдерживаясь, потянула за ленту его галстука.

Слава только немного отклонился, помогая ей снять аксессуар, а потом, пригнул голову ниже, накрыв губами ее сжавшийся, острый, чувствительный сосок, и втянул его в рот. Прошелся по тому языком в горячей и влажной ласке, заставив Наташу упереться затылком в дверь, чтобы еще полнее подставить свою грудь под его губы. И только после этого, резко поднял голову, потемневшими глазами глядя в ее лицо, совершенно не сопротивляясь тому, что Ната расстегивала его рубашку.

— Мне безумно нравится твой коридор, солнце, — Слава потер пальцами ее скулу, обвел контур припухших, приоткрытых губ. И смотрел так, будто готов был здесь же наброситься на нее. Она могла в это поверить. — Но, может, все-таки, вопреки традиции, доберемся до кровати?

Вообще-то, ей было все равно.

В этот момент Наташа согласилась бы заняться с ним сексом и на полу прихожей. Но даже в таком возбужденном угаре, она помнила о том, что Славе просто может быть не очень комфортно здесь и сейчас. А ей меньше всего хотелось, чтобы этого мужчину что-то отвлекло.

Потому, кивнув, она потянула его за собой по коридору, что, в общем-то, совершенно не мешало Святославу продолжать самозабвенно целовать ее затылок и шею. А так же, благополучно, избавлять Наташу от одежды, оставляя ту на полу по пути их продвижения.

Когда они добрались, все же, до ее спальни по темным комнатам, на Наташе остались только кружевные стринги. Славе удалось сохранить брюки и носки. Впрочем, с последними он тут же распрощался, воспользовавшись тем, что наклонился, вновь целуя грудь Наташи.

Потянувшись к ремню его брюк, она отступила вбок и... споткнулась. Только теперь, по-настоящему. А точнее, нога Наташи поехала на том самом плетеном вручную коврик, который ей настолько нравился, но безбожно скользил по лаку паркета.

С удивленным вздохом, она упала на кровать, оперевшись в матрас ладонями. И подняв голову, обернулась, немного потерянно глядя на Славу.

Он честно старался не улыбнуться. Но эта попытка не увенчалась успехом. И Святослав расхохотался, самостоятельно закончив расстегивать брюки. Она попыталась развернуться. Но Слава, положив руки ей на спину, не позволил и, в свою очередь, оперевшись коленями о матрас, обнял Наташу сзади. Горячие ладони обхватили ее грудь, и Наташа не удержала стон, ощущая твердый и требовательный захват его пальцев на своих сосках.

— Я еще не встречал более..., - он на миг замолчал, припав губами к затылку Наташи, — «нестабильной» женщины, чем ты, солнце. Совершенно не представляю, как ты еще цела, — губы Славы спустились ей на плечи, и он жадно вдохнул, втягивая в себя запах ее кожи. — Даже мне далеко до тебя.

Она попыталась возмущенно фыркнуть, хотя дыхания и не хватало.

— Вообще-то, я не была такой, пока с тобой не познакомилась, — с шутливым упреком пробормотала Наташа срывающимся голосом, и подалась назад бедрами, крепче прижавшись к возбужденной, горячей и твердой плоти Славы.

— Не верю, — он покачал головой, и она задрожала от колючего трения его небритых щек по коже, между ее лопатками. — Ты постоянно спотыкаешься с момента нашего знакомства, — одна рука Славы уперлась в матрас перед ее плечом, из-за чего Наташа была вынуждена

выгнуться, а второй, он уже добрался до влажного, пульсирующего жара между ее бедрами.

Слава резко втянул в себя воздух, ощутив, насколько она его хочет. Его пальцы сжались, сминая, оттягивая вниз кружево ее стрингов, и Наташа всхлипнула, задохнувшись, когда почувствовала прикосновение горячей головки его члена.

Вдруг, Святослав уперся лбом в ее спину и замер.

— Черт возьми, Ната! Ты опять лишаешь меня всякого здравого смысла, — сквозь зубы прошептал Слава, но, казалось, был не в силах отстраниться полностью, так и двигал бедрами, дразня ее прикосновениями, от которых все внутри Наташи пульсировало, требуя большего. — Мы снова забыли о презервативах.

С тяжелым вдохом, он отстранился, начав выпрямляться, очевидно, потянувшись к брюкам.

Но Наташа вдруг осознала, что больше не выдержит. Он был нужен ей сейчас, в эту секунду, весь, полностью, без всяких резинок!

— Пошли они к черту, — закусив губу, прошептала Ната, и дернулась бедрами назад, разом избавив Славу от потребности волноваться о безопасности.

Он чертыхнулся, обхватил ее попку ладонями и так крепко сжал пальцы, будто хотел остановить Наташу.

Однако сдался такому напору, толчком погружаясь еще глубже. И застыв в этом положении, прижался лицом к ее затылку.

Губы Славы шевельнулись, когда он что-то прошептал, заставив тело Наты сжаться от раздражающего скольжения тихих, почти беззвучных слов по ее нервам.

Она хотела переспросить, не услышав ничего, кроме «... тебя, солнце». Да и в этом не была уверена.

Однако в эту минуту Слава начал двигаться, то выскальзывая из ее тела, то вновь погружаясь внутрь нуждающегося жара, и Наташа забыла обо всем на свете.

Никому из них двоих не под силу оказалось сдерживаться. Слишком сильно оба скучали. Слишком нуждались в этом ощущении — когда не было расстояния между ними. Святослав не удержался, забыл об искушающем, медленном скольжении. Сбился, срываясь в нуждающийся, покоряющий ритм, раз за разом все сильнее и требовательнее покоряя ее тело. Пока, наконец, с низким стоном, они оба не упали на кровать, потерявшись друг в друге, испытав один оргазм на двоих.

Глава 17

Слава посмотрел на часы. В пятый раз за последние полчаса.

Без двадцати минут шесть утра.

Ему бы стоило уйти. Но никак не получалось заставить себя встать и лишиться тепла сонного тела Наты.

Святослав бодрствовал уже три часа.

И проснулся он с пониманием, которое оглушило его, поставило с головы на ноги все, в чем Слава видел до этого смысл.

Но не об этом он думал все это время.

Открыв глаза в ее постели, Слава понял, что половину ночи обнимал Наташу во сне, а она — прижималась к нему настолько крепко, что еще немного и могли бы остаться синяки на плечах от захвата ее пальцев.

И все прошедшее с пробуждения время — он продолжал лежать в том же положении, наплевав на занемевшую спину и простреливающие боли в ногах.

Святослав смотрел на ее спокойное, умиротворенное лицо, на губы, чуть натертые его, немного грубоватыми после долгой разлуки поцелуями. Впитывал в себя вид каждой любимой черточки, каждый вздох, срывавшийся с тех самых губ во сне, каждое движение глаз под закрытыми веками.

Он обожал эту женщину. Любил.

Господи! Нет, это, определенно, было не то слово. Не настолько обыденно и мелко. Нечто большее, такое, что не вмещалось пока в его осознании и разумении.

Еще тогда, принимая решение уйти, чтобы не причинять боль, не отягощать Нату — он знал, что любил ее.

Сейчас он знал больше — ему не удастся реализовать это решение.

Никогда Святославу не уйти от Наташи. Никуда не убежать.

Разве хоть день за эти три с половиной недели он удержался от того, чтобы не приехать, пусть и издали, но посмотреть на нее?

Нет, бес все побори!

И теперь, когда хмель немного выветрился из его дурной головы, Слава осознал еще кое-что. Он не просто не сможет исчезнуть из ее жизни. Он будет раз за разом возвращаться к ней. Даже если не сможет ходить, Слава понимал, что не удержится, приползет, на руках приползет, черт его раздери...

Немного наклонив голову, он прижался губами к ее лбу. Просто потому, что дико хотел этого.

Наташа что-то невнятно пробормотала во сне, слабо улыбнулась, и прижалась к нему еще крепче.

Время неуклонно бежало вперед.

Без пяти минут шесть.

Он опять перевел глаза с электронных цифр на лицо Наташи.

Она так мирно спала.

Но даже во время ее сна, Слава видел то, чему сам был причиной.

Не мог убрать этот, недолгий пока сон, следы всех тех бессонных ночей, которые Наташа провела по его вине. Не успел еще стереть темные тени под ее закрытыми глазами, не округлил скулы, которые стали гораздо острее за эти недели.

Слава сжал зубы, испытывая дикую вину.

Он ее мучил. Даже уйдя, в попытке избавиться от горя — причинял боль.

Ему захотелось дотронуться до ее щек. Провести по ним пальцами. Самыми кончиками. Так, словно только повторял контур, чтобы Наташа и не ощутила.

Но Святослав не хотел ее будить. Сегодня выходной. Она заслужила отдых.

А вот ему — в самом деле, пора уходить.

Не потому, что он хотел оставить ее одну этим утром, после всего, что сказал и сделал ночью. Нет, черт возьми! Нет!

Просто Славе надо было решить, что делать теперь.

Он не мог больше тянуть.

Не тогда, когда осознал все, как есть — ему надо определиться, наконец, как поступить со своей жизнью дальше.

Нет, Слава не избавился от своих страхов. Черт! Да, скорее, добавил новых!

Но уже поздно было искать отговорки.

Еще крепче стиснув зубы, чтобы не дать рвущимся проклятиям нарушить ее сон, Слава осторожно обхватил ладонь Наташи и, до безумия медленно, отвел один за другим каждый тонкий пальчик от своей кожи. Больше всего на свете он хотел бы сейчас не шевелиться. Так и лежать, слушая сонные вздохи.

Однако, тогда он должен будет все рассказать Нате.

В ушах Славы тихо прозвучал ее вопрос. Тот, что хрипло, со слезами, которые любимая так старательно прятала, Наташа задала, даже не осознавая, насколько близко подобралась к его тайне: «может быть, ты и мне позволишь решать? Это ведь мое счастье...»

Ему придется ей все рассказать, Святослав был бы дураком, если бы не признал очевидного. Однако перед тем, как попытаться что-то объяснить Нате, Слава сам должен все обдумать и расставить в своей жизни на правильное место.

И сделать это достаточно быстро, чтобы Наташа, все-таки, не решилась послать Славу подальше со всеми его проблемами.

Оперевшись на локоть, он приподнялся в кровати, стараясь повернуться на бок и высвободить свои ноги из «плена» ног Наты, которые буквально оплетали его.

Может он и являлся эгоистичной сволочью, но больше всего в этот момент Слава хотел бы остаться здесь.

В этой постели. С этой женщиной.

И разбудить ее через несколько часов поцелуем, только для того, чтобы опять заняться любовью.

Но, вместо этого, Святослав, стараясь двигаться совершенно бесшумно, что (разрази его гром!), было весьма и весьма тяжело, выбрался из-под одеяла.

Спустив ноги на пол, он обернулся, чтобы еще раз посмотреть на Наташу.

Она продолжала спать.

Но теперь ее лицо не казалось уже таким умиротворенным, а тонкие брови хмурились. Пальцы Наташи сжались в кулаки, будто в попытке ухватить, удержать то, чего ее лишали.

— Слава? — пробормотала она во сне.

Он напряженно замер. Даже дышать перестал. Но Наташа спала.

Слава наклонился к ней, прижался лбом к виску Наты и тихо-тихо вдохнул, наслаждаясь запахом любимой.

— Все хорошо, солнышко, — то ли сказал, то ли подумал он. — Спи.

Не открывая глаз, Наташа облегченно вздохнула, словно бы этот эфемерный шепот успокоил ее, и морщинка, залегшая до этого меж тонких бровей — разгладилась.

Прекрасно, ему стоило убираться, пока она спала. Потому что если Ната проснется, если посмотрит на него своими синюющими глазами...

Он пропадет. Впрочем, разве Слава еще не пропал?

Святослав прикрыл собственные веки и заставил себя отстраниться от нее.

Да, сейчас он должен уйти.

Потому что не собирался оставаться в жизни Наты с неопределенностью и «дамокловым мечом» балансирующим над его шеей. Или ногами, если уж уточнять.

Святослав дал себе сутки для принятия решения. Последние сутки без нее. А потом...

Впрочем, всему свое время.

Но перед этим он собирался сделать еще кое-что.

За следующие полчаса Святослав мысленно вспомнил весь арсенал матерных выражений, которые приобрел за свою жизнь. Окончательно испортил свою рубашку, которую, впрочем, практически не жалел, и трижды опека язык.

Но кто обращает внимание на такие мелочи?

Самым удивительным Славе показалось то, что Наташа так и не проснулась, пока он шебуршал в ее квартире. И за это Святослав благодарил и ее звезду, и просто судьбу. Правда, скорее всего, сказала усталость Наташи за последние дни.

В последний раз заглянув в спальню, убеждаясь, что все нормально, Слава посмотрел на свой пиджак, в который вчера утром укутал Нату в том проулке.

Подумал пару секунд, но потом так и оставил его на спинке стула.

Наклонившись к спящей Нате, Слава пальцем пригладил тонкую прядку, завитком лежащую во впадинке ее шеи.

А потом, резко прервав контакт, сжал руку в кулак и быстро вышел из комнаты, подбирая по коридору свои вещи.

Он ушел из ее квартиры в половине седьмого, осторожно прикрыв двери и закрыв замок запасным ключом, который висел на одном из дальних крючков вешалки в коридоре.

Теперь, зная, что Наташа в безопасности, Слава мог спокойно подумать о том, что следует сделать в первую очередь.

Пешком спустившись на первый этаж, Святослав наконец-то вызвал такси, чем грозился всем вокруг с прошлого вечера.

Она знала, что его нет — едва проснулась.

Еще не открыв глаза, только переступив в сознании тонкую грань между сном и реальностью, Наташа поняла, что Святослав ушел.

Она не смогла бы объяснить, как именно догадалась об этом. Просто знала. Потому что и воздух без него казался ей другим. В нем не хватало кислорода для дыхания.

Заставив себя сесть в кровати, Ната тяжело вздохнула и, наконец-то, открыла глаза, глядя на подушку, на которой он спал. Обычно гладкая поверхность наволочки — была примята.

Она протянула руку и легко провела по складочкам ткани пальцами.

Этот мужчина ее доконает.

Или она сама, не выдержит, и убьет его, чтобы не мучиться.

Глупо, конечно, даже думать о таком, но, Господи! Ну почему? Почему он опять ушел?!

Наташа выдохнула и уткнулась лицом в его подушку, пытаясь ухватиться за нечто призрачное, что он мог бы оставить в ее постели после себя. Хоть аромат. И была вознаграждена за свою надежду, ощутив легкий запах одеколona Славы, который доказывал Наташе, что все, случившееся вчера — оказалось настоящим.

По крайней мере, она знает, что ей это не приснилось. А дальше..., что ж, дальше она решит, что делать.

Закрыв глаза, Ната потерлась щекой о наволочку, вспоминая, как ночью, в полудреме, ощущала себя такой счастливой в кольце его рук. Как прикасалась щекой к коже Славы.

Нет, черт возьми! Этот мужчина садист. Определенно.

Разве можно ее так мучить? Дарить такую ночь, признаваться в любви (а Наташа решила

именно так расценить ту фразу о галстук), и потом — бесследно исчезнуть утром.

«Наверное, она сама виновата», с кривой улыбкой Наташа еще раз вдохнула его запах, «нечего было просить так мало и ограничивать желание одной ночью. Стоило сразу требовать всю жизнь».

Хмыкнув, она перевернулась на спину и уставилась в потолок.

Черт, Наташа была человеком. Простым человеком, хоть и с деревенскими ведьмами в роду. И ей было больно.

Обидно до чертиков.

Хотелось закричать, завизжать так, чтоб даже соседи услышали. И очень сильно хотелось кое-кого поколотить.

Сколько можно издеваться над ней, испытывая на прочность ее веру в него и в их чувства?!

В раздражении Ната ударила кулаком по матрасу, пытаясь хоть так дать выход всему, что накапливалось, закручивалось тугой пружиной внутри.

В голове, опять, пусть она и пыталась отогнать их, появились неуместные, казалось бы, решенные и сотню раз обдуманые уже вопросы.

Разве можно было сомневаться в том, что она небезразлична ему? Ведь не остался бы Святослав вчера, если бы Наташа не имела значения. Не говорил бы всего того. Не обнимал бы так, и не держал бы в своих руках почти всю ночь. А она точно знала, что Слава обнимал ее — несколько раз просыпалась в его объятиях.

И все же, подобно подругам, над которыми так часто смеялась и подшучивала, Наташа не могла снова и снова не задаваться вопросом «а правильно ли она все поняла?».

— Пффф, — решив, что самоедство, тем более спросонья, не доведет ее до добра, Ната заново села в кровати, постаравшись задвинуть все свои страхи и обиду подальше.

Для начала, она выпьет кофе.

И только потом, после второй или третьей чашки, определиться, сможет ли простить его, или, все-таки, прибьет при первой же встрече. А может, позвонить, пожаловаться Деньке?

Такой вариант показался довольно заманчивым.

Впрочем, она знала, что никогда не поступит настолько мелко.

Однако было довольно не просто заставлять себя спокойно сидеть. Даже уговорить себя попробовать найти ему оправдание удавалось с огромным трудом.

Черт, это оказалось настолько сложно, что Ната часто-часто моргала, не давая слезам обиды и разочарования сорваться с ресниц.

Но она всегда считала себя разумным человеком, стремящимся понять каждого. И не раз уговаривала подруг поставить себя на место тех, кого они обвиняли. Она никогда не спешила определять виновных безусловно, стараясь докопаться до сути поступка человека.

А значит, ей и самой стоит последовать такому совету и попытаться разобраться в том, почему Святослав, раз за разом, причиняет ей боль своими действиями.

Но и над этим она начнет размышлять после.

Повернувшись, Наташа опустила ноги с постели и обвела глазами комнату. Взгляд задержался на тумбочке с ее стороны.

Задохнувшись от внезапно образовавшегося в горле комка, который не давал сделать вдох, она поняла, что не удержалась, и все-таки расплакалась. И причем, наверняка, улыбаясь при этом самым глупым образом.

На полированной, темно-горчичного цвета, поверхности тумбочки, стояла ее чашка, до краев наполненная кофе...

Ей никто, никогда в жизни, не делал кофе в постель.

Мама и Денька — не в счет. Это же совершенно другое, родственники.

Но не один из тех, с кем Ната вообще позволяла себе проводить ночи, даже не рассматривал подобную возможность. Более того, само собой разумеющимся считалось, что именно Наташа отвечает за такую мелочь...

— Ах, ты ж! — всхлипнув, она попыталась вытереть слезы, убеждая себя, что не к чему так бурно реагировать. Однако, кажется, только больше размазала их дрожащими пальцами по щекам.

Это не было мелочью

Нет, определенно, нет.

Сейчас, глядя на кружку, полную кофе, рассматривая корявый и кривой узор из какао на просевшей пенке, который Слава, наверняка, попытался сделать, используя один из имеющихся на ее кухне трафаретов — Наташа не смогла бы утверждать, какой из его подарков ценнее. Потому что в данный миг, эта чашка с еще теплым напитком, казалась ей не менее дорогой, чем платиновый браслет.

А может, и вовсе, бесценной.

Потому что он сам, своими руками, приготовил этот напиток для нее.

Поднявшись, она взяла чашку в ладони, пытаясь рассмотреть рисунок. И с огорчением поняла, что это просто нереально. То ли Слава так и не смог совладать с трафаретом, то ли, осевшие пузырьки подвели его, исказив фигурку до неузнаваемости.

Впрочем, разве это имело значение?

Главным было то, что он вообще такое совершил.

Ната поднесла кружку к губам, испытывая восторг, любопытство и, чего уж там скрывать — некоторый страх. Слава не раз предупреждал ее, что не обладает талантом в кулинарии.

Кофе оказался чересчур крепким, и кроме того, уже почти остыл.

Однако Наташа могла бы доказывать кому угодно, что никогда не пила ничего вкуснее. Ведь этот кофе приготовил для нее мужчина, которого Наташа любила. И который любил ее, хоть раз за разом и делал все, чтобы убедить Нату в обратном.

Отставив пустую чашку назад на тумбочку и, подойдя к окну, она в который раз попыталась уговорить себя, что у Славы есть причины так поступать.

«И в его же интересах повернуть все так, чтобы эти причины оказались достаточно вескими», подумала Наташа, «иначе, она заставит его серьезно пожалеть».

Решив, что выскажет Славе все, что думает, когда он позвонит, или когда появится под ее домом в следующий раз, она направилась на кухню. И, оценив степень его старания приготовить хороший кофе, с веселым вздохом принялась за уборку.

Судя по бардаку, Слава не сразу получил результат, который его удовлетворил, и которой он признал пригодным для того, чтобы оставить ей. Это радовало, что ни говори.

И как только Наташа не проснулась? Ведь наверняка он шумел?

Наверное, устала слишком сильно за эти недели, а рядом со Славой, почувствовала себя... спокойно.

Наташа не собиралась сегодня ехать в Кофейню, там справится и управляющая.

Могла же Ната позволить себе немного отдохнуть?

Однако, к концу дня, так и не дождавшись ни одного звонка от Славы, и не сумев самостоятельно дозвониться ему, хотя честно пыталась, Наташа уже серьезно жалела о том, что осталась дома.

Против всякого желания и попыток убедить себя в том, что все равно сумеет переупрямить этого мужчину, Наташа начинала терять веру и хандрить.

А может, причиной был просто весенний авитаминоз. Кто знает?

Во всяком случае, именно в этом она пыталась себя убедить, натянув одеяло почти на голову, и свернувшись в клубочек, в попытке унять накатывающую тоску.

Глава 18

10 марта

Проснулась Наташа злой.

Да, именно в таком настроении.

Нет, хандра не ушла. Осталась в душе тяжелым камнем. Но это ощущение давящей тоски только подпитывало раздражение, готовое вот-вот вырваться наружу каким-нибудь, не очень разумным поступком. И сколько бы ни пыталась она умерить этот порыв, напоминая себе, что является взрослой и самодостаточной женщиной, злость не уходила.

Причем злилась Наташа из-за такого банального пустяка, что самой смешно было. В конце концов, глупо надеяться на то, что мужчина, практически тайком исчезнувший с утра,

перезвонит, чтобы объяснить мотивы своих поступков.

Но именно поэтому она и злилась. Он не позвонил. Она же, вопреки всякому здравому смыслу, надеялась. Классическая ситуация.

И понимание того, что Ната, в свои двадцать восемь лет, совершает промахи, которых и в отрочестве никогда не делала — злило еще больше.

Трижды хлопнув дверью в ванной, раздраженно зарывчав (да, издав именно этот звук!) на не желающую отвинчиваться крышку тюбика с зубной пастой, и с силой отбросив в раковину ни в чем, ни повинную ложку, Наташа решила сбежать из дома. Даже не позавтракав, хоть и вчера не брала в рот ничего, кроме кофе. Просто не хотелось. Ната не чувствовала голода. Слишком много всего бушевало у нее внутри. А стены квартиры давили, только больше беся напоминанием о том, что было.

Словно бы Наташе не хватало собственной великолепной памяти и наглядных следов, в виде отпечатков его губ, его пальцев на своей груди и шее.

Нет, она не была против засосов, сама, наверняка оставила на теле Святослава следы собственной изголодавшейся по нему нужды. Просто на фоне того, что Ната устала жить в таком подвешенном состоянии — она цеплялась ко всему.

Натянув на себя первое, что попало под руку и, решив не переодеваться, даже когда осознала, что вместо привычных брюк облачилась в простое, но все же платье, Ната быстро переколола брошь. Расправила рукав под браслетом, подтянув его так, чтобы едва ощутимая шероховатость вырезанных на платине слов касалась кожи. И, в последний раз проведя рукой по пиджаку, так и висящему на стуле в ее спальне, усмехнулась мелькнувшей мысли, что понемногу у Славы скоро образуется здесь свой гардероб, учитывая носки, которые она выстирала и сохранила. Вздохнув, Ната схватила свою сумку и хлопнула замком на двери, сбегая из дома в Кофейню.

В машине Наташа, впервые за весь этот месяц, вынула из проигрывателя диск, который ей подарил Слава и, поставив другой, подарок Нади, нашла трек Siaga, который больше соответствовал ее настроению. Подпевая на английском языке певице, не менее ее самой возмущенной мужским поведением, Наташа выехала со двора.

У большинства горожан праздники закончились, и столпотворение у стойки бариста в такую рань служащих из ближайших офисов, послужило Наташе напоминанием о том, что пора прекращать хандрить и браться за работу.

Она с удовольствием помогла своим официантом обслужить всех желающих взбодриться их фирменным кофе в половину восьмого утра. Когда же наплыв клиентов немного спал, выслушала отчет управляющей о вчерашнем дне, составила список необходимых продуктов, отослала факс поставщикам.

И, сев за свой любимый столик у солнечно-желтой поляны, которая все еще располагалась там же, где и восьмого марта, принялась за четвертую чашку кофе. С некоторым удивлением Ната осознала, что еще нет и девяти. А она уже все сделала, и теперь отвлекаться от нежеланных мыслей было совершенно нечем.

И придумать себе занятие не представлялось возможным. Как и обычно, в будние дни, после первой волны клиентов кафе практически полностью опустело, и в зале сидел лишь один

единственный, немолодой мужчина, который с задумчивым видом перелистывал свежую газету.

Со вздохом поднеся чашку к губам, Наташа обернулась к цветам, и решила не мешать себе раздражением, просто насладившись видом этого подарка.

Сергей уже доложил начальнице, что для поливки и ухода за «поляной» ежедневно появляются представители той же флористической фирмы, которая и создала эту красоту по заказу неизвестного дарителя.

«Впрочем», поправила Ната себя, «это для ее работников даритель оставался неизвестным».

Звонок дверного колокольчика привлек ее внимание, и Наташа немного лениво повернула голову в сторону входа, приветливым кивком, здороваясь со Светланой.

Эта посетительница зачастила к ним в Кофейню с того дня, как Наташа впервые под села за ее столик. Они несколько раз общались с ней, обсуждая различные сорта кофе и всевозможные способы приготовления этого напитка. Обсуждали новости, немного поспорили о политике, выясняя предпочтения друг друга.

Правда, в последнюю их встречу, накануне праздника, разговор женщин, уже немного присмотревшихся, стал чуть более личным.

Светлана рассказала ей о подарке мужа — поездке в Ялту, хотя, не удержалась от полушутливого комментария, что супруг, скорее, делает этим подарок себе. На ее вопросительный взгляд Света рассмеялась и обвела рукой зал Кофейни.

— Я слишком много времени стала проводить у вас, Наташа, мой Вова ревнует, — пояснила она.

Наташа тогда улыбнулась в ответ.

— А вы его с собой приводите, — подмигнув Свете, предложила она.

Светлана одарила Наташу задумчивым взглядом, помолчала пару секунд, а потом кивнула, с лукавой улыбкой.

— Вполне возможно, что приведу, — шутливо пригрозила она Нате.

После этого диалога, они еще немного поболтали о мелочах. Наташа, как-то незаметно для себя, рассказала чуть больше о своей семье, чем привыкла. И даже не особо сопротивлялась, дав Свете обещание как-нибудь погадать ей, при случае. Тогда же они, достаточно легко и просто, перешли на «ты».

И сейчас, увидев Светлану в дверях Кофейни, Наташа искренне обрадовалась. Разговор с ней, наверняка, позволит ей не погружаться в нежеланные мысли о том, кто мог бы иметь хоть толику совести и наконец, позвонить, черт возьми!

Нахмурившись от этих, ненароком проскользнувших мыслей, Ната отставила пустую чашку, взглядом попросив Сергея приготовить ей новую порцию лате, и постаралась поглубже вдохнуть, придушив раздражение.

Светлана устроилась за одним из столиков в глубине зала, и приглашающе кивнула, зовя

Наташу присоединиться к ней. В принципе, это соответствовало желанию самой Наты.

Но стоило ей подняться со своего кресла, колокольчик над дверью опять зазвенел. И Наташа, затормозив посреди зала, с радостью, к которой примешивалась некоторая толика досады, помахала ладонью Деньке.

Брат, в свою очередь, кивнул сестре, одним цепким взглядом осмотрел кафе и быстро направился к ней.

— Привет, младшая, — наклонившись, он поцеловал ее в щеку, крепко ухватив ладонями за плечи. — Как дела?

Она хотела улизнуть от ответа. Собиралась повернуться к стойке, и с фальшивой улыбкой ответить, что все просто великолепно.

Но руки брата держали крепко, а синие глаза, впервые за этот месяц, внимательно рассматривали сестру. Взгляд Деньки прошелся по ее лицу, задержался на шее, целиком обхватил хрупкую фигурку Наты. И она знала, что от пронзительного внимания брата не укрылись ни тени под глазами, ни засос на шее, ни обострившиеся скулы, как и ключицы, которые уже начали выпирать через кожу.

— А чтоб тебя! — казалось, Денька хотел выругаться крепче, но удержался. — Что происходит, Ната?! — он легко встряхнул ее, будто пытаясь этим усилить свой вопрос. — Ты себя в зеркало давно видела? Ты и год назад выглядела лучше, черт возьми!

Наташа прикусила губу, пряча глаза.

Она видела себя в зеркале только сегодня утром. И пусть Денис немного утрировал, но да, картина не радовала. Ну, а чего можно было ждать, если она спала по два-три часа в сутки последние недели? И если, как Наташа не старалась, кусок просто не лез горло. Не давиться же?!

— Ничего не происходит, — глухо ответила она, уткнувшись брату в плечо. Знала, что, даже сердясь, Денька поддержит, не оттолкнет. — Ничего такого, с чем я не справлюсь.

— Знаешь, Ната, как-то не верится, — иронично хмыкнул Денис, крепче обняв сестру.

А потом, несмотря на сопротивление, обхватил ее лицо ладонью и заставил так повернуть голову, чтобы на шею падало больше света.

— Слава? — хмуро спросил он, кивнув на засос.

Наташа вздернула брови, словно бы уточняя, действительно ли он верит, что она ответит на этот вопрос?

Денис все-таки ругнулся. Грубо, хоть и тихо.

— Вот же ж! — пробормотал он, взъерошив пятерней ее короткие волосы. — Ну почему ты такая грустная, Наточка? Я его прибую, и не посмотрю ни на что, — с полной серьезностью, хмуро пообещал он. — Что случилось, ну скажи мне?

— Ничего, Денечка, все хорошо, — Наташа все-таки натянула вымученную улыбку на губы, положив голову на плечо брата. — Seriously, просто замечательно...

— Ага, сейчас, я так и поверил, твою ж..., - он резко оборвал ругательство, не замечая, что начал кричать. — Хорошо все у нее, только от сквозняка шатается, и не ясно, где радужка в синяки под глазами переходит! НАТА! — Денис обхватил ее лицо ладонями и заставил посмотреть прямо на него. — Да что происходит?! Я же не чужой тебе человек, черт побери! Я помогу!

— Так не в чем помогать, Деня, — она подняла свою ладонь и погладила щеку брата. — Я справлюсь, ничего страшного. Ничего такого, чтобы тебе стоило вмешиваться, правда.

Денис подозрительно сощурился, будто старался по ее воспаленным и покрасневшим глазам прочитать правду.

— Ты от чего его выгораживаешь? — спросил он, перехватив запястье Наты. То, на котором она носила браслет. — Что он сделал, что ты упорно разыгрываешь святую простоту? Ната, я тебя всю жизнь знаю, не проведешь, давай, говори, — Денис мотнул головой, стряхивая поглаживающую его ладонь сестры.

Меньше всего она собиралась рассказывать Денису то, что было, или что происходит. Чтобы там не приходило в ее измученную голову, какие бы бредовые идеи не возникали, но Наташа совершенно не нуждалась в разборках, которые, несомненно, устроит Денис, если узнает, как все было.

— Да что ты прицепился, Деня? — раздражение, которое так долго подавлялось, неожиданно вырвалось на волю, заставив Наташу возмущенно отвернуться, выдергивая руку из захвата пальцев брата. — Я знаю, что ты волнуешься обо мне, но серьезно, сейчас повода нет, оставь ты меня..., да и его, в покое. Мы взрослые люди, Деня, разберемся, как-то...

— Разберетесь?! — ни капли, не сбавив тона, Денис с таким же раздражением махнул рукой перед ее лицом. — Ты когда в последний раз ела, Ната? Вчера? На прошлой неделе? Чем ты питаешься, кроме кофе, которое, наверняка, выпиваешь литрами?! Я же не слепой! И могу сопоставить два плюс два. И нечего мне говорить, что Слава не при чем! Только дурак не понял бы, что это он тебя изводит!

Денис опять ухватил Наташу за плечо, заставляя смотреть на него.

Наташа не хотела спорить с братом. Не хотела устраивать сцен посреди кафе, пусть посетителей было совсем немного. Она просто хотела тихо посидеть, отрешившись от всех этих проблемным мужчин, и выпить еще кофе.

— Денечка, пожалуйста, не надо, не кричи, — скривившись, она потерла виски, предчувствуя появление головной боли. — Я очень люблю тебя, но сейчас, единственное, что тебе стоит сделать — это оставить все так, как есть, — продолжая хмуриться, Ната умоляюще посмотрела на него.

Денис не был согласен. Об этом говорили упрямо сжатые губы, закаменевшие челюсти брата и сердитая складка между бровей.

— Дудки, — сердито бросил Денис, — я твой брат, и не собираюсь смотреть со стороны, как ты себя изводишь. Черта с два я кому-то спущу такое с рук, Ната!

И резко повернувшись, даже не попрощавшись с ней, он с тем же хмурым выражением покинул зал.

Наташа вздохнула, глядя вслед брату. Поговорили, называется.

Подумала над тем, чтоб позвонить матери, которая с отцом осталась в селе, и попытаться через нее уговорить Дениса. Но потом отбросила эту идею. Она понимала, что в чем-то Денис прав, что его беспокойство обосновано, да и ведь волнуется он о сестре, потому что любит ее. Потому что защитить хочет от всего плохого.

Только Наташа боялась, что любое вмешательство Дениса, еще больше заставит Славу отдалиться.

Так и не решив, как поступить и что делать, Ната обхватила себя руками, зябко потирая плечи, и задумчиво обвела глазами практически пустой зал, радуясь, что эта сцена имела мало свидетелей.

Конечно, в любом случае, некрасиво устраивать скандал при служащих и посетителях, да и вообще, Ната просто ненавидела ссориться с Денисом. Но...

В этот момент она заметила Свету, которая с вежливым интересом смотрела на свою чашку.

Черт! Она сидела совсем рядом и, наверное, слышала достаточно много. Это было очень неудобно.

Наташа вздохнула.

А Светлана, будто поняв, что хозяйка Кофейни смотрит на нее, подняла глаза и некоторое время молча изучала потерянную Наташу. А потом улыбнулась и похлопала ладонью по свободному креслу за своим столиком.

— Ты не хочешь посидеть со мной, Наташа? — невозмутимо проговорила она, глядя на нее с таким выражением в глазах, что Ната не смогла не улыбнуться, вспомнив собственную мать.

Та, порою, так же прибегала к подобному приему, собираясь успокоить детей и незаметно выведать их секреты. Не из любопытства, а чтобы помочь и подсказать, как поступить.

Интересно, есть ли у Светы дети, на которых она оттачивала это умение? Наташа решила, что можно спросить, в конце концов, они уже обсуждали личные темы.

— С удовольствием, Света, — согласилась она, чувствуя, что компания не будет лишней. — Извините, что вам пришлось слушать нашу... наш разговор, — поправила она себя, присаживаясь на кресло, и подала знак официанту, чтобы тот принес ей свежий кофе. — Денис иногда не согласен со мной.

— Это твой молодой человек? — пристально глядя прямо на нее, уточнила Светлана.

Наташа моргнула, впервые обратив внимание, что глаза у ее новой знакомой зеленого цвета. Практически такого же, как у Славы.

«Странно, бывают же такие совпадения», Наташа усмехнулась и покачала головой в ответ на вопрос, «закон парных случаев сработал, что ли?»

— Нет, — вздохнула она, немного отклонившись, чтобы не мешать Евгению поставить на стол чашку. И сделала вид, что не заметила поджатые губы и прищуренные глаза официанта. Верный признак того, что эта чашку уже переступила черту пятой по счету, выпитой ею с

утра. Она ценила отношение и заботу своих работников, но сейчас, просто не могла представить себе, что не выпьет кофе. Да она же свалится под стол от усталости и проблем тогда! — Это мой брат, — пояснила Наташа Свете, одновременно кивнув Жене в благодарность. И поднеся чашку к губам, сделала первый глоток. — Старший, — к чему-то добавила, задумчиво уставившись перед собой. — Который считает себя ответственным за все, что происходит в моей жизни, — констатировала Ната очевидное.

Светлана степенно и спокойно поднесла свою чашку к губам.

— Наверное, это свойственно всем хорошим старшим братьям, — с легкой улыбкой заметила она.

— Да, наверное, — улыбнулась Наташа в ответ, не заметив, что сжала пальцы свободной руки в кулак от всего, что ее мучило внутри, а она прятала, пытаясь поддерживать непринужденный тон.

— И он прав? — вдруг спросила ее собеседница.

— Что? — Ната перевела на нее непонимающие глаза.

— Твой брат, — Светлана сделала маленький глоток капучино, — он прав, что считает себя необходимым вмешаться в твою жизнь именно сейчас? — Света немного приподняла бровь.

И этот жест...

Глупо, конечно, наверное, как и всякой влюбленной женщине, ей мерещились привычки и повадки Славы во всяком встречном.

Потерев лоб, Наташа не сдержалась, перевела глаза на подсолнухи, которые весело цвели в одном из углов ее зала.

— Не знаю, — вдруг, честно призналась она, хотя совершенно не собиралась переводить беседу в настолько откровенное русло. — Я просто не знаю, Света, — повторила она, покрутив браслет на запястье. — Только боюсь, что если Деня вмешается, все станет еще сложнее, — с грустной улыбкой проговорила Ната, отпив еще глоток.

Света отставила свою чашку и аккуратно сложила руки перед собой, ладонями друг к другу.

— Извини, если перехожу границу дозволенного, Наташа, — осторожно и неуверенно начала говорить ее собеседница. — Ты сразу скажи, если я лезу не в свое дело, — она открыто улыбнулась ей. — Но я слышала кое-что из вашего разговора с братом, и не могу не согласиться с ним — ты кажешься довольно измученной и грустной, — Света сделала виноватое лицо. — Уж прости, знаю, что ни одной женщине не хочется услышать такое, но... — она вздохнула.

Наташа только хмыкнула, опять поднося свою чашку к губам.

— Да, ладно, — с гримасой признала она. — Я не слепая, и видела себя в зеркале с утра. Просто, — она покачала головой глядя на кофе в чашке. — Он такой упрямый, такой упертый, и мне просто не хватает сил, — невнятно произнесла Ната, так и не подняв глаз.

— Денис? — переспросила Света. — Твой брат упрямый?

— Нет, то есть да, — Наташа покачала головой и тихо рассмеялась, — Денька, конечно, упрямый. Но это я не о нем, — допив свое лате, она отставила чашку, и отчего-то, поддавшись порыву хоть с кем-то еще поговорить, кто смог бы посмотреть на все со стороны, начала рассказывать. — Знаешь, два месяца назад, я познакомилась с одним мужчиной, — Ната улыбнулась, возвращаясь мыслями в тот, первый день. — Нас Денька, кстати, и познакомил, он часто работает на Славу. Мой брат веб-дизайнер, — пояснила она Светлане, которая, почему-то, неловко отвела глаза и спешно ухватилась за собственную чашку. — Мне он понравился, очень, — Наташа опять посмотрела на подсолнухи. — Господи, да мне никто так не нравился, пожалуй, до него! Мы несколько раз встречались со Славой, случайно, то в бассейне, куда, как оказалось, ходим вместе, и он мне помог, когда я повредила ногу о бортик, то просто здесь, в кафе, — она задумчиво посмотрела на Свету, которая внимательно слушала ее рассказ, пристально всматриваясь в Наташу. — И он все время... даже не знаю, отталкивал, что ли, меня, не подпускал к себе, как я не старалась. Слава хромает, — пояснила она своей слушательнице. — И сколько бы я не пыталась доказать ему, что мне это не важно, он не верил.

Наташа не замечала, что давно откинулась на спинку кресла, и медленно крутит браслет на руке, а маленькие колокольчики звенят, в такт ее слов. Она уже и не особо обращала внимание на саму Свету, испытывая просто потребность выговориться. Ведь Наташа ни с кем не обсуждала то, что происходит, кроме матери, но та — была заинтересованным объектом. Светлана же, возможно, поможет ей более реально посмотреть на происходящее.

— А потом, он попросил меня провести с ним ночь. Вот так, просто, то отталкивал от себя, то..., — она криво улыбнулась и пожала плечами. — Только видела бы ты, чего ему стоило эти слова произнести, — хрипло добавила Ната, вспомнив выражение лица Славы. — Мне казалось, что я там расплачусь.

— И ты его пожалела? — ровным тоном, с легким интересом в голосе, уточнила Света, и сама откинувшись на спинку кресла.

— Что? — Наташа даже моргнула, недоуменно уставившись на нее. — Пожалела? Нет, Господи, ты что?! Да я была влюблена в него по уши! Пожалела, — Ната усмехнулась. — За что его жалеть? Если бы ты его видела — Слава красивый, успешный, сильный, самодостаточный человек. Им можно восхищаться, любить, дружить с ним, уважать его. Но жалеть? — Наташа покачала головой и, переведя глаза с подсолнухов на Свету, с удивлением увидела, что та прядет за чашкой улыбку, и при том — весьма довольную.

— Ты согласилась провести с ним ночь? — спросила Светлана, заметив, что Наташа смотрит на нее.

— Ммм, да, — Наташа кивнула, не понимая, отчего так насторожилась из-за этого выражения на лице Светы. — А ты бы отказала, если мужчина твоей мечты предлагает такое? — приподняв бровь, с усмешкой спросила она, разведя руками. — Конечно, согласилась.

— Ого, — пришел черед Светланы шире улыбаться, — даже так, «мужчина мечты»? Ну и что потом случилось? — спросила она, дождавшись немного смущенного кивка и улыбки Наташи.

— Знаешь, все было здорово, действительно, идеально, — уставившись на руку, где сдержанно сверкала платина, Наташа моргнула, поняв, что к глазам подступили слезы. — Мне никогда и ни с кем не было настолько хорошо. Да что там, он был именно «тем», понимаешь? — она криво улыбнулась. — Не смейся только, но я верю в любовь. И люблю Славу. Любила тогда, и сейчас люблю... — она пожала плечами, решив, что немного смутила своей откровенностью

достаточно скромную Светлану, та, как-то очевидно занервничала, начав барабанить по столу пальцами, и двигать чашку с места на место. — Прости, тебе, наверное, не интересно выслушивать мои проблемы? — она виновато улыбнулась, и хотела уже замолчать, вернувшись к нейтральной теме кофе, когда почувствовала, как Света сжала ее пальцы.

— Нет, что ты, — несмотря на то, что продолжала смущаться, Светлана покачала головой. — Просто, не часто встретишь сейчас девушку, которая при описании мужчины говорит не о размере его кошелек, не о машине, а рассказывает, что любит его за то, что он «тот самый» для нее, — как-то невпопад пробормотала она. — А тебя, судя по всему, вовсе не деньги в этом...ммм, Славе? — уточнила Света и, дождавшись ее кивка, продолжила. — Да, в Славе интересуют.

— Нет, не деньги, — Наташа даже рассмеялась. — Господи, да зачем мне деньги? Чего мне не хватает? — она пожала плечами и взмахом кисти обвела зал. — Я довольна тем, что имею.

— Тогда, что же у вас приключилось? — Света пристально посмотрела прямо на нее, а Наташа, опять, отметила про себя, до чего же ее глаза похожи цветом на оттенок глаз Славы. И не только цветом...

Моргнув пару раз, она прокашлялась, пытаясь вспомнить вопрос.

— Ведь что-то случилось же? — видя ее растерянность, уточнила Света. — Потому что, если ты сейчас выглядишь так, оттого, что у вас все хорошо, то прости, но... — она неуверенно прикусила губу. — Этот Слава явно не тот, кто делает тебя счастливой, — как-то, не в пример тяжелее других фраз, проговорила Света.

Наташа вздохнула, опять начав мучить браслет.

— Нет, у нас не все хорошо, — спрятав глаза за веками, призналась она. — Слава... он..., он ушел, — черт! Ей не должно быть так больно только оттого, что Ната озвучила словами его действие.

— Что?! — Светлана выглядела немного... ошарашенной. — Что значит, ушел?!

Ната удивилась.

Казалось странным, что ее собеседница настолько переживает о женщине, которую знает меньше недели. Впрочем, возможно Света пыталась проявить женскую солидарность? Не определившись, Ната просто продолжила.

— Он пришел как-то ко мне, через неделю после того, как мы..., - она смутилась. Все-таки, не так уж просто пересказывать подробности личной жизни малознакомым людям, пусть и вызывающим искреннее расположение. — В общем, Слава пришел и сказал..., что ему достаточно, — Наташа прижала глаза пальцами, не давая себе так глупо расплакаться. — Что он хотел только ночь, а я и так дала ему больше, и не стоит портить впечатления... и что-то еще в том же духе, — она прерывисто вздохнула. — Честно, я не очень понимала, что происходит, а потом, он положил на полку коробочку и сказал, что это его благодарность за все...

— Паразит! — Светлана громко хлопнула ладонью по столу. — Били этого идиота в детстве мало!

Ната вздрогнула, а потом немного растерянно улыбнулась такой реакции.

— Я не знаю, — не совсем поняв, не было ли это вопросом, она передернула плечами.

— Ты выкинула коробку, я надеюсь? — Света вопросительно вздернула бровь.

— Я собиралась, — немного неуверенно призналась Ната. — Но не смогла.

Светлана продолжала смотреть на нее, недоверчиво вздернув бровь.

— Там оказался этот браслет, — взмахнула Ната рукой, демонстрируя украшение.

— Красивый, — кивнула Света. — Дорогой, — со странным выражением добавила она.

— Да при чем тут деньги? — Наташа вздохнула. — Там..., на браслете... я не верю ему, понимаешь, не верю, что я была лишь классной девушкой для секса на те ночи! Потому что не пишут такого на украшениях, которые дарят «в благодарность», не делают такие подарки, потом — она махнула рукой на подсолнухи, — и не говорят такого....

— Это он подарил? — с каким-то странным выражением в глазах, поинтересовалась Света, с новым интересом присматриваясь к поляне цветов.

Наташа только кивнула.

— На восьмое марта.

— Так, а в чем тогда проблема у вас? Вы помирились недавно? — непонимающе повернулась собеседница обратно к ней.

Наташа молча покачала головой, сама задаваясь тем же вопросом.

— Я же говорила — не знаю! Черт! Прости, — извинилась она за то, что повысила тон. — Он приходил ко мне позавчера..., домой. И остался на ночь. И... признался, что любит, — она опять потерла лоб пальцами. — Правда, Слава был выпивший, — честно признала она. — А утром, когда я проснулась, он уже шел.

— Даже записки не оставил? — Светлана сердито сдвинула брови.

— Нет, но... он мне кофе приготовил, — вдруг улыбнулась Ната. — Мне никто раньше не делал кофе в постель, — пояснила она, заметив немного удивленный взгляд собеседницы. — Только Слава...

И теперь, я просто не знаю, Света. Я люблю его, но совершенно не понимаю, что делать дальше, — она оперлась локтями о полированную поверхность их столика. — Я звонила ему вчера несколько раз, но телефон был «вне зоны». А если еще Денис вмешается в это все, — она просто вздохнула, не представляя, что тогда может произойти.

Светлана некоторое время помолчала.

— Тебя точно не волнует, что он хромой? — вдруг, совершенно не понятно к чему, переспросила она.

Наташа даже скривилась от этого вопроса.

— Да какая разница, Свет? Я картавлю, и что? Меня теперь нельзя полюбить? — она передернула плечами. — Когда я со Славой, я даже забываю о том, как он ходит, если честно.

— Понимаешь, иногда, людям, которые имеют физические недостатки, сложно поверить, что они нужны..., что их любят, а не жалеют, — как-то неуверенно, попыталась произнести Света. — И нужно проявить терпение, чтобы это им объяснить.

Наташа хмыкнула.

— Да я готова терпеть, — раздраженно проворчала она. — Но неужели ему сложно хоть позвонить? Хоть попытаться сделать мне шаг навстречу? Чтобы я не чувствовала себя идиоткой, вешающейся на его шею? Черт, прости! — Ната схватила салфетку с подставки, и промокнула глаза. — Просто накопилось. Извини, Света, что втянула тебя в свои неурядицы. Подругам сейчас немного не до меня, а мама в селе, к бабушке поехала. Мне и поговорить не с кем, — она виновато посмотрела на собеседницу, которая явно нервничала. — А я пристала к тебе со своими проблемами, да еще и совета требую. А ты даже не знаешь его, и наверное, мало что поняла из этих путанных жалоб...

— Наташа, — Светлана сделала глубокий вдох. — Думаю, что тебе не стоит извиняться. У всех бывают сложные минуты, когда любая помощь, даже не очень близкого человека, пригодится, — она опять начала нервно передвигать чашку с места на место. — И потом, если честно, — Света облизала губы, бросив на Нату неуверенный взгляд. — Не настолько уж я и не понимаю, о чем ты говоришь. Мне стоило сказать сразу, но я...

— Наташа! — Сергей окликнул ее из-за стойки барриста, маша телефонной трубкой, зажатой в руке. — Это тебя, насчет какого-то заказа зерен, — пояснил Сергей.

— Ой, — Наташа еще раз вытерла щеки салфеткой, — прости, — она, извиняясь, посмотрела на Свету. — Это поставщики. Мне очень нужно с ними поговорить, — попыталась оправдаться она, не поняв, что именно собеседница говорила ей до этого.

— Конечно-конечно, — с каким-то облегчением, отмахнулась Светлана. — Беги. Потом договорим, — она схватила чашку с уже остывшим кофе, и Нате показалось, что у Светы немного дрожат пальцы.

Но она не была уверена, что у нее не двоилось в глазах от усталости и слез. Потому, только кивнула, благодаря женщину за участие и понимание, и поднялась, направившись к Сергею.

Глава 19

10 марта, парковка у офиса Святослава, 9.30 утра

Андрей уже сел в свой автомобиль, собираясь все-таки, успеть на встречу, которая должна была начаться в десять утра, когда на стоянку заехала машина Дениса.

Андрей замер, не успев поднести ключ к замку зажигания, и приветственно кивнул другу, когда тот вышел на улицу, громко хлопнув дверцей водителя.

Но Дэн, очевидно, не заметил его.

Хмуро осмотрев здание, и бросив короткие взгляды по сторонам, проверяя дорогу, Денис несколько секунд постоял у машины, уперевшись костяшками кулаков в крышу автомобиля, а потом, резко оттолкнувшись, стремительным шагом перешел через переход и направился к входу.

Андрей пожал плечами и вставил-таки ключ, заводя мотор.

«Странно, сегодня, вроде бы, Денис не должен был приезжать. Иначе Слава, наверняка, сказал бы ему», лениво размышляя, Андрей поправил зеркало заднего вида, ожидая, пока машина прогреется. «Да и настроение у Дэна было явно, „не фонтан“. С какой же стати он явился, да еще и утром после праздника?», пожав плечами, Андрей выжал сцепление и переключил передачу, собираясь тронуться с места.

И тут, перед его глазами встала сцена, которую он не должен был видеть, и разговор, который ему слушать не стоило. То, что они не обсуждали со Славой. Да и не уверен был Андрей, что надо заводить с другом разговор на эту тему.

Сейчас же, громко выругавшись от идеи, которая пришла ему в голову, Андрей резко дернул рычаг переключения передач на исходное место и, вытянув ключ, выскочил из машины, закрывая ее брелоком уже на бегу.

Может, он конечно и зря метушится, но лучше уж Андрей рядом, в коридоре постоит и сам над собой посмеется, чем они друг другу морды набьют. Потому что, судя по хмурому лицу и сжатым рукам Дэна, у того имелось именно такое желание. А Слава, которого Андрей видел сегодня пару минут с утра, пребывал в настолько странном настроении, что вполне мог решить не предпринимать никаких действий в свою защиту.

Вихрем забежав в холл, так, что удивил даже обычно невозмутимого и флегматичного охранника, Андрей с раздражением увидел, что оба лифта заняты и едут вверх.

Черт! У него не было времени, чтобы ждать.

Еще раз громко выругавшись, не обратив никакого внимания на осуждающий взгляд пожилой уборщицы, Андрей помчался к лестнице.

Не то, чтобы он сомневался в умении Славы постоять за себя. Нет. Однозначно, нет. В конце концов, они и познакомились тогда, когда Святослав вступил в драку с тремя пацанами из параллельного класса, которые в тот момент, как раз, мутузили Андрюху. И если бы не Славкина помощь, Андрей мог бы выйти из столкновения гораздо более помятым. Черт! Да и учил, потом драться его, отец Славы, потому как сын рассказал ему, что родители нового друга выступают категорически против насилия в любой форме, и десятилетний Андрей просто не умел защищаться.

Вот только, вспоминая выражение покрасневших, уставших глаз друга сегодня утром, Андрей не был уверен, что Слава вспомнит уроки своего отца и тренера из секции, куда ходил все детство. Андрей мог бы поклясться, что Святослав считает себя в чем-то виноватым.

С основанием или без — для Андрея не имело значения. Он не позволит кому-то бить Славу, даже если тот сам будет считать это справедливым. В конце концов, Андрей, как старый друг, имел право оказаться первым, кто вправит тому мозги, если Славка заслужил.

Едва вбежав в коридор этажа, на котором располагались кабинеты их компании, Андрей понял, что не ошибся. Голос Дэна был слышен и здесь, заставляя сотрудников удивленно оглядываться на двери кабинета директора. И радовало только то, что слова из-за плотной двери звучали невнятно.

Глубоко вздохнув, Андрей, наплевав на приличия, нагло зашел в кабинет Святослава, тщательно закрыв дверь за своей спиной.

«Что ж, мог бы и не опасаться прервать кого-то», с усмешкой подумал он, осматривая

территорию, «все равно, его появления не заметили».

— Какого черта ты творишь, Слава?! — Денис громко хлопнул ладонью по столу, явно испытывая необходимость дать выход бушующему внутри него негодованию. — Ты знаешь, как мне тебя прибить хочется? — Денис зло уставился на Святослава, который стоял спиной к нему, глядя в окно. — Никогда бы не подумал, что ты такой ублюдок.

Андрей скривился, недовольный выражениями, который подбирал Дэн.

Слава же только передернул плечами, так и не повернувшись.

Денис, похоже, разозлился от этого еще сильнее.

— Ты так и будешь молчать, а? — Дэн уперся кулаком в поверхность стола, который стоял между ним и Славой. — Я в упор не понимаю, что творится? Зачем ты Нату мучаешь, объясни мне, чтоб тебя?! На кой черт?! Если она тебе безразлична, зачем заставляешь ее страдать?

«Итак, причина действительно в Наташе», констатировал себе Андрей, и уже решил вмешаться, когда Слава, наконец, заговорил.

— Я не хотел ее мучить, Дэн, — Слава вдавил руку в стекло с такой силой, что Андрей вполне мог себе вообразить, как то сейчас лопнет. — Твою ж... Черт! Я делал все, чтобы избавить ее от себя, понимаешь?! Именно потому, чтобы Ната не мучилась из-за такого придурка, как я.

Андрей вздрогнул. Ему не понравилась отрешенность и пустота, которая звучала в голосе друга. Совершенно не понравилась, черт возьми!

— Знаешь, Слава, тебе ни хрена не удалось! — казалось, Дэн не впечатлился объяснениями оппонента. — Она мучается, черт тебя побери! Плачет, не спит и ничего не ест! А еще, выгораживает такую сволочь, которой ты оказался! — Денис опять хлопнул ладонью по дереву.

Святослав резко повернулся и уставился на Дениса.

— Что ты имеешь в виду?! — требовательно рыкнул он, неровной походкой приближаясь к столу.

— Что я имею в виду?! — казалось, Денис рассердился еще сильнее. — То, что ты оказался гораздо хуже, чем я думал о тебе, вот что! То, что ты гад и сукин сын, вот что!

Однако, к удивлению Андрея, которого все еще не заметил ни один из участников сего «познавательного» разговора, Святослав только небрежно отмахнулся от этих оскорблений.

— Что значит, она ничего не ест?! — нетерпеливо уточнил он у Дениса, и тут, наконец-то, заметил Андрея, топчущегося у двери. — А, черт! Ты тут что забыл? — неприветливо потребовал он у Андрея ответа.

— Да так, постою, посмотрю, чтоб вы не убили друг друга, — небрежно отмахнулся он, и поскольку уже все равно вмешался, приблизился к столу.

— Шел бы ты, Андрей, — вздохнул Слава.

Денис только хмуро кивнул, очевидно, поддерживая в этом вопросе «сволочь и гада».

— Ну, уж нет, — помотал Андрей головой, присаживаясь на столешницу. — Как я потом

Наташе в глаза смотреть буду, везя ее к вам в больницу?

Святослав скривился, а потом внимательно присмотрелся к другу.

— Долго? — резко выдохнув, спросил он.

Андрею не были нужны уточнения, чтобы понять, что Слава интересуется как давно ему известно о том, что происходит.

— Я не собирался оставлять тебя в том дворе одного, выпившего, — небрежно пожал он плечами. — Думал дать тебе посидеть и отвезти домой. А потом Наташа вышла..., — он мотнул головой, уверенный, что дальше не стоит продолжать.

— Вот же ж! И чего тебе домой не хотелось, а Андрюх? — скривившись, Слава потер лицо раскрытой ладонью. И снова повернулся к Денису, который не был доволен, что кто-то вмешался. Наверное, не особо хотел обсуждать сестру при Андрее. — Почему ты считаешь, что Ната не ест, черт возьми?! — опять потребовал он ответа.

— Потому что ты ее довел, — резко отрезал Денис. — Ты давно ее видел? — вздернув бровь, поинтересовался он у Славы.

— Позавчера, — со странным выражением в глазах, которое удивило Андрея, ответил Святослав.

— И не заметил, что ее от ветра шатает? — с издевкой протянул Денис. — Теней под глазами не видел, черт тебя подери? Или мысли другим забиты были, а, Слава?

Андрей увидел, как Славка зажмурился, опять бормоча сквозь зубы ругательства.

— Какого черта ты себя так ведешь, объясни мне?! — потребовал ответа Денис. — Неужели мало девок, которые и не поморщатся, если ты о них на следующий день после секса забудешь?! Зачем ты Нату мучишь, она же не такая?! Ты ей важен, придурок!

— Я знаю! — вдруг громко, едва не криком, прервал Святослав Дениса, так, что даже Андрей, привыкший к перепадам настроения друга, вздрогнул. — Знаю, черт возьми! И в этом вся проблема! — ударив кулаком по столу, Слава опять отвернулся к окну. — Я не хотел ее мучить! Господи, Дэн, я бы все отдал, чтобы сделать Наташу счастливой. Я..., — он выдохнул и взъерошил пятерней волосы. — Черт! Я люблю ее, Дэн. И меньше всего хочу, чтобы она страдала. Только добавит ли ей счастья жизнь с человеком, прикованным к инвалидной коляске? — тихо и хмуро поинтересовался Святослав, так и не обернувшись.

Андрей замер.

Закоченел, вот верное слово, пожалуй. И тупо смотрел на кулаки Славы, которые тот сжал так, что кожа побелела.

— Да что ты городишь, а?! — Денис только возмущенно передернул плечами, но, казалось, немного смягчился после признания Славы. — Что у тебя за комплексы?! Сколько раз я тебе говорил, что для Наты не имеет значения твоя хромота?! И какой ты к черту, инвалид...

— Дэн, — громко окликнул Андрей, не обернувшись. Его голос звучал сипло, но прокашляться не выходило.

Он никак не мог отвести глаза от напряженного силуэта друга, четко выделяющегося на фоне окна. Тот стоял, опустив руки, без пиджака и, почему-то, без галстука, и Андрей видел, насколько трудно ему дались только что произнесенные слова.

— Что?! — раздраженно обернулся Денис к нему. — Тебе что надо?!

— Заткнись, — так и не обернувшись, бросил Андрей, и поднялся со стола, на котором сидел.

Он, наверное, как никто, знал, что Слава никогда бы по своей воле не объединил себя и понятие «инвалидное кресло» в одном предложении.

— Слав, — так же напряженно позвал он друга, но тот не отреагировал. — Славка, что случилось? Какая коляска? О чем ты?

Святослав вздохнул и еще сильнее сжал кулаки. В тишине кабинета отчетливо прозвучал звук хруста суставов.

Некоторое время Андрей думал, что друг так и не ответит. Но потом, Слава передернул плечами, и подошел еще ближе к окну.

— Гололед помнишь? — без всякого выражения обронил он, потеряв затылок рукой, будто разминал мышцы.

Андрей кивнул, хоть друг и не смотрел на него.

— Тот дурацкий бордюр, — Святослав хмыкнул с какой-то горечью. — Господи, лучше бы на меня мать наорала за синяк, как в детстве, честное слово, Андрюх, — он уперся лбом в стекло, рассматривая что-то, видимое только ему. — Если верить моему врачу, в течение двух лет мои ноги полностью парализует. Черт. Всю нижнюю половину тела, в общем-то, из-за треклятого ушиба о тот бордюр! — Слава передернул плечами.

Андрей ощутил, как внутри все заледенело и что-то оборвалось. Он помнил, из-за кого упал Слава в тот дурацкий день...

— Иисусе...

Андрей увидел не менее ошарашенный взгляд Дэна. Тот, растеряв всякий гнев, в шоке смотрел на него. Но, черт! Денису было, наверняка, гораздо легче, чем понимать, что все произошедшее — случилось по его вине, Андрея...

— И никаких вариантов? — пересохшими губами уточнил он у Славы, который так и стоял у окна.

— Можно сделать операцию, — Слава вдавил ладонь в подоконник. — Собственно, это единственное, что можно. Вот только, что она даст — мне врач не может вразумительно сказать. Вполне вероятно, что только ускорит паралич. Я его изводил весь день вчера, он пообещал мне еще одну консультацию, сказал, что в Киеве договорится. Я не знаю, — как-то опустошенно выдохнул Святослав. — Просто не знаю, Андрюха.

Андрей понял, что другу страшно.

И что он никому еще этого не говорил. Наверняка, даже родителям. Иначе, те заставили бы сына уже что-то делать.

— Ты Наташе говорил? — поинтересовался Денис, сев, или, скорее, рухнув в кресло.

Слава покачал головой и хмыкнул.

— Я узнал об этом месяц назад. Мы только-только начали..., - он передернул плечами. — Господи, Дэн, я не собирался портить ей жизнь, привязывая к инвалиду! Несмотря на все, что сам испытываю к твоей сестре.

— Сукин ты сын, все-таки, — скривившись, пробормотал Денис. — Правильно! Пусть лучше она голодает и плачет ночами, считая себя виноватой неясно в чем! Это же круче и правильней, чем просто сказать ей, как есть, и позволить самой решить, остаться с тобой, или строить жизнь дальше!

— Ты веришь в то, что она уйдет? — хмыкнув, Слава полуобернулся, и посмотрел на Дениса, вздернув бровь.

Тот покачал головой.

— Я верю в то, что она должна сама решить, что ей делать, — твердо встретив взгляд Славы, ответил Денис. — Черт, я обожаю свою сестру, и хочу для нее всего самого лучшего, но Слава, придурок ты! Ты бы ушел, если бы с ней такое случилось, а?!

— Нет, — Слава даже нахмурился, словно его злило только то, что Дэн мог подумать такое. — Никогда. Но Наташа заслуживает иметь семью и нормальные, полноценные отношения.

— И из этих благих намерений ты решил бросить ее, ничего не объяснив?! — опять начиная заводится, уточнил Денис.

Андрей, хоть и понимал, что ему бы стоило молчать, не мог не кивнуть, соглашаясь с этим удивленно-возмущенным вопросом Дениса.

— Дэн, — Слава опять потер лицо раскрытой ладонью, и Андрей осознал, что друг, вероятно, так же довольно мало спал в последнее время. Да и питался, очевидно, навряд ли лучше, чем Наташа. — Слушай, мы разберемся, я обещаю...

— Ага, еще один! — возмущенно пнул стол ногой, Денис сердито хмыкнул. — Да пока вы разберетесь, Ната себя со свету сживет, черт тебя подери!

Святослав собирался что-то сказать.

Андрей точно видел, что друг даже рот открыл. Но потом, просто мотнув головой, ничего не объясняя, Слава схватил со стула свой пиджак, и ни слова не добавив, быстро вышел из кабинета.

Денис, ругнувшись, подскочил со своего места, и рванул было за Славой, однако Андрей успел помешать, крепко ухватив его за плечо.

— Отпусти, Андрюха, — Денис все еще злился. И Андрей не мог не понять друга, но... — Она моя сестра, неужели ты не понимаешь?

— Понимаю, — кивнул он. — Понимаю, и признаю, что ты имеешь право и злиться, и защищать Наташу. Но и Слава мучается, неужели ты не видишь? А он мне дороже брата, даже если бы таковой у меня и был, — подмигнул Андрей, пытаясь немного успокоить Дэна. — Дай ему хоть

пару минут форы.

— Думаешь? — протяжно и раздраженно выдохнул Денис, потеряв затылок.

— Угу, — Андрей отпустил Дениса и хлопнул его по плечу. — А если он опять сглупит — я сам помогу тебе вправить ему мозги.

— Ну, смотри, — Дэн усмехнулся. — Ловлю тебя на слове.

Андрей усмехнулся в ответ.

Они заставили себя выждать пять минут, а потом вместе вышли из кабинета.

Кофейня, 10 марта, 10.25 утра

Наташа устало отодвинула от себя листок факса, над которым просидела последние сорок минут, выбирая виды сортов и обжарки зерен кофе, которые собиралась заказать, чтобы немного обновить ассортимент Кофейни.

Покачав головой из стороны в сторону, и потеряв пекущие глаза пальцами, она обернулась и посмотрела на Сергея.

— Сделай мне эспрессо, — попросила она бариста, когда тот подошел ближе к ее столику.

Сергей недовольно нахмурился, поджал губы и задумчиво глянул на нее. А потом, выдохнув, покачал головой.

— Наташа, это уже седьмая чашка, которую я тебе готовлю, — сердито произнес ее помощник. — И это в половину одиннадцатого утра! Ты себя угробить кофеином решила?

Евгений, который стоял неподалеку, кивнул, соглашаясь со словами сослуживца.

Наташа нахмурилась.

Раздражение, которое никуда не делось, рвалось с языка напоминанием, что он, в принципе, ее работник и должен слушаться, если хочет таковым остаться, но Ната заставила себя глубже вдохнуть.

Поднявшись, чтобы хоть немного сравнять их силы, несмотря на свой малый рост, она гордо выпрямилась.

— Сергей, — она посмотрела ему в глаза. — Я ведь могу и сама сделать, раз тебе сложно.

— Черт! Наташа, ну хоть бы немного подумала о своем здоровье, о сердце, в конце концов, — раздраженно взмахнув рукой, Сергей отвернулся и пошел к кофеваркам.

Наташа криво улыбнулась словам своего бариста.

Сердце... Зачем думать о том, что никому не нужно?

Резкий, дребезжащий звук колокольчика над входом, заставил ее обернуться в недоумении. Потому что, чтобы так заставить дергаться звонок, надо было слишком сильно толкнуть несчастные двери.

У входа, пристально глядя прямо на нее, стоял Слава.

Наташа поняла, что покачнулась, только когда осознала, что уперлась ладонями в стол перед собой. Сложно было сказать, что именно выбило опору у нее из-под ног, но не могла она спокойно смотреть на этого мужчину.

Встретившись с ней глазами, и даже не кивнув, чтобы поздороваться, Слава просто направился к столику, у которого Наташа стояла, не оглядываясь по сторонам.

Она хотела бы что-то сделать, но никак не могла сообразить, как ей реагировать, и потому, молча наблюдала за его приближением. Даже не заметила Евгения, который поставил перед начальницей чашку с горячим эспрессо, которое Ната заказала Сергею.

В этот момент, Святослав, которому оставалось преодолеть какие-то два-три шага, нахмурился и посмотрел сначала на официанта, а потом на кофе перед ней таким взглядом, что Наташа вздрогнула.

«Удивительно, что кофе не заledenел от холода этих глаз», с иронией отметила она про себя. И решила прибегнуть к только что испытанной тактике, распрямив спину и гордо выставив подбородок вперед.

— Убери это.

Голос Славы, пусть и пора уже было привыкнуть, горячей, черной и крепкой волной, как самый лучший кофе, прошелся по ее нервам, обдавая тело Наташи жаром.

Но обращался он не к ней.

Святослав требовательно и сердито посмотрел на официанта, раздраженно мотнув головой в сторону чашки, а тот, казалось, немного растерялся, не понимая, что теперь делать.

Видя, что Евгений не торопится забирать кофе, Слава, уже ставший в шаге от Наташи, нахмурился сильнее.

— Забери этот кофе, — практически приказал он.

Во всяком случае, по-другому оценить его тон было сложно. Евгений, не выдержав подобного морального давления, потянул руку за чашкой.

Наташа забыла, что собиралась оставаться спокойной и сдержанной.

— Не смей, — не оборачиваясь к Жене, она ухватила ладонью за горячую керамику. И одарила Славу взбешенным взглядом. — Ты совсем обнаглел? — она старалась сохранить такой же холодный и отстраненный тон, как у него, но кажется, не совсем справилась.

Черт! Да Наташа готова была зашипеть на него. Или наорать. Или ударить. А может, все сразу!

И присутствие растерянного топчущегося рядом официанта, да нескольких посетителей в зале — ее уже не останавливало.

— По какому праву ты тут командуешь?! Это мой кофе! Мое кафе! И жизнь — моя! И мне решать, что будут делать мои сотрудники!

Слава только немного приподнял бровь, выслушав ее возмущенные восклицания с

невозмутимым и непроницаемым выражением.

Его глаза прошлись, изучая, по лицу Наты, всматриваясь немного пристальней, чем ей хотелось бы. И Наташа видела, как зелень его взгляда стала темнее. Словно бы Слава оказался недоволен и даже разочарован увиденным.

Ей захотелось завизжать.

Да, она знала, что выглядит довольно... «помято». Но кто же виноват в этом, черт возьми?!

От злости у нее начали дрожать руки и несколько капель горячего эспрессо попало ей на ладонь, выплеснувшись через край чашки, которую Ната все сильнее сжимала пальцами.

Она сжала зубы, пообещав себе, что не доставит ему удовольствие, чертыхаясь.

Но Слава, все равно, заметил. На пару секунд он перевел глаза на ее руку, по пальцам которой медленно стекали одинокие коричневые капли. И еще выше вздернул свою дурацкую бровь.

Потом опять повернулся к официанту.

— Забери этот кофе, она не будет его пить, — повторил Святослав указание тем же тоном. — И принеси какой-нибудь..., - он задумался, — сок, что ли. Апельсиновый, например.

— Аргх! — это не она рычала.

Нет, конечно, не она.

Но Наташа знала, что ни к чему себя обманывать.

Женя удивленно посмотрел на начальницу, но, тем не менее, потянулся за эспрессо.

«Черта с два», решила Наташа, резко отдернув чашку, еще больше расплескивая кофе.

— Кто сказал, что ты будешь решать, что я пью, или не пью, а, Слава?! — она явно превысила вежливый тон. Ну и пусть! — По, какому-такому праву ты решаешь за меня? Кто ты, чтобы здесь командовать? Убирайся, катись к черту! Это, кажется, ты умеешь делать лучше всего!

Почему-то, несмотря на праведный гнев, глаза защипало от обиды и всего, что накопилось внутри.

А Слава, будто каменный истукан, все-так же невозмутимо стоял, и казалось, что его невозможно хоть чем-то задеть.

Более того, увидев, что она не дает официанту забрать чашку, он тяжело вздохнул, словно бы Ната вела себя как маленькая капризная девочка и, немного наклонившись, сам потянулся за посудинкой, собираясь, очевидно, лично забрать ее у Наташи.

— Давай, парень, — обратился он к Евгению. — Неси сюда сок, и что там у вас есть в меню. Только, чтоб готовое и..., - он на секунду повернулся к Наташе, окинул ее взглядом и снова отвернулся к официанту. — Чтоб нормальная еда была. Без всяких там сахарозаменителей и обезжиренных штук, — все тем же непререкаемым тоном закончил он.

Евгений, совершенно не ясно для Наташи, вдруг расплылся в широкой улыбке. И быстро кивнув, шустро развернулся, направившись в сторону кухни.

Наташа ошарашенно уставилась вслед своему работнику. А потом перевела глаза на Славу, который уже обхватил ее руку своей ладонью, пользуясь замешательством Наташи, и один за одним разгибал ее пальцы, вцепившиеся в чашку.

— Ты что, собрался здесь есть?! — почти прошипела она, сузив глаза.

Почему-то, весьма некстати, Наташа заметила, что он опять без пальто, в одном пиджаке. И даже без галстука. И ворот рубашки не застегнут. А на улице холодно...

Эти мысли только подогрели ее гнев. Какого черта она беспокоится об этом идиоте? Он четко показал, как относится к ней, обращая внимание на Наташу только с сексуальным интересом.

— Убирайся, — она сердито дернулась, стараясь вырвать свою руку из его цепкой хватки. — Иди к черту! Куда угодно катись! Я не позволю тебе здесь есть!

— А я и не буду, — ничуть не взволнованный ее гневными криками, все с той же невозмутимостью ответил Святослав. — Есть будешь ты.

Он опять потянул чашку.

И это оказалось последней каплей для нервов Наташи. Она уже ничего не понимала.

Резко дернувшись, Ната вырвала руку и, замахнувшись, просто кинула чашку на пол, вложив в этот импульсивный поступок всю накопившуюся за последние недели злость.

Секунды, потребовавшиеся, чтобы посуда коснулась пола, показались ей странно-долгими.

Но, наконец, керамика ударилась о кафель с громким звоном.

Чашка раскололась на кусочки, а черный, все еще горячий кофе, расплескался, обливая все вокруг: пол, ножки стола...брюки и туфли Славы.

С какой-то отрешенностью глядя на это, Наташа даже пожалела, что попросила Сергея сделать эспрессо, и в чашке оказалось так мало жидкости.

На миг в зале повисла полная тишина.

Даже музыка, как ни странно, перестала играть. Наверно, как раз шла пауза между мелодиями.

Пару раз моргнув, созерцая то, что натворила, Наташа перевела глаза на лицо Славы.

Он... улыбался, глядя на нее.

И, более того, казалось, что очень старается сдержаться, чтобы не захохотать.

Она не понимала его.

— Ладно, можно и так, — невозмутимо пожал плечами Святослав, поймав взгляд Наташи. — А теперь — сядь, — и он повелительно кивнул на кресло.

Наташа моргнула, все еще немного шокированная тем, что такое сделала.

Краем глаза заметила, как юркнула в подсобку одна из официанток, наверное, за шваброй и

ведром. Повернулась к Сергею, который наблюдал за этим представлением и, казалось, никак не мог решить, за кого «болеть» в этом противостоянии характеров.

А потом, вновь посмотрела на Славу.

— Уходи, — хрипло прошептала Ната, поняв, что злость куда-то ушла. В душе не осталось ничего, кроме обиды и боли. И такой любви к этому невыносимому мужчине, что хотелось сесть на пол, прямо в эти осколки и пролитый кофе, и зареветь.

— Уходи, Слава. Я не выдержу больше.

Он тяжело вздохнул, но не отвел глаз от ее взгляда, в котором наверняка, все чувства читались как на ладони.

— Этот метод я уже пробовал, солнышко, — так же хрипло прошептал он ей в ответ. — Для нас с тобой — он не работает, — Слава чуть повернул голову, заметив, очевидно, Евгения, который невозмутимо шел в их сторону, неся поднос с едой. — Сядь, — более решительно и жестко, повторил он свой приказ.

И Наташа, сама не понимая, почему, подчинилась.

Наверное, уже просто не было сил стоять на подгибающихся ногах.

Дождавшись, пока Евгений поставит поднос на стол, Слава кивнул, и благодаря, и отсылая парня одновременно. Расстегнув пиджак, он сел за этот же столик. Но не напротив, а рядом с Наташей, взяв стул у соседнего стола, и поставив его сбоку.

Наташа сделала вид, что ей все равно, и просто уставилась глазами в полированную поверхность дерева, чуть отвернувшись от Славы.

На несколько секунд над столом повисло молчание, во время которого Слава (за которым она подсматривала, не сдержавшись и скосив глаза) изучал содержимое подноса.

Наконец, он кивнул, очевидно, удовлетворенный тарелкой жаркого, которое сегодня значилось в обеденном меню Кофейни, пиалой греческого салата и стаканом с апельсиновым соком (Наташе, лично, тот показался чересчур ярким, режущим глаза своей оранжевостью).

— Ешь, — подтолкнув поднос ближе к ней, приказал Слава.

Она хмыкнула.

— Не буду.

— Ната, — в голосе Святослава послышались стальные нотки. — Ешь.

— Иначе, что? — вскинула она голову, прожигая его сердитым взглядом. — Что ты сделаешь? Силой заставишь?! — поддела Наташа Славу со злой иронией.

— Заставлю, — кивнул он, ответив ей взглядом, которым вдруг стал колючим и жестким. Но было в этой зелени и еще что-то... — Если вынудишь, силой заставлю, — подтвердил он. — Но ты поешь.

Она задохнулась. И просто уставилась на него.

— Ты. Заставишь. Меня. Силой? — выделяя каждое слово, недоверчиво повторила она хриплым голосом.

Святослав кивнул.

— Ешь.

— Не хочу, — она все еще не могла поверить в то, что он угрожал ей таким, зная, что ей не хватит силы сопротивляться принуждению. Все зная о ней. — Просто не хочу.

Он не мог не понимать, что Наташа почувствует даже при упоминании о принуждении. И все-таки сказал.

Вот только, почему-то, это не разозлило ее. А наоборот, заставило пристально смотреть на него.

Для Славы оказалось настолько важным накормить ее, что он не побоялся вызвать гнев Наташи и ее отвращение к нему из-за такого метода?

— Когда ты ела? — со вздохом спросил он. — Нормально ела, Ната, хоть что-то, относящееся к категории пищи, а не кофе?

Наташа открыла рот, чтобы соврать насчет завтрака. Только так и замерла под его немигающим требовательным взглядом.

Слава кивнул, будто бы такая реакция послужила ему ответом, и еще немного подтолкнул поднос к ней.

— Давай, ешь, и хватит спорить, — констатировал он.

— Я просто не могу, — нахмурившись, она отвернулась, не совсем понимая, что же теперь чувствует.

Наташа уставилась в окно, не слыша и не замечая ничего вокруг, кроме того, что Слава с ней рядом.

Он вздохнул, пошевелился на своем стуле. Но Ната не повернулась, чтобы проверить, что именно Слава делает.

А в следующую секунду в ее сердито поджатые губы уже упиралась вилка с наколотым куском мяса.

От неожиданности, Наташа открыла рот, собираясь возмутиться, не подумав, чем это может ей грозить.

Слава же, моментально воспользовался ее оплошностью, просунув кусок дальше, ей в рот.

— Вот видишь, — заставив ее взять мясо зубами, спокойно констатировал он. — Получилось. Это не сложно.

Она дернулась, подняла руку, чтобы оттолкнуть от лица вилку, но Слава перехватил ее ладонь свободной рукой и твердо отвел назад, придавив пальцы к столешнице.

Выбрав кусочек картофелины, он наколот его на зубья вилки, и опять приставил ту к ее губам.

— Зачем? — прошептала Наташа, снова вынужденная проглотить предложенное «угощение». Лицо Славы застыло, и она увидела, как на его челюстях заиграли желваки. — Какая тебе разница, что я ем и когда? — спросила она, понимая, что, в самом деле, безумно голодна.

Слава прикрыл на миг глаза. А потом, посмотрев ей прямо в душу, поднял их ладони.

И Наташа поняла, что, не задумываясь, переплела свои пальцы с его.

Она осторожно попыталась их высвободить, прожевывая кусок еды, но Слава и этого не позволил.

Крепче сжав ладонь, он поднес их руки к ее щеке и своим большим пальцем вытер слезу, которую Наташа даже не ощутила.

— Не плачь, солнышко, — хрипло попросил Слава, и она вздрогнула, вспомнив такой же шепот, только ночью под ее домом. — Все, что касается тебя, безумно важно для меня, — вдруг признался Слава.

Наколов еще мяса, он поднес вилку к ее рту, продолжая кормить Наташу. А она после этих слов и такого взгляда — уже не могла сопротивляться.

— Тогда, — Ната моргнула, стараясь прояснить взор от слез, и послушно глотнула сок, стакан с которым Святослав прижал к ее губам, отложив на минуту вилку. — Почему ты ушел, Слава? Почему раз за разом оставляешь меня?

Он шумно втянул в себя воздух и очень осторожно отставил стакан, будто бы опасался, что может раздавить стекло. Ната видела, как напряжены его пальцы.

После этого, Слава откинулся на спинку стула и... потянул ее за их сплетенные руки.

Ничего не понимая, она подчинилась, тут же оказавшись сидящей у него на коленях. А в губы ей уже упиралась новая порция еды.

— У меня проблемы, солнышко, — дождавшись, пока она откусит, Слава уткнулся лицом во впадинку на шее Наташи, и крепко сжал ее спину второй рукой, сильно-сильно прижав к себе. — Очень серьезные проблемы, — не давая ей, опешившей от такой неожиданной откровенности, хоть что-то сказать, Слава заставил Наташу проглотить кусок огурца из салата. — И мне казалось нечестным втягивать в это тебя, — продолжил Слава объяснять, не позволяя ей вмешаться.

Наташе казалось, что она вся превратилась в слух, впитывая каждое его слово едва ли не всем телом, и только механически продолжала жевать.

— Знаю, что ты по полному праву можешь сердиться на меня за все, что я тебе наговорил, — он потерял носом о ее кожу, и Наташа не смогла удержать дрожь, пробежавшую по телу. — Но мне казалось, что лучше ты будешь злиться и скорее забудешь меня, чем с головой погрузишься в проблемы, которые не нужны тебе и давно, — хриплым голосом продолжал говорить Слава. — Да, согласен, наверное, со стороны я казался, да и кажусь сволочью, — прошептал он, целуя ее подбородок, и поднес еще кусочек жаркого к дрожащим губам Наташи. — Но я просто хотел уберечь тебя, потому что..., — он вытер еще одну слезу, которая катилась по ее щеке против всякой воли самой Наты. — Я люблю тебя, и хотел, чтобы ты получила в жизни самое лучшее, а не..., не меня, — как-то странно, отрывисто закончил он

вдруг и отвел глаза.

Наташа закусил губу и покачала головой, когда он попытался впихнуть ей в рот очередную порцию салата.

Немного извернувшись на его коленях, Наташа обхватила щеки Славы ладонями, чувствуя, насколько он напряжен. Каждая его мышца казалась каменной.

— Ты без галстука, — улыбаясь сквозь слезы, она посмотрела на него, ожидая, пока Святослав встретится с ней глазами.

Уголки его рта дернулись

— Я не хотел будить тебя, чтобы ты выполнила обещание, и завязала мне новый узел, — хрипло объяснил он. — Видел, что ты устала.

— Спасибо за кофе, — наклонившись к самому его лицу, Ната потерлась щекой о его щеку. — Мне еще никто такого не делал.

Он только хмыкнул, передернув плечами, и сильнее сжал ее в своих объятиях.

— Было бы за что.

— Я люблю тебя, — прошептала она ему в губы, продолжая держать ладони по бокам от лица Славы. — Люблю. И не смей больше уходить. Потому что лучше тебя — для меня никого не существует! Понял?! — она даже немного встряхнула его голову, совсем чуть-чуть. Для наглядности.

Слава усмехнулся. Его зеленые глаза вспыхнули после ее признания. Он в свою очередь обхватил ее лицо большими и горячими ладонями.

— Ната, ты же не дослушала еще, — мягко попрекнул Слава ее, короткими, властными поцелуями, втягивая губы Наташи в свой рот. — Ты же не знаешь, в чем дело.

— Мне все равно, — поддавшись, она почти легла ему на грудь, позволяя Славе целовать себя.

Ее не волновало то, что они сидели в зале Кофейни. Не беспокоило то, что вокруг существовали другие люди, посетители, официанты. Наташа просто наслаждалась теплом тела Славы, который так крепко держал ее.

— Ну, уж нет, — Слава криво улыбнулся одной половиной рта, и крепко ухватил ее за короткие пряди на затылке. — Сначала ты выслушаешь все до конца, и только потом — будешь решать, когда я уверюсь, что ты действительно понимаешь, — настойчиво пригрозил он.

Наташа вздохнула, не собираясь сейчас с ним спорить.

Оторвавшись от его губ, она с легкой улыбкой посмотрела на жесткое любимое лицо, казавшееся ей самым прекрасным. И вдруг, нахмурилась, заметив то, на что не обращала внимания раньше.

— А когда ты ел в последний раз, Слава? — подозрительно прищурил глаза, спросила Наташа у него.

Но Святослав отмахнулся, не желая отвлекаться.

— Неважно, — небрежно покачал он головой.

— Ну, уж нет, — поджала она губы, — так дело не пойдет.

Резко развернувшись, она схватила вилку и наколола на нее кусок мяса, решив, что картошка подождет.

— Ешь, — с ухмылкой повторила она его же приказ, — а поговорим после. В этот раз я не позволю тебе убежать.

Широко улыбнувшись в ответ, Слава послушно потянулся губами к вилке.

Глава 20

— Молодец, Ната! Моя девочка, — Денис удовлетворенно кивнул, наблюдая, как его сестра запустила чашкой с кофе прямо в пол, под ноги Славе. — Хотя, лучше бы в голову целилась, глядишь, ума добавила бы, — хмыкнул он.

Андрей присвистнул.

— Ух! Никогда бы не поверил, что она такое может сделать, — признал тот. — Наташа всегда такая спокойная...

Денис только сильнее усмехнулся.

— Моя сестра только притворяется разумной и сдержанной, — подмигнул он другу. — А внутри, любой итальянке фору даст, — он пожал плечами, — ведьмины гены сказываются, — Денис ухмыльнулся. — Пошли, сядем куда-нибудь, — он махнул в сторону столиков, намереваясь уйти от двери, чтобы не так привлекать внимание Наты и Славы.

Хотя тем, казалось, и так было не до пришедших.

Андрей все еще смотрел в сторону пререкающейся пары.

— И все равно, — так же усмехнулся он. — Славку ей не переспорить. И гены не помогут. Вот посмотришь, тут он победит, — с непоколебимой верой в друга, пожал плечами Андрей. — Если Слава что-то решил, хоть кол на голове чеши — все без толку. Так что, он ее накормит, — обернувшись, он подмигнул Дэну, и сам начал осматривать столики.

— Да мне то что, — Денис пожал плечами, — я только «за» то, чтобы Ната поела. Пусть наберется сил и выскажет ему все, что думает по поводу Славиного благородства, — Денис посмотрел на друга, но тот не слушал его.

Андрей оторопело уставился куда-то, в глубину зала.

Проследив его взгляд, Денис с недоумением обнаружил какую-то женщину, лет пятидесяти, которая усердно изучала меню, держа то едва ли не перед глазами. Так, что и лицо было рассмотреть трудно.

— Знакомая? — спросил он Андрея, пытаясь понять, отчего тот так удивился.

Андрей хмыкнул и недоверчиво покачал головой.

— Как сказать, — он решительно направился в сторону того самого столика. Женщина же,

казалось, не обращала на них внимания. — Это мать Славы.

— Чего?! — сказать, что Денис удивился, ничего бы не значило. Ему не понравилось такое совпадение. — Что она тут делает?!

— А я откуда знаю? — Андрей удивленно повернулся к нему. — Сейчас спросим, — преодолев оставшееся расстояние до столика, за которым, как теперь понял Денис, женщина не читала меню, а пряталась за папкой, друг свободно сел на стул. — Тетя Света, здравствуйте, — немного иронично приподняв бровь, приглушенно поздоровался Андрей.

Денис, усаживаясь за тот же столик, заметил, что женщина вздрогнула и, удивленно моргая, уставилась на них.

— Ой, привет, Андрюша, — смущенно, понимая, что ее поймали с поличным, ответила она. — Как твои дела? — спросила Светлана, явно нервничая, и не зная, куда деть папку из рук.

Улыбка Андрея стала шире. А вот Денису не было весело. Он не понимал, с какой это стати, мать Святослава сидит в кафе его сестры, и явно подглядывает? То есть, нет, он мог представить зачем. Но опасения за сестру перед самым страшным кошмаром любой женщины — «матерью любимого», настраивали его на воинственный лад.

— У меня — хорошо, спасибо, — Андрей пристально смотрел на мать друга. — Что вы тут делаете, тетя Света? — немного осуждающе покачал он головой.

Светлана виновато передернула плечами, а потом гордо вскинула подбородок, судя по всему, намереваясь защищаться.

— А чего ты ждал, когда Яну приводил сюда? — с усмешкой поинтересовалась Света. — Она сразу приехала ко мне и рассказала про девушку, «которой мой сын в страшном секрете, заказывает и дарит жутко дорогие браслеты», — Светлана хмыкнула, видя удивление Андрея, — это ее слова, не смотри на меня.

— Черт! — Андрей едва не стукнул себя по лбу от досады. — А я про браслет и не догадался, вот идиот! — он усмехнулся. — «Тридцать тысяч, золото, платина...», — его усмешка перешла в хохот, который Андрюха пытался подавить. И Денис, и Светлана, с недоумением смотрели на него. — Вот это я сглупил, — он покачал головой. — И вы решили прийти на нее посмотреть? — отдышавшись, он опять повернулся к женщине.

Светлана снова начала мучить несчастную папку с меню.

— Ну, да, в общем-то, — Света передернула плечами. — Ты не можешь меня осуждать, — она грозно посмотрела на приятеля своего сына, будто предупреждая. — За десять лет, это впервые, когда мой сын решил забыть глупости, которыми набил свою голову, после той идиотки.

— Идиотки? — тут уже вмешался Денис, потерявшись в русле разговора. — Это вы о чем? — ища ответа, он повернулся к Андрею.

Светлана вопросительно посмотрела на Дениса, а потом, осуждающе, на Андрея, напоминая тому, очевидно, что он не удосужился их познакомить.

Оказавшись под перекрестными осуждающими и требовательными взглядами, Андрюха хмыкнул.

— Забудь, — махнул он рукой на вопрос Дэна, — была у нас в университете одна цаца, которая вбила Славе в голову, что ни одна нормальная девушка не будет с ним встречаться, потому как он — хромой, если только не из-за денег. Дура, что тут еще скажешь, — он пожал плечами. И перешел к решению второго вопроса.

— Тетя Света — это Денис, брат Наташи, Дэн — это Светлана Михайловна, мать Славы, как ты уже понял, — наконец-то представил он их. И тут же, посмотрев в сторону другого столика, который они трое очень старались «не замечать», довольно угукнул. — Ну вот, — усмехнулся Андрей, пока новые знакомые присматривались друг к другу. — Я же говорил, Слава ее накормит, — Андрюха, с видом превосходства, откинулся на спинку своего стула.

Светлана и Денис перевели глаза туда же, наблюдая за тем, как Святослав, раз за разом, подносил вилку к губам недовольно хмурящейся Наташи, заставляя ту есть.

— Молодец, мальчик, — довольно кивнула Света, соглашаясь с Андреем. — Наташе, действительно, надо хорошенько поесть...

— Молодец?! — Денис хмыкнул. — Интересно, а кто ее до такого довел, как не ваш «молодец», а? Будь он не таким упертым и гордым, Наташа бы не голодала, — все еще недовольно пробурчал Дэн, сложив руки на груди, хоть в душе и радовался, что у сестры, кажется, жизнь понемногу налаживается. Во всяком случае, ее рацион приходил в норму.

Светлане хватило такта немного виновато потупить глаза и кивнуть головой.

— Да, Слава упрям, — согласилась она. — Но где бы мой сын был сейчас, если бы не его гордость и упрямство? — вздернув бровь в жесте, который так напоминал Денису Святослава, спросила Света. — В лучшем случае, работал бы бухгалтером в каком-нибудь захудалом отделении банка, или, вообще, ненавидя всех, жил бы на господские, — поджав губы, она подняла подбородок повыше. — А то, что он не сразу доверился своим чувствам после того, как раз ошибся... это, вообще, характерно для вас, твердолобых мужчин, — Света с некоторой долей обвинения пронзила взглядом Дениса и Андрея.

Они оба тут же почувствовали себя виноватыми неясно в чем, и смущенно отвели глаза, начав ерзать на стульях.

— А Наташа сильная и замечательная женщина, — довольная тем, что смутила их, продолжила Света, — Славе именно такая и нужна. Она ему докажет, что он достоин ее, а он, — Светлана задумчиво вздохнула. — Поскольку я знаю своего сына достаточно хорошо, уверена, что он ей за эту любовь даст что угодно, — с несколько затуманившимся взором, она подперла подбородок рукой, глядя на пару, которая, уже забыв о недавних бурных эмоциях, целовалась у всех на виду.

Только спустя минуты две, Дэн понял, что их ловко обвели вокруг пальца, переместив акцент разговора со Славы.

А еще, Денис осознал, что мать Святослава не в курсе об истинной причине недомолвок между ее сыном и его сестрой.

«Что ж, не ему об этом Свете сообщать», решил Дэн, и прочел такую же мысль во взгляде Андрюхи.

— А когда это вы так хорошо разобрались в проблеме? — с доброй усмешкой, поинтересовался

Андрей, бросив перед этим предупреждающий взгляд на Дэна, чтобы тот не сболтнул чего лишнего.

— Ну, — Светлана чуть виновато улыбнулась, — я приходила сюда пару раз, разговаривала с Наташей...

— Она знает, кто вы? — удивился Денис, забыв о вежливости.

— Хм, — Света отвела глаза и немного покраснела, отбросив, наконец, папку с меню. — Не совсем..., нет, — со вздохом призналась она. — Я не упоминала того, что состою со Славой в родстве, и теперь совершенно не представляю, как она отреагирует, — неуверенно проговорила Светлана, поворачиваясь к столику, за которым уже Наташа кормила ее сына. — Боюсь, что она может обидеться и... Ой, — глаза Светы немного испуганно распахнулись, и Денис обернулся, чтобы проверить, что там происходит. — Она нас заметила, — сообщила Света, закусив губу.

Денис, увидев удивленный взгляд сестры, уже и сам это понял.

Слава почувствовал, как Наташа застыла в его руках, внимательно смотря куда-то, ему за спину.

— Что случилось, солнышко? — тут же поинтересовался он и, воспользовавшись тем, что Ната наконец-то отложила вилку, предоставив ему некоторую свободу, отломив кусочек кекса, которые только что принес Евгений, заставил Наташу взять сдобу в рот

Не то, чтобы Слава был против того, что Ната его кормила. Он, действительно, питался в последнее время в основном кофе с виски, да галетным печеньем, которое обнаружилось в шкафу на кухне, и еще оливками, которые нашел в кладовке. Отправиться в магазин — желания не было. Но приехал-то Слава за тем, чтобы накормить ее.

— Нат? — видя, что любимая не реагирует на его вопрос, и даже не заметила, чем именно он ее кормит, Слава попытался обернуться, выясняя, что же ее настолько заинтересовало. Однако, с Наташей на руках, это оказалось не так и просто сделать. — Что такое?

— Там Денька и Андрей, — как-то задумчиво протянула она. — И, по-моему, они за нами подглядывают, — сообщила Наташа ему, все еще немного хмуря брови и продолжая смотреть в зал.

Святослав усмехнулся и кивнул, соглашаясь, что от этих двоих можно было ожидать контроля за тем, что он собрался сделать. Но ему даже сердиться на них не хотелось за вмешательство в его личную жизнь. Наверное, стоило бы сказать Денису спасибо...

Да он был так счастлив, что сейчас держит Наташу в своих руках, а она его простила, что мог благосклонно отнестись к чему угодно.

«Правда, Слава все еще не сказал ей основную причину его дурацкого поведения все это время. То ли решиться не мог, то ли не хотел портить этот момент. А стоило бы уже до конца все прояснить».

Он нахмурился и попытался собраться, чтобы договорить все до конца, предоставив, наконец, Нате полную информацию о том, что ее может ждать, если она останется с ним.

Впрочем, сейчас даже операция не казалась Славе страшной. Обнимать Нату, иметь возможность целовать ее — это стоило всего. И Святослав знал, что уже просто не сможет без нее жить, чтобы там ни было. Да и сам исход возможного лечения, уже в большей степени представлялся в его разуме благоприятным.

— Странно, — пробормотала Наташа, так и не повернувшись к нему. — Я не знала, что Денис знаком со Светой. Или это Андрей? Почему они сидят вместе?

Его насторожило упоминание этого имени, да еще и совместно с Андреем...

Немного приподнявшись на стуле, Слава пересел так, чтобы суметь обернуться назад, но так и не отпустил Наташу.

Его взгляд быстро прошелся по столикам, и почти моментально нашел тот, на который смотрела Ната. Денис кивнул ему, очевидно, немного поправив, а Андрюха одобряюще ухмыльнулся, не без откровенной иронии, впрочем. И Слава мог понять ее причину.

— Ах, ты ж, черт! — он скривился, столкнувшись с виноватым взглядом собственной матери. — Что она тут делает?!

Наташа, наконец-то, отвела задумчивый взгляд от шушукующейся компании и удивленно посмотрела на Славу.

— Ты знаешь Свету?

Слава хмыкнул.

— В каком-то смысле, — пробормотал он с усмешкой, понятной только ему. А потом перевел задумчивый взгляд на Наташу. Но не удержался, прижался лицом к ее плечу, радуясь тому, что вырез у платья достаточно большой, и он мог коснуться губами ключицы и небольшого синяка на шее, который сам ей и поставил. — А вот ты ее, откуда знаешь? — наконец, заставив свои губы оторваться от ее кожи, спросил Святослав.

Наташа пожала плечами и немного поерзала, устраиваясь удобнее на его коленях. От этого движения юбка платья сбилась, и Слава почувствовал горячий изгиб ее ягодиц.

«Зря она это сделала», решил Слава, «тем более, в таких обстоятельствах».

Потому как желание, которое и так нарастало в нем с первой минуты их сегодняшней встречи, подогретое разлукой и пылом выяснения отношений — сейчас и вовсе становилось бешеным. И Наташа не могла не ощущать этого, сидя у Славы на руках.

Специально она, что ли, ерзала по его паху? Он вполне готов был заподозрить ее в таком изощренном наказании. Вот только в данный момент другие вопросы заставляли Святослава концентрировать внимание совсем не на том, чего бы ему хотелось.

Наташа передернула плечами на его вопрос.

— Ну, она уже где-то неделю ко мне в кафе приходит, почти каждый день, мы с ней общались, обсуждали кофе, о жизни поговорили немного. А что? — она непонимающе посмотрела на него.

Слава криво улыбнулся.

«Ага, так он и поверил, что его мать, по дикой случайности, приходит к Наташе в кафе о жизни разговаривать».

— Да так, ничего, — мотнул он головой и, еще раз посмотрев на потупившуюся мать, усмехнулся, легко проведя губами по шее Наташи. — Просто это — моя мама, — с некоторой иронией произнес Слава, с интересом ожидая реакции Наты.

Сначала, Наташа, казалось, вообще не поняла, о чем он говорил. Видимо, не одному Славе было сложно сосредоточиться на окружающем, когда внутри разгоралось желание от их близости. Однако он мог бы поспорить, что четко уловил момент, когда пелена подавляемого желания в синих глазах сменилась удивлением, а потом... растерянным испугом?!

Слава едва не рассмеялся.

— Кто?! — громко переспросила Наташа, чуть не соскочив с его коленей. — Твоя кто?! — так же громко переспросила она, не замечая своего тона, и уставилась на Свету, которая, похоже, поняла, что разговор зашел о ней.

— Моя мать, — повторил Святослав, крепче сжав руки, вокруг растерявшейся Наты, даже и не думая позволить ей отодвинуться. — А что, — с усмешкой спросил он, — ты не знала?

Наташа еще пару секунд ошарашенно поглядела на него, а потом как-то медленно, словно пребывая в ступоре, покачала головой.

— Черт! — пробормотала Ната, и Слава с удивлением заметил, что на ее щеках выступил румянец. — О, Боже..., - Наташа закрыла глаза ладонью, и потерла пальцами лоб, стараясь вдохнуть поглубже. — Твоя мама..., - потрясенно повторила она и, застонав, уткнулась лицом в грудь Славы. — А я ей о нас с тобой рассказывала, и о том, что не понимаю твоих поступков... о-о-ох...

Слава осмыслил пару секунд эту информацию и, откинув голову, рассмеялся.

— Уверен, она не обрадовалась твоему рассказу, — отсмеявшись, Слава обхватил пальцами подбородок Наты, попытавшись заставить ее посмотреть на него. — Чувствую, мама мне прочтает не одну нотацию, — он хотел подмигнуть любимой, но та все еще не смотрела на него.

Наташа сопротивлялась, не желая отрываться от его рубашки, в которую уже успела вцепиться пальцами.

— Ната, солнышко, ты что? — немного удивленно, нежно спросил он, целуя ее взъерошенную макушку. — Ты расстроилась?

— Я... — она задумалась. — Я еще не определилась, — честно признала Ната, и ее голос звучал глухо из-за того, что она говорила ему в грудь. — Мне понравилась Света, и общаться с ней всегда было интересно. Но..., черт, она мне нравилась как подруга, а не как твоя мать! — немного раздраженно проговорила Наташа, и наконец-то, подняла голову.

Слава улыбнулся кончиками губ, погладив пальцами щеку Наташи.

— Ну, я не думаю, что ее сильно портит этот факт, — сделав серьезное выражение лица, задумчиво протянул он. — То, что она моя мать, — пояснил Слава нахмурившейся Наташе. — Как по мне, так это ее даже красит...

— Слава! — ощутимый толчок ее кулака ему в плечо, заставил его сделать более серьезный вид.

Хотя, видит Бог, сейчас Слава был слишком доволен жизнью, чтобы хоть что-то воспринимать серьезно. После всех этих недель напряжения, попыток уйти, и гнева на себя, что раз за разом возвращается, Слава просто наслаждался каждым мгновением. И даже предстоящий разговор уже не казался настолько сложным.

Вздыхнув, он притянул Наташу назад, в свои объятия и, уже убедившись в том, что с Натой лучше не играть в прятки, постарался поймать взгляд мамы. Когда ему это удалось, он махнул головой и поманил ее пальцем, предлагая присоединиться к ним.

Света начала мотать головой из стороны в сторону, похоже, испугавшись не меньше, чем Наташа.

Но тут, разгадав, очевидно, план Святослава, подключился Денис, который вместе с Андреем, как-то уговорил Светлану, все же, покинуть свое место.

Наташа только вздохнула, наблюдая, как двое мужчин сопровождают мать Славы к их столику. На ее взгляд, это чем-то напоминало конвоирование пленного. Во всяком случае, просматривалось в глазах матери Славы нечто такое, затравленное...

Впрочем, наверное и у нее самой во взгляде сейчас имелось подобное выражение.

— Привет, мам, — немного насмешливо, но добро проговорил Слава, когда эта троица приблизилась к их столику. — Думаю, тебе стоит кое с кем познакомиться, — усмехнулся он, наблюдая за тем, как Денис, Андрей и Светлана рассаживались в креслах.

Света смущенно метнула взгляд на Наташу, а потом пожала плечами, и уставилась куда-то в пространство.

— Да мы уже знакомы, Слава, — немного неуверенно произнесла она, определенно не зная, куда деть руки.

Наташа опять вздохнула, раздумывая над тем, как же лучше поступить. В конце концов, ей не очень понравилось то, что Светлана скрыла, кем является на самом деле. Особенно, учитывая их утренний разговор.

— А я так понял, что не совсем, и одну деталь при знакомстве вы все-таки пропустили, — Слава вздернул бровь, и Наташа вспомнила, насколько ей напоминала мимика Светланы этот жест любимого. — Мама — это Наташа, женщина, которую я люблю, — все с той же усмешкой произнес Святослав, — Ната — это моя мама, Светлана.

«Ох, после такого представления, она могла вынести что угодно, пожалуй».

Андрей и Денис давились со смеху, что не укрылось от взгляда Наташи.

Она сурово посмотрела на брата, призывая его поддержать ее морально, а не насмехаться, и повернулась к Светлане, раздумывая над тем, а представилась бы она сама, будучи на ее месте?

— Думаю, то, что мы упустили эту деталь, не мешает нам общаться и дальше, правда же? —

спокойно и с улыбкой посмотрела она на Свету, постаравшись произнести все как можно уверенней.

— Разумеется, — тут же согласилась мать Славы, хватаясь за предложенный ей выход. — Мы, вообще, гораздо проще и гибче смотрим на вещи, чем мужчины, — произнесла она, с укором посмотрев на сына.

— Ну вот, как я и говорил, — шепотом прокомментировал он этот взгляд, щекоча губами ухо Наташи. — Она уже начинает меня отчитывать. Неужели надо было ей все рассказывать? — с наигранным отчаянием, спросил Святослав.

Наташа не смогла сдержать улыбку. Ей настолько нравилось, что он опять стал таким же, как в те дни, когда все было хорошо. Что Слава улыбался и шутил, и обнимал ее без всяких просьб со стороны самой Наташи — что хотелось без остановки смеяться от счастья. И какие бы проблемы у него ни были, Ната не сомневалась — вместе они со всем справятся. Оставалось только Славу в этом убедить.

— Я ей рассказала далеко не все, — так же шепотом, ответила она, подмигнув Славе. — Совершенно согласна, Света, — уже в полный голос, кивнула Наташа в ответ на реплику Светланы. — Мы на многое смотрим совсем по-другому, и гораздо проще.

— Почему-то, мне кажется, что нам не стоит спорить, — вмешался Денис, решив внять призыву сестры о помощи, — и одну женщину сложно переспорить, а уж если они собираются вместе..., - многозначительно протянул он и передернул плечами.

За что получил под столом от сестры по колену и вызвал общий смех своим наигранным оскорблением.

Но обстановка, все же, сразу стала более свободной.

Слава попытался выяснить, каким образом мама вообще узнала о Кофейне, и когда цепочка «улик» привела к Андрею, шутливо нахмурившись, одарил друга угрожающим взглядом.

От праведного гнева того спас только звонок телефона, раздавшийся как нельзя вовремя.

Извинившись перед другом улыбкой, Андрей вытащил телефон и ответил на вызов.

И тут же выругался.

— Черт! — он оглянулся, находя глазами часы, которые висели над стойкой бариста. — Да, я вижу, который час, вижу, Олег. Ну, прости, что я могу сказать, — немного виновато бросил он кому-то в трубку. — У нас тут проблемы были, — Андрей замолчал, слушая собеседника, а потом перевел глаза на Славу, и Ната увидела в этом взгляде призыв о помощи. — Да не могли мы позвонить, Олег, — продолжал объяснять Андрей. — Не могли.

Святослав, очевидно поняв, что происходит, протянул руку, немного передвинувшись, чтобы не причинить ей неудобства, молча прося дать ему телефон.

Андрей отдал трубку другу.

— Да, Олег, это Слава, — проговорил он, и сам глядя на часы. — Хорошо, мы действительно тебя подставили, — согласился он, немного пожав плечами. — Слушай, давай мы с Андреем сейчас приедем к тебе в офис, и все уладим, — Слава выслушал ответ собеседника.

Наташа же, даже находясь так близко, не могла понять ни слова. Она начала беспокоиться, не в этом ли Олеге корень тех проблем, о которых Слава говорил? Но потом отвергла подобный вариант. Уж очень невозмутимо и спокойно Слава говорил. Да и сидел все так же расслабленно и свободно, как и до этого звонка. В его теле не чувствовалось напряжения, которое свидетельствовало бы о беспокойстве...

«Ну, или во всяком случае, не о беспокойстве такого рода», с легким румянцем, проступившим на щеках, решила она, прекрасно ощущая возбуждение Славы.

— Так, — закончив говорить, Слава вернул телефон хозяину. — Нам придется теперь его уговаривать заключить контракт, поскольку на встречу ты не явился, — резюмировал он итог разговора Андрею. — Причем, заняться этим следует прямо сейчас, — немного недовольно уточнил Святослав и крепче обнял Наташу.

Андрей кивнул, и тут же поднялся, прощаясь с Денисом и Светой, а Слава повернулся к ней. Несильно надавив на затылок, он приблизил ухо Наташи к своим губам.

— Я приеду к тебе, как только освобожусь, часов в пять-шесть, думаю, и тебе придется выслушать все, солнышко, и только потом — думать о том, что решить, — словно угрожая, прошептал Слава.

— Ты меня не запугаешь, — так же шепотом, поддела она его и, развернувшись, легко поцеловала в губы. — Я люблю тебя.

— И я тебя, солнце, — со вздохом признался Слава, — до безумия сильно.

Придержав ее, чтобы помочь подняться, он оперся на стол, и резко встал, махнув Андрею.

— Пошли, — бросил он другу, в последний раз оглянувшись на Нату, уже занявшую свое обычное кресло. — И не смей кофе пить, — твердо приказал он ей. — А ты, за этим проследишь, — Святослав глянул на Дениса. — Пока, мам, папе привет передашь, — Света кивнула с улыбкой.

Раздав всем указания, он махнул рукой на прощание и они с Андреем пошли к выходу из зала.

Глава 21

10 марта, 15.23, квартира Наташи

Ее, будто толчком, выбросило из сна.

Ната резко села в кровати, жадно хватая воздух открытым ртом. М-да уж, не самое приятное пробуждение.

Впрочем, Наташа даже обрадовалась, осознав, что картины, заставившие ее кожу покрыться мелкими капельками пота, а сердце стучать, словно набат — оказались всего лишь кошмаром.

Вот, Ната всегда знала, что дневной сон — это не для нее. После него она обычно шатается сомнамбулой по квартире, и даже кофе не помогает. А сегодня, еще и кошмары.

«Пффф, надо вставать», решила Наташа, спуская ноги с постели, «да и Слава скоро должен приехать».

Осторожно ступив на свой любимый плетеный коврик, больше не доверяя этому предмету

обстановки спальни, Наташа пошла в ванную, чтобы попробовать привести себя в чувство холодной водой.

Она вернулась три часа назад, просидев в компании Светы и Деньки еще с полчаса после ухода Славы. Больше не выдержала.

Наверное, сказало все напряжение, усталость, да и сытный «завтрак», которым любимый ее накормил, сыграл свою роль в том, что все эти тридцать минут Ната безбожно зевала. Так, что, в конце концов, Света не выдержала и настоятельно посоветовала ей немедленно ехать домой.

И только рассмеялась на реплику Наташи о том, что теперь ей ясно, от кого Святослав унаследовал стремление контролировать всех вокруг. Нельзя сказать, что они полностью вернулись к тому непринужденному общению, которое имели до нового «знакомства», но обе очень старались.

«Распоряжение» Светланы поддержал и Денис, который сам проводил сонную, уставшую сестру до дома, удостоверившись, что Ната благополучно зашла в квартиру. А она, едва оказавшись дома, практически рухнула в кровать и проспала до этой самой минуты.

Промокнув лицо полотенцем от холодных капелек воды, Наташа вышла в коридор и задумчиво остановилась, прислушиваясь к своим ощущениям.

Что-то, все равно, было не так. И холодное умывание не помогло избавиться от липкого послевкусия горьковатого страха, навеянного сном.

Пальцы приходилось сжимать, чтобы те мелко не дрожали.

Наташе категорически не нравилось такое свое состояние. Да и потом, она знала, что никогда ничего просто так не бывает. И если уж подсознание пыталось достучаться до нее этим сном и непонятной тревогой — стоило разобраться.

А потому, направившись в кухню, чтобы, несмотря на запрет Славы, сварить себе кофе, она достала из сумки телефон.

Набрав в чайник воды из тонкого краника фильтра, Наташа поставила тот на подошву, подключенную к сети, и нажала на кнопку, параллельно выбирая номер в списке контактов.

— Да, солнышко? — Слава поднял трубку практически после первого гудка. — Что случилось? — тут же поинтересовался он.

— Ничего, — Наташа облегченно вздохнула, едва ли не упиваясь этим — тем, что могла дозвониться ему и просто услышать голос любимого в любой момент. — Все хорошо, просто... соскучилась, — она улыбнулась, услышав его смешок в трубке, и потянулась в шкаф за чашкой. — Я уже дома, если что, — сообщила Ната. — Твоя мать объединилась с Денькой и совместным решением отправили меня домой отсыпаться, представляешь?

— И правильно сделали, — одобрил Слава. — Я тебя так замучил, что и отпуск бы не помешал, — с нежностью, но явно слышимым самообвинением в голосе, проговорил он. — Если ты дома, я скоро приеду. Мы уже уладили то дело, сейчас заеду к себе, я уже недалеко от дома, положу документы и минут через сорок-час, буду.

— Хорошо, — довольно согласилась Наташа и насыпала в чашку сахар, поставив на столешницу упаковку сливок.

В этот момент клацнул чайник.

— Ната, — в голосе Славы тут же послышались суровые нотки, — скажи мне, что ты не пьешь кофе? — подозрительным тоном спросил он.

— Не пью, — совершенно честно призналась она, залив кипятком в уже подготовленную турку, отчего-то решив обойтись сейчас без кофеварки. Слава одобрительно хмыкнул. — Только готовлю, — с хитрой усмешкой добавила Ната, дождавшись, пока он успокоится.

— Наташа! — Слава явно был недоволен.

— Не кричи, — спокойно проговорила Ната, стараясь подавить усмешку. — Лучше следи за дорогой, ты же едешь? — уточнила она.

— Да, — все так же недовольно буркнул он.

— Вот и будь осторожен, — резюмировала Наташ, — не отвлекайся. А я тебя люблю.

Слава вздохнул.

— Ну почему ты такая упертая? — с тяжелым вздохом спросил он.

— Я?! — ошеломленно уточнила Ната. — Даже и не знаю, Слава, — с иронией поддела она его, — вероятно, от тебя заразилась, может это что-то вирусное...? — Наташа не выдержала и рассмеялась.

Слава только что-то недовольно пробурчал в ответ.

— Не злись, — продолжая усмехаться, Ната перелила кофе в чашку. — Все, приезжай скорей. Я тебя жду. И в этот раз, без всяких там глупостей, — добавила она, так, на всякий случай.

Святослав рассмеялся, но пообещал приехать как можно скорей.

— Я люблю тебя, — проговорил он так, словно, как и она сама, наслаждался возможностью говорить это вслух, и положил трубку.

Наташа обхватила керамическую чашку с веселым, подмигивающим солнцем ладонью и задумчиво повернулась к окну.

На улице наступали весенние сумерки, да и мало что можно было увидеть из-за опустившегося под вечер тумана.

Тревога внутри нарастала.

Что-то, все равно, натягивалось в ней струной, готовой вот-вот лопнуть.

Наташа набрала номер Деньки.

— Да, Ната? — брат, так же, ответил быстро. — Что-то случилось?

— Я...я не знаю, День, — честно сказала она. — У тебя все хорошо?

Денис насторожился, она чувствовала это так, словно бы видела того перед собой.

— Да, все нормально, Нат, никаких проблем, — немного подумав, сообщил Денис, — сижу дома, работаю. Что тебя тревожит?

Она задумалась.

— Не знаю, я проснулась от кошмара, думала, умоюсь — все пройдет. Но... мне страшно, Деня, — честно призналась Наташа, зная, что брат не рассмеется и не обвинит в глупости. — И внутри все в узел скручивается...И чем дальше, тем хуже.

— А что тебе снилось? — серьезно спросил брат, не отмахнувшись от ее страхов.

— Не помню, — Наташа вздохнула и присела на табуретку, сильнее прижав пальцы к чашке, греясь о горячую посуду. — Не помню, — повторила она, закрыв глаза, — только чувство дикого страха и того, что я не успеваю, осталось.

Денис шумно выдохнул.

— Я не знаю, Нат, — он что-то уронил, и в трубке прозвучало тихое постукивание, как карандашом о паркет. — Может, родителям позвони? Или Славе, ты же из-за него можешь нервничать?

— Ему я уже звонила, — Наташа задумчиво потерла большим пальцем желтый лучик солнца на белой стенке чашки. — Он едет домой, сказал, что все хорошо, и скоро у меня будет. Сейчас позвоню родителям. Вдруг, и правда, мама что-то подскажет, — согласилась она с предложением брата. — У тебя точно, все хорошо? — на всякий случай переспросила Наташа.

— Да, Нат, у меня все хорошо, — Деня говорил спокойно, будто старался и сестре передать кусочек своей силы и уверенности.

— Ладно, Деня, позвоню я маме, — вздохнула Наташа, делая глоток кофе из чашки.

— Давай, — согласился Денис. — Звони, если что, я могу приехать, — предложил он.

— Спасибо, Деня, — она с улыбкой поблагодарила брата, радуясь, что ей настолько с ним повезло.

Сделав еще глоток остывающего кофе, который, почему-то, вызывал желание его выплюнуть, Ната набрала телефон матери.

Но и разговор с ней не уменьшил неясного страха, который становился настолько подавляющим, настолько всеобъемлющим, что ей стало чудится движение теней по углам в кухне, и пальцы мелко тряслись так, что она отставила чашку, опасаясь расплескать весь кофе на пол.

«Прав был Слава», решила Наташа, «слишком много кофеина не прошло даром и, очевидно, ее нервная система сейчас перевозбуждена».

— Наталочка, я не знаю, — ощущая нервозность дочери, начала волноваться и Елена Андреевна. — Даже представить не могу, что тебя так настораживает. И у нас, и у бабушки все хорошо. Папа тебе привет передает. А если и Деня говорит, что у него все в порядке и..., - мама усмехнулась, — и твой Слава, то вообще, ни одного варианта, — Елена Андреевна вздохнула.

— Да, ладно, мам, извини, что дергаю, — вздохнула и Наташа.

Она все еще смотрела в окно, несмотря на то, что за эти пятнадцать-двадцать минут на улице стало темно, и совершенно ничего не было видно. Да и на кухне сгустился сумрак.

— Наверное, мне просто надо меньше кофе пить, — резюмировала она.

— Хм, не знаю, Наталка, не знаю, — Елена Андреевна, похоже, не считала, что страх дочери — ерунда. Но и помочь ей не могла. — Ой, подожди, тут еще бабушка хочет с тобой поговорить, — воскликнула мать за секунду до того, как Наташа собралась попрощаться.

Вздохнув, она невнятно угукнула, соглашаясь на то, чтобы мама передала трубку.

— Привет, бабуль, — стараясь придать голосу как можно больше жизнерадостности, чтобы не волновать лишний раз пожилого человека, бодро проговорила Наташа.

Однако бабушка, судя по всему, не нуждалась в подобном притворстве.

— Позвони своему молодому человеку, Тала, — серьезно, почти приказала Вера Никитична.

Ната растерялась.

— Я уже звонила Славе, бабуль, — не особо удивляясь тому, что перипетии ее личной жизни известны всей семье, ответила она. — У него все хорошо.

— Позвони ему, — отмахнулась бабушка от ее ответа, — прямо сейчас, — и... положила трубку.

Наташа недоуменно послушала гудки пару секунд, а потом, так же недоуменно уставилась на потухший дисплей телефона.

Ее начало трусить.

Казалось, что тревога вот-вот станет непереносимой. И это мучило ее настолько, что не было сил сидеть на месте.

Ната не выдержала, вскочила с табурета. Задела бедром стол, отчего чашка с кофе покачнулась и, расплескивая остывший напиток, покатилась, падая на пол. Керамика треснула, так странно, как раз посередине, расколов солнце на боку чашки надвое.

Но Наташа даже не обратила на это внимания. Лишь мимоходом отметила, что битье посуды сегодня ей удастся просто замечательно.

Трясущимися пальцами она выбрала в списке уже набранных прежде номеров телефон Славы и нажала на кнопку дозвола. Один гудок, второй, седьмой... после тринадцатого сеть сбросила вызов против ее желания.

Наташа приказала себе успокоиться и не думать о всяких глупостях.

Она только-только с ним разговаривала, еще и двадцати минут не прошло. Все хорошо, просто Слава не смог поднять трубку. Может он переодевается, или в душе, или...

Она нажала на повтор вызова...

И ей снова никто не ответил.

Наташа отдавала себе отчет, что начинает впадать в панику. Но ничего не могла с собой поделать.

Она набрала номер брата.

— Да, Ната? — даже спокойный голос Денки не добавил ей уверенности. — Ты говорила с мамой?

— Он не отвечает, Деня! Бабушка сказала, я позвонила.... но Слава не берет! — с ходу, путанно, сбиваясь, начала говорить она, и сама понимая, что голос звучит с прорывающей истерикой.

— Ната, подожди, — Денис прервал бессвязный поток ее слов. — Что случилось? Ты же сказала, что говорила с ним?

— Да, — она кивнула и вышла из кухни в коридор, — а потом, я позвонила маме, но и она ничего не знала. Бабушка взяла телефон, сказала мне позвонить Славе и положила трубку, — Наташа вздохнула поглубже, вызывая к своему разуму. — Он не берет трубку, Деня, я несколько раз позвонила. И... мне так страшно, Денечка. Ужасно.

— Ната, успокойся, — Денис говорил кратко и четко. — Давай я попробую дозвониться ему.

— Нет, Деня, пусть, лучше, я окажусь мнительной душой, но... я поеду к нему, — почти шепотом произнесла она, не понимая, отчего же так боится сказать это в полный голос. — Может, и ты подъедешь туда?

— Хорошо, — Денис не спорил с ней, и Наташа была благодарна брату за это. — Но что ты будешь делать, если его еще нет? Если он куда-то заехал по дороге?

— Не знаю..., - она только на секунду остановилась посреди прихожей, чтобы натянуть куртку, прямо поверх домашних брюк и простой хлопковой кофты, которые одела, вернувшись из Кофейни. — Может, позвоню Свете, у нее же должны быть ключи от дома сына...

— Ната, — Денис окликнул сестру. — Да его может не быть дома, понимаешь?

— Он там, — отчего-то, уверенно возразила Наташа, уже выходя из квартиры, с сумкой в одной руке и ключами в другой, зажимая телефон между ухом и плечом. — Он сказал, что уже подъезжает, а потом сразу ко мне приедет. Он не обманул бы.

— Так, я еду, — решительно сообщил Деня. — И Ната, не звони Светлане, пока, во всяком случае. Я сейчас позвоню Андрею, выясню, может у него есть ключ. Нечего мать Славы просто так заставлять нервничать, все равно, что ты ей скажешь? Что кошмар видела? Она же не знает...

Наташа поняла, что брат говорил о том, насколько в их семье привыкли доверять своим предчувствиям, и согласилась с Денисом.

— Хорошо, звони Андрею, — она вышла в туман и темноту улиц. — Я уже сажусь в машину.

— Я сейчас выйду, — откликнулся Денис, и Ната не сомневалась, что может рассчитывать на брата.

Она не знала, почему так уверена, что со Славой что-то случилось.

Возможно, из-за кошмара, или напряжения, которое после того никак не могла подавить. А может, из-за резкого приказа бабушки.

Наташа даже не представляла, что скажет ему, если приехав, выяснит, что со Славой все в порядке.

Впрочем, нет, она знала — что тут скрывать? Расскажет, что испугалась и объяснит почему. Она даже хотела, чтобы ей пришлось это сделать: сесть напротив целого и невредимого Святослава и рассмешить его своими глупыми страхами, посетовав, что того угораздило полюбить «недоделанную ведьму».

Вот только, Ната настолько сильно закусила губу, пытаясь не забывать сделать вдох, что уже ощущала во рту металлический привкус.

Когда, через десять минут, Наташа подъехала к дому Славы, дважды проехав на красный, и на протяжении всей дороги превышая скорость, машина Дениса уже стояла у ворот.

Брат ждал ее на улице.

— Никто не открывает, Нат, — сообщил Денька, едва Наташа выбралась из своего автомобиля. — Ты уверена, что он дома?

— Да, — еще больше нервничая, Наташа посмотрела на темные окна фасада. — Он сказал, что уже совсем рядом.

— Не знаю, — Денис передернул плечами, — Андрей уже едет, у него есть ключи.

— Хорошо, — кивнула Наташа, продолжая всматриваться в окна.

Ей показалось, что она видит в них отблески света, который горел на другой стороне дома. Или это отражался свет уличных фонарей?

Наташа никак не могла разобраться, а каждая секунда ожидания казалась ей невыносимо длинной. Она сама, пусть и доверяя Денису, несколько раз нажала на кнопку вызова домофона, не уверенная, что брат сделал это правильно. Может он нажал недостаточно сильно?

Или... она просто сходила с ума от тревоги, и прекрасно понимала это.

Денис ничего не сказал, наблюдая за тем, как сестра, раз за разом нажимает на кнопку связи домофона у ворот дома Славы. Он видел, насколько она нервничает, и сделал бы все, чтобы успокоить Нату, чтобы убедить, что повода совершенно не было.

Но он не мог.

После того, что Дэн узнал сегодня утром, он ничего не мог бы сказать с уверенностью о состоянии здоровья и благополучии Славы. Но и поделится с сестрой своими опасениями, которые разделил и Андрюха, когда Дэн до него дозвонился — было страшно.

Знала ли Наташа о том, что Слава мог полностью потерять способность передвигаться?

Как об этом спросить? Да и потом, стоит ли? А вдруг, это здесь вообще не при чем, а Денис только наломает дров, влезая туда, куда не надо?

Черт! Дэн искренне обрадовался, когда через три минуты на разбитой дороге частного сектора показалась машина Андрея.

Тот выскочил из салона с мрачным выражением лица, говорящим о том, что и ему не удалось дозвониться до друга.

Бросив на Дэна взгляд, полный тех же сомнений и подозрений, который крутились у него самого в голове, Андрей тут же улыбнулся Наташе, как раз повернувшейся к нему.

— Мы сегодня никак не расстанемся, — подмигнув Наташе, попытался разрядить обстановку Андрей. — Не нервничай, сейчас откроем. Славка, небось, или в тренажерной, или в подвале, и просто не слышит, — бодро говорил он, открывая узкую калитку у основных ворот.

Денис хмыкнул, задаваясь вопросом, верит ли Андрей сам в подобное объяснение? И отчего решил, что его сестра поверит в такое, явно притянутое за уши предположение.

Хоть и был благодарен другу, что тот пытался успокоить Нату.

— Сигнализация отключена, — констатировал Андрей, когда они вошли во двор и захлопнули калитку.

Дэн не знал, как тот определил это, может, были какие-то признаки, но решил не уточнять. Наташа тоже ни слова не сказала. В том же молчании они добрались до двери, которую так же открыл Андрей.

— Слав?! — громко крикнул Андрюха, заходя в холл. — Славка?!

Им никто не ответил. В коридоре горел сумрачный, приглушенный свет, который часто оставляют, даже уходя из дому, чтобы не оказаться по приходу вечером в полной темноте.

— Не знаю, может он утром забыл сигнализацию включить, — как-то растерянно пожал тот плечами, поворачиваясь к ним. — Ты уверена, что он уже к дому подъезжал? — повернулся Андрей к Наташе.

Но Денис, сделавший то же, обнаружил, что сестра даже не смотрит на них.

Уже скидывая кроссовки, которые, как оказалось, натянула на босую ногу, Наташа просто молча махнула рукой дальше в коридор.

Обернувшись, они с Андреем увидели дипломат, ключи и туфли Славы, стоящие около двери, ведущей в гараж.

Андрюха чертыхнулся.

— Я проверю гараж, подвал и тренажерную, ты, — друг повернулся к Денису — глянь первый этаж. Наташа, может, ты пока посидишь?

Но Наташа, уже не слушая Андрея, почти подбежала к лестнице на второй этаж, и только отмахнулась, когда Денис позвал ее. Крепко держась за перила, его сестра быстро взбежала по деревянным ступеням.

Переглянувшись с Андреем, они пошли за ней.

Наташа точно знала, что Слава наверху. Но не смогла бы объяснить эту уверенность никому, так же, как и всю свою тревогу.

На секунду замешкавшись у приоткрытой двери, она глубоко вдохнула и толкнула дверь, заходя внутрь темной комнаты, освещенной только отсветом лампочки из ванной.

— Слава? — отчего-то тихо спросила она, боясь повисить голос, и осмотрелась. — Слава, ты тут?

Но еще произнося этот вопрос, она его увидела.

Святослав был в комнате.

Он сидел на полу у стенного шкафа, с закрытыми глазами на напряженном лице.

Ей было видно, что одной рукой Святослав упирается в пол, а другой с такой силой держится за дверцу шкафа, что пальцы стали синими. На лбу Славы блестели капельки испарины, и он медленно, с ощутимым трудом, дышал.

Наташа испытала такое облегчение, что любимый здесь, что живой — у нее даже задрожали ноги от внезапно нахлынувшей слабости. Пришлось ухватиться за ручку двери.

Однако Слава никак не отреагировал на новые звуки в комнате. Казалось, вообще не заметил ее появления. Даже не открыл глаз. Только делал вдох, а потом выдох...

Наташа ничего не понимала. Осторожно скинув куртку на пол, она опять позвала его.

— Слав? — даже ей самой собственный голос показался слишком тихим.

Он не отреагировал.

Наташа услышала на лестнице шаги парней, поднимающихся за ней следом.

Ей показалось, что им не стоит заходить, и она надавила на ручку, закрывая дверь.

Та захлопнулась с громким щелчком, который показался почти оглушительным в тишине спальни для ее напряженных нервов.

Слава дернулся от этого звука и резко раскрыл глаза, в зелени которых Наташа, с ужасом увидела дикую боль. Какого черта?

Святослав непонимающе посмотрел на нее. Моргнул, будто принял Натю за видение. Один раз. Второй.

А потом облизнул губы и попытался что-то сказать. У него получилось только с третьего раза.

— Ната? — голос любимого прозвучал сипло и грубо, но она даже не заметила этого. — Что ты тут делаешь, солнышко? — спросил Слава, еще сильнее сжав пальцы руки, вцепившейся в дверь шкафа.

Она не знала, что сказать. Ни черта не понимала в происходящем. Единственное, что Наташа видела — ее Слава, такой сильный, такой упертый и гордый, сидит на полу.

И ему больно. Очень больно.

Наташа даже не могла вдохнуть, чтобы ответить на его вопрос. Ей казалось, что сердце сжалось, застыв, превратившись в камень от того, что испытывал любимый.

Так и не сказав ни слова, она стремительно подошла к нему и, опустившись на колени около Святослава, обхватила его плечи руками, словно пыталась укрыть его, защитить собой этого большого мужчину от боли, взять ее на себя.

Он только резко втянул в себя воздух и, отпустив шкаф, вцепился пальцами в нее, обняв Наташу с такой силой, что она почти не могла сделать вдох. Но не собиралась возражать. Лишь бы ему стало легче, хоть немного, оттого, что рядом кто-то есть.

Слава уткнулся лицом ей в шею, продолжая глубоко и тяжело дышать, в то время как его ладони сжимали кофту Наты.

— Что ты тут делаешь? — опять, так же хрипло спросил он, не отрываясь от впадинки ее ключицы. — Я бы приехал..., - она почувствовала, как Святослав сильнее стиснул челюсти и задохнулся, наверное, от новой волны боли.

— Я..., - Наташа не знала, что ответить. Упоминание о предчувствие в данный момент не казалось уместным. Она обняла его за шею, и нежно погладила волосы Славы, просто, поддерживая. — Пришла..., - единственное, что смогла придумать она в этот момент для ответа. — Что мне сделать, Слава? Как помочь? — спросила Ната, не в силах просто наблюдать за его болью.

Он дернул головой, продолжая цепляться за нее.

— Ничего. Это пройдет. Всегда проходит, — отрывисто и хрипло пробормотал Святослав ей в кожу. — Просто, в этот раз, почему-то... дольше..., - с перерывами, за которые делал вдохи, — ответил Слава. — Посиди со мной..., пожалуйста, — как-то неуверенно, тихо прошептал он, и посмотрел на нее.

Наташа закусила губу, увидев в любимых глазах, помимо боли, страх.

Ей казалось, что она почти понимала, насколько Славе страшно, что она сейчас уйдет, что он опять будет сам. И, в то же время, еще страшней от мысли, что она будет жалеть его.

подавив на корню срывающиеся слезы, Ната попыталась растянуть губы в улыбке и крепче прижала голову Славы к своей груди, словно утешая маленького ребенка.

— Я никуда не уйду, любимый, никогда, — пообещала она, легко проведя пальцами по его волосам, влажным от испарины. — Я люблю тебя.

Казалось, ее слова заставили его немного расслабиться.

Хотя Ната не стала бы спорить с кем-то на то, что руки, сжимающие ее, хоть немного ослабили свой захват. Ну и пусть, если ему так проще...

В этот момент в дверь громко постучали.

— Нат? — голос Дениса звучал приглушенно сквозь толстое деревянное полотно двери. — Вам помощь не нужна? — неуверенно поинтересовался брат.

Она не знала, честно говоря.

Святослав, словно почувствовав ее сомнения, вдруг снова вскинул голову.

— Не надо, — пробормотал он, пристально глядя на нее. — Не надо. Это пройдет. Я... не хочу... чтобы...

Он опять сжал зубы.

Она поняла, что Слава хотел сказать. Он не хотел, чтобы друзья стали свидетелями его боли.

Надавив на затылок Святослава, возвращая его голову на прежнее место, Наташа погладила темные волосы.

— Нет, Деня, — немного хрипло из-за эмоций, которые испытывала, крикнула Ната. — Мы справимся.

Брат о чем-то тихо поспорил с Андреем за дверью, но она не могла разобрать слов. А потом громко и четко проговорил:

— Хорошо, мы с Андреем внизу посидим. Так, на всякий случай.

Она услышала удаляющиеся шаги.

Слава тихо хмыкнул.

— Пришла..., - все тем же сиплым, надломленным голосом прошептал он. — И всю компанию притащила, — Святослав несильно покачал головой, словно пораженный тем, что Ната сделала.

— У меня не было ключей, — просто пояснила она, уткнувшись носом в его макушку. — Пришлось звать Деньку, а он отказался взламывать твой дом без Андрея, — подколола она любимого.

Слава слабо хмыкнул, и осторожно разжал одну руку.

Но только затем, чтобы протянуть ее вверх и обхватить затылок Наташи, прижав ее голову к своей до невозможного сильно.

— Почему ты на полу сидишь? — спросила Ната его после некоторого молчания, волнуясь о том, чтобы хоть как-то облегчить состояние любимого. — Давай, я помогу тебе до кровати пройти, — пусть и, не понимая пока, что происходит, она готова была делать все, лишь бы помочь.

Слава замер и даже перестал дышать на миг. А потом шумно выдохнул и, подняв лицо, опустошенно посмотрел ей в глаза.

— Я не могу, солнышко, — как-то потерянно прошептал он. — Не могу пока встать, не могу идти...Ната.

Она хотела переспросить, не поняв, что именно ему мешает, когда внезапно, осознала, что за все это время, Слава ни разу не пошевелил ногами.

Ей стало так страшно, как ни разу за сегодня. Так, что волоски на руках встали дыбом, а по спине сбежала струйка холодного пота. Но она не собиралась сообщать об этом Славе.

— Ничего, — как можно спокойней постаралась сказать она. — Ничего. Мы справимся, — повторила Ната то, что пару минут назад сказала брату, и поцеловала его в сжатые и закушенные губы.

Глава 22

Слава не знал, отчего в этот раз приступ длится настолько долго.

Да, он понимал, что сам спровоцировал его неловким, неосторожным движением, которого мог бы избежать, но почему же так долго, черт возьми?!

Ничто не помогало унять это ощущение, словно по его спине, раз за разом, проходит циркулярная пила.

Но даже не это пугало Славу. А что, что на фоне такой боли в пояснице, как раз там, где еще имелся слабо-желтый след синяка, в ногах он не чувствовал вообще ничего.

Ноль.

После первого, простреливающего жидким огнем чувства, которое подкосило его, заставив рухнуть на пол, Святослав вообще не мог утверждать, что у него имеются нижние конечности.

И вот это оказалось до дрожи страшным, черт возьми!

Он сидел на полу в своей спальне, заставляя себя сосредоточиться на дыхании, и думал о том, что должен преодолеть это. Должен встать, должен заставить свои ноги работать — и добраться до Наты. Слава обещал, что приедет к ней, и не мог допустить в этот раз, чтобы она подумала, будто он снова играет с ней в прятки.

Если бы он мог хоть до телефона доползти, чтобы, собравшись с силами, позвонить ей, сказать, что немного задержится...

Был момент, когда Святослав даже решил, что уже упустил и растратил отпущенное ему время.

И боль оказалась настолько невыносимой, что не оставалось сил терпеть.

Казалось, он бы согласился уже на что угодно, лишь бы это прекратить.

Любой вариант сейчас, Слава принял бы с благодарностью, даже тот, о котором умный и ответственный человек не должен был бы думать...

Но именно в этот момент, когда мысли в разуме Славы подобрались слишком близко к пути простейшего выхода, он услышал, как она позвала его.

Сначала, Слава не отреагировал, решив, что это мозг, от боли, играет с ним в странные и жестокие игры. Ведь Наташа никак не могла оказаться здесь. Она сейчас дома, в безопасности, уверенная, что с ним все в порядке...

Но ее голос прозвучал вновь, как и шум закрываемой двери, который прорвался и сквозь помутненное мукой сознание.

Святослав открыл глаза и с непониманием, неверием уставился на ту, которая давно стала личным солнцем в его вселенной.

Наташе совершенно нечего было здесь делать и, тем не менее, она находилась именно тут. Рядом с ним.

Когда ее руки обняли его, когда Слава смог сжать Наташу в своих ладонях, он понял, что ему, черт возьми, есть за что бороться! Даже с собственным телом.

Но все равно, оказалось настолько сложно признаться ей в том, что он не может управлять своими ногами.

Почему-то, это воспринималось Славой, как слабость, которую не имел права допускать мужчина. Но и скрывать дальше то, к чему он катился, не имело смысла.

Видит Бог, он не собирался вот так сообщать Нате о том, что вполне вероятно, станет инвалидом. Не сидя на полу, скорчившись от боли, не имея возможности даже передвинуться, вцепившись в любимую так, словно бы она была единственным, что удерживало его на этом свете.

Но, судя по всему, жизнь уже не интересовалась его планами, распоряжаясь на свое усмотрение.

Однако, даже в такой ситуации, он не знал, был ли еще когда-то так счастлив, как тогда, когда понял, что она останется.

Может быть малодушно и эгоистично. Может быть, категорически неправильно по отношению к ней, но Святослав не представлял уже себе, как сможет терпеть это все, если она уйдет? Не помнил, как терпел весь этот месяц...

Даже то, что он мог вдохнуть ее аромат, погладить дрожащими пальцами пряди коротких, взъерошенных волос, делало боль хоть и не меньшей, но... такой, которую он мог вынести.

Они так и сидели на полу в полутьме спальни.

Наташа распрямила свои ноги, будто бы обхватив его всем телом, руками продолжая обнимать торс Славы. А он, откинувшись на шкаф, притянул любимую к себе, уже сам, прижимая ее голову к своей груди так, как она делала до этого.

— Слава, — голос Наташи звучал приглушенно из-за того, что она уткнулась лицом ему в рубашку. — Может, нам стоит скорую вызвать? Пусть сделают тебе укол аналгетика, или еще что-то, они же должны знать, что делать? — он слышал, насколько она старалась, чтобы голос звучал ровно и уверенно.

И, черт его побери, но Слава гордился Наташей больше чем собой. Ее силой духа, ее волей. Он испытывал восторг от того, что чем-то смог заслужить Нату в своей жизни.

— Не надо, солнышко, — хрипло ответил Слава, начиная ощущать, как понемногу, пусть и мизерными шажками, утихает боль. — Они мне, вряд ли помогут. Надо просто переждать, — он облизнул пересохшие губы. — Уже становится терпимей, — он немного передернул плечом, боясь более активным жестом спровоцировать новый приступ.

На самом деле, Святослав уже чувствовал пекущую боль в пальцах ног, и как ненормальный радовался этому. Он знал, уже имел представление о том, что это ощущение предшествует восстановлению его способности управлять своим телом.

— Это и есть те неприятности, о которых ты сегодня говорил? — осторожно повернув голову, Ната посмотрела в его глаза.

Слава хмыкнул, скривившись.

— Веришь, я не думал, что ты так узнаешь об этом? — он тяжело вздохнул и постарался хоть немного пошевелить голенью. И выругался от боли, радуясь, тем не менее, что нога сдвинулась на пару сантиметров.

Наташа затаила дыхание в его руках, наблюдая за тем, что он делал.

— Я и ушел вчера только для того, чтобы вымучить у своего врача заверение в том, что это можно преодолеть, — он потерялся подбородком о ее волосы. — Чтобы, рассказывая тебе о том, что со мной происходит, иметь хоть какой-то запас твердых фактов и убеждений, доказать тебе, что могу что-то предложить, прося остаться со мною, — честно признался Слава, уткнувшись лицом в ладонь Наташи, которой она обнимала его правую щеку. — А теперь... что ж, вот она, правда, без приукрашивания, — он тяжело вздохнул, все еще с трудом отключаясь пусть и от утихающей, но все-таки мучительной боли.

— Я могу стать полным инвалидом, солнышко, — пустым голосом прошептал Слава. — Уже становлюсь, собственно. В течение года-двух, вероятней всего, не смогу передвигаться без инвалидной коляски, — он почувствовал, как она крепче прижала пальцы к его скуле, словно бы поддерживая Славу таким образом. — И единственный шанс — операция, которая, тем не менее, может привести к тому же исходу.

— Но ведь раньше у тебя не было таких..., - Наташа положила голову ему на плечо и задумалась, пытаясь подобрать слово. — Ситуаций, что ли, я не знаю, — она покачала головой.

— Не было, — согласился он, еще крепче обняв ее. — Это началось после того падения во время гололеда.

Слава почти мог себе представить, как в ее мозгу выстраивалась последовательная цепочка событий и фактов.

— Ты потому ушел тогда? — приглушенным голосом пробормотала Ната, снова уткнувшись в его грудь.

— Да, — Слава больше не думал ничего скрывать. — Я так хотел провести тот день совершенно иначе, — он горько усмехнулся, — наконец-то получил браслет, который заказал еще в Киеве..., а вместо этого — проторчал в кабинете у врача, а потом..., - Святослав горько хмыкнул. — Мне надо было подумать, что делать дальше с жизнью, с собой.... с нами... и я пропал на сутки. Чтобы после, сделать то..., что сделал.

Он не сопротивлялся, когда ее рука надавила на его щеку так, чтобы Наташа могла посмотреть в глаза Славе.

— Ты боялся, что я тебя брошу, когда узнаю? — пытливо всматриваясь в него, уточнила Наташа.

Покачав головой, Слава и сам обхватил ее лицо ладонями, ощущая, что наконец-то может расслабиться. Боль практически отпустила его тело. Но не в этом было дело.

Криво улыбнувшись, он легко поцеловал ее.

— Нет, солнышко, я боялся, что ты со мной останешься. А меньше всего я собирался превращать твою жизнь в такой кошмар, как уход за инвалидом, — с горечью признался Слава. — Только..., прости меня, но я не смог без тебя, Ната. И не смогу, наверное, — уперев пятку в пол, он подтянул левую ногу к себе, игнорируя онемение и покалывание, которое сопровождало восстановление подвижности. И, немного приподняв Наташу, посадил ее к себе на колени, так, чтобы их лица оказались напротив. — В общем-то, теперь ты знаешь все, — со вздохом констатировал Слава.

Наташа внимательно смотрела на него. Так, словно читала его душу.

— Ладно, тогда я прощу тебя за те слова, — с глубоким вздохом прошептала Ната и уткнулась Славе в шею, но он-то, все равно, увидел, что в ее синих глазах блестят слезы. — Но если ты, еще раз, решишь принять какое-то решение касательно нашей жизни сам — я тебя побью, — с угрозой в голосе, произнесла она и стукнула его кулачком в плечо.

Он улыбнулся. А потом, начал тихо смеяться, представив себе, как Ната сможет реализовать свою угрозу. Хотя, вероятно, львиную долю в этом смехе, имело место облегчение от того, что она так отреагировала на это признание.

— И не смейся, — Ната, тоже улыбнулась. — Я на многое способна, — она шмыгнула носом. — Вот позову Деню, а он Андрея прихватит. Думаешь, они вдвоем не справятся с тобой? — Наташа отпустила его лицо и вытерла глаза кончиками пальцев.

— Ну, если так, — Слава еще раз глубоко вздохнул, поняв, что боль совершенно ушла, оставив после себя только испарину на его коже, да противную слабость, заставляющую труситься каждую мышцу. — Пошли, поговорим с..., — он с усмешкой глянул на Нату, — твоими головорезами.

Но и улыбаясь, Слава знал, что ничто не смогло бы стереть из его глаз невероятной нежности и всепоглощающей любви к этой нереальной, удивительной женщине. К его женщине.

Наташа мягко улыбнулась ему в ответ.

— Ты точно готов? — тихо спросила она, поднимаясь с коленей Славы.

Он проследил за ее движением, наслаждаясь тем, что Ната рядом.

— Думаю, да, — со вздохом, Святослав кивнул. — Сейчас попробуем, — опершись на шкаф позади себя, он подтянул вторую ногу. И, резко наклонившись корпусом вперед, оттолкнулся дрожащими ногами от пола.

Наташа тут же протянула руку, словно бы собиралась удержать его, если Слава упадет.

Это тронуло его.

Она не удержала бы Славу и минуту. Не с ее пятьюдесятью пятью, хотя, нет, максимум, пятьюдесятью двумя килограммами после того, сколько он ее мучил, против его восьмидесяти восьми.

Но его любимое солнышко это не остановило. Святослав не сомневался, что если бы надо было упасть, она и упала бы вслед за ним.

Выпрямившись, Слава аккуратно ухватил протянутую ладонь Наты, и крепко сжал, зная, что

уже не сможет ее отпустить. Никогда. Что бы ни приготовила им судьба.

Андрея и Дениса они нашли на кухне. Парни сидели за столом и вертели в руках чашки.

В воздухе пахло кофе.

Но, несмотря на всю свою любовь к этому напитку, Нату едва не воротило от этого запаха сейчас. Слишком много нервов она израсходовала за эти дни, и чересчур активно пыталась заменить их этим напитком.

— Хорошая кофеварка, — небрежно заметил Денис, заведя их в дверях.

Наташа знала, что брат заметил и измученное, бледное лицо Славы, и ее собственный испуганный, но полный решимости взгляд.

Андрей только вопросительно посмотрел сначала на друга, а потом на нее.

— Да, — хрипло ответил Святослав на эту реплику. — Ната тоже так сказала, когда увидела ее в первый раз, — он так и держал все это время ее за руку.

Наташа понимала, что навряд ли является настолько уж хорошей опорой и, вероятно, было бы лучше, если бы ее любимый сильнее держался за перила, или опирался на стену, около которой они шли. Не потому, что ей тяжело, а потому, что она волновалась о Славе. Но тот только покачал головой на это предложение. Как и на ее замечание о скорой, впрочем.

Им еще многое предстояло выяснить. Во всяком случае, ее взгляды на то, как следует относиться к собственному здоровью, явно отличались от Славиных. И она обязательно с ним это обсудит. Как только он немного придет в себя. Пока же, Наташа просто стояла рядом, обняв Славу одной рукой, и переплетя пальцы другой ладони с его пальцами.

— Вам сварить? — все теми же короткими фразами спросил Дэн, поднявшись со своего места.

— Нет, спасибо, — покачала головой Наташа. — Напились уже за эти дни.

Брат хмыкнул и кивнул с видимым одобрением.

Потом поймал взгляд Андрея и кивнул на что-то, что Наташа не успела уловить.

— Вам помощь нужна? — спросил Андрей, разглядывая что-то на дне своей чашки. А потом, оставив ту, и сам поднялся.

— Нет, пока справимся, — с кривой усмешкой ответил Слава.

— Хорошо, тогда мы поехали, — мужчины начали собираться, очевидно, решив, что Нате стоит побыть наедине со Славой.

Денис наклонился к ней, целуя в щеку.

— Холодильник пустой, мы сейчас заедем с Андреем, купим чего-то, я привезу, а то вам это доверять нельзя, с голоду оба помрете, — чуть сердито пробормотал брат ей на ухо.

Она только усмехнулась.

— Спасибо, — прошептала Наташа, понимая, что, в самом деле, не решится куда-то выходить сейчас, оставив Славу. А тот настолько устал, что вряд ли осилит поездку даже в ближайший магазинчик.

Денис только передернул плечами.

— Звони, Ната, чуть что, звони, — вместо этого ответил он. — Или мне, или Андрею. Мы оба будем наготове. Вы не одни, у вас есть семья и друзья, — так же на ухо, прошептал ей Денис, и Наташа увидела взгляд Андрея, которым тот подтверждал ей каждое слово Денки, пока что-то сам говорил Славе. Наверняка, они многое обсудили и решили, пока сидели здесь, на кухне.

— Спасибо, — все, что смогла ответить она, понимая, что им со Славой вполне может понадобиться эта помощь.

Потом, проводив парней, они тихо сидели на диване в гостиной, просто упиваясь тем, что находятся в обществе друг друга. У Наташи имелись сотни вопросов. Она хотела знать все, желала едва ли не сию же минуту потребовать встречи с врачом, о котором Слава говорил, чтобы самой выслушать рассказ того об операции.

Однако Ната не знала, готов ли Слава рассказать больше за один вечер, чем уже ей открыл. В конце концов, ей было прекрасно известно, насколько этот мужчина скрытен. Потому она была благодарна за то, что ей позволено иметь в этот момент.

Денис вернулся через сорок минут. Услышав сигнал домофона, Наташа подняла голову и посмотрела на лицо любимого. Он задремал минут десять назад, так и продолжая обнимать ее. И сейчас, немного потерянно и сонно осматривался, пытаясь, наверное, понять, что именно разбудило его.

— Деня приехал, — шепотом объяснила Наташа, — я открою.

Но Слава только покачал головой и, встав вместе с ней с дивана, пошел к дверям, держа ладонь Наташи в своей горячей руке.

Слава открыл глаза с самым лучшим ощущением в мире — чувством того, что Наташа лежит рядом с ним, крепко оплетая его тело своими руками и ногами. Он знал, что проснулся, улыбаясь, но был только рад этому.

Святослав перевел глаза на ее лицо. Однако в темноте спальни, оказалось сложно рассмотреть любимые черты четко, а с этой стороны двора постоянных фонарей на улице не имелось, только те, которые реагировали на движение.

Впрочем, ему не было нужды в свете, чтобы знать, как приоткрываются ее губы, когда Ната во сне делает глубокий вдох, и как дрожат кончики длинных ресниц, когда ей что-то снится.

Осторожно передвинувшись, чтобы не разбудить любимую, Слава повернулся на бок, стараясь перераспределить нагрузку на затекшие мышцы, но так и продолжал обнимать Наташу. Ее волосы, все еще влажные после душа, охладили кожу его плеча, но даже это нравилось Святославу.

Все что угодно, лишь бы она и дальше находилась настолько близко.

Они вместе принимали душ, сразу после ухода Дэна, решив лечь спать, несмотря на раннее время. И в этот раз в их совместном купании была, пожалуй, только тягучая нежность. Слишком сильно оба вымотались, чтобы задуматься о страсти.

Хотя, нет, задуматься как раз, ему ничего не мешало. Даже бешенная, подавляющая усталость после этого чертового приступа, даже все его страхи и опасения. Тело Святослава явно и открыто реагировало на близость Наташи, когда он намыливал пенящимся мылом плавные изгибы ее груди, бедер, линию живота.

Черт! Да, у него была эрекция. И у Славы не имелось слов, чтобы хоть кому-то рассказать, насколько данный факт радует его.

Он не знал, понимала ли она, что и этой стороны отношений его состояние может их лишить, и отдавал себе отчет, что надо будет открыто поговорить об этом с Натой.

Дьявол. Не то, чтобы вопрос импотенции был простым в обсуждении для любого мужчины. Тем более с любимой женщиной. Но и секретов между ними больше не будет. Даже простого утаивания Слава не допустит.

Вздыхнув, он еще немного поменял положение, ощущая простреливающую боль в ноге. Наверное, стоило встать и выпить еще обезболивающего. Хотя, приехав домой, он сразу выпил три таблетки. Не то, чтобы те помогли во время приступа, однако.

— Слав? — сонно пробормотала Наташа, ворочаясь на его плече. — Тебе плохо? Болит спина? Ты чего не спишь?

— Нет, все нормально, солнышко, — он усмехнулся, все еще поражаясь тому, насколько чутко она реагирует на всякое его действие. — Просто, мышцы немного затекли, — пояснил он, воплощая в жизнь свое решение о честности, — пришлось менять положение. Вот я и прснулся, задумался...

— Тебе часто это причиняет дискомфорт, да? — подняв голову и подперев ее рукой, Наташа внимательно, насколько это позволяла темнота, всмотрелась в его лицо. — Я знаю, видела, что в течение дня, ты стараешься незаметно размяться. Но никогда не жалуешься, — она вздохнула.

— На что мне жаловаться? — Слава усмехнулся, проводя пальцем по ее лбу. Не видя, но зная, что между бровями Наташи залегла тонкая складка. И постарался ту разгладить. — Это мое тело, и до недавнего времени, оно служило мне достаточно исправно. А некоторые неудобства..., - он вздохнул. — Я привык жить с этим, Ната. Это казалось не большой платой за возможность самостоятельно передвигаться, — Слава пожал плечами, хоть и не был уверен, что темнота позволит ей заметить этот жест.

Наташа потерлась носом о его шею и опять вздохнула.

— Слав, — осторожно начала она. — А операция, — Ната облизнула губы, он слышал влажный звук скольжения ее язычка. — Что именно они будут делать, и насколько обещают помочь? — немного приглушенно спросила Наташа.

Он задумался.

Что ей сказать? Как объяснить то, что и сам понимал не до конца. Он же не врач, в конце концов.

— Они собираются заменить несколько позвонков протезами. По словам доктора, это уменьшит давление на нервы, которые сейчас пережаты мышцами и грыжей межпозвоночных дисков, — как можно понятней подбирая слова, постарался объяснить Слава, правда, не был уверен, что справился.

Ната задумалась на пару минут.

— Если это поможет, то почему ты до сих пор не прооперировался, черт возьми?! — наконец, требовательно спросила она и обхватила его скулу пальцами, заставив посмотреть на ее лицо, нечеткое в темноте.

Слава задался мыслью, как признаться в том, что подобно любому другому человеку, он просто боялся осложнений? А потом, махнул рукой на свою гордость.

— Я боюсь, — с горьким смешком насмешки над собой, проговорил Слава. — Мне страшно оказаться в ситуации, где ничто не будет зависеть от меня. Страшно поверить, а в результате, получить ту же самую неподвижность, только гораздо быстрее. Я всего лишь человек, солнышко. И так же, как кто угодно, боюсь такой операции.

— Но, не похоже, чтобы у нас был выбор, ведь так, Слав? — Ната так старалась говорить с оптимизмом, что Святослав не мог не улыбнуться ее попытке внушить ему уверенность. — Ты отвезешь меня к этому врачу, и я послушаю то, что он расскажет, — она положила голову ему на грудь. — Но, Слава, я хочу, чтобы ты раз и навсегда запомнил — что бы ни случилось, чем бы все не закончилось — я буду с тобой. Всю нашу жизнь. Так что, смирись, — она хихикнула, щекоча этим смехом кожу на его груди.

Господи! Он был непередаваемо счастлив смириться с таким!

Однако Слава решил идти до конца, если уж Ната настроена настолько решительно.

Глубоко вздохнув, он медленно и с паузами, мучительно подбирая слова, попытался объяснить Наташе, что в случае тех самых сорока процентов, не сможет удовлетворять ее... физически.

Черт! Говорить об этом вслух, пусть и шепотом, пусть и в темноте спальни, оказалось ничуть не легче, чем представлялось в разуме Славы.

Хорошо, хоть Ната не перебивала его, тихо лежа в объятиях Славы, пока он говорил.

И только когда, выругавшись сквозь зубы, игнорируя каменеющее в груди сердце, Святослав попытался заставить сопротивляющиеся губы проталкивать заверения, что поймет ее, если Ната будет находить эту часть естественных потребностей своего тела вне их отношений, она громко и насмешливо фыркнула, закрыв своей ладонью Славе рот.

Когда пальцы Наташи прижались к его губам, прерывая вымученные объяснения, он даже обрадовался.

Да, Слава воспользовался первым же предложением, чтобы отклониться от болезненной темы, но черт его побери! Он донес до Наташи главное — вполне вероятно, у них не будет сексуальных отношений. И наличие детей... так же могло оказаться под огромным вопросом в случае паралича Святослава.

Вздыхнув, он подчинился ее молчаливой просьбе и, поцеловав пальцы Наты, которые лежали на его губах, прижал любимую крепче к себе.

Слава не врал. Пусть мысль о том, что она может искать того, что он будет не в состоянии ей дать с кем-то другим и казалась невыносимой.

Но в праве ли Святослав будет ее винить?

— Черт! — он не удержался. — Может, все-таки, тебе стоит еще раз подумать о том, что ты выбрала, Ната? — просипел он, ненавидя себя за каждое слово.

— Слава? — Наташа вздохнула.

— Что? — все тем же надтреснутым голосом переспросил он.

— Замолчи, если ты не понял с первого раза, — со смешком объяснила она. — И потом, тебе не кажется, что слишком рано ставить крест на этой стороне наших отношений, а? — Святослав ощутил, как ее горячие, изящные пальцы, оставив в покое его рот, спустились ниже, нежно поглажив подбородок Славы.

А потом, она сама поцеловала его, поглаживая ладонью грудь Святослава.

Он не сопротивлялся.

Если Ната не хочет больше это обсуждать, Слава окажется последним, кто станет поднимать данный вопрос. Во всяком случае, до тех пор, пока тот не станет ребром, но...

Черт! Ее губы сбивали его с мыслей.

Святослав перехватил инициативу, не имея сил отпустить рот Наты, который манил и дразнил его своим пряным, влажным теплом.

Она не сопротивлялась. С тихим, искушающим смешком, Наташа изогнула голову, подставив под его жадный поцелуй свой рот, и охотно поддавалась властному напору губ Славы, пока ее пальцы продолжали спускаться все ниже, уже поглаживая, чуть царапая короткими ногтями его живот.

Чтоб его!

Он совершенно забыл, о чем они говорили. Единственным доминирующим желанием в этот момент для Славы стало стремление сжать ее плечи, перекатить Натю на спину и, спустившись ртом по тонкой жилке на ее шее, завладеть сжавшимся, упругим соском любимой. А свои бедра устроить между ее ног, прижавшись, скользя уже напряженной плотью по ее влажным складкам.

Однако стоило ему попытаться перехватить затылок Наты, чтобы осторожно отодвинув любимую, осуществить свой, шикарный, по мнению Славы, план, она с лукавым смешком вывернулась и отстранилась от его рта.

Горячие, мокрые от их поцелуя губы Наташи, порхающе и легко коснулись шеи Славы и, спустившись ниже, она лизнула его сосок.

А ее пальцы..., Боже, помоги!

Он резко втянул в себя воздух, ощутив, насколько деликатно, но до невозможного плотно ее небольшая ладонь обхватила его напряженный член. Казалось, что пах Славы обдало огнем от этого касания. Но каким же сладким оказалось это пламя, черт возьми!

Пробормотав проклятие, он опять попытался опрокинуть ее, подмяв под себя. Но и в этот раз Ната увернулась. Влажная дорожка ее поцелуев уже достигла его напряженного живота, и сейчас язычок Наташи вырисовывал мокрые и теплые круги вокруг пупка Святослава.

Даже в его, явно затуманенном возбуждением разуме, это породило подозрения.

— Наташа, — он попытался остановить ее, потянувшись к волосам Наты, не желая, чтобы она делала что-то, только, чтобы отвлечь Славу от нежеланного разговора.

Но его любимая, тряхнув своими короткими прядями, не позволила ладони Славы затормозить свое продвижение вниз.

— Тебе придется подсказывать мне, как лучше, — хрипло прошептала Наташа, и ее пальцы скользнули к основанию ствола его напряженного члена, заставив Славу глубоко и шумно вдохнуть, раздувая ноздри. Ладонь поднялась вверх. — Не то, чтобы я такое с кем-то делала, — немного смущенно призналась Наташа, и... накрыла губами пульсирующую головку его плоти.

— Ах, ты ж...! — он прикусил язык, стараясь не перейти на чересчур откровенные ругательства. А потом, не сдержавшись, дернулся бедрами вверх, глубже погружаясь в такой тугий захват ее губ, обхватывающих его. В эту непередаваемо-горячую влажность. — Ната!

Он почувствовал ее попытку улыбнуться. И это добивало, если честно. Слава глухо застонал.

Однако и не думая прекращать свою шалость, Ната немного изогнула шею, повернув голову, и еще глубже погрузила его член в свой рот.

Слава хрипло выругался.

Он не понимал, что вцепился пальцами одной руки в простыни так, что материал мог вот-вот треснуть.

Все, что Слава различал, это плавное скольжение ее губ, тепло рта Наташи на его пульсирующей плоти, и дразнящее движение ее языка, который вырисовывал спирали на вершине его члена. Но, словно бы этого было мало, ее грудь касалась, терлась о внутреннюю поверхность его бедер при каждом движении Наты, еще сильнее возбуждая Славу.

Дьявол! Святослав не знал, что она имела в виду, говоря о подсказках.

Эта женщина сводила его с ума, каждым вздохом, каждым посасывающим стоном, которые вырывались из ее горла, когда Ната снова и снова опускала голову.

Святослав не мог себе представить, чтобы вот это, можно было сделать как-то более... совершенно, разрази его гром!

Даже при том, что подобно ей самой, имел мало опыта в такой ласке. Никогда не позволял себе унижаться просьбой, а женщины проявляли мало желания оказаться настолько близко от его изувеченных ног.

Против всякого намерения оторвать ее губы от паха, Слава понял, что до невозможного крепко

вцепился в короткие пряди на затылке Наты, еще глубже погружая свое тело в ее рот.

У него не имелось сравнения для того, что он чувствовал в этот момент. Все оказалось слишком мелким и серым. Но, Слава осознавал, что его выдержка не перенесет такого напора ощущений, и он вот-вот взорвется удовольствием.

— На-га-ша, — ее имя прозвучало хриплым, низким стоном.

Почти мольбой отпустить его.

Святослав не желал, чтобы все закончилось так быстро. Он жаждал удовлетворить ее.

Однако, как и в первую их ночь, она только обхватила одной ладонью его пальцы, осторожно пытающиеся отстранить ее от тела Славы, и ускорила движения своего языка и губ.

Он не смог сдержаться.

Видит Бог, Слава старался. Но такое наслаждение, едва ли относилось к категории переносимых, черт возьми!

С низким, горловым стоном, вырвавшимся сквозь сжатые зубы, бедра Славы дернулись навстречу жадной ласке ее рта. И он, до хруста в суставах сжав свои пальцы в кулак, чтобы не причинить боли Нате натягивая ее волосы, провалился оргазм.

Слава чувствовал себя так, словно упал в солнце.

Его грудь пекло от избытка кислорода, но он не мог перестать тяжело и глубоко дышать. По телу еще пробегали волны наслаждения, заставляя ощущать себя в каком-то, нереально светлом мире посреди темноты этой спальни.

Сцепив зубы, он разжал ладонь, обхватив затылок Наташи, и заставил ее поднять голову. Святослав подтянул Нату вверх, сопровождая скольжение тела любимой по его напряженным мышцам отрывистыми вдохами.

— Ната..., - у него было вразумительных слов. Ни единого, черт побери! — Солнышко, — хрипло, низко шептал он, раз за разом покрывая ее лицо жадными поцелуями.

— Тебе понравилось? — с лукавым, довольным поддразниванием в голосе, хрипло прошептала Наташа.

— О, черт! Понравилось, не то слово, солнце, — низко усмехнулся он, впившись поцелуем в ее рот. — Это было непередаваемо. Волшебно, черт возьми! — Слава обхватил ладонями ее щеки и всмотрелся в лицо Наты, надеясь, что сделанное его любимой, не было неприятно ей. — Ната, это... черт! Я никогда еще не ощущал такого, — честно признался он.

И осознал, что начинает опять заводиться, увидев, как блестят ее глаза, а ладонями ощущая горячий румянец на щеках Наты. Черт! Она была возбуждена тем, что сделала для него! Испытывала желание, не меньшее, чем он сам...

— А я ведь использовала только верхнюю половину своего тела, Слава, — все тем же, хриплым и возбужденным голосом, прошептала Наташа, потянувшись губами к его уху.

Потребовалась пара секунд, пока в его одурманенный мозг пробился смысл этих слов.

За это время, Ната уже успешно завладела мочкой его уха и активно покусывала то.

Она дышала так же тяжело, как сам Святослав и при каждом движении грудной клетки напряженные, твердые соски груди Наты, дразнили его кожу.

Он выругался и, опираясь на руки, навис над ней, застыв на пару мгновений, просто глядя на лицо Наташи.

Господи! Он даже не рассматривал подобный вариант, когда ставил крест на их отношениях в случае его паралича.

Слава оказался ограниченным придурком! И не заслуживал любви такой потрясающей женщины, уже только потому, что готов был оттолкнуть ее, испугавшись и не обдумав, не попробовав всех возможностей. Но будет еще большим дураком, если сейчас пойдет на попятной.

— Я люблю тебя, — низким голосом признался он и, не удержавшись, завладел чуть натертыми губами Наты в алчном и требовательном поцелуе.

Она застонала, подавшись навстречу ему всем телом, с такой же страстью отвечая, с какой только что одаривала его.

Не отпуская рук Наты, Слава переплел их пальцы.

Его рот поцеловал кончики ее губ. Он прошелся по ее скулам, прикусил кожу в чувствительном месте, где шея, переходила в затылок.

С жадностью, которую сам от себя не ждал, Слава втянул в себя вершину ее груди, заставив Нату застонать, выгнуться под ним. Он потерся щекой о второй сосок, дразня тот протяжными касаниями языка, заставляя тугую горошину еще больше сжиматься.

А потом, целуя, покусывая нежную кожу живота Наташи, Слава добрался ртом до точки, касание к которой заставило задрожать все тело любимой.

— Слава! — настала очередь Наташи цепляться за его волосы.

Но, черт побери! Слава только приветствовал такой ее порыв.

Отпустив ладони Наташи, он оперся локтем о матрас, и пальцами правой руки скользнул вверх-вниз по влажной плоти Наты, упиваясь тем, что она настолько возбудилась. Его губы нежно мучили, посасывали ее клитор, дразня легким царапаньем края зубов.

Наслаждаясь каждым ее стоном, каждым протяжным вздохом, срывающимся с губ любимой, Слава снова и снова ласкал ее плоть, одновременно с этим, погружая в ее тело свои пальцы. Сначала один, потом два, растягивая влажное, но такое узкое лоно.

Наташа хныкала, всхлипывала с нуждой на каждый плавный толчок его руки.

Она выгибалась дугой под его ласками, упираясь пятками в матрас по бокам от его плеч. И так надрывно шептала имя Славы, мотая головой по подушке, что его собственное, уже вновь каменно-твердое тело скручивалось в болезненном желании.

Но Слава не собирался что-то менять. Только глубже погружал в нее свои пальцы, и не думая прекращать ласку своего рта на ее горячей плоти.

И когда Наташа сжала его голову коленями, до боли вцепившись в волосы Славы пальцами, когда ее тело сжалось, крепко сжимая, обхватывая его пальцы, он втянул, прижал губами бугорок ее клитора, продлевая наслаждение любимой. И пообещал себе, что это только первый оргазм Наташи из тех, которые он заставит ее испытать этой ночью.

Благо, до утра у них еще имелась бездна времени.

Глава 23

11 марта, 9.55, дом Славы

— Ната, солнышко, пора просыпаться, — она попыталась глубже зарыться в подушку, еще не готовая открыть глаза.

Тихий смешок Славы указал ей на то, что от любимого не укрылся этот маневр.

Одновременно с этим, Наташа почувствовала, как его теплая ладонь обхватила ее плечо, и Святослав нежно погладил то, заставляя Нату жмуриться от удовольствия.

Но все равно, просыпаться не хотелось. В конце концов, он дал ей заснуть только в полпятого. Имела же она право на отдых?

Очевидно, видя, что его действия не приносят желаемого результата, Слава сдвинул ладонью край одеяла, и Ната почувствовала, как ее, теплой от сна кожи, коснулся прохладный воздух спальни.

Наташа недовольно надула губы, но все равно, не открыла глаза.

Только попыталась опуститься ниже, чтобы опять укрыться, и в этот раз, возможно, с головой.

Смех Славы стал громче и, более того, от его хохота, так трясся весь матрас, что спать теперь было совершенно невозможно.

Большая, теплая ладонь накрыла ее грудь, спасая Наташу от холода, а ласковые губы коснулись ее щеки, около самого уха.

— Я и не подозревал, что ты такая соня, — все еще посмеиваясь, поддел ее Слава веселым голосом.

Его ладонь скользнула ниже, поглаживая живот и бедра Наташи.

Со вздохом, демонстрирующим смирение, Ната приоткрыла глаза и, недовольно прищурившись, посмотрела на Святослава сквозь ресницы.

— Давай, — увидев, что добился цели, Слава наклонился ниже, целуя ее поджатые губы. — Я уже договорился, нас ждут. А потом, поедем к Вячеславу Олеговичу, моему врачу, сможешь задать все свои вопросы, — погрузив пальцы в ее взъерошенные волосы, он нежно погладил Наташу по голове.

— Я не соня, — решила возмутиться она таким несправедливым обвинением, и ближе подползла под бок Славы, укладывая голову любимому на колени. — И практически каждый день встаю в пять, чтобы приехать к открытию Кофейни. Просто кто-то, — Наташа широко зевнула и уткнулась носом ему в живот, с огорчением отметив, что Слава уже успел одеться. А у нее никак не выходило даже глаза открыть полностью. — Дал мне уснуть только в пять! —

она обвиняюще ткнула пальцем Славе в живот.

А он опять рассмеялся.

— Хорошо, — со смехом согласился Слава, продолжая гладить ее волосы. — Когда приедем назад, ляжешь опять спать, — он наклонился и поцеловал ее закрытые веки. — Но сейчас, нас ждут, Ната. Я и так дал поспать тебе по максимуму, — Святослав прижался своим лбом к ее щеке. — Сейчас десять, а нас будут ждать к одиннадцати.

Она никак не могла сосредоточиться на словах Славы, то и дело проваливаясь в дрему. И уловила только то, что он пообещал ей отдых, когда они вернутся из больницы...

Но, к сожалению, ей некогда будет отдыхать.

Наташа грустно вздохнула, вспоминая так и не отправленный вчера заказ на зерна, с которым сегодня надо будет разобраться, и еще кучу мелких дел, которые разбивали мечты о дневном отдыхе в пух и прах.

— Мне надо поехать в кафе, заказ сделать, — подавив зевок, она обхватила колени Славы руками, не давая ему встать с матраса и лишить ее опоры.

— Наташ, — Слава говорил с таким весельем, что у нее зародилось подозрение — он потешается над ней.

Но лень было открывать глаза, чтобы проверить.

Впервые за этот месяц она знала, что все будет хорошо. Что бы там ни случилось в будущем, чем бы все не закончилось — они вместе, и эта мысль перекрывала все. Потому, наверное, и хотелось, наконец, отдохнуть от всех тревог...

— Ната, просыпайся, — Слава обвел пальцами ее скулы. — Обещаю, что ты не поедешь ни в какое кафе. Я лично привезу тебя сюда после больницы, и ты выспишься, наконец. А то я, и правда, замучил тебя, — даже в таком сонном состоянии, она прекрасно слышала, что в его голосе не звучало ни капли раскаяния, только чистая мужская гордость и самодовольство.

Наташа фыркнула, так и не открыв глаза.

— Это здорово, конечно, — пробормотала она, уже смирившись с тем, что надо подниматься, и потянулась в кровати. — Только в кафе мне все равно надо. Заказы без меня не сделают, — грустно резюмировала Наташа.

— Пару дней потерпят без тебя, — Слава отмахнулся от ее грусти словами, которые Наташа сама когда-то говорила ему. — А дела, если будет надо, потом, здесь порешаешь свои вопросы, факс и интернет у меня есть, — с усмешкой подколол он ее.

— Слава..., - Наташа вздохнула.

— Давай-давай, пора вставать, — он все-таки стянул с нее одеяло полностью. — А то опоздаем. И спорить нечего. Пора привыкать мужа слушать, — Слава пощекотал ее пятку.

«Хм...»

Наташа открыла веки и посмотрела в спокойные глаза Славы.

— А не рано, привыкать-то? — уточнила она, оторвав, наконец-то, голову от подушки.

— Да нет, — он пожал плечами, — как раз за час адаптируешься, — Слава положил на кровать ее кофту и брюки. — Одевайся, а я пойду тебе кофе сварю, — недовольно скривив губы, он еще раз осмотрел всю ее, взъерошенную с головы до кончиков пальцев босых ног. — Видно без него ты не проснешься. А нам еще к тебе заехать надо, чтобы ты переоделась перед ЗАГСом...

Она резко села в кровати, забыв о том, что хотела спать. Да так стремительно поднялась, что голова закружилась и в глазах потемнело.

— Слава... мы едем в ЗАГС? — как-то нервно, почти испуганно повторила Наташа, с трудом протолкнув комок в горле.

— Да, — он кивнул, и пристально всмотрелся в ее глаза. — Или ты передумала? — осторожно уточнил Святослав.

Она моргнула, наблюдая за тем, как сильно его пальцы сжали круглый набалдашник одного из невысоких столбиков на углу кровати.

— Я так понимаю, ты не шутил, да? — стараясь привести мысли в порядок, переспросила Ната.

Он только молча покачал головой.

Наташа закусила губу, вспоминая о том, как где-то ближе к пяти утра, Слава навис над ней, сжав ладонями лицо Наташи, и непререкаемо потребовал: «Выходи за меня замуж, Ната, пожалуйста!».

А его глаза в этот момент... Господи! Может Наташа просто начала страдать галлюцинациями на фоне переутомления, но она могла бы поклясться, что взгляд Славы горел.

Разве можно было отказать любимому? Да и потом, Ната оказалась в тот момент настолько измученной, пусть и от непередаваемого удовольствия, что готова была пообещать и подписаться под чем угодно, лишь бы ей позволили отдохнуть.

И..., да, кажется, именно она ответила: «да хоть сегодня. Только сначала, дай мне поспать...»

Зная Славу, можно было не сомневаться, что он уже решил все вопросы, чтобы, и правда, расписаться с самого утра.

— Нет, я не передумала, — потеряв лицо ладонями, сообщила Наташа, опасаясь, что Слава может неверно истолковать ее молчание. — Только, говорю сразу, — она задумчиво уставилась на пальцы своих рук. — У нас будут крупные неприятности. Моя родня не простит того, что я тайком вышла замуж, — она осторожно взглянула на любимого из-под ресниц.

Слава, уже успокоившись, сел рядом и крепко ее обнял.

— Это будет нашей тайной, — хитро глядя на Наташу, предложил он искушающим шепотом. — Мы обязательно еще раз сыграем такую свадьбу, какую и ты, и все наши родственники только захотят, — Слава поднял ее руку и поцеловал запястье под браслетом, тихо звеневшим в такт его слов. — Только, пожалуйста, выйди за меня сегодня? — вторая его ладонь обхватила ее лицо, сблизив их головы.

Святослав прижался своим лбом к ее, заглядывая в глаза Наты.

— Пожалуйста, солнце, я больше и дня не смогу без тебя, — тихо признался он. — Что захочешь тебе дам, только... — он втянул в себя воздух, словно бы за всей этой показной уверенностью, чертовски волновался и боялся, что она сейчас откажет ему.

Ната увлажнила пересохшие губы, не в силах отвести глаза от потрясающего взгляда ее любимого мужчины. И медленно улыбнулась, вложив в это движение губ все свое чувство к Святославу.

— Слава, — она обняла его щеки своими пальцами и, немного приподнявшись, села на его колени, совершенно не беспокоясь о том, что на ней не имелось ни одного предмета одежды. — Мне не нужно ничего, кроме тебя самого, — лукаво прошептала она, коснувшись губами складки между его бровями. — И, да, я выйду за тебя. Сегодня. Через час.

Не в силах сдержать счастливого смеха, Наташа прижалась к его рту в поцелуе, на который Святослав жадно ответил.

— Фактически, у нас осталось минут сорок, — со смешком констатировал он, когда, наконец, смог прервать этот поцелуй, и одарил ее взглядом, обещающим продолжение, едва они доберутся до дому.

Наташа засмеялась.

— Ладно, мне и правда надо вставать, — признала она. — А то придется выходить замуж в пижаме... которой, кстати, тоже нет, — подмигнув Славе, Ната оперлась на его руку, и резко встала.

— Черт, — она крепче сжала его пальцы, обрадовавшись поддержке твердой руки любимого.

От резкой смены положения и голода, который Наташа явно ощутила в этот момент, голова закружилась. Но на завтрак, из-за ее же собственной лени, времени уже не было.

— Похоже, я уже и кофе не успею выпить, — она отмахнулась на обеспокоенное выражение лица Славы. — Придется после, перед твоим врачом, что-то перекусить.

Святослав согласно кивнул и подал Наташе кофту, в которой она вчера примчалась к нему.

Если честно, Наташа совершенно не так представляла себе свою собственную свадьбу, когда, все же задумывалась об этом вопросе.

Определенно, не так. Не в кабинете у директора ЗАГСа, которую еще и убеждать пришлось провести регистрацию. Они были вынуждены рассказать и про операцию, и про вероятность осложнений, чтобы разжалобить суровую женщину, настаивающую на том, что «здесь» женят только через месяц после подачи заявлений. И, разумеется, не обошлось без внесения немалой суммы «помощи» на счет госучереждения.

После чего, эта самая директор, в пустом кабинете, с уже гораздо более приветливым лицом, в течение семи минут зарегистрировала их брак и лично поставила на паспорт Наты печать. Та указывала, что Наташе следует заменить его в течении месяца на новый, уже с другой фамилией в первой графе.

Определенно, не так виделось ей это событие.

Хотя, любясь безграничным счастьем в зеленых глазах Славы, когда, через полчаса после самой процедуры, им выдали заламинированное свидетельство о браке, Наташа не могла не улыбаться. Может и глупо, но она считала себя в этот момент самой счастливой новобрачной в мире.

Он же, трижды пообещал ей, что они повторят это еще раз, уже в более подходящей обстановке со всеми родственниками.

Вообще-то, Ната ни капли не сомневалась и после утреннего заверения. Она знала, что Славе можно верить. Однако Наташа вдруг поняла, что ей безразлично, как именно они поженились. Не имело значения, что на собственной свадьбе она была одета в то самое серое платье, в котором праздновала со Славой их первый Новый год. Не играло роли, что у них не было колец. Все оказалось совсем не важным. Совершенно все.

Кроме Святослава рядом.

Но все-таки, сохранить сей поступок в тайне, и совершить уже более традиционный свадебный обряд было в их же интересах. Иначе, им со Славой мог грозить серьезный скандал со стороны ее семьи, в которой все очень серьезно относились к родственным связям.

Да и Славины родители, Наташа ни капли не сомневалась, не обрадуются тому, что «дети» обошлись без них.

Забрав свидетельство, Слава, крепко сжав ее ладонь, вывел Наташу на крыльцо.

На улице стояло серое, пасмурное весеннее утро. С низкого и тяжелого неба моросил мелкий дождь, а вокруг спешили по своим делам хмурые и обеспокоенные люди.

Но Наташа могла бы поклясться, что им светило солнце.

Она счастливо рассмеялась, когда Слава крепко обнял ее, и вспомнила фразу, которая всего пару дней назад заставила ее плакать — «мою звезду эти тучи погасить не могут». Теперь она убедилась в том, что Слава не ошибался. Какая бы звезда не отвечала за их счастье — пасмурность и дождь не смогли помешать той исполнить их единственное желание.

Слава улыбнулся ей так, что у Наташи дух перехватило, словно бы он догадался, какие мысли прячутся в ее голове. А потом, крепко поцеловав Нату в губы, он вытащил из кармана телефон и, не размыкая объятий, набрал какой-то номер.

— Вячеслав Олегович, — поздоровался Слава, и Наташа напряглась, зная, что это его врач. — Я через час буду, вам удобно? — уточнил ее муж.

«Господи!», Наташа рассмеялась, назвав его так в своих мыслях. Но только покачала головой, когда Слава, все еще слушая ответ, вопросительно глянул на нее.

Закончив разговор, Слава потянул Наташу к перилам.

— Пошли, нам положен свадебный завтрак, — широко улыбаясь, Слава подмигнул. — Хотя, по времени, это будет больше тянуть на обед, — он еще ближе притянул Нату к себе и, обняв за плечи, прижался лицом к макушке, сделав глубокий вдох. — Прости меня, — тихо прошептал Слава. — Прости, что так. И даже без колец... — он расстроено нахмурил брови.

— Слава, — Наташа обняла его за пояс, послушно идя к машине. — Это не важно...

— У тебя будет самое красивое кольцо, которое только может быть, — вдруг серьезно пообещал Святослав, остановившись, и заставил ее посмотреть ему в глаза.

— У нас, Слава, — она приподнялась на носочки, поцелуем прервав его. — Я не из тех жен, которые разрешают своим мужьям ходить без кольца, — с намеком приподняв бровь, она насмешливо посмотрела на него. — Пусть все знают, что ты — мой, — она ткнула ему в грудь пальцем.

Слава расхохотался, крепче сжав свои руки вокруг Наташи.

— Господи, солнце, — он покачал головой, — да кто на меня позарится? — с усмешкой спросил Святослав.

Но она только прищурилась, и еще раз ткнула ему в грудь пальцем.

— Слава, не увиливай.

— Хорошо, — все еще смеясь, согласился ее муж. — Но я и не думал ни от кого скрывать, что ты — теперь моя по всем законам, — хриплым шепотом поддел он ее, и нежно провел пальцем по коже Наты, обводя брови и скулы. — Хотя, — он вдруг ухмыльнулся и потянул ее к машине. — Первое время, нам все же придется поиграть в шпионов, — Наташа легко и весело рассмеялась, кивком согласившись с этой идеей.

Они обедали в Кофейне.

Наташа сказала, что не собирается праздновать такой день в заведении какого-либо своего конкурента. Даже, если они просто собирались поесть перед встречей с доктором.

И Слава согласился, хоть и посмеялся, что даже не подозревал, насколько серьезно она относится к своему бизнесу.

Наташа проигнорировала эту поддевку.

Ей, действительно, не хотелось идти ни в какое другое место. И даже вероятность встречи с братом, или с матерью Славы, не могла ее остановить. В конце концов, именно здесь они познакомились два месяца назад. Так, где же еще отмечать их тайную свадьбу?

Наташа до чертиков обрадовалась, когда они добрались, наконец, до ее любимого столика. Но уже спустя двадцать минут, решила, что явно перестаралась. Пусть выбранный обед и не казался обильным, исходя из того, что Ната не ела со вчера, ее все равно начало клонить в сон.

«Впрочем, и не удивительно», решила Наташа со смешком, «она читала как-то в одном из глянцевого журналов, что новобрачной простительно быть измотанной».

Потому, несмотря на то, что единственным ее желанием в эту минуту было добраться до любой горизонтальной поверхности и заснуть, она попросила Сергея сделать ей лате, игнорируя внимательный взгляд Славы.

Муж, несерьезно нахмурившись, сообщил, что отныне будет следить за ее потреблением кофе, и чтобы отвлечь его, Ната как обычно, сама приготовила кофе для Славы.

Ей ужасно понравилось думать о нем так. Готовить для него в таком статусе — мужа.

И криво усмехнувшись, Наташа только покачала головой таким мыслям, решив, что с подобным настроем и до Домостроя недалеко.

Вернувшись на место, Наташа осмотрела зал, наполненный посетителями, пришедшими, как и они сами, обедать, и вздохнула, довольная почти всем в жизни.

Потом посмотрела на Славу, который о чем-то говорил по телефону с Андреем, решая проблемы фирмы, но продолжал держать ее за руку.

И ей неудержимо захотелось рассмеяться. А еще, позвонить Лене и Наде, и все-все рассказать подругам.

А, может быть, встать посреди зала и закружиться, раскинув руки, благодаря небо за то, что этот упрямый, недоверчивый, гордый и в то же время такой прекрасный, добрый и любящий мужчина — теперь принадлежит ей.

— Что? — Слава отнял телефон от уха, заметив ее взгляд.

— Ничего, — Наташа покачала головой и тихо засмеялась. — Я не представляю, как мы сможем это утаить, — честно призналась она, подперев подбородок свободной рукой. — Мне кажется, одного взгляда на меня будет достаточно, чтобы догадаться, — подмигнула Ната Славе. — Моей матери, так точно.

Он лениво и удовлетворенно усмехнулся, пожав плечами.

— Будем по ходу разбираться, — предложил Слава заговорщицким шепотом и, дождавшись ее смеха, вернулся к разговору.

Все еще улыбаясь, Наташа помешала свой лате.

Наконец, закончив что-то втолковывать Андрею, Слава спрятал телефон, допил свой капучино и уже серьезно посмотрел на Нату.

— Ну что, поехали? — спросил он.

И встал одним резким движением, опираясь на спинку своего кресла.

Кивнув, Наташа поднялась следом, взяв предложенную Славой руку, оставив большую часть собственного кофе нетронутым.

Вторая половина этого дня прошла менее весело.

Единственным, кто оказался полностью удовлетворен результатами встречи — был Вячеслав Олегович. Врач Святослава не скрывал своей радости от того, что подопечный, наконец-то, взялся за ум и согласился на операцию.

Во время разговора с врачом, который то и дело бросал в ее сторону взгляды, полные любопытства, Наташа поняла, что Славе, действительно, было из-за чего опасаться оперативного вмешательства.

Неудивительно, что он никак не мог решиться. Да еще, и держа это все в себе, не решаясь хоть кому-то рассказать о собственном состоянии.

Наташа снова и снова задавала Вячеславу Олеговичу вопросы, слушала разговор другого доктора, хирурга со Святославом, но так и не смогла получить иных заверений о результате, кроме обещания врачей, что те постараются сделать все возможное.

Впрочем, как она вчера и сказала в попытке ободрить Славу, выбора у них не имелось.

А ободрения и некоторую уверенность Ната могла попытаться получить и в другом месте.

В конце концов, проведя осмотр и назначив анализы, врачи сошлись на том, что операцию следует провести через десять дней.

Домой (в свой дом), Слава привез ее уже в четыре. Он действительно не позволил Наташе вернуться в Кофейню. Впрочем, благодаря тому, что Слава заранее предупредил ее, Ната захватила документы с собой, когда они обедали. Единственное место, куда Слава согласился заехать, это в квартиру Наты, признав ее доводы о необходимости иметь под рукой хоть минимальный набор личных вещей.

Даже помог Наташе собраться, кажется, весьма довольный тем, что теперь Наташа будет постоянно рядом с ним.

Однако, несмотря на все свои серьезные намерения заняться делами сразу же по приезду, Наташа, успев только переодеться в домашний костюм, уснула на диване в кабинете Славы, куда прилегла «на одну минутку», ожидая, пока муж подключит ее ноутбук.

И проснулась уже в восемь вечера, когда Слава растормошил ее, уговорив подняться в спальню.

С трудом ориентируясь, Наташа села на диване, откинув плед, которым, судя по всему, ее укрыл Святослав и, моргая, осмотрела темную комнату. Единственным источником света оказался компьютер Славы.

— Ты хорошо придумала разделить кабинет, — с мягкой улыбкой подмигнул ей муж. — А я-то волновался, что мне придется уступить тебе свой стол. Но тебе, солнышко, похоже, и дивана достаточно, — пошутил он, помогая Наташе встать.

Она только невнятно хмыкнула, понимая, что, как и обычно, чувствует себя еще более уставшей после такого сна. Одно хорошо, сегодняшнее пробуждение оказалось не в пример приятнее вчерашнего. О чем Наташа и сообщила Славе.

Он только усмехнулся.

— Ты просто вымоталась, солнце, — прошептал муж, целуя ее шею, пока, крепко держа Нату за талию, помогал ей, сонной, подниматься по лестнице. — И имеешь право отдохнуть.

— Видимо, ты отдыхал все это время лучше, — недовольно поджав губы, она обвиняюще посмотрела на него.

Но весь эффект негодования подпортил зевок, который Наташа не смогла удержать.

Слава громко и открыто рассмеялся, порадовав Наташу тем, что совершенно перестал прятать свои чувства от нее.

— Нет, солнце, я вообще, практически не спал. Так, по два-три часа, — Слава передернул

плечами. — Просто, мне не привыкать к такому ритму, — поцеловав ее в щеку, Святослав уложил Наташу в кровать и подтянул одеяло до подбородка. — Спи, — ласково пошептал он, — я еще час поработаю.

— М-да, — Наташа удобней устроилась на подушке щекой. — Первая брачная ночь у нас такая же неординарная, как и сама свадьба.

Слава широко улыбнулся.

— Не волнуйся, — она почувствовала, как его пальцы погладили ее щеку и скользнули дальше, обводя контур губ. — Я вернусь через час и разбужу свою новобрачную, — низким голосом, полным обещания, прошептал ей муж на ухо и, протянув руку, выключил светильник на тумбочке.

Глава 24

21 марта, больница

— Ну, здравствуй, Святослав, — тихий хриловатый голос, принадлежащий определенно пожилому человеку, заставил Славу удивленно обернуться к двери.

Он совершенно не представлял, отчего это интонации немолодой женщины, которая стояла на пороге его палаты, звучали так... насмешливо.

Неизвестная ему гостья, одетая в простое платье из тонкой шерсти голубого цвета и, несмотря на возраст, аккуратные сапожки на невысоком каблуке, с интересом смотрела на него.

Синие глаза, выглядевшие странно молодо, ярко выделялись на лице, которое все равно казалось красивым, пусть и явно несло на себе печать прожитых лет. Однако создавалось ощущение, что именно глаза определяли возраст их обладательницы, а не мелкие морщины и седые волосы, которые женщина собрала в пучок на затылке.

Слава нахмурился, не понимая, что именно от него хотят.

— Мы знакомы? — как можно вежливей уточнил он, внимательно осматривая невысокую фигурку своей неожиданной посетительницы.

Она показалось ему знакомой, но он никак не мог вспомнить, когда именно встречал эту женщину.

«И вообще», Слава нахмурился, «ему сейчас не с бабушками разговаривать надо, а „готовиться“ к операции. Хотя, видит Бог, он даже не представлял, что именно это, черт побери, должно значить! Помолиться, что ли? Так он не умел...»

Да еще и Ната куда-то пропала, выйдя из палаты на «одну минутку» с Вячеславом Олеговичем, чтобы решить какой-то вопрос. И вот, прошло двенадцать минут, а Ната все не возвращалась.

А Слава нервничал!

Черт. Он просто хотел, чтобы она сидела сейчас рядом с ним и, со своей обычной спокойной улыбкой, с уверенностью в синих глазах, сказала, что все будет хорошо.

Имел же он право на поддержку жены в такой момент, черт возьми?!

А вместо этого, Слава сейчас стоит и пытается понять, где он видел эту...

— Нет, Слава, — женщина улыбнулась и спокойно покачала головой. — Мы с тобой еще не знакомы... лично, — она лукаво улыбнулась, отчего в уголках глаз и на щеках его «гости» появились глубокие морщины.

А потом, не дожидаясь приглашения, медленно, немного скованно ступая, подошла к дивану, стоявшему в палате, и аккуратно, с достоинством села на синюю подушку.

— Ноги уже не те, — просто пояснила женщина Славе, который с недоумением наблюдал за ее действиями. — Тяжело долго стоять, — она вздохнула, и поправила выбившуюся из пучка седую прядь волос. — Я бабушка Наташи, — с улыбкой вдруг объяснила она, — Вера Никитична.

Святослав моргнул, и как-то неловко переступил с ноги на ногу, сразу ощутив себя невоспитанным остолопом.

— Эм, простите..., - взъерошив волосы на затылке, Слава вздохнул. — Ната не говорила, что кто-то придет, и... здравствуйте, — невольно поздоровался он.

Вера Никитична только махнула рукой, словно отменяя его извинения.

— Да ничего, Талочка сама не знала, что мы приедем, — с доброй улыбкой покачала головой она. — Мы в холле ее встретили, и она попросила меня отвлечь тебя от всяких глупых мыслей, пока..., Наташа решит кое-какие вопросы, — пояснила Вера Никитична, внимательно, изучающе осматривала Славу с головы до ног.

Так, что он почувствовал себя довольно неудобно, словно в прокуратуре или на встрече с инспектором налоговой, который всегда находил повод придрататься.

— Кгхм, — растерявшись, что случилось с ним довольно редко, он опять переступил с ноги на ногу. — А вы, с какой целью приехали в больницу? Что-то случилось? — решил Слава проявить вежливость и поддержать беседу.

Вера Никитична рассмеялась.

— Случилось, — с хитрой усмешкой кивнула она. — Муж моей внучки сегодня оперируется, мы приехали тебя поддержать, — спокойно пояснила бабушка Наты.

Слава немного опешил.

— Она вам сказала про свадьбу? — недоверчиво переспросил он.

— Ой, — Вера Никитична отмахнулась. — Нет, конечно. Тала уверена, что сможет что-то утаить от меня, но я-то ее с рождения насквозь видела, — хитро прищурившись, она подмигнула Святославу. — На ваше счастье, ее отец не так разбирается в своих детях, а то, не избежать бы вам криков и обид. Так что, с этим еще придется разбираться, — теперь синие глаза смотрели на него даже сочувствующе. — Впрочем, думаю Лена вас поддержит, а мой зять ни в чем не может отказать жене, — улыбнулась Вера Никитична.

Святослав попытался осмыслить полученную информацию. Но у него вышло не очень.

Он не мог себе представить, как кто-то мог узнать о том, что они с Натой расписались, если ни

Наташа, ни он сам никому не говорил? Им же печать в паспортах поставили, а не на лбу, в конце концов!

— Да ты не волнуйся, Святослав, — Веру Никитичну, похоже, развеселило его недоумение. — Я вашу тайну никому не расскажу, — она ему подмигнула.

— Кгхм, — он опять прокашлялся, не зная, что сказать. Слава, совершенно точно, чувствовал себя не в своей тарелке, и даже не представлял, как ему разговаривать с новой родственницей. — Так, а зачем вы приехали в больницу? — как-то невпопад уточнил он опять.

— Слава, ты теперь — один из нашей семьи, — спокойно пояснила женщина, — а семья — это самое ценное, что есть у человека. Вот мы и приехали, для моральной поддержки.

— Мы? — переспросил он, совсем растерявшись.

— Да, я, Денечка, родители Наты, — все с той же спокойной улыбкой перечислила Вера Никитична.

Святослав подумал, то ему стоит сесть.

Черт! Он совершенно не хотел никакой «моральной поддержки», кроме Наты. Даже своим родителям запретил приходить сюда. Ну что толку им топтаться в коридорах? Все равно, это никак не повлияет на исход.

Мысль же о том, что сейчас в его палату ввалится вся семья Наташи его... настораживала.

Ага, совсем чуть-чуть.

— Да не переживай, — от Веры Никитичны не укрылось его волнение. — Они сюда пока не придут. Наташа предупредила, что тебе сейчас не нужна лишняя шумиха. Девочка очень за тебя переживает, готова от всего мира защищать, — она с гордой улыбкой покачала головой.

Немного успокоившись, улыбнулся и Слава. В целом, бабушка Наты даже начала нравиться ему.

— Да, я знаю, что мне с ней повезло, — с любовью к жене, которая явно слышалась в голосе, кивнул Слава.

И посмотрел на часы, отмечая, что с момента ухода Наташи прошло уже семнадцать минут.

Да где же она, черт возьми?!

— Повезло? — переспросила Вера Никитична. — Думаю, простой случай не вынес бы всех тех дурных поступков, что ты творил, — она немного строго поджала губы. — Я уверена, что это нечто больше, чем просто счастливая случайность, Святослав.

Он опять потерял нить ее рассуждений.

— Было время, когда мне хотелось приехать и хорошенько стукнуть тебя, — продолжала сурово говорить женщина. — Это же надо до такого додуматься?! — она едва не всплеснула руками, как ему показалось. — В общем, так, — после секундного молчания, Вера Никитична опять улыбнулась ему. — Смотри мне, береги Талочку, — она пристально посмотрела Славе прямо в глаза.

Святослав решил, что самым безопасным выходом будет просто кивнуть.

Что он и сделал.

— Вот и хорошо, — бабушка Наташи откинулась на спинку дивана. — Не волнуйся, — заметила она, перехватив его очередной взгляд на часы. — Она скоро вернется.

Слава уже хотел спросить, не знает ли Вера Никитична, куда, собственно, вообще запропастилась его жена, когда в открытую дверь палаты громко постучали.

Подняв голову, он встретился глазами с Андреем.

Друг махнул рукой, здороваясь, и зашел, вопросительно посмотрев на собеседницу Святослава.

— Привет, — Андрей пожал руку, которую Слава протянул. — Ты как?

— Нормально, — Слава пожал плечами, не особо готовый обсуждать собственные опасения в присутствии Веры Никитичны.

Представив их друг другу, он посмотрел на Андрюху.

— Что-то случилось? — спросил он у друга. — Или ты тоже, в качестве моральной поддержки приехал, — с усмешкой, за которой пытался спрятать собственную растерянность, уточнил Слава.

Андрей улыбнулся.

— Я видел Дэна внизу, — сдерживая смех, сообщил он, — и познакомился с его и Наташиными родителями. Думаю, поддержки тебе на три операции хватит, без меня обойдешься, — Андрей похлопал Славу по плечу, давая понять, что, несмотря на шутку, все равно переживает.

Святослав кивнул, и так зная об этом.

Кивнув в ответ, Андрей вытащил из кармана какую-то коробку и протянул Славе.

— Вот, сегодня привезли, едва ли не с автоматами доставили, — с усмешкой сообщил он, передав другу небольшую, упакованную в обычную почтовую бумагу посылку. — От швейцарских партнеров.

Слава крепко сжал коробку и впервые за сегодня улыбнулся по-настоящему и широко. Он даже не надеялся, что они справятся за десять дней.

Это радовало, все-таки.

И Андрей, и Вера Никитична, которая тихо сидела на диване, не вмешиваясь в разговор друзей, с интересом наблюдали за его реакцией.

— Что там? — поинтересовался Андрюха.

Но Святослав только шире усмехнулся и покачал головой.

— Потом узнаешь, — отмахнулся он. — Спасибо, Андрей.

— Да не за что, — ухмыльнулся друг, а потом, немного потоптавшись с ноги на ногу, пожал

плечами. — Ладно, Слав, пойду я... с Дэном поболтаю, — он махнул рукой на прощание и вышел в коридор.

А Святослав, задумался над тем, что вероятно, несмотря на все свои заверения, Андрей станет еще одним из тех, кто будет стоять в коридоре, ожидая окончания его операции.

Черт! Не то, чтобы он хотел такой шумихи вокруг себя и своего здоровья.

Но, хоть Нате будет не так одиноко...

— Ей понравится, — со сдержанной улыбкой произнесла Вера Никитична, поднимаясь с дивана. И пошла к двери вслед за Андреем.

Слава моргнул, ничего не поняв.

— Только, сразу отдай ей, а то потом еще и не вспомнишь, — бабушка Наташи тихо засмеялась, словно бы сказала какую-то шутку.

Он совершенно не понимал ее, но кивнул, начиная подозревать, что возраст берет свое и Вера Никитична не совсем понимает, о чем говорит...

— И да, Слава, — она застыла на пороге, вновь одарив его пронзительным взглядом молодых синих глаз, совсем как у его Наты. — Надеюсь, мне больше не придется срочно вызывать Дениса к себе в село, спасая твою непутевую голову? — Вера Никитична строго приподняла аккуратную, ухоженную седую бровь.

А Слава, вероятно, с растерянным выражением на лице уставился на нее, как-то невпопад вспомнив, как Денис застрял в селе, и потому именно Слава отвозил его сестре таблетки... после чего они долго разговаривали на ее кухне. Вспомнил восьмое марта, которое его друг, кстати, тоже провел в селе у бабушки, пока Слава, в каком-то смысле, мирился с Наташей...

Почему-то, у него пересохло в горле и пришлось приложить усилия, чтобы сглотнуть.

— Хорошо, — несмотря на его молчание, Вера Никитична довольно кивнула, — тогда я пошла. И не волнуйся, все будет хорошо, — с уверенной улыбкой сообщила она Славе, выходя из дверей.

А он, еще пару секунд посмотрев ей вслед, вдруг расхохотался.

Черт побери! Похоже, что Слава-таки женился на ведьме, к тому же — потомственной. Но, по всему выходило, что он был чертовски рад этому.

Когда, через пару минут в двери зашла Наташа, Слава все еще посмеивался.

Ната удивленно посмотрела на него, остановившись посреди палаты, в которой ему предстояло провести следующие десять дней, минимум. И в которой, как категорически заявила Ната всем врачам, она будет жить с ним до самой выписки.

— Все нормально, Слав? — уточнила его жена, немного приподняв бровь и, подойдя к тумбочке у дивана, положила на ту какие-то бумаги.

Он не сдержался, опять засмеялся, но кивнул.

— Замечательно, солнце, — протянув руку, Слава ухватил запястье Наташи и потянул ее к дивану, заставив сесть с ним. — Я с твоей бабушкой познакомился, — объяснил Слава.

С удовольствием, граничащим с облегчением, словно попал на свежий воздух после удушья, он зарылся лицом в ее волосы. Те уже были не такими короткими, как во время их первого знакомства.

С заботами о нем, ей, похоже, совершенно некогда, оказалось, попасть в салон. А может, рядом с ним, Нате уже не было так страшно...

Славе хотелось бы верить во второй вариант.

— И что такого смешного сказала бабушка, что ты до сих пор смеешься? — подозрительно осмотрев его, уточнила Ната.

— Не важно, — махнул головой он. — Интересная она у тебя.

— Это я знаю, — с улыбкой согласилась Наташа.

И, с легким вздохом, обняла его, довольно зажмурившись.

Святослав нежно поцеловал ее прикрытые веки.

— Ната, — погладив щеку любимой тыльной стороной ладони, позвал он ее. — Я хочу кое-что показать тебе, — с улыбкой, которую не мог сдержать, Слава потянулся к посылке, принесенной Андреем.

Не открывая глаз, она улыбнулась.

— Странно, я тоже хотела кое-что показать тебе, — с непонятным смешком протянула Наташа и, наконец-то, посмотрела на Славу.

— Я первый, — у него, почему-то, сел голос, когда Слава посмотрел в глубокие, безгранично счастливые глаза жены.

— Хорошо, — спокойно согласилась Ната, — мне торопиться некуда. Ой, что это? — вдруг спросила она, с интересом рассматривая коробку в руках у Славы, которую только что заметила.

Он промолчал, только шире улыбнулся и, хитро посмотрев на жену, беспощадно разорвал упаковку.

Наташа с любопытством посмотрела на небольшую черную коробочку, которая оказалась под несколькими слоями картона и уплотнителя.

Уже предвкушая ее реакцию, Слава аккуратно снял крышку.

— Ох! — Ната задохнулась, прижав пальцы к округлившимся в изумлении губам, и пораженно перевела глаза на него.

Но, не удержавшись, опять метнулась глазами к коробочке.

На белом бархате подкладке, в специальном креплении, лежало кольцо из белого золота и платины, выполненное в стиле, похожем на браслет, который Святослав подарил Наташе

раньше.

Оно было широким, даже массивным, пожалуй, шириной почти в два сантиметра. Только, вместо колокольчиков, на кольце имелась наружная гравировка в виде солнца, с расходящимися лучами и россыпь звезд из маленьких бриллиантов и сапфиров цвета ее глаз.

Слава сам придумал эскиз.

И очень, очень сильно уговаривал ювелиров воплотить его в кратчайший срок. Все те четыре часа, которые Ната проспала на диване в его кабинете в день их свадьбы. И, не за просто так, разумеется, те все же пошли навстречу партнеру.

Разумеется, он не думал, что будет вручать его любимой в больничной палате за полчаса до операции. Но, в их жизни, кажется, все шло не так, как они планировали. Однако разве это помешало им быть настолько счастливыми?

Наташа все еще не могла найти слов, только пораженно вздыхая и смотря то на него, то на кольцо.

— Нравится? — с дурацкой, счастливой улыбкой, спросил Слава.

— О-чень, — она кивнула с благоговейным шепотом.

Но тут же, все равно, нахмурилась.

— Оно поразительно красивое, Слава. Самое красивое, как ты и обещал, — Наташа осторожно протянула палец, словно хотела дотронуться, но так и не решилась.

Улыбка Святослава стала гордой.

— Но! — его жена прищурилась и с некоторой долей обвинения посмотрела на него. — Оно одно?! — она вздернула бровь.

Слава ждал этого, черт возьми!

Улыбнувшись еще шире (хотя, казалось бы, куда уж?), Слава поставил коробочку на ее колени и осторожно поддев пальцем украшение, наполовину погруженное в опору, потянул его вверх.

Наташа ойкнула, когда на его пальце, одно кольцо распалось на два, разделив узор на равные половинки.

Вот только на кольце с большим диаметром, имелась лишь одна звезда из сапфира.

Слава специально попросил так упаковать украшения, плотно пригнав их, чтобы создавалась иллюзия полного единства.

Для него это много значило. Как и для Наты, он не сомневался.

— Слава!! — в этот раз она всхлипнула, с гораздо большим воодушевлением, и крепко обхватила его шею руками, уткнувшись носом в плечо Славы. — Это прекрасно, Слава... — она замолчала, словно не могла подобрать слов, а потом, шмыгнула носом. — Вот умеешь ты делать подарки, — со смешком, закончила его любимая, и вытерла со щек слезы.

И так при этом улыбалась, что у него перехватило дыхание.

Слава не нашел слов.

Просто протянув руку, обхватил пальцы Наты.

Он поцеловал ладонь жены, осторожно надев кольцо с половиной солнца и россыпью звезд на безымянный палец ее правой руки.

— Так красиво, — прошептала Наташа, сквозь капающие слезы глядя на украшение, поблескивающее на ее руке. — Словно солнцу на закате...

— На рассвете, солнышко, — хриплым голосом поправил Слава жену, — оно встает, когда на небе еще видны звезды, а впереди — целый день... Эй, я не собирался тебя расстраивать! — почти испугался Святослав, видя, как Наташа закусил губу, словно сдерживала рыдания. — Ты что? Тебе не нравится?! Мы закажем другое, только не плачь, солнышко, — он притянул ее к себе и крепко обнял.

Наташа рассмеялась.

— Нравится, очень, не хочу другое! — она обняла его в ответ с такой же силой. — Не обращай внимания, — Ната вытерла слезы о его футболку. Это от счастья, — посмотрев на него с лукавым огоньком в глазах, Наташа протянула руку, забрав из кулака Святослава его кольцо, и осторожно надела то на его палец.

А потом, с безумно довольным видом, любовалась, вертя руку Славы то в одну сторону, то в другую.

— Я так люблю тебя, — хрипло признала она, наконец, обхватив его щеки ладонями. — И, знаешь, у меня тоже есть подарок для тебя...

Слава послушно посмотрел на нее, не понимая, о чем жена говорит.

Но в этот момент в дверь опять постучали.

— Через десять минут мы вас забираем на наркоз, — сообщил Владислав Олегович, остановившись в коридоре.

— Хорошо, — Слава кивнул, почувствовав, как возвращаются прежние опасения, которые как-то отошли на задний план за последние полчаса.

Но в этот момент Ната, будто почувствовав его сомнения, крепче сжала руку Славы.

Кивнув, врач ушел.

А Слава глубоко вздохнул и потер лицо свободной ладонью.

— Черт! Лучше бы он не предупреждал, — с растерянной усмешкой пробормотал Святослав. — Чем теперь десять минут сидеть, как на иголках, — Слава взъерошил волосы и посмотрел на Натю, словно извиняясь за то, что ей достался такой трусливый муж.

Она как-то странно улыбнулась и, наклонившись, легко поцеловала Славу в губы.

— Все будет хорошо, я обещаю, — с усмешкой прошептала его жена. — А волноваться — это нормально, Слава. Ты не был бы человеком, если бы не испытывал страха.

— Знаешь, твоя бабушка сказала так же, — хмыкнув, пробормотал он и, обхватив ладонью затылок Наты, задержал ее голову, продлевая поцелуй. — Что все будет хорошо.

— Ей можно верить, — хихикнула Ната, мягко отстранившись через минуту. — Как и мне, — она подмигнула мужу.

— Я очень стараюсь верить, — честно признался Слава. — Но, черт! Это не самое простое дело...

— А ты отвлекись, — все с той же непонятной улыбкой, предложила Наташа и, потянувшись к тумбочке, взяла со стопки бумаг, которые туда положила, верхний листок.

Выпрямившись, его жена положила тот ему на ладонь.

Слава недоуменно посмотрел на фотографию, которой оказалась бумажка. Или..., во всяком случае, такое сравнение показалось ему наиболее удачным.

Непонимающе посмотрев на странное смешение черных, белых и серых оттенков, он перевел глаза на Нату и виновато пожал плечами. Даже покрутил снимок, сомневаясь, что правильно держит.

— Хорошо, я отвлекся, — признал он. — Только... что это?

Наташа засмеялась.

— Правильнее сказать — кто? — все еще хихикая, Ната мягко и осторожно перевернула фото в его ладони в то же положение, в котором подала ему изначально. — Врач сказал, что говорить с уверенностью пока рано, но он считает, что девочка, — она чуть снисходительно покачала головой с усмешкой, которую Слава не понял. Как, в общем-то, и всего этого предложения. — Пытался мне какие-то признаки показать, странный. Я же знаю, что это — мальчик, сто процентов, — Наташа еще шире улыбнулась, и осторожно провела кончиком пальца по фото.

Слава моргнул. Прочистил горло. И задумался, а не сказалось ли напряжение перед операцией на них обоих?

— Ната, солнышко, — очень осторожно решил уточнить он. — Какой мальчик? Где? — Слава еще раз посмотрел на карточку в своих руках, убеждаясь, что там невозможно различить ничего, кроме непонятных разводов.

Наташа рассмеялась.

— Слав, ну это же УЗИ, а не фото с детализацией изображения, — прижавшись к его плечу, она ткнула пальцем в точку на бумажке. — Вот, смотри, где-то тут, должна быть голова, — она с усмешкой перевела взгляд на него. — Хотя, я точно не уверена, — призналась Наташа, — может это и пятка. Сказали, что через месяц будет лучше видно, а сейчас только сам факт можно подтвердить...

Святослав застыл, ошеломленно глядя на свою жену.

До него, только сейчас начало доходить, что именно она говорила. Его потрясенный взгляд метнулся к фото, и лишь теперь Слава заметил небольшую надпись в верхнем левом углу с их фамилией, инициалами Наты и диагнозом: одноплодная внутриматочная беременность.

Под этой надписью шли еще какие-то цифры, но он уже не мог вчитаться, в глазах двоилось.

— Ната? — как-то тихо и неуверенно переспросил он. — Это..., - он с трудом протолкнул комок в горле. — Ты...

— Да, Слава, — Наташа рассмеялась, но с таким счастьем, что у него сердце зачастило гораздо сильнее положенного перед операцией. — Это наш с тобой ребенок, — прижавшись щекой к его щеке, — прошептала она, рассматривая вместе с ним УЗИ, от которого Слава теперь уже не мог оторвать глаза. — Лестница нам не сошла с рук, — лукаво хихикнув, Наташа поцеловала его в скулу.

Он не мог пока ответить словами.

Осторожно отложив карточку с УЗИ в сторону, Слава обхватил Наташу обеими руками и, притянув к себе, впился, именно впился в ее губы поцелуем, который сказал больше, чем все слова.

Святослав приподнял жену, усаживая ее к себе на колени. И целовал, нежно и страстно, с благодарностью и трепетом, восхищаясь тем чудом, которым она стала в его жизни.

Они потерялись.

Забыли о том, что находятся в больнице и до операции осталось совсем мало.

— Я люблю тебя, — он целовал Наташу и говорил одновременно, не в силах оторваться. — Безумно люблю, солнце, — прошептал Слава и, погладив влажную от слез щеку Наты, порадовался тому, что сдержал слово. Теперь, все ее слезы были только от счастья.

Он надеялся, что так будет и дальше.

Слава опять прижался к ее губам, выпивая ответное признание в любви.

И понял, что даже, если Ната и ее бабушка ошибутся, они все равно справятся.

А вот это чудо, — Слава нежно накрыл ладонью живот Наташи под кофтой, — то, что у них с Натой будет ребенок...

Он просто не мог пока не то, что рассказать, а и осознать все, что переполняло его в этот момент...

— Кгхм, — сконфуженное покашливание доктора, заставило их оторваться от губ друг друга. Слава широко улыбнулся, видя через плечо сидящей на его коленях жены, как покраснел и отвернулся Вячеслав Олегович. — Нам пора, Слава, — неловко пробормотал доктор.

— Да, док, — еще раз поцеловав Нату сильным собственническим поцелуем, Слава наклонился к уху жены — У тебя действительно вышло меня отвлечь, — честно признался он. — Я иду, — уже громче сообщил он своему врачу.

Все еще улыбаясь, Наташа сжала его пальцы, так, что металл колец тихо звякнул друг о друга.

— Я буду рядом, Слава, — шепотом пообещала Ната, уверенно глядя в его глаза, даже, когда он уже оборачивался, выходя за доктором, чтобы дойти до палаты, где ему введут наркоз.

Шесть часов спустя

Он был здесь.

Где именно, Слава пока не мог понять. Но не это казалось важным. Святослав попытался открыть глаза, чтобы выяснить, где Наташа.

Почему-то, для того, чтобы поднять веки, ему понадобилось слишком много усилий. Столько, что задача показалась почти невыполнимой.

Ему раз за разом казалось, что вот, еще чуть-чуть, еще немного и он почти уже смог, уже почти открыл глаза и сейчас увидит спокойное лицо спящей рядом жены. Но, каждый раз осознавал, что мозг и тело играют с ним, то и дело, отбрасывая Славу назад в тягучую, как болотная трясина дрему. Это было отвратительное ощущение, как кошмар, из которого невозможно выбраться.

Славе захотелось чертыхнуться.

Однако когда он попытался это сделать, из его рта вырвался только какой-то сиплый хрип, а само горло обожгло, словно огнем.

Какого черта?!

Он никак не мог понять, что с ним? Где он? И почему рядом нет Наташи?!

На какой-то миг, пока Слава боролся со своими неподъемными веками, у него в разуме мелькнула страшная, опустошающая мысль — не могло же все это только присниться ему? Не могла же она быть выдумкой его мозга и...

В этот момент Слава, наконец-то, открыл глаза и несколько раз моргнул, пытаясь свести в одно относительно четкое изображение двоящиеся, расплывающиеся картинки, которые колыхались перед ним.

Он находился где-то, где стены были выложены выщербленным белым кафелем, и что-то противно пищало над ухом. А пол..., пол казался просто мириадами каких-то точек на сером фоне.

Слава с удивлением уставился на него, не понимая ничего.

Он должен был найти Наташу. Не совсем понимал, отчего это настолько важно, но иначе, казалось, нельзя.

Отбросив нелепый страх, что ее могло не существовать, Слава попытался поглубже вдохнуть и перевернуться на спину.

Тело не слушалось его, совершенно.

Ни один мускул не желал повиноваться, рождая страх и непонятную, непривычную, разрушающую беспомощность.

Из горла Славы опять вырвался хрип, никак не желающий оформиться в ругательство.

И в этот момент, что-то теплое и мягкое нежно коснулось его лба, принося облегчение. Перед глазами мелькнула размытая фигура жены, а потом, словно Ната опустилась на что-то, на

уровне его лица появилось нечеткое светлое пятно. Он до рези напряг зрение, только чтобы увидеть Наташу четче.

— Не надо, не двигайся, Слава. Все хорошо, — голос Наты звучал едва различимо, она говорила шепотом, но он, все равно, с наслаждением впитывал каждый звук.

Она существовала, черт возьми.

И находилась рядом с ним.

Пусть почти и не мог, а все равно, Слава постарался немного подтянуть голову, чтобы оказаться еще ближе к ней.

Да что же с ним?

Но, несмотря на все желание выяснить, он не мог спросить. При каждой попытке произнести хоть слово, горло резало, будто осколками стекла. Святослав опять закрыл глаза и выдохнул.

Неожиданно он ощутил, как ему в губы ткнулось что-то холодное и мокрое.

— Врач сказал дать тебе кусочек льда, когда действие наркоза закончится, — продолжая негромко говорить и нежно поглаживать пряди волос на его голове, объяснила Ната.

Он лизнул лед, понимая, что во рту, в самом деле, все пересохло.

Врач. Операция.

Святослав вдруг осознал, вспомнил, как выходил из своей палаты, и как его укладывали на кушетку, вводя в вену какое-то лекарство. А потом... потом он не помнил ничего. Только, как ему казалось, голос Наташи, что-то тихо и нежно рассказывающий. Он не мог вспомнить слова, но почему-то, уже почти не сомневался, что действительно, видел ее во время сна, который видел на протяжении операции.

— Не шевелись, Слава, — он ощутил прикосновение ее губ к своему лицу. — Хирург просил, чтобы ты не пытался двигаться в первое время, помнишь?

Он не помнил.

Но учел. И постарался заставить свой мозг хоть как-то заработать.

Если сейчас он очнулся после операции, тогда ясно, отчего Слава лежит лицом в подушку и разглядывает плитку пола. На спине должен был быть свежий шов. А это, очевидно, палата реанимации...

«Господи!», если бы Святослав мог, он бы подскочил на месте, «что Ната тут делает?!»

Врачи категорически отказались пускать ее в реанимацию, это он помнил. Сказали, что будут сообщать ей о состоянии здоровья мужа, но находиться с ним разрешат только, когда переведут в обычную палату.

И все-таки, она находилась здесь.

Словно бы для того, чтобы еще раз проверить, Слава опять заставил себя поднять веки и скосил глаза.

Наташа сидела возле самой кровати на какой-то шаткой, круглой табуретке и гладила его по голове, периодически наклоняясь и целуя лоб Святослава. А ее глаза... может, конечно, он еще плохо видел, но Славе показалось, что Ната выглядит очень уставшей и напряженной.

«А ведь ей надо отдыхать!», вдруг вспомнил он об их последнем разговоре и... ребенке.

— Что... ты... тут...? — после того, как Слава рассосал лед, вложенный женой в его губы, говорить стало немного легче. Но все равно, эти три слова показались ему титанической нагрузкой. Опять вернулось ощущение битого стекла в горле.

Однако Наташа поняла его вопрос.

Усмехнувшись, она наклонилась, прижавшись губами к его рту, и тихо вздохнула.

— Нас оказалось гораздо больше, чем врачей. Тех, кто желал лично убедиться в том, что с тобой все нормально, — пояснила его жена с усмешкой. — Я готова была ждать в коридоре, но наши с тобой матери, — он издал какой-то странный звук, удивляясь ее формулировке. — Да, — Ната опять поцеловала его. — Твои родители тоже тут, не думал же ты, что они послушаются, и не приедут, когда тебя оперируют? — тихо поддела Ната его.

Слава только вздохнул.

— Так вот, наши матери заявили, что или врачи пускают к тебе хотя бы меня, или они все так и останутся сидеть под дверью реанимации. А это, восемь человек, между прочим, — в голосе Наташи слышался смех. — У врачей не было шансов.

Святослав попытался улыбнуться, но подозревал, что у него вышла какая-то гримаса.

— Знаешь, наши мамы быстро нашли общий язык, — продолжала тихо говорить Ната, так и прижимаясь к его щеке. — Хоть и познакомились только утром.

Он не знал, хорошо ли это, но и плохого не видел ничего. А потому, просто сделал еще один вдох, наслаждаясь тем, что дышит ароматом Наташи.

— Тебе... надо... спать, — Святослав заставил работать непослушное и строптивое горло.

— Ничего, — Ната потерлась носом о его щеку. — Еще выплыву. Лучше я с тобой посижу. Вдруг тебе еще льда захочется, или что-то еще будет нужно, — ему нравилось ощущать ее слова, оттого, что губы Наташи щекотали его кожу. — Только, Александр Николаевич сказал, что и лед можно не раньше, чем раз в час.

Слава не видел проблемы в том, чтобы потерпеть. А вот в ее пренебрежении собственным сном — проблема имелаась.

— Ната... медсестры, — он почти злился оттого, что не мог нормально говорить. — Спи...

Она усмехнулась. Но, Святослав вдруг почувствовал влагу на своей щеке и растеряно понял, что это Наташины слезы.

— Дудки, — прошептала его жена любимое слово своего брата. — Чтоб я позволила каким-то другим женщинам ухаживать за своим мужем? Не дождешься. Будешь меня терпеть, — она легко стукнула его по носу.

Он хмыкнул, безумно желая иметь возможность сказать, что это единственное, чего он

действительно хочет. Даже сейчас — быть все время рядом с ней.

Однако Наташа, кажется, не нуждалась в уточнении. А потому, просто продолжила рассказывать то, на чем он ее прервал.

— Слав, — она облизнула губы, — когда станет больно, говори сразу. Не надо терпеть. Хирург сказал, что боль будет очень сильной.

Святослав только криво улыбнулся.

Или, во всяком случае, попытался сделать что-то в этом духе.

Ему все сложнее становилось удерживать мозг в рабочем состоянии. Несмотря на то, что он несколько часов провалялся без сознания, на Славу наваливалась тяжелая, подавляющая усталость. И он не мог уже с этим бороться.

Наверное, увидев его состояние, Наташа тихо прошептала «спи», продолжая едва ощутимо перебирать пальцами пряди его волос.

Он послушался, перестав сопротивляться.

И только когда уже почти погрузился в сон, вспомнил, что так и не спросил о результате... Но уже не смог преодолеть слабость.

В следующий раз Святослав проснулся только на следующее утро. Точнее ему казалось, что он несколько раз приходил в себя в течение ночи. Но воспоминания об этом были смутными. Только образ Наташи, которая опять просила его не шевелиться. И еще два кусочка льда, что жена проталкивала между его губами, а он, это Слава точно помнил, целовал ее пальцы, потому что больше ни до чего дотянуться не мог.

В этот раз пробуждение оказалось менее приятным.

Он чувствовал боль. Спина ныла, каждую мышцу, словно растягивало в противоположные стороны. А ноги болели так, будто их все еще резали и при том, по живому.

Но Слава не собирался расстраиваться. Он надеялся, что боль — хороший признак. Если бы развился паралич, он бы не чувствовал ничего.

Наташи в палате не было. Или же он просто не видел ее.

Но, несмотря на дикое желание увидеть жену, Святослав обрадовался, надеясь, что она взялась за ум и наконец-то решила отдохнуть.

А потому, он просто лежал и считал эти дурацкие разноцветные точки в граните пола. После тысячи тридцати двух, он перешел на счет щербинок в кафеле стен.

Через какое-то время, узнать которое возможности Слава не имел, пришел Александр Николаевич. Хирург долго что-то читал в его карточке в полной тишине, мерил давление Славы, мучил его, якобы необходимыми тестами.

Хотя, Святослав начал подозревать, что хирургу просто нравится колоть беспомощных и неподвижных людей острой иглой в ноги и пальцы, усиливая их мучения.

Наконец, закончив эти все манипуляции, врач сообщил, что операция оказалась сложнее, чем они думали, и Святославу придется провести гораздо больше времени в больнице. А потом, вероятно, еще месяц, может два, ходить с помощью костылей.

Хирург говорил еще что-то, но Слава больше не уловил ничего. Облегчение, которое он испытал при слове «ходить», перекрыло все остальные эмоции. А потому, Святослав только изо всех своих, мизерных, в общем-то, на данный момент сил, сжал пальцы жены, которая тихонько подошла к его кровати во время осмотра доктора. И Наташа ответила ему таким же пожатием, показывая, что рядом.

Следующие три недели Слава с Натой провели в больнице.

Наташа, посмеиваясь, называла это их «медовым месяцем», заявляя, что и в этом они отличились от традиций.

И полностью отметала все заверения Святослава, что он подарит ей любой отдых, какой она только потом пожелает.

— Это не важно, Слав, — с улыбкой отвечала его жена на каждое такое предложение. — Суть медового месяца в том, чтобы все свое время проводить вместе, а разве не именно это мы и делаем? — лукаво подмигивала ему Ната.

Он не мог не согласиться. Они действительно проводили все время вместе, и это до чертиков нравилось Славе.

Наташа была с ним во время процедур и перевязок, ходила на занятия по лечебной гимнастике, когда Святославу разрешили ту посещать.

Когда, через три дня после операции, его перевели из реанимации, она попросила Дениса привезти ее электронную книгу. И поскольку, делать сам Слава все равно почти ничего не мог, только лежал на животе, чтобы дать возможность хоть немного затянуться ране, Наташа начала читать ему вслух.

Телевизор, как они выяснили, просто напросто раздражал Святослава.

Они читали Булгакова и Достоевского, а потом, когда Слава вдруг испугался, что беременной женщине не стоит слушать про сумасшедших маньяков-студентов и ведьм, переключились на детективы, начав с Рекса Стаута. И развлекались тем, что делали шуточные ставки, в попытке угадать, кто же оказывался главным злодеем раньше литературного детектива.

Потом, когда ему разрешили хоть как-то двигаться и даже относительно «сидеть» в кровати, Слава потребовал, чтобы чтение подели на равные части по времени. И часто наслаждался тем, как Ната, все еще постоянно сонная, засыпала во время его «смены».

Славе нравилось смотреть на нее спящую, нравилось то, как она хмурит брови, или как что-то неразборчиво шепчет губами, переживая свой сон. Пусть пока это было единственным, что они могли себе позволить, он получал удовольствие и от такой малости. Как и от каждого поцелуя или осторожного объятия, которыми щедро одаривала его жена.

А еще, Святослав с удивлением обнаружил, что теперь он, всегда стремящийся отстраниться от компаний и общения, оказался в самом центре чего-то, довольно большого. И ему пока сложно было определить, как же он относится к своему новому статусу.

К ним каждый день кто-то приходил. Родственники, друзья, знакомые — не было ни единого дня, чтобы кто-то из них, а то и они все вместе, не проводывали Славу.

Святослав даже умудрился подружиться с сыном Лены и Алексея, переоценив свое отношение к детям. Теперь, зная о том, что сам вот-вот станет отцом, Слава пытался понять, что же движет поступками этих «маленьких человечков», чем до слез смешил Нату. Она просто советовала мужу пустить все на самотек и довериться врожденному родительскому инстинкту.

Когда же наплыв гостей спадал, а читать не хотелось, они делились друг с другом своими планами и мечтами, которые имели раньше. И пытались составить из них один, общий для их семьи набросок «плана» на будущее.

Славу выписали через двадцать три дня, настоятельно порекомендовав еще месяц передвигаться с помощью костылей. А после, явиться на консультацию, для дальнейшей корректировки лечения.

Александр Николаевич, хирург, который его лечил, заключил, что операцию можно назвать успешной.

И пусть в будущем Святославу, как и многим другим людям, страдающим ДЦП, вероятно предстояло пройти еще не через одну подобную процедуру, чтобы иметь возможность ходить самостоятельно, сейчас он с гораздо большей верой смотрел на свою грядущую жизнь.

Впервые за месяц, засыпая в собственной кровати, наконец-то крепко прижав к себе уже спящую жену, Слава понял, что сможет пройти через что угодно, пока она с ним.

Эпилог

7 июня, дом Святослава и Наташи

Автоматические двери гаража медленно опускались к бетонному полу, нарушая сонную тишину жаркого летнего полдня негромким урчащим звуком.

Славе не хотелось ждать, пока гараж полностью закроется.

Распахнув дверь «ниссана», он взял костыли, лежащие на соседнем кресле, и аккуратно прислонил их к боку стоящего рядом внедорожника.

Ему до сих пор приходилось ими пользоваться, хотя уже минуло почти два месяца после выписки.

Иногда Слава мухлевал и, приезжая в офис, ходил без этих «палок», но потом, буквально через пять-десять минут, он вспоминал о том, как волновалась его жена, каждый день прося Святослава потерпеть еще немного, чтобы его организм полностью восстановился. И Слава со смиренным вздохом возвращался в кабинет, беря костыли, чтобы разгрузить спину.

Не то, чтобы Ната так уж часто отпускала его на работу. Но, все-таки, он уже начал понемногу выбираться из дома, где вел все дела последний месяц.

Поставив обе ноги на пол, Слава крепко ухватился за каркас двери и одним рывком поднялся с сидения.

Подошел к задней двери машины и, распахнув ее, взял с сиденья небольшую термосумку и дипломат со своими документами. Опершись на костыли, Слава пошел к двери в дом, размышляя над тем, что теперь, вполне вероятно, они могут завести собаку.

Не сейчас, конечно, но когда их ребенок родится и немного подрастет, то наверняка порадуется щенку. Мальчики ведь любят играть с собаками?

Славе помнилось, что ему самому очень хотелось в детстве иметь щенка.

Он ни капли не сомневался в том, что у них с Наташей родится сын, пусть они еще и не ходили на повторное УЗИ. Больше, чем кому-либо в целом мире, Святослав верил своей жене. Тем более, в вопросе о поле ребенка, которого она носила.

На первом этаже, впрочем, как и во всем доме, было тихо.

Но Слава знал, где искать свое солнце.

Бросив дипломат и ключи на комод, он пошел на кухню и, распахнув дверь на террасу, вышел во внутренний двор, любуясь открывшимся видом.

Старый клен, ветви которого закрывали большую часть двора тенью, тихо шумел листьями под летним ветром. В этой тени, на широкой качели, посреди подушек лежала Наташа, внимательно читая какую-то книгу, ее губы были поджаты, а брови сердито хмурились. Очевидно, действия выдуманных героев не радовали его жену.

Слава усмехнулся и пошел к ней, стараясь надежно упереть резиновые набалдашники концов костылей в плитку широких ступеней. Он не собирался больше падать, однозначно.

Она заметила его почти сразу.

Отложив книгу, Наташа с улыбкой соскочила со своего ложа и бросилась к мужу, повиснув у него на шее.

— Ната, — усмехнулся Слава, когда, наконец-то, смог найти силы, чтобы прервать поцелуй, — ты обещала, что будешь более осторожной. А не прыгать, как егоза, — он ласково обхватил ладонью ее щеку. — С твоим-то чувством равновесия...

Наташа улыбнулась, признавая свою вину.

— Хорошо, я постараюсь, Слав, — прижавшись еще крепче к его телу, Наташа довольно вздохнула.

А он, поставив сумку и облокотив костыли на опору качелей, обнял жену в ответ, накрыв ладонью ее живот, который уже начал округляться.

— Я привез твой коктейль, — с удовольствием зарывшись носом в короткие пряди жены, усмехнулся Святослав. — Сергей спрашивал, питаешься ли ты еще чем-то, кроме молочных коктейлей? — он лукаво подмигнул Нате, которая, уже успев присесть на корточки, снимала с него туфли и носки. Слава пока еще не мог нормально наклоняться.

— Наверное, это потому, что я утром, пока с поставщиками договаривалась и принимала продукты — пять порций выпила, — рассмеялась Наташа и, довольно осмотрев его, уже босые ступни, которые Слава с удовольствием погрузил в траву, аккуратно поднялась. — И что ты

ответил Сереже? — уточнила она, потянув мужа к качели.

— Что коктейли занимают в твоём рационе почетное второе место после бифштексов и мяса в любом виде, — сдерживая смех, Слава сел на качели, откинувшись на подушки, и усадил жену в свои объятия, с удовольствием наблюдая, с каким выражением блаженства на лице, она пьет коктейль через трубочку.

Он подозревал, что ей понравится, потому и попросил Сергея сделать два, так, на всякий случай.

Так и обнимая Наташу, Слава посмотрел на участок двора, незатененный кленом. Там, на квадратном кусочке земли уже взошли те самые декоративные подсолнухи, которые так любила его жена. И, если верить флористам, которых он нанял, чтобы создать эту клумбу, запретив Наташе «даже думать о копании в грязи в ее положении», скоро цветы должны были распуститься.

Впрочем, даже сейчас, их двор казался ему прекрасным.

Удивленный возглас Наты, только сейчас обнаружившей, что ее ждет еще одна «порция молочного счастья», вызвал довольную усмешку у Славы на губах. Притянув ее ближе к себе, Святослав поцеловал макушку Наташи, и полностью довольный жизнью, откинулся на подушку, снимая напряжение со спины.

Тихий теплый ветер шевелил листья клена над его головой. Через их резные края пробивались рассеянные лучики июньского солнца. Где-то, совсем рядом, почти у него около уха, застрекотал кузнечик.

Слава закрыл глаза, ощущая себя безгранично счастливым, и нежно погладил лицо Наты, которая улеглась ему на грудь.

— Ну что, чья сейчас очередь? — немного лениво уточнил он, с удивлением поняв, что вот-вот провалится в дрему.

— Похоже, моя, — со смешком Наташа провела пальцем по его скуле, не пропустив, очевидно, того, что Слава вымотался даже за неполный день в офисе. — Может, мне потренироваться, и вместо фантастики почитать тебе сказку на ночь? — лукаво поддела Ната мужа.

Он улыбнулся, но поленился открывать глаза. Только пожал плечами.

«Какая разница, что именно слушать, если читать будет Наташа?», подумал Слава, ни капли не сомневаясь, что у его солнца и без практики все выйдет просто замечательно.

Недаром же ее историями заслушивались не только дети, которым теперь выделили день субботы в кафе, но и взрослые люди, готовые верить в любую историю, если ее рассказывала хозяйка Кофейни.

И Слава мог их понять. Потому что их с ней жизнь, была одной из таких сказок, которые заставляют верить — даже в реальной жизни существуют звезды, исполняющие желания.